

Ахмед Исламмагомедов

АВАРЦЫ

Ахмед Исламмагомедов

АВАРЦЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
XVIII–НАЧ. XX в.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 2002

Ответственный редактор

Доктор исторических наук М.О. Османов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человека интересует свое происхождение, свои корни, прошлое предков, история своего селения и народа, их обычаи и традиции, устное творчество и идеологические представления, чем они жили и как жили.

На эти вопросы должны быть даны научно-обоснованные ответы. И этнографическая наука, задачей которой является изучение и описание быта и культуры народов, призвана ответить на вопросы, ставшие особо актуальными в последнее время – время смены общественно-экономических отношений, демократизации и повышения духовных потребностей и самоуважения, обострения идеологической обстановки. И соответственно, резко повысился интерес историков, этнографов, любителей к изучению и описанию отдельных народов, этнографических и этнических групп, селений. Появились книги, написанные как учеными, так и любителями, на русском и на родных языках. В основном они посвящены отдельным селениям, рассказывают о легендах и фактах их образования, исторических событиях и преданиях, о людях и их обычаях. Однако исследования, посвященного историко-этнографическому изучению аварцев в целом – одного из народов Дагестана еще нет. В дореволюционной кавказоведческой и советской литературе имеются публикации, рассказывающие об отдельных сторонах жизни аварцев. Интерес к истории и политической жизни Дагестана, в том числе и Аварии, значительно возрос в XIX веке, особенно начиная со второй его четверти. Этот интерес был вызван, наряду с другими обстоятельствами, многолетней героической борьбой народов Дагестана за свою свободу и независимость против колониальной политики самодержавия. Большая часть этих отрывочных сведений об аварцах, об отдельных сторонах их культуры и быта

характеризуется субъективизмом, нигилистическим подходом, а иногда и намеренным искажением действительности. В связи с этим публикации того периода требуют соответствующего осмысления, аналитического подхода и критических поправок. Анализ этих работ производится по ходу рассмотрения материала в главах, здесь ограничимся указанием фамилий их авторов.

Из дореволюционных публикаций следует отметить работы Н. Абельдяева, Д.Н. Анучина, А.П. Берже, С.М. Броневского, Н.В. Воронова, К.Ф. Гана, Н.Ф. Дубровина, М.М. Ковалевского, Е.И. Козубского, А.В. Комарова, И.С. Костемеровского, Н. Львова, Е. Маркова, А.А. Неверовского, П.Г. Пржецлавского, А.К. Сержпутовского, Н.М. Трипольского.

Достаточно содержательные материалы по истории и этнографии аварцев содержатся в работах и статьях историков, этнографов, фольклористов советского периода: Г.Ф. Чурсина, Г.Я. Мовчана, Е.М. Шиллинга, В.В. Докучаева, Н.И. Вавилова, А.Н. Генко, А.С. Башкирова, Л.И. Лаврова, З.А. Никольской, Г.А. Сергеевой, Э.В. Кильчевской, С.Ш. Гаджиевой, Р.М. Магомедова, Х-М.О. Хашаева, М.М. Ихилова, Д.М. Атаева, В.Г. Котовича, П.М. Дебирова, М.О. Османова, Г.Ш. Каймаразова, А.Р. Шихсаидова, С.С. Агашириновой, М.Г. Гаджиева, Х.А. Амирханова, А.А. Ахлакова, М.А. Агларова, А.Г. Булатовой, С.Х. Асиятилова, М.Р. Халидовой.

Эти материалы и сведения разбросаны по разным работам, большинство исследований посвящено отдельным элементам культуры и быта, они нередко имеют фрагментарный характер. Наиболее изученными на сегодня являются хозяйство и материальная культура аварцев XIX–нач. XX в., по которым были изданы специальные монографии*. Однако с тех пор прошло более трех десятилетий, за это время значительно выросли, изменились теория и методология этнографической науки, в связи с интенсивным развитием их разнообразными стали подходы и взгляды к предмету и объекту исследований. Более того, благодаря перестроечным процессам, историки и этнографы получили возможность более свободно и всесторонне излагать культурно-бытовые традиции прошлого, они освободились от идеологического давления и соответствующих установок сверху. Известно также, что «плюрализм идей, мнений, суждений, свобода высказываний,

дискуссий стали нормой в исторических исследованиях. Они дали импульс развитию исторической науки и обществоведению в целом, разработке проблем региональных историй народов»^{1*}.

В связи со всем этим возникает необходимость внести значительные уточнения и дополнения во многие аспекты культуры и быта в рассмотренных историко-этнографических исследованиях, в том числе и в указанных выше монографических работах, посвященных хозяйству и материальной культуре, а также по новому осмыслить и интерпретировать отдельные факты, институты, явления. Более того, представляется непростительным упущением и то, что все остальные сферы традиционной культуры и быта аварцев оставались до настоящего времени не затронутыми исследованиями – специально не изученными.

За последние годы сотрудниками отдела этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН М.А. Агларовым, Б.М. Алимовой, С.А. Лугуевым, М.К. Мусаевой, М.Ш. Ризахановой опубликованы и подготовлены к изданию работы по родственным андоцезским народам. В данной работе говорится о собственно аварцах – дагестанских магларулал в XVIII – начале XX в. – до установления Советской власти в Дагестане.

Аварцы, как и другие народы Дагестана, в ходе многовековой своей истории создавали из поколения в поколение, совершенствовали свою культуру и бытовые традиции. Многие исследователи, в том числе и упомянутые выше, отмечали, что аварцы являются творцами богатой материальной и духовной культуры. Однако ценнейшие пласты их культуры, особенно духовной, науке еще мало известны.

Необходимость неотложного историко-этнографического исследования аварцев и издания работы вызвана еще и тем, что многие элементы их традиционной культуры и быта бесследно исчезают под влиянием особенностей новых форм и современного общественного развития. Работа представляет собой том из серии «Народы и этнические группы Дагестана», разрабатываемой отделом этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН.

Слово «историко» в подзаголовке названия работы – историко-этнографическое исследование – означает, что все компоненты культуры и быта, этнографические явления рассматриваются в свете их становления и развития, динамике, с соблюдением принципов науч-

ного историзма. Поэтому история народа показана, освещена в виде лишь краткого очерка, в рамках необходимых для раскрытия основной темы. Если рассматривать историю аварского народа более или менее полно, необходимо будет написать не одну книгу.

Основным источником для написания книги послужил полевой этнографический материал, который был собран почти во всех аварских селениях в течение более сорока лет с помощью местных жителей – знатоков истории, культуры, творчества, обычаев своего аула, своего общества, без информации которых работа эта не состоялась бы и которым я выражаю искреннюю благодарность.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

* Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; *Асиятилов С.Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев. Махачкала, 1967.

** *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана (с древнейших времен до конца XV века). Махачкала, 1996. С. 3.

Глава 1. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Аварцы (самоназвание магIарулал) – самая крупная по численности народность Дагестана. По всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года (первая официальная перепись населения Дагестана), в которой учитывалась национальность малых народов, аварцев было 116,8 тыс. человек, а в 1926 году – 177,3 тыс., в том числе родственных народов 38,4 тыс. человек (21% от общего числа аварцев). По данным переписи населения 1989 г. на территории бывшего СССР проживало 601 тыс. аварцев, а в Дагестане – 496,1 тыс. На 1.01.2000 г. на территории Дагестана насчитывалось, включая родственные андо-цезские народы и арчинцев, 612,6 тыс. аварцев, что составляет 28,6% от общей численности населения Дагестана. За сто лет аварское население увеличилось примерно в пять раз.

Малые народы: андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы (хъванал, капучины), ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, гунзибцы (гъунзалы), каратинцы, тиндалы, цезы (дидойцы), хваршины, чамалалы и аварцы, живущие за пределами Дагестана (джаро-белоканские), многие сотни лет развивались во взаимосвязи с собственно аварцами, и этнографический материал показывает преобладание общности в их быте и культуре и меньшую выраженность этнического своеобразия. Они обладают общеаварским самосознанием и национальность свою указывают «аварцы».

В 1940–60-е гг. часть населения из высокогорных районов, малоземельных селений (около 100 тыс. человек) переселились на равнину – в Кизилюртовский, Хасавюртовский, Кизлярский районы. Аварцы также живут в селении Кусур Рутульского района, в Северном Азербайджане (45 тыс. человек компактно в Закавальском и Белоканском

районах), в Кварельском районе Грузии (4,2 тыс. человек). В начале 2000 гг. 42% аварцев жили в городах.

Дагестан расположен на северо-восточных склонах Большого Кавказа и по природным условиям является самой неблагоприятной частью его. В то время как Кавказские горы на западе отличаются обилием осадков, мягким рельефом, богатством растительности и широкими долинами и ровными полями, то восточная часть их представляет (составляет) громадные вертикальные выступы и обнажения, скудные растительностью гребни и склоны известковых гор, полупустынные равнины, труднодоступные скалистые хребты и горы. Вместе с тем, степень использования человеком природных данных, имеющихся условий в Дагестане чрезвычайно высокая, были найдены самые оптимальные формы хозяйствования, реализации возможностей.

Авария. Такого понятия с четкими границами, точным содержанием нет. В литературе, особенно художественной, встречаются термины «Авария», «Аваристан», имея в виду горы, местность, где живут родные, близкие автора. По логике Авария – это территория, на которой проживают аварцы, включая все малые народы андо-цезской группы и джарцев. Тогда в это понятие сегодня нужно включить и Кизилюртовский район, части Хасавюртовского, Кизлярского, Закавказского и Белоканского районов (южный склон Главного Кавказского хребта). Чтобы избежать многих вопросов, мы называем Аварией территорию традиционного проживания народа (до переселения на равнину). Это бассейны трех рек – Аварского, Андийского и Кара-Койсу (16130 км²): восточная граница шла от Главного Кавказского хребта, с горы Гутон, по хребту Шалиб – восточному склону Турчидага – Левашинскому нагорью – западному склону Кызылярского хребта – до предгорья (селение Верх. Дженгутай); с запада: от Главного Кавказского хребта, с горы Диклосмта, по Снеговому хребту – Андийскому хребту – западному склону хребта Салатау – реке Акташ до равнины (селение Гелбах – Верх. Чирюрт); с юга – по Главному Кавказскому хребту; с севера – до кумыкской равнины.

В физико-географическом отношении Авария¹ представляла собой территорию с многочисленными и разными климатическими зонами, с сильно пересеченным ландшафтом. В природном отношении

Аварию можно разделить на три зоны с подзонами, в соответствии с экологией которых развивалось хозяйство каждой из них, следовательно, складывались особенности культуры и быта, образ жизни в целом.

Территория, занимаемая аварцами, была заселена человеком с эпохи каменного века – мезолита (15–8 тыс. до н. э.), к этому времени относятся нижние слои Чохского поселения, Козьма нохо, наскальные изображения Чуял хвараб нохо, Чинна – хитта. Важнейшим достижением человека было изобретение лука и стрел, позволившее добиться успеха в индивидуальной охоте на мелких животных. На наскальных рисунках изображены лук со стрелой, безоаровые козлы, муфлонообразные бараны, зубры (предположительно), солярные знаки, охотничья тематика.

Следующая эпоха – неолит (VII–VI тыс. до н. э.) характеризуется появлением постоянных каменных жилищ, свидетельствующих о возникновении прочной оседлости, земледельческих орудий – жатвенных ножей с каменной или костяной рукоятью, зернотерок, каменных мотыжек. Обнаружены зерна окультуренных злаков (пшеницы, ячменя), кости одомашненных животных (овец, коз). Таким образом, население в VI тыс. до н. э. перешло от присваивающего хозяйства, основанного на собирательстве и охоте, к земледелию и скотоводству. Неолитический этап развития культуры представлен материалами верхнего слоя Чохского поселения².

Дальнейшее развитие культуры отмечено появлением первых металлических орудий, с их распространением началась новая эпоха в истории человека. Памятники эпохи энеолита (V–IV тысячелетия до н. э.) найдены в Шамильском, Гунибском, Хунзахском районах. Хозяйство населения основывалось на земледелии и скотоводстве, появляется кухонная утварь и предметы быта, характерные для первобытного общества с замкнутым натуральным хозяйством. Земледельческо-скотоводческие племена жили в каменных домах и полужемлянках круглого плана. Археологический материал эпохи энеолита показывает, что Горный Дагестан был частью обширной территории Евразии, где была распространена культура ранних земледельческо-скотоводческих племен с соответствующим языковым обеспечением. По данным сравнительно-исторического языкознания племена куро-

аракской культуры, около 5 тысяч лет назад, говорили на хуррито-урартском языке³.

При общем единстве в своей основе куро-аракская культура имела территориальные особенности и один из таких локальных вариантов составляет Дагестан⁴, и единообразие культуры, определяемое по данным археологии и палеоантропологии, говорит об этнической и языковой общности ее носителей. Племена говорили на диалектах северо-восточнокавказского языка (пранахско-дагестанских языках)⁵.

Эпоха бронзы (III–I тыс. до н. э.) на территории аварцев представлена большим количеством памятников (Хунзахский, Гунибский, Гумбетовский, Шамильский, Чародинский районы), которые свидетельствуют о преемственности культуры, непрерывности этногенетического развития, интенсивности демографических процессов, освоении новых территорий, и переходе к пашенному земледелию, появлению разнохарактерных по расположению поселений, хорошо защищенных естественными преградами, круглоплановых жилищ с центральным очагом, более высококачественной керамической посуды, бронзовых орудий труда и оружия. В бронзовом веке начался процесс расхождения общенахско-дагестанских языков⁶ и распад северо-восточнокавказского этнокультурного единства на дагестанскую и нахскую ветви, позднее на отдельные этнокультурные общности – племена, которые впоследствии стали основой образования (I тыс. до н.э.) народностей Дагестана.

Вторая половина I тыс. до н.э. была важным этапом в истории населения Дагестана. Появление предметов из железа изменило во многом жизненный уклад людей. С развитием производства железа (сырье было на месте) получили дальнейшее развитие хозяйство, культура, расширились площади пахотных земель, особенно интенсивно шло террасостроительство, в горных долинах стали заниматься садоводством и виноградарством, домашний скот стал по составу более разнообразным, значительное место в хозяйстве занимали ремесла: металлообработка, ювелирное дело, обработка кожи, шерсти, ткачество. Подъем производительных сил повлек за собой изменение общественных отношений, происходит сложение классов, появляются богатые и бедные⁷, приводит к формированию политических обра-

зований, основанных на племенных объединениях. По сообщениям источников, над каждым народом со своим языком имелся свой царь.

Во второй половине I тыс. до н.э. на Восточном Кавказе сложилось государственное образование – Кавказская Албания (III в. до н.э. – IV в. н.э.), по сведениям античных авторов (Страбон, Плиний, Плутарх, Птолемей), в состав которого входило множество племен. Древнегреческий географ Страбон (65 г. до н.э. – 21 г. н.э.) подробно рассказывает об Албании, о занятии населения. Среди племен называет легов, дидуров, андаков. Основой формирования аварской народности предположительно служило племя леги.

О раннесредневековом периоде истории, жизни аварцев и других народов горного Дагестана сведений мало, они фрагментарны и не всегда конкретны, но представить общую картину можно. Население занималось земледелием и скотоводством, усовершенствуются сельскохозяйственные орудия, появляются крупные поселения с оборонительными стенами, цитаделями, наряду с поселениями без цитаделей и каких-либо укреплений, определяются центры производства керамической посуды, металлических изделий, предметов вооружения, украшений, о высоком уровне ремесленного производства населения албанского времени (предков дагестанцев) свидетельствуют восторженные рассказы античных авторов об их военном снаряжении, конских упряжках, разнообразных орудиях труда, ткачестве, производстве стекла, об обработке полудрагоценных камней.

Предкам дагестанских народов в составе Кавказской Албании приходилось бороться против многочисленных завоевателей. Были разные периоды в истории государства: расцвета и упадка, потери политической самостоятельности и усиления влияния на соседние государства, расширения своих владений, и в V в. оно распалось. Образовалось множество самостоятельных государственных образований. Дагестан в составе Албании представлял особую область с большим количеством разноязычных народов, имевших свои политические образования («прежде над жителями каждого отдельного наречия царствовали отдельные басилевсы» – Страбон). После распада государства на территории Дагестана, на основе прежних «царств», возникли новые политические объединения. Крупными и известными

были Серир, Дербент, Табасаран, Лакз, Гумик, Хайдак, Филан, Зирихгеран.

Сериром названо государственное образование, расположенное в Нагорном Дагестане со столицей Тануси (Хунзахский район) на территории, большая часть которой населена современными аварцами. Сериром эту страну называли арабские авторы VII–VIII вв. Происхождение названия не выяснено: его связывают с легендой о золотом троне иранского царя (начало VII в.), будто бы отправленном им в безопасное место – горы Дагестана, впереди себя, чтобы там сесть на него. Но царь был убит. «Сахиб ас-Серир» означает на арабском языке «Владелец трона»; другое объяснение исходит от иранского слова «сер» – «голова, вершина горы» и соответственно «Горная страна». Дагестанские источники (хроники) территорию нагорного Дагестана называли Аварией.

В IX–X вв. Серир (Авария) становится крупнейшим политическим образованием в раннесредневековом Дагестане, сыгравшим важную роль в истории Восточного Кавказа⁸. В него вошли иноязычные народы, границы временами на востоке доходили до Каспийского моря, на западе – до грузинских и аланских земель. Источник X в. (автор неизвестен) сообщает, что Серир – это область с большими богатствами, горная и степная. Жители страны имели высокую земледельческую культуру, развитое скотоводство и ремесленное производство: гончарное, кузнечное, ювелирное, ткацкое. Торговля и торговые обмены получили широкое распространение. По территории Серира проходили торговые пути, связывающие страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой и с Северным Кавказом. Серир в X–XI вв. играл активную роль в политической жизни Кавказа. Правитель его обладал огромной властью внутри государства, авторитетом и влиянием среди других феодальных владетелей. Военно-политический союз Серира с соседними владениями способствовал укреплению торгово-экономических и культурных связей.

В историческом сочинении «Тарих Дагестан» (XIV в.), рассказывающем о событиях на территории Дагестана в X–XIV вв. написано: «Знайте, что Дагестан был прекрасной страной, обширной для его обитателей, сильной (перед) чужим, радующий глаз, обильной богатствами (жителей) из-за их справедливости. В нем (было) много селе-

ний, большое число городов и три области: Авар, Равнина (Сахл) и Зирихгеран... Владыкой (малик) в городе (области) Авар, называемом ат-Танус, – а он сильнейший из городов Дагестана своей мощью, ... был сильный тиран по имени Сурака с титулом нусал (нуцал – А.И.). Этот владыка получал доходы с (зависимых) владык, владений, земель, и ему принадлежали харадж, джизья и ушры с жителей всего Дагестана, от вилайата Чаркас до города Шамах, исключая только местечко Акари⁹, различного рода имуществом – наличными деньгами, зерном, баранами, крупным рогатым скотом, тканями, плодами и другими (продуктами), даже куриными яйцами... Этому владыке подчинялись все жители Дагестана, самые низкие и самые высокие (по положению), волей и неволей, весь народ его, дальний и ближний, – без споров и пререканий¹⁰.

В описываемое время (X–XI вв.) аварцы еще не приняли ислам, и они оставались, как сказано в той же хронике, «неверными». «Жители Дагестана были (раньше) неверными, порочными людьми (из населения) области войны. Они поклонялись идолам, были наделены мужеством и богатством»¹¹.

Исторические события, разыгравшиеся в Дагестане в VII–XI вв. были связаны с внешними и внутренними факторами. С одной стороны, Дагестан стал ареной борьбы разных стран за владение им и установление своего господства, он был важным стратегическим районом на Кавказе, и дагестанцам приходилось вести тяжелую борьбу с завоевателями (иранцами, сельджуками, арабами, монголами), с другой стороны, усилился болезненный процесс формирования политических объединений, шла перестройка политической системы. Вместе с тем народы Дагестана поддерживали связи с соседними народами Закавказья и Северного Кавказа. Естественными были старания ближних и дальних заинтересованных стран установить и закрепить свое влияние на народы Дагестана и привлечь их на свою сторону.

Одним из средств усиления влияния было распространение религии, установление идеологического господства. К этому стремились арабы, начав экспансию в Дагестан в середине VII в., которая продолжалась более 150 лет, армянская церковь, насаждавшая христианство в южном и северном Дагестане, Грузия, развернувшая активную

миссионерскую деятельность в основном на территории, населенной аварцами.

Горцы-язычники, поклоняющиеся духам, огню, небу, солнцу, луне, одухотворяющие природу, с представлениями о реальности потустороннего мира и с культом предков, не хотели принять ни одну из монотеистических религий. Процесс исламизации, также как христианизации, шел неравномерно, трудно, в разных частях края по-разному, не раз, приняв под давлением новую веру, жители того или другого селения, общества возвращались к своей прежней вере.

Утверждение новой религии шло в ожесточенной борьбе с местным населением.

О трудностях распространения ислама в горах и верности горцев своей религии пишут сами арабские авторы, которые любили говорить о своих успехах. Ибн Руста в начале X в. писал о жителях Серира: «Все они поклоняются сухой голове. Когда у них умрет кто-нибудь, то покойника кладут на носилки (джаназа) и выносят его на открытое место (майдан), где оставляют его на носилках в течение трех дней; по прошествии этого срока выезжают верхом жители города в латах и кольчугах и являются на площадь; они заносят над покойником, лежащим на носилках, свои копья и кружатся вокруг носилок, причем угрожают ему (покойнику) копьями, но не наносят ему удара»¹².

«Арабская экспансия встретила упорное, все растущее сопротивление дагестанских народов, которые, несмотря на отсутствие политического единства, единого объединяющего и организующего центра, сумели долгое время отстаивать свою независимость, а когда ряд земель оказался под властью арабов, то смогли вести продолжительную, нередко совместную освободительную борьбу»¹³. Попавшие в зависимость жители политических образований должны были платить дань арабским наместникам. Как писал арабский историк IX века ал-Баладзори, владетель Серира обязан был «поставлять (наместнику халифа) ежегодно 1500 юношей и 500 девушек и привозить в зернохранилище Баба (т.е. Дербента) сто тысяч мер зерна»¹⁴. О тяжелой борьбе горцев против арабских завоеваний существует множество преданий и сообщения источников. В рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии находится запись, где сказано:

«Затем захватили (мусульмане) Кадар в тот день и бежали кяфиры, пока не достигли своих мест. Затем, в течение недели шла война в Харкасе (Аркас – крупный средневековый город – А.И.), вследствие чего было захвачено это селение, в то время, как оставался один квартал в верхней части селения, где обосновались старшины их и амиры их... И не могли мусульмане захватить тот укрепленный квартал в течение двух месяцев. Затем они захватили (этот квартал) с разрешения великого Аллаха и с помощью владыки двух миров. И они убили всех, кто был в нем (крепости), исключая тех, кто принял ислам»¹⁵.

И все прибывшие впоследствии завоеватели пользовались знаменем ислама, чтобы покорить народы Дагестана. Особенно тяжелыми для жителей гор были походы Тимура 1396 г. Как пишут его историки, он воевал с «неверными» и силой заставлял их принять ислам, а принявших ислам заставлял воевать с «неверными», если кто отказывался и сопротивлялся – того уничтожал. Следует отметить, что, к счастью населения, войско Тимура не было во внутренних районах Аварии, оно прошло через салатавские села. «Салатавцы храбро защищались, но их личная храбрость не устояла против силы и искусства Теймура»¹⁶. Их укрепления были разрушены, а жители были переселены. Тяжелая участь постигла соседей аварцев-даргинцев, которым они пришли на помощь, но помочь спастись от беды не смогли. Объединенные отряды аварцев, лакцев и даргинцев были разбиты. Тимур разорил селения, отнял их имущество, убил много мужчин и женщин, устроил холм из убитых¹⁷.

Источники сообщают, что большинство населения Аварии в конце XIV–начале XV в. оставалось не покоренным исламом. В своей книге «Книга познания мира», написанной в 1404 г. архиепископ Иоанн де Галонифонтибус сообщает: «В этой стране много христиан, а именно:... леки... авары, казикумухи и почти все они говорят на татарском языке»¹⁸. Уже упоминалось, что первыми принимали новую веру правители феодальных владений с целью сохранения за собою власти, если же они этого не делали – то арабские власти их смещали и ставили имамом своего человека. «У них был общепринятый обычай назначать в каждое селение или город, который они разрушали и которым они овладели, одного из своих эмиров и одного из своих правителей (вали)»¹⁹. Затем Абд ал-Муслим убил его (владетеля

Аварского нучальства – А.И.), сжег крепости его, и обосновался Абд-ал-Муслим в Аварии имамом для всего Дагестана и всех мусульман... ..И имело это место в 654 году (1256)», говорится в одной исторической записи²⁰.

Однако обстановка часто менялась, прежние владельцы нередко возвращали себе власть. В дагестанской хронике «Тарих Дагестан» описано событие, случившееся в столице Аварского ханства – Хунзахе. По его сообщению: «Когда прошло некоторое время, Амирсултан, сын Байараббаса, сына проклятого Сураки, бежавшего от ислама к неверным, носивший титул нучал, живший в туше (Грузии – А.И.), попросил войска, чтобы добиться (вновь) места своего отца, занять престол своих предков и достичь их степени. Он собрал войско, начиная от Цумтал (цезы, дидойцы – А.И.) и кончая Аришти (чеченское племя – А.И.), и пришел с этим войском тайком, темной ночью в вилайят Хумз..., дожидаясь момента, когда представится возможность убить Амирахмада..., который занимал в это время престол предков Амирсултана.

...В ту ночь Абу-л-Муслим увидел сон и бежал в Гумук. Неверные убили эмира мусульман Амирахмада в следующую ночь до рассвета, отрубили ему голову и выставили ее над крепостью. В этот день они убили всех мусульман, живших здесь, и добились своей цели.

Амирсултан занял престол своего отца, подобно тому, как занимали его древние предки. Его народ отклонился (от ислама), и началась война между ними и мусульманами»²¹. Война продолжалась четверть века, «их жизнь сделалась трудной, наконец, они устали воевать, приняли ислам»²².

В названной хронике делается вывод: «Таким образом, мусульмане подчинили все области жителей гор, то есть Дагестан: частью пленением, мезью, убийством и разрушением, частью исламом, поселением мусульман и хорошим обращением. Затем они обосновались во всех частях страны»²³.

Однако до окончательной победы ислама в Аварии было еще далеко. Аварцы постепенно принимали новую религию. Как правило, сначала ислам утверждался в феодальных владениях (царствах), первыми принимали нучал и его окружение, а потом распространялся в

союзах сельских общин – вольных обществах, среди рядовых жителей селений. Распространению ислама способствовал тот факт, что в Дагестан, вслед за завоевателями, прибыло большое число арабов, они осели здесь и вели активную миссионерскую работу. Во многих аварских селениях в XIX веке были небольшие тухумы, которые по преданию, образовались от прибывших в VIII–IX веках арабов.

Здесь, видимо, следует коснуться вопроса о роли Абу Муслима в распространении, вернее в насаждении ислама в Дагестане. Предание это распространено повсеместно в Дагестане, особенно широко в аварских районах. Будто бы Абу Муслим похоронен в Хунзахе, там же находится и его халат. И дореволюционная литература приписывала исламизацию Дагестана главным образом Абу Муслиму. Популярности этой личности способствовало известное сочинение «Абу Муслим-наме»²⁴. Сочинение без автора. «В действительности же Абу Муслим в Дагестане не был, а арабские авторы IX–X вв. в связи с событиями начала VIII в. в Дагестане пишут только об арабском полководце из дома Омейядов Масламе ибн Абдулмалике, который возглавлял Северное наместничество Халифата и участвовал неоднократно в походах на Восточный Кавказ. Местные хроники заменили имя Маслама на Абу Муслима и приписали последнему руководство теми походами, которые были проведены Масламой в первой четверти VIII в.»²⁵. Критическое рассмотрение исследователями широко распространенных преданий о миссионерской деятельности Абу Муслима в Дагестане показало их несостоятельность. Например, исследование М.-С. Саидова показало, что «версия об Абу Муслиме – сплошная выдумка незадачливых компиляторов и безответственных переписчиков», а халат «по характеру почерка и содержанию текстов на нем, является произведением иранским, с определенными шиитскими лозунгами и исторической ценности не представляет»²⁶.

Последствия арабских завоеваний и их миссионерской деятельности хорошо известны: все население приняло мусульманство, ислам утвердился как господствующая, единственная религия на всей территории Аварии и влияние арабо-мусульманской культуры на средневековую Аварию и на период XVI–XIX веков стало преобладающим. Распространение ислама и арабского языка привело к восприятию населением богатой культуры мусульманского Востока.

Стали действовать мусульманские примечетские школы, медресе, появились грамотные люди, которые могли освоить обширную литературу, поступающую из мусульманских стран и сами писать. В основном все письменные источники, произведения местных авторов, письма и документы, рассказывающие о быте, культуре, истории аварцев до середины XIX в. были написаны на арабском языке. На основе арабской графики была создана письменность на аварском (родном) языке. Арабский язык и письмо на арабской графике до начала XX в. оставались основными формами оформления документации и переписки.

Уже упоминалось, что на рубеже I и II тысячелетия н.э. в Аварии сложилась сложная ситуация: одновременно две религии борются за господство. С юга шло сильное давление ислама, упорное его внедрение, с запада, со стороны Грузии, при ее активном действии, проникало христианство. Первые признаки христианства появляются в горах Дагестана в V–VI вв., их связывают с армянской церковью. Однако, впоследствии, Грузия усиливает работу по проповеди своей церкви со стремлением обеспечить себе вассальную верность со стороны местных горцев. Она старалась одновременно решить и политические, и идеологические, и духовные задачи, преследуя цель борьбы с мусульманством, интенсивно проникавшим в аварские земли. И достигла заметных успехов. Арабский историк начала X века Ибн Руста пишет о Сарире; «Царская крепость стоит на вершине горы, которая имеет площадь 4x4 фарсаха (1 фарсах = 6 км. – А.И.) и окружена каменной стеной (вероятно, Хунзах, расположенный на плато над левым берегом Аварского Кой-Су – В. Минорский). У царя есть золотой трон (сарир) и серебряный трон. Все обитатели крепости – христиане, а все остальные жители страны – язычники...»²⁷.

Между аварцами и грузинами с древнейших времен существовала постоянная связь. Общение осуществлялось через перевалы Кодорский, Вантлашетский, Мушак, Химрик, Махал Росо. На основе торгово-экономических связей развивались политические и культурные взаимоотношения. Давние дружеские отношения способствовали развитию христианской культуры.

Археологические работы подтверждают версию о широком распространении христианства в горах. Д.М. Атаев отмечает, что в XIII

веке позиции христианства в Аварии были довольно прочными²⁸, обнаружены христианские могильники вблизи селений Урада, Тидиб, Хунзах, Галла, Тинди, Кванада, Ругуджа. Найденные в них предметы не оставляют сомнения в их принадлежности. С проникновением христианства сюжеты, образы этой религии появились на произведениях художественных ремесел. В Верхнечирюртовском могильнике (VII в. н.э.) найдена бронзовая подвеска (медальон) в виде изображения женщины с младенцем на руках – христианской богородицы. В могильниках около селения Верхний Чирюрт (VIII в.) обнаружены золотые нательные крестики, выполненные с большим мастерством, путем применения техники зерни и инкрустации драгоценными камнями²⁹, на кресте из Аркаса изображено распятие Христа, своеобразен нательный серебряный крест из Кудалинского могильника XI–XII вв.

Еще более широко и выразительно христианские мотивы представлены в камнерезном искусстве. В Аварии обнаружено большое количество каменных крестов различных форм и размеров от миниатюрных до монументальных и предметы с их изображениями. На петроглифах на каменных блоках, вставленных в архитектурные сооружения, много сюжетов с крестами.

На многих каменных крестах из Хунзахского, Гунибского, Шамильского, Чародинского районов имеются древнегрузинские надписи. Есть такая надпись и на камне, вложенном в стену жилого дома в с. Ругуджа. Найдены двуязычные надписи на древнегрузинском и аварском языках на основе грузинского алфавита. Имеется сообщение в известиях грузинских летописей о том, что до прихода Тимура в 1396 г. «лезгины (дагестанцы – А.И.) были христианами, завоеватель стал насильственно насаждать здесь ислам, назначил им мулл из арабов, которых обязал учить лезгинских детей письму на арабских языках; он издал также строгое повеление, чтобы отнюдь не учились ни письму, ни чтению на грузинском языке»³⁰. Из сказанного можно сделать вывод, что в каких-то селениях горного Дагестана (центрального) действовали школы, в которых грузинские миссионеры обучали детей. Возможно, двуязычные надписи говорят о попытке создания аварской письменности на основе грузинского письма.

Особенно выразительными памятниками грузино-аварских связей и свидетелями проникновения христианства к аварцам яв-

ляются архитектурные сооружения. По преданиям их было много, в XIX в. П.К. Услар и М. Алиханов-Аварский сообщают, что на берегу Аварского Койсу кроме ныне существующего Датунского, видели развалины христианского храма, а местное население иногда показывает места, где в прошлом будто находились гьатан – церковь, храм, часовня. На одном из таких мест – на горе Акаро около селения Хунзах Дагестанско-Грузинской археологической экспедицией в 80-х годах XX в. были открыты остатки христианского храма X–XIV вв. Размеры здания большие – 17х7,5 м. Внутри храма находилась часовня. Здесь же было найдено большое количество поломанных каменных крестиков самых разнообразных форм. На большинстве из них имеются надписи, исполненные древнегрузинским шрифтом³¹.

Наиболее ярким памятником христианской культуры на территории Аварии является хорошо сохранившийся храм близ селения Датун Шамильского района. О нем писали многие, он хорошо описан. Находится он в каньоне «Гьатан бугеб кIкIал» («Ущелье, где находится церковь»), на скалистом останце, который с трех сторон омывает речка, впадающая в Аварское Койсу. Постройка небольшая, вытянутая строго с запада на восток. Внешние ее размеры у основания 9,10х5,70 м. при высоте до 8 м. Она представляет собой церковь базиличного типа, расчлененную на три части подпружными арками с импостами в одну полочку. Храм перекрыт сводом, в центре его хорошо виден слегка выступающий крест. Кровля двускатная черепичная, стены сложены из хорошо обработанных блоков желтого песчаника на известковом растворе³². Напротив храма, в 50 метрах к югу от него находятся развалины средневекового поселения IX–XII вв.

В Аварии нередко христианские культовые сооружения впоследствии использовались под мусульманские мечети или в качестве жилища. Это подтверждают археологический материал и письменные источники. «Древние христианские храмы и монастыри, из которых некоторые построены из тесаного камня и находятся одни в развалинах, а другие превращены в мечети»³³. Еще в начале 60-х г. XX в. в селении Ругуджа Гунибского района (где найдены кресты и надписи на камне на древнегрузинском языке, христианские могильники) был большой одноэтажный частный дом – комната, называемая местным населением «кIалгIарокъ» («дворец»), «гьал'анрокъ» (церковный

дом, храмовый дом). Размеры помещения 14х8 м, при высоте около 4 м, здание было построено из равных отесанных блоков 0,40х0,25 м. желтого песчаника. Свидетельством прочного бытования христианства в Аварии может быть исторический фольклор. Например, территория селений Бацада, Куллаб, Шулани, Унти, расположенная между обществами Андалал и Карах (еще ее называли «Нижний Карах»), раньше называлась «Гуржихъльи», что означает «Грузинство» и там исповедовали «хъанчил дин» – «крестовую веру» (христианство). Также в предании говорится, что в этих селениях жило много потомков грузин – переселенцев. Достоверность преданий и легенд подтверждает наличие на территории этих селений большого количества изображений крестов и христианских захоронений на старых кладбищах.

Напротив этих селений, на перевале (Сесда) высокого гребня горы имеется захоронение «Могила Тамари». По преданию, Тамара пришла откуда-то издалека еще до появления арабов, она была ясно-видящая, понимала языки животных и птиц, призывала людей верить в единого бога, не причинять зло другому человеку. Сейчас ее могила стала местом паломничества (зиярат) для населения близлежащих селений, сюда ходят во время засухи просить дождя.

Отдельные элементы и признаки былой христианской веры сохранялись среди аварцев вплоть до XIX в., хотя уже в XV в. она уходит из быта населения и господствующее положение занимает ислам. К ним люди относились как к украшениям, элементам культуры дружественного соседнего народа – грузин. «С утверждением ислама в Дагестане, – пишет искусствовед М. Маммаев, – христианские сюжеты и символы в декоративно-прикладном искусстве окончательно не исчезли. Они продолжали бытовать долгое время и, как показывают позднейшие памятники искусства (оконный тимпан XIX в. из сел. Чох; надгробие XIX в. из сел. Мачада; узоры аварских ковров XIX – XX вв.), в переосмысленном и переработанном виде в качестве декоративных мотивов сохранились вплоть до XX века»³⁴.

Как следствие христианской культуры видимо следует объяснить некоторые топонимические названия, распространенные в народе предания об армянском или грузинском происхождении некоторых

селений, тухумов (Шахназар, Нахибаш, Панус, Герги), имен (Харитон, Андуник, Кушканти, Антик, Алискандер, Аскандер и т.д.).

Начало второго тысячелетия стало для Аварии временем больших внешних и внутренних исторических, социальных, политических событий. Усилились межфеодалные распри. «В это время между ними (правители Авар) и эмирами Гумука начались страшные войны и сатанинские распри»³⁵, на этот период падает завершение процесса распада небольших тухумных поселений и сложение на их базе (объединение) крупных населенных пунктов – территориально-тухумных сельских общин. Государство (нуцальство) Серир начало распадаться на ряд мелких феодальных владений, образовались крупные союзы сельских общин, общества усилились и стали независимыми.

Комментируя текст сочинения арабского автора X века, В.Ф. Минорский пишет: «Под заголовком ас-Сарир «Царство трона» Ибн Руста говорит в действительности о нескольких княжествах... Власть Сарира простиралась на «замок алал и гумик». Гумики (кумухи, ныне лаки), живущие на восточном рукаве Кой-Су, легко могли быть вассалами Сарира; алал остается загадкой, хотя несколько названий, оканчивающихся на лал, известны в Аварии (Багулал; Чамалал, Андалал). Упомянутый в тексте алал может представлять собой аварскую общину, расположенную по верхнему течению реки Кара-Кой-Су. Ее центр Чох»³⁶. Кумух и Андалал – это соседние общества.

И с этого времени исчезает из арабоязычной литературы название «Серир». В сочинении «Тарих Дагестан», наряду с землей Авар, аварских правителей, названы отдельно от «вилаята Хумз» (общество Хунз – аварское ханство) общества, обязанные платить харадж (дань) арабскому наместнику: Карахи (Къарахъ) Кинсирухи (Къенсерух), Хебелал (Лъебелал), Хумз (Хунзах), Хиркис (ГъаркIас), Ирганай (Рихъуни), Баклулал (Бакълъулал), Рисур (РисIор), Мукрак (Мукракъ). Многие общества не названы в виду того, что одни были освобождены от дани, другие – не входили в «подчиненные области». В основном их названия совпадают с названиями «вольных» обществ. Видимо, уже в это время (XII–XIII вв.), наряду с Аварией – феодальным государством с центром в Хунзахе – образовались общества – союзы сельских общин, независимые от последнего или от другого

феодала-владельца, самостоятельные общественно-политические единицы с характерным для них демократическим правлением.

Из имеющихся данных видно, что территория, на которой жили аварцы, была разделена на множество самостоятельных политических образований со своими названиями. Общего названия народ не имел и вся территория, на которой жили аварцы, единого названия не имела. Возникает вопрос: что же такое политическая Авария и кто такие аварцы? В науке принято, что слово «авар» связано с именем царя Авар, который правил в V в. Об этом сообщает арабский источник X века (ибн Руста). Со временем стали употреблять в письменных текстах для обозначения царства в целом и народа, который когда-то подчинялся царю. Можно говорить, что термин «авар» не связан с кочевыми аварами (VI–IX вв.) или савирами (саварами), однако отрицать возможность влияния их на историю коренного населения не следует. Позднее и русскоязычные источники стали называть хунзахское ханство «аварским», а жителей его «аварами». Однако этот термин не распространялся на все одноязычное население, общего этнонима не было.

В 60-х годах XIX в., хорошо знавший Дагестан и его народы, проходивший обучение во многих аварских селениях, шурин имама Шамиля, сын устада шейха Джамалуддина, Абдурахман из Гази-Кумуха в своей книге воспоминаний приводит наименования Авария и Хунзах как названия одного и того же общества, он пишет: «Язык Хунзахский (аварский)». При этом соседние с ним общества названы: Гумбат (Бакълъулал), Хиндах, Гидатль»³⁷.

Каждое общество имело свое собственное название, которое часто выступало как субэтноним. Человек вне своего общества так и представлялся: андалалец, караец, хиндалалец, хунзаец. Известный ученый, исследователь языков народов Дагестана, генерал П.К. Услар в середине XIX века писал: «Туземец (аварец – А.И.), смотря по тому, откуда он родом, назовет себя: нахбакIав (гумбетовец), хунзаев (аварец), гьидальев (гидатлинец) и т.д.»³⁸. Он здесь же уточняет, что все они маарулал, «это определение «магIарул мацI» (горный язык) объемлет все наречия, на котором говорят туземцы на протяжении от Чирюрта до Закатал»³⁹. Человек из этого народа до недавнего времени – начала XX века – не сказал бы, что он «аварец», а в 50-х годах

многие пожилые люди не знали, кто такие «аварцы». Они – маарулал (народ), келебцы (общество), ругельдинцы (селение) и т.д. И соседние народы аварцев не называли аварцами, даргинцы их называли «кьархъан», лакцы – «ярусса», кумыки – «тавлулар», грузины – «леки», азербайджанцы – «лезгилер», чеченцы – «джъай», ногайцы – «тавлылар», русские – «тавлу», у лезгин экзоэтнонима для аварцев не было, часто называли «яхул», как и других горцев центрального Дагестана.

П.К. Услар далее отмечает: «Название «аварцы» чуждо туземцам, оно теперь преимущественно употребляется русскими... у русских под этим названием подразумеваются исключительно жители бывшего так называемого Аварского ханства, средоточием которого был Хунзах»⁴⁰.

Общепринятым и обиходным термин «аварцы» или «аварал» стал после всеобщей переписи населения и выдачи паспортов, Термин «авары» среди аварцев редко употребляется. В современном быту для определения самоназвания народ употребляет оба термина: «маарулал» и «аварал» как синонимы, в зависимости от ситуации.

О самом термине «маарулал», его этимологии существуют разные мнения. Это этноним, не имеющий объяснения. Однако часть исследователей считает, что слово непосредственно связано с понятием «горцы». Тогда слово должно звучать (иметь форму) как «мугIрулал», наподобие «мугIрул цIум» (горный орел), «мугIрул боцIи» (горный скот) и т.д. Вместе с тем, нельзя не считаться с тем, что аварцы – это горцы и выражение «в горах» означает «маарда» (магIарда), «в горы» – «магIарухъе».

Некоторые исследователи высказали мысль, что у аварцев в прошлом был этноним «Гьалби». В связи с этим отметим, что андийцы аварцев называли «гъайбулу», ботлихцы – «гъабил», годоберинцы – «гъабулу», каратинцы – «гъалби», чамалалы – «гъайдубе». Слово «гъалби» ученые связывают с албанами. Об этом имеются довольно интересные разработки⁴¹.

Еще раз возвращаясь к вопросу о составляющем аварцев маарулал отметим, что народ состоял из разных политических образований, расположенных в самых разнообразных природно – географических зонах. И разделение аварцев, как народа, на «маарулал» и «хиндалал» или еще на кого-то не правомерно. Хиндалал – это те же

маарулал, только живущие в долинах, у рек, в теплых местах, так же как бакъгьулал (гумбетовцы), живущие на солнечной стороне, нахъбакIал (салатавцы), живущие на задней стороне, кьурукьгьли – под скалистым местом. В аварско-русском словаре слово «хьиндалал» переводится как «аварцы – садоводы» (жители теплых долин Дагестана). «Хьиндалгьли» – теплая местность в глубоких долинах Дагестана по течению реки Койсу.

Кстати, у аварцев есть несколько селений с названием Хиндах в разных районах (Гунибский, Гляратинский, Шамильский, Хунзахский). Если задать вопрос жителю долины – койсубулинцу, технущалцу или из другого места, «кто ты», имея в виду его национальность (принадлежность к народу, языку), то непременно получим ответ «маарулав». Хотя здесь необходимо отметить, вернее обратить внимание, что в аварском языке, в быту отсутствовала до недавнего времени – середины XX века – сама постановка вопроса «кто ты» или «кто ты по национальности» и когда хотели узнать кто этот человек, спрашивали «откуда ты». Как правило, он называл общество, селение, откуда прибыл.

Уже говорилось, что средневековый период в истории аварцев стал важным этапом их развития. Характерным становится не только образование самостоятельных обществ, владений, но и стремление их к усилению своей независимости и безопасности. Наличие большого количества сторожевых (сигнальных) башен вдоль южной границы и по долинам рек, где проходили дороги с юга – со стороны Азербайджана и Грузии, оборонительной стены с севера указывает на большое значение, которое придавали аварцы борьбе с иноземными завоевателями. Их строили также на границах обществ, вокруг селений на господствующих высотах. Остатки таких башен сохранились до сих пор между союзами обществ: Андалал и Мукратль, Андалал и Куяда, Анцух и Таш, Гунзиб и Анцух, Гидатль и Келеб и др. Строились башни и внутри селений, их остатки или развалины имеются во многих селах.

Если общины укрепляли свои поселения башнями и оборонительными стенами, то феодалам, боящимся и своего народа, приходилось прибегать к более серьезной защите. В Аварии, на чрезвычайно труднодоступных местах сохранились остатки укрепленных защит-

ными стенами сооружений. Время существования этих крепостей-замков, которые население называет «ханскими крепостями», относится к VII–XIII векам. В последующие века в этих обществах, на территории которых находились эти замки, не обнаруживаются признаки сословной дифференциации, напротив все положения, адаты имели явную антифеодальную, антиханскую направленность. Это видимо является следствием происшедшей в период XIII–XV вв. дефеодализации, изменения общественных отношений в результате борьбы народа против феодальной власти. В XV–XVI веках общества Андалал, Гидатль, Карах могли успешно противостоять таким сильным феодальным владениям (ханствам) как Аварское и Казикумухское.

В средневековом Дагестане политическая ситуация часто и быстро менялась в силу разных причин и прежде всего внешних факторов. Одни политические образования усиливались и подчиняли себе соседние общества, другие, наоборот, слабели и теряли свою власть и влияние на подвластные территории. В этом плане интересную информацию о политическом положении Аварии дают хроника «Тарих Дагестан» и «Завещание Андуник-нуцала». Последний документ датируется 1485 годом.

В начале хроники «Тарих Дагестан» говорится, что «область Авар» сильнейшая из областей Дагестана и владыка ее получал дань с других владык, владений, земель и «этому владыке подчинялись все жители Дагестана», а в конце сказано, что «вилаят Хумз» и многие аварские общества платили харадж шамхалу Гумика. Как видим, политическая ситуация в Дагестане изменилась. Об этом говорится и в завещании Андуник – нуцала в котором шамхал казикумухский назван «фадишах ал-Гумуки», что должно означать признание особого положения последнего среди дагестанских владетелей.

Андуник (ГандуникI) был в это время правителем – нуцалом Аварского нуцалства (ханства) и он этим завещанием собирался передать свою власть племяннику Булачу. Завещание является достоверным историческим источником, имеющим важное значение для раскрытия общей политической ситуации как в Аварии, так и во всем среднем Дагестане в конце XV в. Этот документ был переведен, комментирован исследователями М.-С. Саидовым, Х.-М. Хашаевым,

Т. М. Айтберовым, А.Р. Шихсаидовым. Учитывая ценность документа, приводим текст в редакции Х.-М. Хашаева (перевод с арабского на аварский сделал Гамзат Цадаса)⁴².

«Завещание Андуника, сына Ибрагима, владетеля территории Авар, почтенного, великого, владетеля силы, побед и мощи, своему племяннику Булач-нуцалу, владетелю территории авар, да направит всевышний бог его на верный путь. О мой племянник (сын брата – А.И.), возьми-ка ключи в свои руки: первые ключи – алигиличинцев, вторые – джунгутаевских владетелей, третьи – гумбетовских владетелей, четвертые – владетелей Анди, пятые – каратинцев, шестые – бактлухлинцев, седьмые – хучадинцев и семиземелья. Если ты возьмешь указанные ключи, то соль, мед, виноград, железо, рыба и остальное все, в чем человек нуждается, – у тебя и в твоём распоряжении. А иначе все от тебя и от твоего народа отторгнется. Затем обрати внимание на границы земель, которыми владели твои предки, и управляй так, как они управляли. Первая граница со стороны запада – это Миясугатан, вторая – со стороны востока, из середины аула Гоцатль, третья – со стороны юга, от Хучада до Голотлинского моста, четвертая – со стороны севера от Салагоры до Таргу. Мой племянник, постарайся преодолеть эти границы и не уступи чужому даже пяди своей земли, если ты являешься владетелем, подобно твоим храбрым предкам».

Документ позволяет установить границы аварского нуцалства, определить соседние владения. Территория нуцалства соответствует Хунзахскому плато с прилегающими к нему землями. Также названы соседние общества, которые, как пишет Х.-М. Хашаев, были вассалами аварского хана. Однако, об их зависимом положении в тексте не сказано и сделать такой вывод нет основания.

Перевод, выполненный А. Р. Шихсаидовым с учетом всех существующих (9) списков завещания, позволяет прочесть текст несколько иначе. Суть «Завещания Андуника» «не ориентация на экспансию, не овладение соседними и дальними аварскими землями, а фиксация собственных границ, обеспечение гарантии этих границ»⁴³. Слова «возьми ключи от семи ворот вилайата Авар в свои руки» означают, что нуцал имел в виду военно-политический союз с соседними обществами, так как хорошие отношения с ними были очень важны для

сохранения в целостности своей территории, чтобы не отдавать другому «даже пяди своей земли».

Имеющиеся письменные источники, документы, записи в книгах, полевой материал позволяют уверенно говорить о том, что население независимых обществ феодальных владений стремилось иметь с соседними обществами и ханствами добрососедские отношения, жить в мире. Для этого заключали устные соглашения и письменные договоры. Договоры часто становились правилами, регуляторами постоянных взаимоотношений. Таких примеров много. Назовем некоторые, учитывая их историческую ценность и большую информативность. В «Соглашении жителей селений Чох и Цудахар» сказано: «Если одно из договорившихся селений не вышло на зов помощи, с него взыскивать штраф в сто голов баранов.

... Если бек захватил имущество и на месте очутился один из жителей обоих селений и он не помешал ему посредством тревоги или другим путями, то он сам должен возместить нанесенный султаном ущерб... Если кто-либо помог султану, то за ним один бык.

... Если какое-либо из договорившихся селений нарушит настоящий договор, то оно должно отдать другому селению баранов»⁴⁴.

В договоре «Адаты, существующие между жителями Казикумухского округа и соседними с ними жителями Даргинского и общества Андалая Гунибского округов» предусмотрены совместные действия: «Убийца, совершивший убийство с грабежом (кара), подвергается лишению вместе с 7 родственниками своими, а за кровь обязан платить родственникам убитого вместо 7 (7 быков – плата за кровь убитого – А.И.), 15 штук быков, из числа которых один остается в пользу общества убитого и 14 кусков бязи каждый в 7 ханских аршин»⁴⁵.

Наиболее представительным является список обществ, с которыми заключили соглашения жители хунзахского общества. В соглашении между хунзахскими и гидатлинскими обществами говорится: «Ниже приводится соглашение, являющееся свидетельством на сегодня и памяткой на завтра о том, что джамааты Хунзахские с их правителем Магомед-Нуцалом и джамааты Гидатлинские согласились при добром и при худом быть заодно, как один джамаат. При этом они дали друг другу всесторонние и достойные обязательства, крепкий обет, и поклялись соблюдать нижеследующие условия и согла-

шения»⁴⁶. Сборник адатов составлен предположительно в конце XV в. Другой документ «Постановления, общие для всего Дагестана» предусматривает регулирование отношений между жителем Хунзаха «если спор произойдет» и жителем обществ Цудахар, Андалал, Голотль, Келеб, Анцух, Батлук, Койсубулу, Карата, Ахвах, Хиндалал. Из этого списка видно, что почти все соседи были в договорных отношениях с Аварским ханством, и вполне возможно это результат политики таких нуцалов как Андуник. И время этих событий примерно вторая половина XVI в.

В целом, взаимоотношения сельских общин, союзов сельских общин и феодальных образований в Дагестане, в том числе и Аварии, до середины XIX в. регулировались адатными нормами, обычаями, выработанными на протяжении веков. Несмотря на отсутствие единой централизованной системы принуждения, общественные нормы поведения строго выполнялись в силу их важности для нормального бытования каждого политического образования, каждой общины, каждого ее члена, они выражали интересы всех уровней. Соблюдение обычаев обеспечивалось силой установившихся традиций, моральными установками.

Каждое свободное селение руководствовалось своими адатами. Характерное многообразие обычаев-адатов, регламентировавших все стороны хозяйственного, общественного, семейного быта внутри общины сменялось единообразием правила, регулировавшего отношения с соседними обществами. Соглашение устанавливало добрососедские отношения, оказание помощи в случае внешней опасности, невмешательство во внутренние дела. Договоры бывали и устные и письменные. Ими предусматривалась процедура решения спора о краже, нарушении границы, взимании ишкиля, наказании провинившейся стороны, в случае не оказания помощи во время войны с «чужими» и пришельцами. Например, такие соглашения общество Андалал заключал с обществами Цудахар, Карах, Куяда, жителями Хунзахского и Казикумухского ханств⁴⁷.

Письменные источники, предания, полевые исследования позволяют говорить, что все стычки, распри, войны устраивали феодальные владетели. Приведу один пример. В одном списке завещания Андуник – нуцала (оно существует в нескольких списках) приводится

имя гидатлинского шамхала, эмира (повелителя) вилаята Гидатль. Существуют предания о деяниях шамхала. Приведем одно в записи Х.-М. Хашаева: «В сел. Хучада (современный Шамильский район – А.И.) жили не гидатлинцы, а представители другого племени, вероятно, ахвахцы. Они имели своего хана, которого называли шамхалом, он враждовал с гидатлинским шамхалом; последний призвал на помощь аварского нуцала, и они решили совместно напасть на Хучаду. Они подговорили одного из слуг хучадинского шамхала, чтобы тот дал сигнал, когда шамхал со своими нукерами выедет в соседнее селение. Слуга дал условный сигнал – вывесил из окна во всю длину пятиэтажной башни шамхала длинный кусок белой материи. Увидев это, войска аварского нуцала и гидатлинского шамхала напали на Хучаду и сожгли все селение, часть людей перебили, а часть взяли в плен. Хучадинский шамхал, ничего не подозревая, возвращался из поездки и наткнулся на засаду, был схвачен и убит вместе со своими людьми... После гибели хучадинского шамхала территория Хучады досталась гидатлинскому шамхалу, который переселил в Хучаду из каждого гидатлинского селения по одной семье, всего шесть семей. По имени глав этих семей в Хучаде образовалось шесть тухумов, и каждый тухум знает из какого селения они переселились... при раскопках в этом ауле обнаруживаются следы пожара. Предание согласуется с указанием завещания о гидатлинском шамхале»⁴⁸.

Однако ко времени составления гидатлинских адатов политическое положение общества, вероятно, изменилось, оно стало вольным, свободным от феодала (владельца, шамхала). Правда, там «был человек по имени Шамхал, который жил в селении Цинабе» и раздал свои земли шести сыновьям. Но намек на его социальное положение в документе нет, и как юридическое лицо выступают джамааты и старейшины гидатлинского общества. Такую смену общественного строя видимо следует объяснить восстанием населения этих ханств против своих повелителей, их ликвидацией. Все имеющиеся данные говорят, что простые жители селений, обществ всегда выступали против междоусобных распрей, войн, походов, набегов. Народ сменил во многих обществах форму правления. Об этом говорят некоторые факты.

В Аварии встречаются остатки сооружений, сохранившиеся от эпохи средневековья, непохожие ни на сторожевые, ни на боевые башни. Эти сооружения многоэлементны, расположены на чрезвычайно недоступных местах. Они напоминают скорее всего крепости (замки)⁴⁹. Остатки таких сооружений обнаружены в Гунибском, Хунзахском, Шамильском и других районах. Развалины одного из таких сооружений расположены на вершине высокой горы, которая господствует над местностью «Анада» (хутор) близ селения Ругуджа Гунибского района. Замок был обследован в 1969 г. археологической экспедицией Института ИЯЛ⁵⁰.

Учитывая скудость и противоречивость дошедших до нас сообщений письменных источников и эпиграфических данных, отсутствие описания подобного памятника в литературе, остановимся на нем. Кроме того, представляется важным место замковых комплексов в объяснении исторических событий, происходивших в средневековой Аварии. Вспомним коротко эти события: образование в центральном Дагестане в VII – XI вв. крупного и самого влиятельного феодального государства Серир, его ослабление и потеря политической независимости в XII – XIII веках; насильственное распространение ислама; процесс образования крупных поселений – переселение населения из нескольких мелких «тухумных» поселений в одно; распад Серира на множество мелких феодальных владений и союзы сельских общин – общества, «бо»; усиление недовольства населения в ханствах и свержение ханов, шамхалов и установление народной власти, народного правления.

Вернемся к описанию Анадинского замка. Он находился в естественно укрепленном труднодоступном месте, на столбообразном останце, образовавшемся при впадении бурного притока Бец-ор в реку Кара-Койсу. Добраться до вершины очень трудно. С трех сторон – востока, юга, запада замок надежно прикрывают вертикальные скальные обрывы высотой 45-50 м, а с севера узкий – крутой травянистый склон, угол падения которого равен 60°. Вершина горы, на которой был построен замок, возвышается над окружающей местностью (около 400 метров), отсюда просматривалась большая часть долины и контролировались дороги. Пролонговатая площадка на вершине горы имеет в длину 50 м, ширина в разных концах разная; на восточ-

ной части равна 15 м, а к западу суживается до 4-х метров. Общая длина постройки около 40 м, при ширине 4,5 – 5 м, она состояла из шести соединенных проходами между собой помещений, располагавшихся анфиладой с востока на запад. На площадке сохранились строительные остатки, местами до двух метров высоты. Толщина стен камер была около метра, сложены они из тесанных больших блоков на скрепляющем известковом растворе. Постройка окружена дополнительной внешней стеной с северной стороны, толщина стены больше одного метра (112 см), а камни кладки еще крупнее. Видимо, вход был не с северной стороны, откуда можно подняться на площадку, а с южной неприступной стороны, где вершина заканчивается высоким вертикальным обрывом скалы. На краю обрыва имеются три вырубленные в скале ступеньки. Тропа по скале должна была быть устроена как настил на кольях, вбитых в скалу. Этот способ устройства дорог – тропинок аварцам хорошо известен с древнейших времен и применялся до наших дней. На этом замке-крепости обращают на себя внимание некоторые вещи. Первое, на краю южного обрыва, за стеной постройки находятся на равном расстоянии друг от друга три глубокие ямы, выдолбленные в скальной породе, назначение которых не ясно. Высказано предположение, что они предназначались для разжигания сигнальных огней. Второе, есть нависающая балконом над скальной стеной площадка, край которой отполирован до блеска, должно быть что-то долго обтиралось об него. Возможно, канат подъемного механизма, иначе доставить груз на площадку невозможно. Третье, на горе и поблизости нет воды, есть предание, что вода сюда подавалась по керамическим трубам из соседнего леса. Трудно представить себе эту систему, как на такую высоту поднималась вода, под каким давлением.

В полукилометре от замка, внизу имеются пахотные участки, известная поляна «Анада майдан», много воды, да и для строительства удобные места, сама территория защищена и труднодоступна благодаря глубоким каньонам рек, которые при слиянии образуют мыс, но владетель (или владетели) крепости выбрали место, лишённое всяких жизненных удобств, но недоступное.

Местные жители называют это место «Ханасул хъала» – «Ханаская крепость»⁵¹. Народное предание связывает эту крепость с фео-

дальным владетелем, ханом. Когда-то, согласно легенде, на горе жил хан и его приближенные, а внизу было расположено селение, которое обеспечивало его всем необходимым. Поблизости было еще несколько селений. Напротив, на другой высоте, через реку жил в укрепленном замке другой хан, владетель других селений. Между этими ханами происходили постоянные столкновения, вооруженные стычки по разным причинам (из-за земли, пастбищных угодий, походы, чтобы захватить добычу и пленных) и население и в том и в другом «ханствах» страдало. Люди, договорившись, решили избавиться от них и сожгли, разрушили крепости. Обследование показало, что поверхность земли местами прокалена до красноватого оттенка, найдены скопления угля и обгоревших кусков дерева, говорящие о бывшем здесь пожаре. Развалины второй крепости не обнаружены, но наличие остатков средневековых поселений на указанных местах подтверждены археологическими данными и этнографическими обследованиями. Это были одни из тех селений, которые впоследствии были заброшены жителями при образовании крупного аула Ругуджа, входящего в Андалалское общество. 'Временем существования замка археологи считают рубеж I – II тыс. н.э.⁵², предмонгольское время'⁵³.

Появление замков – крепостей связано с эпохой раннего средневековья, оно явилось последствием распада больших государственных образований и начала феодальной раздробленности. Это было характерным явлением для всего раннесредневекового Кавказа⁵⁴.

В связи с рассмотрением вопроса о путях, особенностях образования вольных обществ нельзя не обратить внимание на одну запись. Она касается Андалалского союза. Эта запись сделана в конце одного из списков хроники «Тарих Дагестан»... В настоящее время известно уже около 40 списков. «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи относится к числу ценных и сложных по своему составу исторических сочинений, освещающих историю Дагестана X – XIV вв. Ценным в сочинении является список обществ, отрывок, где перечисляются доходы шамхала Гумика. Само возвышение шамхальства, повидимому, относится к XIV началу в. Все списки в чем-то отличаются друг от друга. Список «оказался настолько «жизненным», настолько «актуальным», что корректировался в зависимости от места происхождения или переписки»⁵⁵. В подробном перечне (он есть почти во всех списках) насе-

ленных пунктов, обществ, участков, которые должны были вносить ежегодно харадж Кумухскому шамхалу (потомкам Хамзы и Аббаса) нет общества Андалал и селений, входящих в него. Только в одном – 21 списке, после обычного перечня субъектов, имеется дополнительная (поздняя) запись: «Все эти хараджи удостоверены и зафиксированы в тарихе, в селении Гази-Гумук; их придерживались при начале ислама в Дагестане ввиду насильственной исламизации населения.

Что касается нижеследующих селений Айвицху Члувх, Сугьраль, Глобох, Мухлуб, Гьамсукь, Кудалиб, Клуьгуриб, Салтла, Кьуруда, Гьуниб, Хлутлучл, Гьунуда, Хьиндах, Ругьжаб, то эти селения были обложены джизьей только в размере одного быка с каждого их селения в год назначения шамхала за то, что они добровольно приняли ислам... Все названные селения получили единое название Андалал в виду освобождения их от хараджа при свидетельстве эмиров Гази-Гумика и их алимов»⁵⁶.

В связи с этой записью возникают вопросы. Вицхинский участок казикумухского шамхальства (с 1860 года – округ) состоял из селений Унчукатль, Кума, Куркли, Куба и других, расположенных ниже Кумуха на левой стороне реки Казикумухское Койсу. Они граничат с селениями, входящими в общество Андалал. По этой записи получается, что общество Вицху состояло из лакских и аварских селений и занимало огромную территорию от Казикумухского Койсу до аварского Койсу на северной широте 42°15'.

Можно допустить, что это был союз свободных узденских селений, заключенный, чтобы оградить себя от разных притязаний казикумухского шамхала и хунзахских ханов. Известно, что горцы не любили подчиняться чьей-либо власти, они, имея выраженный свободолюбивый характер, выступали консолидировано против, как своих, так и иноземных поработителей. Это настроение отражено и в адатах. В одном из документов, датированном XVII веком – «Свод решений, обязательных для жителей андалальского округа («вольного общества». – А.И.)» сказано: «если кто-нибудь из наших возьмет лошадь или оружие с условием служить эмиру (подразумевается хан, вероятно казикумухский, территория которого непосредственно граничила с территорией Андалалского «вольного» общества». – Х.-М. Хашаев),

то, что он взял становится нашим, под каким бы предлогом он его ни приобрел – по просьбе или другим путем.

Если кто из нас к эмирам пойдет без дела и особой нужды и пробудет у них 3 дня, то с него взыскивается 100 баранов.

Если кто из нас даст в пользу эмира выгодные ему свидетельские показания, то с него взыскать 100 баранов»⁵⁷. Есть и другие сведения, подтверждающие высказанное положение. Например «Соглашение жителей селения Убра», где говорится «При их, хана или нукеров, посещении селения Убра (лакское селение соседнее с андалалцами – А.И.) для отбора у кого-либо имущества или убийства человека, убринцы должны биться с ними... Если кто-либо не будет драться с эмирами, ...то все его недвижимое имущество – дом, пахотные земли, сенокосы перейдут в общественную собственность»⁵⁸. Таким образом, независимость свою эти общества рассматривали как условие своего существования.

Вернемся к указанной записи. Если так называемый объединенный Вицху был антифеодальным союзом, то почему, по какой причине он распался? Согласно «Тарих Дагестан» лакские селения Унчукатль и Куба (Кубали) платили харадж шамхалу, а аварские селения нет. Получается, что общественное положение селений в одном обществе было разное. Теперь о названии «Вицху». Любопытно, об этом говорит и А. Комаров. Он пишет: «Когда-то Андалал был одним из самых больших обществ Дагестана и назывался Вицхо. Название это сохранилось в Вицхинском наместничестве Казикумухского округа»⁵⁹. Возможно А.В. Комаров был знаком с текстом тариха, введенным в научный оборот М.-А. Казембеком в 1851 г. в качестве приложения к «Дербенд-наме» (арабский текст, перевод на английский язык). В связи с вышесказанным можно высказать (допустить) два предположения.

Первое, наиболее вероятное, автор этой дополнительной записи на списке 21 «Тарих Дагестан» ошибся в названии общества и в составе его. Название Вицху (Вицхо) существовало, но имеются большие сомнения, что так называлось прежде общество Андалал. Почему эти селения получили названия Андалал (Гандалал) «в виду освобождения их от хараджа»? Что означает этноним Гандалал? Какого-либо приемлемого объяснения его не существует.

Второе, такое общество некоторое время существовало. Известно, что временами изменялось общественно-политическое положение как вольных обществ, так и феодальных владений. Усиление по какой-то причине феодального владения приводило к присоединению к нему некоторых селений из соседних обществ и наоборот, когда оно ослабевало отходили от него и не платили ему дань, освобождались от податей. Так не раз случалось с селениями Бухты, Шангода, Шитли: Казикумухские ханы временами заставляли их платить дань. Возможно временами, когда Казикумухское ханство ослабевало по причине раздоров между претендентами за шамхальство – ханство, ряд лакских селений, тяготеющих к независимости от феодала, а таковыми были вицхинские селения, присоединялись к сильному обществу Андалал, находившемуся в постоянной оппозиции к ханству.

Автор записи, наряду с известными андалалскими селениями, включил в общество Андалал селения Къуруда (Корода), Гъунуда (Гонода), отстоящие от аула Чох, расположенного приблизительно в центре Андалала, более чем на 50 км. Общение между Согратлем, Чохом и селениями Корода и Гонода было затруднительным еще и потому, что между ними находится Куядинское общество. Можно допустить, что и куядинские селения и хутора, их было более 50, входили в одно общество с вицхинскими и андалалскими, и в таком случае этот союз представлял собой могущественное политическое объединение, которое могло противостоять любому внутреннему и внешнему врагу (вспомним походы Тимура и Надир-шаха). Здесь следует отметить, что подтверждением сказанному может служить сведение из арабо-язычного сочинения «История потомков Мухаммадхана Казикумухского», входящего в рукописный сборник исторических материалов. Здесь границы андалалских земель отмечены по левой стороне Аварского Койсу. Вот, что пишет переводчик: «Отпрыски Мухаммадхана, попросив пощады, ушли тогда в вилайат Хид и Андалал и попросили местность, и Андалал дал местность Хунуда (Гонода) и Хужал (Гочатль)...». Войско Андалал (под «войском» (аварское «бо») следует понимать общество – А.И.) дало им землю: до моста Курудэ (Корода), края горы Чина (гора Чина (Чина) расположена в Хунзахском районе) до Хадани; до места перед Голубиной

скалой (Маккакъурда сибиди); до края, с которого течет вода (Линту раг Галди); до Киркини.

Это местность, которую дало им войско (общество – А.И.) Андалал»⁶⁰.

Комментируя слова «до места перед Голубиной скалой» переводчик пишет: «Около сел. Гочатль имеется местность «Под голубиной скалой» (Маккакъурукъ). Возможно, что в «Истории потомков» речь идет именно об этой Голубиной скале»⁶¹. Трудно представить себе такое вольное общество в средневековом Дагестане, разнорациональное по составу и превосходящее по размерам все горные феодальные владения, но и отрицать такую возможность тоже нет оснований.

Произошла смена политического строя (дефеодализация) во многих обществах и они стремились устроить свои взаимоотношения с соседями на договорных основах, о которых говорили выше. Отношения добрососедские, дружеские. Установилась другая общая политическая обстановка. В Аварии, уже в середине XVII века многие, ранее зависимые общества стали «вольными». Они не зависели ни от кого, а сохранившееся как феодальное государство Хунзахское ханство состояло из небольшой территории – плато и близлежащих земель и владело небольшим количеством селений. Об этом говорит ряд документов. Любопытное сообщение делает И.-Г. Гербер, российский офицер, побывавший в начале XVIII в. в Аварии. Он пишет, что хан аварский считает «некоторые из прадедов его с помощью России владельцами над аварами стали; ибо авары, подданные его, против него бунтовались и его из владения своего выгнали; потом он пошел в Россию и получил там несколько войска в помощь, с которою он возвратился, подданных своих смирил и успокоил и его владение над аварами укрепилось»⁶². По-видимому, вероятность ликвидации ханства (ханской власти) самим населением его и здесь была большая. Гербер сообщает далее, что аварцы (он их называет тавлинцами) – жители вольных обществ «податей никому не платят и прежде их не платили, ибо они всегда люди вольные бывали, выбирают себе старшин (старейшин – А.И.) и если они им не полюбятся, то сами их отставляют»⁶³. В начале XIX в. подполковник Ф.П. Скалон уточняет какими были взаимоотношения аварского ханства и соседних обществ; «Вольные соседственные общества, названные какими-

то военными округами и союзниками аварского хана (прапорщиком Хрисанфом – *А.И.*), ни в каком отношении от него не зависят, их даже и за деньги мудрено заставить служить, а если бы и соглашались, то будут служить не аварскому хану, а преимущественно тому, кто больше может заплатить»⁶⁴.

В периоды правления некоторых владетелей ханство становилось сильным и влиятельным феодальным государством и многие общества попадали в зависимость и вынуждены были платить дань. Наиболее известным владетелем был Умма-хан (умер в 1634 г.), власть которого частично распространялась даже на Джаро-Белоканы. При нем были собраны древние обычаи и составлен кодекс правовых норм для жителей ханства.

XVI – XVII вв. характеризуются усилением внешних торгово-экономических связей, укреплением внутренней стабильности, в целом продолжают развиваться экономические процессы, обусловленные развитием производительных сил, общественных отношений, изменением внешнеполитической обстановки, развитием дифференциации хозяйства по географическим зонам. Продолжается интенсивное переселение аварцев в Закавказье – Джаро-Белоканы. Вместе с тем, время это не было спокойным для Аварии. Не прекращались войны между Турцией и Ираном за захват Кавказа, шахи и султаны вовлекали народы Дагестана, через феодальных владетелей, в военные действия.

Но на самой территории аварцев ни те, ни другие не воевали, она не была покорена. В случае опасности народы объединялись против общего врага, отряды аварцев, лакцев, даргинцев не раз выступали на помощь народам Южного Дагестана. Нашествия иноземцев приносили страдания и бедствия дагестанцам, мешали экономическому и культурному развитию. Вместе с тем, общая беда сплачивала народы, в борьбе с внешним врагом укреплялось единство аварцев и развивалось их самосознание. Ярким примером стало Андалалское сражение, ставшее значительным событием в истории дагестанцев. Учитывая его важность и судьбоносный характер для всех аварцев, да и для всех дагестанцев, исторических судеб Дагестана, остановимся на нем подробнее.

Осенью 1741 года войска Надир-шаха подошли со стороны Кумуха к селениям Андалалского общества, которое было в то время одним из самых больших обществ Дагестана. В него входили селения нынешнего Гунибского района, с населением примерно в 15 тыс. человек. Оно имело обширные земли, из них пашню около 6 тыс. га. Каждая община, входящая в общество была самостоятельной общественно-хозяйственной самоуправляемой единицей, с установившимися формами и нормами межсельских отношений. Для регулирования этих отношений и укрепления единства общества было заключено соглашение: «Свод решений, обязательных для жителей Андалалского округа», составленное на арабском языке предположительно в XVII в. И первыми пунктами отмечены важность защиты общества (Отечества) от чужого посягательства: с человека, не принявшего участия в тревоге, взыскивается штраф в размере быка, ему объявляли публичное общественное осуждение. Если же селение не примет участия в тревоге, то с жителей его взыскивается большой штраф. Адатами предусмотрена забота о семьях погибших в войне или покалеченных – полное их обеспечение на себя брало общество.

Таким образом, андалалцы сохранение своей независимости и свободы рассматривали как условие существования и весть о приближении завоевателей всколыхнула всех жителей общества, и, согласно преданиям, началось формирование отрядов воинов – ополченцев в селениях, подготовка к тяжелой борьбе – они были наслышаны о силе Надир-шаха и его жестокостях. Одновременно рассылают гонцов в другие общества с призывом прийти на помощь, объединиться против общего врага.

Перейдя перевал Варай, иранцы, как сказано в аварской историко-эпической песне «О разгроме Надир-шаха», установили шатры между Мегебом и Чалда (Турчидагом. Многие слово Чалда принимают за название селения, правильное название горы – Чалаад), пустили коней на обохские поля, зажгли огни в Бухты и Шитлибе. На плато Турчидаг, недалеко от скального обрыва над аулом Мегеб, есть большой холм с ровной вершиной, где был установлен шатер шаха. Место это называют «холм, на котором остановился Надир-шах». Расстояние от этого холма до сел. Мегеб по прямой около 2-х км.

Здесь необходимо сказать несколько слов о местности, где остановились иранцы и впоследствии произошло сражение. Это южный склон Турчидага длиной около 10 км и шириной 5 км с довольно крутым уклоном, особенно в верхней части – от селений до скалы. Плато Турчидаг отделяет от склона высокая скальная стена, которая прерывается только в двух местах. На этом склоне довольно высоко расположены цепочкой три аула: Мегеб, Обох, Чох, внизу, ближе к реке Цамти-чай находятся Шангода, Шитлиб, лакские Палисма, Камахал, Ури, а на высотах противоположного склона – Бухти, Согратль, Гамсутль. Здесь нет широкой долины, ровных больших полей, для разворачивания конницы или большого отряда воинов, это узкие террасы, со скальными выходами, обрывами, ущелья, теснины.

Андалалцы готовились к боям, но не хотели войны. Они послали к Надир-шаху посла с просьбой уйти с их земель, шах его убил и прислал своего человека с требованием покориться, признать его власть, прислать продукты, коней, оружие, девушек. Хотя он и послал грозное послание, «Гроза Вселенной» – как звали Надир-шаха – боялся этого сражения, он понимал, что горцы так легко не покорятся, все общества объединятся и поднимутся на священную войну (к этому призывали Ибну-Салман из Кудали, кадии андалалских селений, Ибрагим-Хаджи из Гидатля), в этом им поможет земля родная и характерный дух независимого общинника. Доказательством этому может служить то, что, по прибытии в Андалал, Надир-шах не напал на селения, не разграбил их, только «зажег огни» в них и ждал. Он знал о падении духа своих воинов, об их недовольстве, но уйти не решался – как никак «Непобедимый Надир-шах», уже дважды покоривший почти весь Дагестан., это был его третий поход в горы. Подошедшего к Андалалу, как сказано в песне, Надир-шаха поразило увиденное:

«На подоблачных высотах,
Где одни орлы летают,
Видел он людей – андалалцев.,
Чьим сердцам страх неизвестен.
Однако произнес весело,
Разве есть на белом свете,
Кто мог бы мне противиться,
Повелителю Вселенной.

Сокрушу я андалалцев,
Так, что память о них исчезнет!».

Понимая неизбежность сражения, андалалцы – представители джамаатов – собрались на Совет. Здесь необходимо подчеркнуть, что высшая власть в Андалалском обществе принадлежала сходу (совету) представителей селений, об этом говорит и Свод адатов. Мнение некоторых историков, что Андалалское общество в XVII–XIX вв. управлялось кадием является ошибочным, для этого нет никаких оснований, нет документированных материалов. Все важные дела, касающиеся всего общества обсуждались на совете и исполнение его решений было обязательным для всех селений. Совет решил призвать население укрепить подходы к аулам, устроить завалы, вырыть ямы, собрать камни. Здесь же была выработана тактика боя: использовать рельеф местности, заманивать врага в ловушку, нападать неожиданно, устраивать засады, расчленив конницу врага на мелкие отряды и лишить ее маневренности, действовать по обстоятельствам, вести постоянное наблюдение за иранцами, за движением каждого отряда и оперативно передавать информацию своим. Главное – не ввязаться в большое, генеральное сражение, не дать этим использовать шаху свое преимущество в количестве, а преимущество было большое. По самым скромным подсчетам, как подтверждают источники, у иранцев было более 50 тыс. опытных, хорошо обученных воинов. А андалалцы могли выставить от силы около 5 тыс. ополченцев, но они рассчитывали на помощь всех дагестанцев, как это случалось всегда, когда грозила опасность их независимости.

Еще раз подчеркиваем, что на Совете было решено действовать по обстоятельствам, упреждающе, координировать действия разных отрядов через связных. В селениях были созданы мелкие, маневренные отряды для быстрых налетов на иранцев и провоцирования их на неподготовленное выступление в нужном для горцев направлении, где устроена засада. Детей и стариков было решено отвести к безопасным местам – пещерам.

По преданию первым боевым действием андалалцев было неожиданное нападение ночью на охрану лошадей, используя знание местности, туман и дождливую погоду. Двое чохцев – Будаи и Муса –

надели волчьи шкуры и подползли к табуну, лошади почуяв запах волка, в панике бросились бежать и упали со скалы. Много погибло лошадей, погибли и те два смельчака.

В эту же ночь несколько человек из Обоха, с трех сторон имитировали нападение, стреляли, кричали, перебегая с места на место и большой отряд иранских воинов с конями, убегавший в «свободную» сторону, попал в тесное ущелье с обрывом, где многие нашли свой конец.

На утро, как сказано в источнике, Тахмаз, который находился на горе Чох, послал «войска Каны-хана в Мухуб и Убух, которые они сожгли, и взяли в плен несколько человек из Авар и Мукраха». Людей в этих селениях иранцы не нашли и, когда они возвращались в свой лагерь, нашли тропу в ущелье Къулаб разрушенной и скопились очищая её. В это время сверху на них полетели камни, убегавших обратно сбрасывали вниз с обрыва, добивали кинжалами. Применить оружие иранцы не смогли. Горцы, вынудив врага неожиданным нападением выступить, отступали, заманивая его в удобные для себя места, где засада и там сражались. В аварской народной песне поется: «Лезут иранцы на горы, нет числа их ратной силе, но перед ними оживают камни, скалы и утесы. Из-за них бойцам навстречу смерть холодная несется. Загремели наши ружья, засверкали наши шашки, полились реки крови».

Существует много преданий, легенд, рассказов с указанием селений, конкретных названий местностей, связанных с событиями этих дней, но в целом они по содержанию близки, схожи с вышеприведенными. Следует отметить, что множества битв на Турчидаге не было, как об этом пишут. Там селений нет и зачем было андалалцам туда подниматься, чтобы сражаться на открытых больших равнинах, ровных плато.

На третий день Надир-шах, видя как гибнут его воины и нет успеха, вводит в бой большое количество отрядов, и пеших и всадников, желая добиться перелома в ситуации, но это не получилось – отрядам развернуться фронтом, по правилам искусства ведения боя, как это было раньше, в других местах, было негде, да и горцы не давали. Одновременно бои шли в разных местах – на полях чохцев, обохцев, мегебцев, согратлинцев, шитлибцев, палисминцев. Это ослабляло си-

лы иранцев, но и небольшим отрядам горцев тоже было тяжело, потери были большие, приходилось маневрировать, но оставить поле боя никто не стал, не собирался. Они не боялись смерти, есть много примеров, когда сознательно шли на нее, если она приносила врагу большой урон, но горцы знали, что надо остаться в живых, освободить родную землю от врагов и наладить мирную жизнь, восстановить хозяйство, жилище, быт. Все знали, что если погибнут молодые мужчины, юноши, то погибнет их общество. Есть немало рассказов, когда на очень рискованные дела шли пожилые люди, отстранив от них молодых, и нет ни одного рассказа, предания о трусости и предательстве горцев в эти дни.

К концу третьих суток подоспела помощь – приехали и пришли отряды из аварских обществ, хунзахского ханства, кубачинцев, кайтагцев, джарцев, белоканцев, кумухцев под водительством Муртузали, лезгин, табасаранцев, отряд из Уриба и Мукара. Как видим, по существу в разгроме воинов Надир-шаха принимали участие почти все народы нагорного Дагестана, даже народы (отряды добровольцев) из владений, чьи владетели покорились иранскому шаху.

Шли тяжелые бои на разных землях Андалала. По существу это была партизанская война, война народная, днем, и ночью, непрерывная, рассчитанная на изматывание врага. И погода сопутствовала замыслу дагестанцев: шел холодный дождь, дороги раскисли, горы и ущелья окутаны туманом, и горцы хорошо знавшие местность, добивались успеха. В тяжелые минуты на помощь мужчинам приходили женщины, они участвовали в сражениях с первых дней. В песне говорится: «То не мужи, что для битвы родились, с колыбели приучались с врагами в жаркой схватке биться насмерть. Андалалские – то девы, жены, матери и вдовы, в миг последний на подмогу в бой кровавый поспешили. Умереть они готовы с теми, кто был дорог их сердцу, только бы смерть подороже обошлась врагам свирепым».

И враг дрогнул, как поется в песне «Опустились их руки, робость их сердца объяла. Вместе с нею смертный ужас помрачил их слабый разум. Миг еще – они пошатнулись и в беспорядке побежали вспять от Чоха все бойцы Надир-шаха. Вслед им смех несется женский, смех и радостный и звонкий». Участие женщин в андалалском сражении – не художественный вымысел, и подтверждение тому – женские моги-

лы на кладбищах, где по преданию и надписям на камнях (1154 г. по хиджре) похоронены погибшие в битве с иранцами.

В тяжелых боях прошли четыре дня и ночи. На пятый день усилились натиск и давление горцев на иранцев и шах решил послать три крупных отряда в трех направлениях: к Обою – Мегебу, Чоху, Согратлю – они занимали важные стратегические позиции и мешали продвижению иранских войск куда-нибудь вперед – на запад или на юг. Дагестанские отряды, заняв высоты над тропинками, устроив засады, ждали иранцев в местности Хариб (хлари означает грязевая жижа, ил.), как нельзя лучше соответствующей своему названию. Хариб – это скалы, обрывы, крутые склоны с осыпающимся сланцем, узкие тропки, обрамленные боковыми выступами, это настоящий природный капкан. из него трудно выйти, если закрыть три-четыре прохода. Так случилось и с шахским отрядом, почти все его воины и их лошади нашли здесь смерть.

Другой крупный отряд был разбит на пахотных полях Канахури, Иркале, «Холме, где были разбиты иранцы», в местности Журугбек около селения Мегеб. По свидетельству участника событий в местности Журугбек из отряда в 6000 иранцев уцелело 600 человек. Вообще на территории Обою и Мегеба (вокруг селений) много мест, названия которых связаны с иранским поражением. В Андалале особенно известен грот с названием Махцарабнохо (сгнивший грот), где и поныне лежит множество человеческих костей, сюда занесли тела погибших иранцев – их было более тысячи ~ так как хоронить не хватало сил. В песне «О разгроме войск Надир-шаха» говорится: «Не получившие вьюка навоза мегебские пашни, были удобрены кровью иранцев», «По не промытым дождевым потокам обоюским ущельям, потекла речка каджарской крови».

Третий отряд, который шел в сторону Согратля попал в засаду в местности Хициб, ниже селения Обою. Дагестанцы окружив иранцев с трех сторон, стали теснить их к обрыву, согратлинцы применили в этом бою ядра из глины, начиненные порохом, которые взрываясь с шумом среди конных воинов вызывали страх и панику, беспорядочное шарахание их из стороны в сторону. Горцы добились желаемого результата. Много погибло иранцев в этом сражении, помощь им не могла прийти, дороги были перекрыты.

Все эти дни бои шли во многих местах, дагестанцы навязали врагу свою тактику, «войну без правил», нанося удары там, где им это было выгодно и удобно. Таким образом, как подтверждают все данные, одного большого, так сказать, генерального сражения не было.

В этот же день, когда шли бои на южном склоне горы Турчидаг, с севера на шахский лагерь, находившийся на самом плато, напали объединенные отряды цудахарцев, лакцев, акушинцев, кубачинцев. Здесь необходимо подчеркнуть роль отрядов из других аварских обществ, отрядов из многих вольных обществ разных национальностей, которые во всех боях, бок о бок с андалалцами бились с врагом, они понимали важность этой победы, ее необходимость, ибо, как поется в песне:

«Если каджары покорят Андалал,
Нам позора не смыть навеки,
Если проклятый прорвется к Согратлю и Чоху
Завтра – послезавтра он будет у нас».

В Андалале против Надир-шаха сражалось поистине интернациональное ополченское войско.

Видя безрезультатность стараний воинов, крах своих надежд на успех операции в Андалале, почувствовав опасность потерять все войско и самому попасть в плен, Надир-шах начал отступление назад в сторону Кумуха. Отряды, которые попытались прорваться к западу, в сторону Ругуджа, были рассеяны, разбиты.

Через неделю после прихода в Андалал, потеряв за это время более 25 тысяч воинов, почти всех вьючных животных и коней, не имея провианта, Надир-шах понял, что ему не покорить Аварию и нужно побыстрее уходить, бежать, по словам секретаря Надир-шаха из этой «области несчастий», где его воины стали «добычей врага». Он бежит и при этом теряет казну, все награбленное богатство. Горцы его не преследуют, как сказано в источнике XVIII в.: «дагестанцы не погнались за ними из Чоха и Сугурая». Здесь сказалась психологическая установка горцев: враг проиграл, он разбит и унижен, уходит. Пусть уходит, мы отстояли свою свободу. Отстояли очень дорогой ценой.

По имеющемуся этнографическому материалу, был убит каждый третий из молодых мужчин в Андалале.

Это была очень важная победа в жизни всех народов Дагестана. В этой освободительной борьбе было проявлено невиданное мужество, совершено множество героических поступков, горцы добровольно шли на смерть ради большой цели. «Смотрящие смерти прямо в глаза дагестанцы... стояли, как гранитные скалы» (Шерифетдин Эрел). Народная память сохранила имена многих людей, сыгравших большую роль в организации сопротивления, возглавивших отряды ополченцев, совершивших подвиг. Назовем некоторых из них: Гандамагомед, Харцу, Хуччу, Шамсият из Мегеба, Шагман из Обоха, Муртазаали из Кумуха (сын Сурхай-хана), Пирмагомед, Чупалав, Давуд из Согратля, Мадилав и Будаи из Чоха, отряды Дайтилал и Огузилал из Хунзаха, Амирасулав и Гунаш из Ругуджа. События этой тяжелой борьбы и великой победы отражены во многих рассказах, преданиях и легендах, воспеты в песнях, записаны современниками, описаны историками. Анализ всего материала показывает, что единого, общего руководства, так сказать командования, у дагестанцев в этой операции не было. И быть не могло.

В каждом ауле создавались свои отряды, определяли своего цевехана – вожака, предводителя и действовали они исходя из обстоятельств. Здесь не было общего войска, организованного ополчения, андалалцам не надо было что-либо или кого-то освобождать, занять позицию, наступать или отступить по команде, они просто изгоняли захватчика со своей земли. В этом им помогали, как могли пришедшие из других мест. Быть не могло, чтобы за 5–6 дней, дней очень напряженных, установилась чья-либо власть, тем более пришельцев, над всеми отрядами. Более того, при таком ярко выраженном антиханском, антивластном настроении – об этом говорят несколько пунктов «Свода адатов андалалцев». – принимать как руководителя над собой хана Мехтулинского Ахмед-хана или сына Казикумухского хана Муртазаали они не стали бы. И общего андалалского кадия с определенной духовной и светской властью не было. Все материалы, данные подтверждают, что теократическая форма управления с кадием во главе для Андалала была невозможна, очень сильны были демократические институты в обществе.

Касаясь причин поражения огромного войска, возглавляемого опытным полководцем от ополченцев обращает внимание на одно обстоятельство. После первого похода Надир-шаха (1734 г.) все феодальные владетели, кроме аварского хана, признали себя вассалами шаха. Историк Расул Магомедов по этому поводу пишет: «Страна была раздроблена, ханы, шамхалы и другие феодальные владетели изменили народу и многие из них бежали к шаху». Во время второго похода (1735 г.) были разорены Кумух, Табасаран, Лезгиния, Кайтаг. Третий поход (1741 г.): покорены шамхал тарковский, уцмий кайтагский, майсум табасаранский, кадий акушинский, разорена Лакия и шамхал в плену. Не покорена Авария и шах понимал, что «пока Авария сохраняла независимость, ключ к Дагестану оставался вне досягаемости Надир-шаха» (Л. Локкарт). Покорялись шаху владетели, ханы, вельможи, а их поданные невольно оказывались тоже покоренными.

Другое дело в вольных обществах. В них уздены не признавали ни чьей власти, кроме, как сказано в адатах андалалцев, власти Совести и Чести, власти Родителей, власти Всевышнего. Они были люди лично независимые, никому ничем не обязанные, свободные. Вот эту Свободу и Независимость они не могли потерять, считали, что их надо сохранить, хотя бы ценой жизни многих. Этим следует объяснить тот дух горцев в Андалале, их отчаянно смелые поступки, массовый героизм, решительность женщин, единство и готовность всех ополченцев прийти на помощь друг другу, и победу над врагом. Таким образом, исход похода Надир-шаха и Андалалского сражения решился так, главным образом, потому, что основными действующими силами были свободные уздены нагорного Дагестана, независимые ни от хана, ни от кадия, ни от военачальника, ни от кого, кроме собственно понимания «так надо» или «так нельзя» и джамаатских адатов.

В XVIII в. аварцы составляли Аварское и Мехтулинское ханства и множество союзов сельских общин – вольные общества.

В конце XVIII в. хунзахским ханом стал Умма-хан второй (умер в 1801 г.), при котором власть и влияние сильно укрепились. Ему дань платили грузинский царь, дербентский, кубинский, шекинский ханы, многие вольные общества. Во время войны (похода) аварский хан собирал 35–40 тыс. человек вооруженных ополченцев. В ханстве не было единой системы административного деления и управления.

Официально все вопросы внутреннего и внешнего управления решал хан. Он разбирал дела по адату, судил и наказывал по своему усмотрению. Духовные, наследственные и семейные дела решал кадий. Полицейские функции выполнял вооруженный отряд – нукеры, находящиеся на службе у хана. Аварский хан был отстранен от власти в 1863 г.

Другое феодальное образование – Мехтулинское ханство – был небольшим владением. В него входили и кумыки, местопребыванием хана были Дженгутай и Дургели, а в горах – Охли. Оно сложилось во второй половине XVII в. и по своей внутренней организации и управлению не отличалось от Хунзахского ханства. Мехтулинский хан был отстранен от власти в 1867 г. и его владение вошло в Темирханшуринский округ.

Большинство аварцев входило в союзы сельских общин – общества, называемых «бо» (войско, ополчение). В зависимости от политической обстановки состав их мог измениться, одни селения выйдя из одного общества могли войти в состав другого. Усилившееся ханство (Казикумухское, Хунзахское) заставляло жителей ближних аулов нести повинности и вмешивалось в их внутренние дела. В разное время Аварии составляло разное количество обществ. В целом они были стабильными по составу общественно-политическими образованиями со своими «уставами» (адатами) внутреннего распорядка. Вместе с тем нужно отметить, что четкого критерия определения самого общества нет, в одних случаях это два-три селения (Кахиб, Телетль, Тлох), в других – большой союз сельских общин (Андалал, Ацросо, Койсубулу). В начале XIX века перечень их выглядел так: Андалал (Гандалал), Анцух, Анцросо, Бохнада, Гидатль (Гьидаль), Гумбет (Бакъльулал), Джурмут (Тломурал), Карах (Къарах), Кахиб (Къа-хIиб), Келеб (Къелеб), Койсубулу (Хьиндалал), Кос, Куяда (КIуяда), Мукратль, Ратлу-Ахвах, Салатавия (НахъбакI), Таш, Телетль (Телекъ), Технуцал, Тох, Нахъа Хиндалал, Тланада (Къанада), Тлебел (Лъебелал), Тлейсерух (Къенсерух), Томс, Ункратль (Ункъракъ), Ухнада, Хебдалал, Хедолал, Хунз, Къурукъльи.

Деятельность обществ основывалась на соглашениях о взаимодействии, взаимопомощи, совместных действиях по защите от врагов,

по охране своих земель (территории), мирном регулировании спорных вопросов, соблюдении норм кодифицированного адатного права.

Многие «вольные» общества фактически были политическими и этнографическими единицами (субэтносами), имевшими свои культурно-бытовые, языковые особенности и находились между собой в состоянии союза, основанного на соглашениях и общих адатах о соблюдении суверенитета. История знает очень мало случаев нападения одного общества на другое, конфликтов и столкновений между ними.

Селение – сельская община, входившая в «вольное» общество, была самостоятельной хозяйственно-политической единицей, основанной на соседских и родственных отношениях, частной собственности ее членов и одновременном совладении ими общественной собственностью на своей территории (пастбищами, сенокосами, лесами, водными источниками), строгом соблюдении обычаев, регулировавших взаимоотношения людей и регламентировавших хозяйственно-бытовую деятельность. Сохранялось общинное управление – сход (мужское собрание), выбранные старейшины – чIухIби, гIадилзаби (с функциями правителей, судей), исполнители (гIалаби), выборный кадий (дибир).

Важным является вопрос об общественном строе и социально-экономических отношениях у аварцев. Из источников известно (о них сказано выше), что правители феодального государства и мелких владений получали подати от населения. Здесь трудно сказать все ли селения и их жители были зависимыми и платили подати, несли повинности. Известно, что в XV–XVI веках образовались ряд обществ, которые стали независимыми от хана и других феодальных владетелей и население которых не платило подати. И в последующие века жители вольных обществ оставались свободными, владеющими собственными пахотными землями, садами, скотом, сенокосами, имуществом, имеющими равные права на общинную собственность – пастбища, выгоны, сенокосы, леса, воду. Количество и качество земель и другого имущества в хозяйствах не определялись какими-либо правами и нормами. Состояние личного хозяйства зависело от самих хозяев. Были богатые и бедные, но не было сословного деления. Находившиеся в отдельных селениях небольшие лагские тухумы были

ущемлены в общественных правах и несли некоторые повинности в пользу общины и тухума – «владельца».

В союзах сельских обществ имелись три формы собственности на землю: частная, общинная и вакуфная. Частные земли – мюльки, находящиеся в полной и неограниченной собственности хозяина, являлись основной формой собственности на землю.

Пользование общинными землями регулировалось нормами ада-та, регламентировалось решениями схода и старейшин.

Вакуфными землями распоряжались мечети. Источником образования вакуфных земель являлись завещания верующих или прижизненная передача собственного участка. Обязательным для вакуфа было правило, что он не подлежал дележу и отчуждению (продаже).

Несколько иной были социальная структура и земельные отношения в ханствах. Кроме названных, в них было и феодальное землевладение – самыми крупными собственниками земли были ханы. На них работали бывшие рабы, которые получили свои наделы от хана, раяты, несшие постоянные повинности, общины, платившие хану феодальную ренту продуктами за пользование землей. Согласно данным в начале XIX в. аварскому хану принадлежало около трех тысяч десятин земли, крупными землевладельцами были и беки. Но большинство земельных угодий и в феодальных владениях находилось в собственности свободных крестьян-узденой. Экономическое, общественно-политическое состояние Аварии зависели от основной силы ее – свободных узденой.

После разорительных походов Надиршаха экономика дагестанцев восстанавливалась довольно быстрыми темпами, хотя феодальная раздробленность, соперничество дагестанских владельцев во многом мешали этому. Экономическому развитию способствовало дальнейшее углубление разделения труда между отдельными физико-географическими зонами Дагестана, так называемая зональная специализация. Если в горных районах усилилось специализированное овцеводство, то на равнине – производство зерновых, как товарной отрасли. Эта была новая, более эффективная форма организации хозяйственной деятельности, она способствовала быстрому росту экономического потенциала отдельных регионов, обществ, развитию ремесла и торговли. Определились торгово-обменные центры, базарные

дни в них. Становятся регулярными существовавшие и ранее связи с рынками Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа.

С конца XVI в. началось добровольное вхождение в состав России горских обществ Дагестана. Часть обществ приняла российское подданство уже к 1614 г., а к 1635 г. этот процесс охватил все дагестанские ханства Каспийского побережья. Ориентация ханств нередко оказывалась шаткой, непостоянной и менялась в зависимости от хода войн между Ираном и Россией. Но тем не менее ханы все чаще обращались к России за подтверждением своих титулов и прав⁶⁵.

Аварские ханства с XVII в. имели связи с Россией, которые усилились после включения Дагестана в ее состав. Время от времени аварский хан и некоторые общества обращались в Москву с заверением о своей верности и просьбой принять их в подданство России. Прочного присоединения не происходило: мешали русско-иранские, русско-турецкие, ирано-турецкие войны, решение горцев менялось с изменением политической обстановки, с приходом к власти в ханстве новых правителей. Успехи иранского шаха или турецкого султана одинаково тяжело сказывались на положении народов Дагестана: они не только учиняли жестокую расправу над покоренными, грабили селения, но и настраивали одни народы и владения против других.

После долгих военных действий и многих исторических событий на Кавказе были заключены в 1812 г. русско-турецкий Бухарестский и в 1813 г. русско-иранский Гюлистанский мирные договоры, что позволяло России значительно активизировать на Кавказе, в том числе и в Дагестане, свою политику. Политика была захватнической, вместо подарков, жалованья, которыми прежде привлекали на свою сторону дагестанских (и аварских) правителей, обещаний джамаатам безопасности торговых путей, расширения экономических связей, царские власти стали вводить повинности и подати, превращать всех в своих подданных. Хотя, следует отметить, радикального изменения политики не было.

Чтобы покорить горцев и принудить их к повиновению, власти начали сооружение крепостей на равнине, двигать войска в горы. К 1820 году большая часть Дагестана была включена в состав Российской империи, принявшим ее сторону местным феодалам установлено жалованье и присвоены звания. Большая часть аварцев оставалась

не покоренной, во внутренних районах центрального Дагестана войска не располагались и военно-административная власть надолго не устанавливалась. Но обстановка была напряженной, экономическое положение населения ухудшалось, была установлена экономическая блокада, выезжать в торговые экспедиции было запрещено. Военное командование время от времени совершало карательные экспедиции в горы, проявляя жестокость по отношению к местному населению.

Злоупотребления администрации, колониальная политика царизма, унижение, тяжелые поборы и подати, принудительный труд по строительству дорог, всякие притеснения вызывали недовольство народа. Малейшее непослушание наказывалось, а выражение недовольства и выступление против властей жестоко каралось. Феодалы большей частью выступали на стороне чиновников, рассчитывая на помощь последних в удержании в повиновении и эксплуатации крестьян.

Недовольство народных масс использовало духовенство, которое призывало горские массы к борьбе против русского царизма. И началась изнурительная, длительная, разрушительная война. Она стала тяжелейшим испытанием для аварцев.

Известным историческим фактом является то, что народы Кавказа, в том числе и Дагестана, которые с конца XV в. находились в сфере постоянных колониальных притязаний Ирана, Турции и России, в своих торговых и военно-политических отношениях больше ориентировались на Россию. Во второй половине XVI в. народы Северного Кавказа добровольно входят в состав России, а в середине XVII в. начался процесс присоединения ряда дагестанских владений к ней. Уже к началу XIX в. и многие «вольные общества» заявляли о своем желании войти в состав России, присягнуть российской короне, т.е. находиться в составе немусульманского государства. Народы Дагестана мало ориентировались в своих отношениях на свою религиозную принадлежность и сам ислам, его догмы были приспособлены к местным обычаям и традициям. Адат и ислам довольно спокойно уживались, предоставляя каждому из них свою нишу, свою сферу действий. И поэтому неверным является представление, что единственно верным, исторически необходимым был путь борьбы, войны с Россией, что у дагестанских народов, особенно аварцев, преобладало

антирусское настроение. И этому есть немало доказательств, это показал и ход народно-освободительного движения горцев Дагестана в 20–50-х XIX в. У горцев был выбор: покориться или бросить вызов сильному врагу. Горцы выбрали второй путь: свободолюбивые уздени, как не раз бывало в их истории, не захотели жить под чьей-либо властью, их дух требовал своей независимости, защиты своей земли, своего селения, своей семьи от иноземных поработителей. Об этой героической странице истории аварцев, народов Дагестана и Чечни сказано достаточно много, имеется обширная литература, поэтому ограничимся напоминанием основных этапов борьбы.

Идейным знаменем народно-освободительного движения горцев стало учение мюридизм. Слово «мюрид» означает «ученик», «последователь», который должен быть послушным учеником своего наставника – мюршида. Наставник – это мусульманин, который строго придерживается всех предписаний Корана, стремится «приблизиться» к Аллаху, соблюдает установления шариата. Шариат – совокупность религиозных и юридических норм мусульманского права. Приверженцами установления и укрепления норм шариата, в создавшейся социально-политической обстановке, выступили представители мусульманского духовенства, их среди аварского населения было достаточно много, выставившие призывы «мусульманин никому не должен платить подати», «освобождение магометан из-под власти неверных» и т.д. На этой патриотической основе сформировался кавказский мюридизм, имеющий политический характер, направленный на борьбу с «неверными».

Возглавил движение уроженец из селения Гимры (Генуб), провозглашенный имамом, Гази-Магомед (1794 – 1832 гг.), который в 1828 г. обратился к обществам с воззванием – требованием изъятия из жизненного обихода адата и замены его шариатом.

Далее он говорит: «... мы твердо решили защищать божью веру, посвятить всю жизнь этому богоугодному делу... Если же будете упорствовать в своих грехах, злых деяниях и заблуждениях, то мы нагрянем на вас с несметными силами и сметем вас с лица земли. Мы разорим вас, мы с позором выгоним вас из ваших аулов, из ваших гнезд. Мы, во что бы то ни стало, покорим и жестоко накажем вас»⁶⁶. С небольшим отрядом своих приверженцев Гази-Магомед ходил по

аулам Койсубулинского, Салатавского, Гумбетовского обществ и вводил шариат, часто силой оружия. Поход против хунзахцев – резиденции аварских ханов в 1830 г. потерпел неудачу. Удачным был рейд на равнину, Кизляр. В 1832 г. во время сражения возле аула Гимры Гази-Магомед был убит.

Вторым имамом в 1833 г. стал Гамзат-бек (1789 – 1834 гг.) из селения Гоцатль. Он подчинил ряд ранее не покоренных обществ, в том числе андалалцев, куюдинцев, гидатлинцев, хунзахцев. По его указанию были убиты все члены ханской семьи, Баху-бике казнена, в живых был оставлен малолетний Булач-хан. Последующие походы были неудачными. В 1834 г. Гамзат-бек был убит в хунзахской мечети в результате заговора.

Имамом был избран Шамиль (1798 – 1871 гг.) из селения Гимры. Деятельность нового имама началась с проповеди о необходимости внедрения шариата, ему необходимо было подчинить свободолюбивые вольные общества, собрать войско и создать военно-теократическое государство – имамат. Выполнить это было нелегко, так как джамааты жили по своим адатам и не желали войны, потрясений. Убеждениями, угрозами, нередко применяя и силу, Шамиль вводит шариат в аварских селениях, набирает ополченцев, готовится к борьбе с царскими войсками, ханами и беками.

Росту авторитета и влияния Шамиля способствовал ряд побед над царскими войсками, присоединение к нему многих обществ западного и северо-западного Дагестана, движение, по словам генерала П.Х. Граббе, «получило необыкновенно обширное развитие»⁶⁷.

Значительным и ярким событием первого этапа народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа за свою свободу и независимость стала героическая оборона крепости Ахульго. Шамиль понимал, что его успехи не останутся без реагирования со стороны царских чиновников, назревают крупные события. Известно было о продвижении большого числа солдат в глубь Дагестана. Необходимо было предпринять меры. Решено было укрепить крепость Ахульго, расположенную в скалистых горах на берегу Андийского Койсу, занимавшую важную стратегическую позицию. Летом 1839 г. царские войска были под Ахульго. У Шамиля было около 1500 человек против 10 тысяч солдат и горской милиции. После про-

должительной осады, многократных штурмов, жестокого артиллерийского огня крепость пала. Практически защищать ее стало некому. В этих, беспримерных по накалу и ожесточенности, боях горцы проявили мужество и верность долгу, о которых восхищенно говорили даже их враги – царские офицеры. Пали почти все защитники Ахульго, среди них находилось немало женщин, детей, стариков. Потери царских войск были огромны. Имаму Шамилю с небольшой группой близких людей удалось уйти.

Падение Ахульго привело к временному ослаблению борьбы и отходу части горцев от активных действий. Необходима была новая мобилизация сил.

Наиболее успешными в освободительной борьбе у имама были 1840–1850 годы, названные «блистательной эпохой Шамиля». Одержаны были крупные военные победы, освободили от царских войск почти всю Аварию. На сторону Шамиля перешли Хаджи-мурат и Даниял-бек Елисуйский, что придало новую силу движению. Однако с конца 40-х гг. началось постепенное продвижение царских войск в горы, Шамиль терпит военные неудачи: были разбиты большие отряды у Салтинского моста, под Гергебилем, на Турчидаге, походы на Табасаран, Закаталы закончились поражением.

Последствием этих поражений и неудач стало ослабление Имамата. «Поднявшись на гребне нарастающей борьбы крестьянских масс, «благочестивые таррикатисты» создали военно-административную систему, которая со временем изменила свое содержание, превратилась в военно-теократическое государство – имамат – со своей иерархией. Во главе этого государства стоял имам Шамиль»⁶⁸.

В конце 50-х годов усилились противоречия внутри имамата и постепенный отход крестьянских масс от борьбы. Для этого было несколько причин. Началось социальное расслоение внутри имамата. Наибы поступали несправедливо, совершали неблагоприятные дела, допускали убийства, захват чужого имущества, издевательства. Тяжелыми были существовавшие в имамате поборы и налоги. В горах не стало ни хлеба, ни соли, ни другого необходимого. Горцы не хотели жить под властью наибов и по установленным имамом низамами, отказываясь от своих адатов. Низами превращали их в зависимых

людей, а они больше всего ценили свою свободу и независимость. Хозяйства разрушались, люди бедствовали.

После тяжелых боев, окруженный с четырех сторон царскими войсками, Шамиль с небольшим отрядом сподвижников вынужден был отступить в Гуниб. Здесь 25 августа 1859 г. он сдался царским войскам. Закончилась почти полувековая борьба горцев за национальную и социальную независимость.

После окончания народно-освободительной борьбы горцев в Дагестане была проведена административно-судебная реформа, ликвидированы ханства, установилась единая система административного управления в составе Российского государства. Аварское население вошло в Аварский, Андийский, Гунибский, частично в Темирханшуринский округа. С незначительными изменениями эта «военно-народная» система управления сохранялась до свержения царской власти в 1917 г.

Во время народно-освободительной борьбы народов Дагестана аварцы надеялись на помощь Турции и ориентировались на нее как на соседнюю сильную мусульманскую страну. В конце 50-х годов XIX в. началось движение за переселение в османские владения. Уход из родных мест целыми семьями был формой протеста народа против царского административного управления, колониального режима, нищенской жизни и подкреплялся религиозными чувствами. Турецкие агитаторы призывали горцев к переселению, обещали счастливую жизнь. Исходя из архивных данных, полевых материалов ученые считают, что из Дагестана эмигрировало в Турцию примерно 20 тысяч человек или около 5 тыс. семейств⁶⁹. Посчитать количество переселившихся аварцев невозможно. Некоторая часть их проживает в Сирии, Ираке, Иордании.

Сложившаяся обстановка после введения военно-административного управления многих аварцев не удовлетворяла, начались выступления против власти, хотя за это участников жестоко наказывали. Наиболее активными участниками и организаторами вооруженного восстания были духовные лица. По призыву богослова Абдурахмана Гаджи в 1877 г. повстанцы собрались около Гуниба и окружили Гунибскую крепость. Но взять ее не смогли. Однако восстание ширилось, охватывая все новые и новые общества и селения. Только селе-

ние Чох, считая выступление против власти бесперспективным и политически ненужным, не примкнуло к восставшим. Царское правительство приняло ответные меры, в горы двинулись большие, хорошо вооруженные отряды. И в нескольких сражениях у селений Кутиша, Агвали, Хунзах, Телетль, Цудахар) восставшие потерпели поражение, после чего многие отряды рассеялись. Оставшиеся собрались в сел. Согратль, где находились руководители восстания. В начале ноября 1877 г. повстанцы были разбиты, аул этот разрушен до основания. Руководители восстания были казнены – повешены в местности Салани вблизи Гуниба. Огромное число активных участников восстания вместе с семьями было арестовано; часть из них была выслана во внутренние губернии России на каторжные работы и постоянное жительство. Так, из Гунибского округа было выселено 1453 человека, всего из Дагестана – 4875 человек⁷⁰. Так закончилось восстание, названное аварцами «Къокъаб шариг Iat».

После подавления восстания 1877 г. начался новый период развития хозяйства, материальной и духовной культуры, общественного быта аварцев, как и других народов Дагестана. Этому в немалой степени способствовало сближение горцев с русскими и народами Северного Кавказа. В мирных условиях расширились торгово-экономические связи, появились рабочие – отходники, представители национальной интеллигенции, профессиональные купцы, офицеры. Наряду с мусульманскими школами – мектебами, медресе – появились светские школы, медицинские учреждения, почтовая связь, частные типографии, где печатались книги на дагестанских языках, в том числе и на аварском, национальная письменная литература. Дальнейшее развитие получили устное народное творчество, наука, художественные промыслы, зодчество. Ощутимо изменился социальный состав населения, чему способствовали проникновение и развитие рыночных, капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

События в России непосредственным образом влияли на общественно-политическую обстановку в Дагестане. В годы революции и гражданской войны большая часть аварцев восприняла социалистические идеи и приняла участие в революционной борьбе. Из их среды вышли известные борцы за советскую власть Махач Дахадаев, Магомед-Мирза Хизроев, Муслим Атаев, Магомед Омаров-Чохский. Од-

нако значительная часть аварцев выступила и под знаменем ислама и независимости от России, что особенно проявилось в движении Н. Гоцинского. В начале XX в. политическая обстановка в аварских районах была довольно сложной и установление Советской власти аварцы приняли неоднозначно.

* * *

¹ О природно-географических условиях см.: *Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И.М., Тертеров А.А.* Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; *Добрынин Б.Ф.* География Дагестанской ССР Буйнакск, 1926; *Коростелев Н.А.* Климат Дагестана. М., 1931; *Эльдаров М.М.* География Дагестанской АССР. Махачкала, 1981; *Физическая география Дагестана.* М., 1996.

² См.: *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964; *Амирханов Х.А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана М., 1987.

³ *Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // *Древний Восток: этнокультурные связи.* М., 1988. С. 20; *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 42–45.

⁴ *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* Указ. Раб. С. 91.

⁵ *Дьяконов И.М.* Некоторые лингвистические данные к проблеме связей населения Восточного Кавказа и Закавказья с Древним Востоком в III – I тыс. до н. э. // *Материалы семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа: Тезисы.* Баку, 1966. вып. 12. С. 7–9; *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. С. 241.

⁶ *Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 17–18.

⁷ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала. 1974. С. 124.

⁸ *История Дагестана.* Т. I. М., 1967. С. 124.

⁹ Акаро–название горы близ селения Хунзах. Дагестано-Грузинской археологической экспедицией в конце 70-х г. XX в. на этой горе были проведены раскопки и обнаружены остатки построек. По преданию, там находилось поселение – укрепление, в котором жили наблюдатели за подходами к аулу, караульные.

¹⁰ «Тарих Дагестан» Мухаммад Рафи // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 98–99.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 219; *Шихсаидов А.Р.* Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала, 1962. С. 14; См.: *Ших-*

саидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1968; *Он же.* Ислам в средневековом Дагестане // *Ближний Восток и Грузия.* Тбилиси, 1991; *Он же.* Распространение ислама в Дагестане // *Ислам и исламская культура в Дагестане.* М., 2001; *Айтберов Т.М.* О распространении ислама в Дагестане // *Блокнот агитатора и пропагандиста.* Махачкала, 1988, № 15.

¹³ *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* Указ. Раб. С. 199.

¹⁴ Балалзори. Книга завоевания стран / Пер. с араб. *П.К. Жузе.* Баку, 1927. С. 208–209.

¹⁵ *Шихсаидов А.Р.* Когда и как насаждался в Дагестане ислам. С. 32–33.

¹⁶ *Бакиханов Аббас-Кули-Ага.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 81.

¹⁷ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. СПб., 1884. С. 185–186.

¹⁸ *Иоан де Галонифонтибус.* Сведения о народах Кавказа. 1404 г. (из сочинения «Книга познания мира») Баку, 1980. С. 26.

¹⁹ «Тарих Дагестан». С. 102.

²⁰ См.: *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII – XV вв.). Махачкала, 1969. С. 206.

²¹ «Тарих Дагестан». С. 104.

²² Там же.

²³ Там же. С. 102.

²⁴ См.: *История Абуमुслима // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Указ. Раб. С. 74–84.

²⁵ *История Дагестана с древнейших времен до наших дней.* Махачкала, 1997. С. 97 / Отв. ред. *М.Ш. Шигабуудинов.*

²⁶ *Саидов М.-С.* О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // *УЗ ИИЯЛ.* Т. 2. 1957. С. 50; См.: *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане.

²⁷ *Минорский В.Ф.* Указ. Раб. С. 219.

²⁸ *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 211.

²⁹ *Магомедов М.Г., Мамаев М.М., Федоров Г.С.* Исследования в Северном Дагестане // *Археологические открытия 1970 г. М., 1971.* С. 128.

³⁰ *Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК.* Вып. XXII. Тифлис, 1897. С. 51.

³¹ *Магомедов Д.М.* Христианство и его роль в культурной жизни горцев Дагестана // *Христианские памятники в Дагестане.* Махачкала, 2001. С. 44.

³² *Марковин В.И.* О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа и храма Датун в Дагестане // *Художественная культура средневекового Дагестана.* Махачкала, 1987. С. 40–41.

³³ *Известия грузинских летописей... С. 52.*

³⁴ *Мамаев М.М.* Произведения средневекового искусства Дагестана, связанные с христианством // *Христианские памятники в Дагестане.* Махачкала, 2001. С. 33.

³⁵ «Тарих Дагестан». С. 104.

³⁶ *Минорский В.Ф.* Указ. Раб. С. 218–219.

³⁷ *Абдурахман* из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Перевод с арабского *М.-С. Саидова*. Комментарии, предисловие *А.Р. Шихсаидова*. Махачкала, 1997. С. 139.

³⁸ *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык. Тифлис, 1889. С. 4.

³⁹ Там же. С. 5.

⁴⁰ Там же. С. 4.

⁴¹ Подробно об этом см.: *Агларов М.А.* Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. Махачкала, 1998. С. 48–54; *Атаев Б. М.* Аварцы: история, язык, письменность. Махачкала, 1996. С. 14–20.

⁴² *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке М., 1961. С. 135.

⁴³ *Шихсаидов А.Р.* «Завешание Андуник-Нуцала» (к вопросу об изучении) // Вестник дагестанского научного центра. 1998. № 1. С. 93.

⁴⁴ Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Сост. *А. С. Омаров*. Махачкала, 1968. С. 221.

⁴⁵ Там же. С. 55.

⁴⁶ Гидатлинские адаты. Подготовили к печати *Х.-М. Хашаев* и *М.-С. Саидов*. Махачкала, 1957. С. 39.

⁴⁷ *Исламмагомедов А. И.* Отношения общества Андалал с соседями: проблема взаимоотношений, в том числе разноэтнических // Новые исследования дагестанских историков. Материалы научной конференции, посвященной итогам научно-исследовательской деятельности Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН за 1990–1995 гг. Махачкала, 1996. С. 17–18.

⁴⁸ *Хашаев Х.-М.* Указ раб. С. 137.

⁴⁹ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 105.

⁵⁰ *Котович В.М.* Анадинский замок // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 222–230.

⁵¹ Материальная культура аварцев. С. 105.

⁵² *Атаев Д.М.* Ханасул хъала // Газ. «Красное знамя». 1961. № 201.

⁵³ *Котович В.М.* Анадинский замок. С. 230.

⁵⁴ См.: *Закарая П.* Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969.

⁵⁵ *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Указ. раб. С. 95.

⁵⁶ Тарих Дагестан. РФИИАЭ, Ф. 16, оп. 1, д. 498 (2646), № 15.

⁵⁷ Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв. Архивные материалы. / Составление, предисловие и примечания *Х.-М. Хашаева*. М., 1965. С. 63.

⁵⁸ Из истории права народов Дагестана. С. 223.

⁵⁹ *Комаров А.В.* Списки населенных мест Дагестанской области // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.1. Тифлис, 1869. С. 8.

⁶⁰ *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Указ. Раб. С. 183.

⁶¹ Там же. С. 186.

⁶² *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана (ИГЭД). М., 1958. С. 114.

⁶³ Там же. С. 112.

⁶⁴ *Скалон Ф.П.* Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 276.

⁶⁵ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 9.

⁶⁶ *Мухаммед Тахир.* Три имама. Махачкала, 1990. С. 5.

⁶⁷ История народов Северного Кавказа. С. 147.

⁶⁸ Там же. С. 152.

⁶⁹ *Мусаева М.К., Магомеддаев А.М., Курбанов М.Ю.* Дагестанская диаспора в Турции. Махачкала, 1999. С. 40. Об эмиграции дагестанцев в Турцию см.: Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (Сборник документов и материалов). Кн. I. II. / Сост. *А. Магомеддаев*. Махачкала, 2000; *Магомедханов М.М.* Дагестанцы в Турции. Махачкала, 1997.

⁷⁰ История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 162.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава 2. ХОЗЯЙСТВО

Традиционными хозяйственными занятиями были земледелие и скотоводство. Ими стали заниматься с древнейших времен. Производящее земледельческо-скотоводческое хозяйство здесь сложилось в неолите (конец VII – VI тыс. до н.э.). На Чохском поселении (центральный Дагестан) найдены зерна окультуренных злаков, земледельческие орудия, кости одомашненных животных¹.

В следующие эпохи земледельческо-скотоводческая культура получает дальнейшее развитие – завершается становление культурных зерновых и domestикация животных, и осваиваются новые территории – памятники энеолита и бронзового века имеются почти во всех аварских районах горного Дагестана².

В дальнейшем хозяйство приобретает региональные специфические черты, происходит сложение хозяйственно-культурных ареалов, которые были детерминированы природными условиями. Человек, в зависимости от особенностей экологической среды выбирает самое оптимальное занятие, наиболее продуктивную форму хозяйственной деятельности. И эта обусловленная направленность формирует ведущую форму хозяйства и образ жизни в целом.

Чтобы иметь общее представление о зонах и хозяйственной деятельности народа в целом приведем тезисную характеристику каждой зоны с последующим описанием более подробно каждой отрасли.

Предгорная зона (делится на три подзоны) занимает северные склоны Салатавского и восточные склоны Гимринского хребтов, которые постепенно переходят в равнину. По природно-хозяйственным данным селение Гелбах (одно из старых и традиционных населенных пунктов Дагестана) расположено в равнинной зоне. Эта зона наиболее благоприятная для жизнедеятельности: теплый и влажный кли-

мат, регулярные осадки, пологие склоны, плодородная почва. Однако, верхнее предгорье, которое находится на стыке с горной зоной, по природным условиям и традициям хозяйствования близко к последней.

В предгорье ведущее место в хозяйстве занимало земледелие. Было оно в основном богарным, но где практиковался полив, ирригационная культура достигла высокого уровня. Преобладали посевы озимой пшеницы, ячменя, позднее кукурузы. Пахотным орудием был оборотный плуг, применялось боронование. Для восстановления плодородия почвы применялись переложная и паровая системы, зябь, двух- и трехпольные севообороты и плодосмены при незначительном удобрении почвы. Преобладал мужской труд, они же заготавливали и сено. Большую роль в хозяйстве играл крупный рогатый скот. Он обеспечивал молочно-мясными продуктами, тягловой силой, сырьем для одежды и обуви. Преобладала стационарная форма содержания, стойлово-выгонная. Промыслы были слабо развиты и отходников было не много.

Среднегорье (нагорье) занимает большую часть территории Аварии, включая горные долины, плато, хребты, пологие горы, отвесные скалы. Поверхность чрезвычайно разнообразна, климат умеренный полусухой, в общем благоприятный, мягкая зима, защищенность от ветров значительная. Все это способствовало развитию многоотраслевого хозяйства, в котором ведущим стало земледелие с отгонным скотоводством. Культура террасного земледелия достигла очень высокого уровня, максимально используя при сильно ощущаемом малоземелье каждый участок для вспашки. Пахали деревянным легким плугом (рало) с железным наральником. Широко применяли удобрения, зябь, пар, плодосменную систему. Возделывали пшеницу, ячмень, голозерный ячмень, овес, бобовые, лен. Горная долина была зоной садоводства и виноградарства. Скотоводческое занятие имело несколько форм: для крупного рогатого скота – стационарная с частичным перегонном летом, для овец в основном – отгонная: весной – в горы на альпийские луга, осенью – на зимние пастбища. Развиты были кустарные промыслы и отходничество.

В высокогорной зоне мало пригодных для земледелия полей из-за крутого и сильно пересеченного рельефа. И еще суровый, холод-

ный климат делает его малорентабельным занятием. В силу экологических условий здесь ведущей отраслью хозяйства стало отгонное скотоводство с преобладанием удельного веса овцеводческого поголовья. Кустарными промыслами занимались в основном женщины, а мужчины – отходничеством.

Земледелие. Одной из основных отраслей хозяйства аварцев было, с разным удельным весом по зонам в общей экономике, земледелие. Эффективность его была связана, наряду с другими факторами, с качеством почвы. В предгорье преобладали почвы светло-каштановые, в верхнем предгорье – черноземные, в горах – черноземные и темно-каштановые, в горной альпийской зоне – горнолуговые³, в речных долинах – суглинистые⁴.

Необходимым условием, основой для земледелия являлось наличие земли. Вроде бы ее и немало в Дагестане: на каждого жителя приходилось около 3 гектаров. Но много было земель непригодных для использования. Если сельскохозяйственные угодья составляли 3 млн. гектаров из общей площади 5 млн. 30 тыс. гектаров, то посевная площадь составляла около 450 тыс. гектаров, т.е. менее 1/10 части ее. В горных районах обрабатывали около 1/14 части общей площади земли, в высокогорной зоне – 1/20 часть⁵.

«Отличительной особенностью естественно-географических условий Дагестана, во многом определявшей своеобразие путей развития здесь древнего земледелия, – пишет В.Г. Котович, – была крайняя ограниченность пригодных для него земельных ресурсов»⁶.

Воздействие указанных факторов: малоземелья и приспособленности всего хозяйственного комплекса (особенно земледелия) к конкретным естественно-географическим условиям конкретных естественноисторических районов – раньше всего проявилось в горном Дагестане⁷. Как показывает археологический и этнографический материал, это были горные районы, где еще в древности перешли к интенсивным формам земледелия, чему в немалой степени способствовало применение пахотных орудий и земледельческого освоения высокогорий (на горных плато), где естественное произрастание злаков затруднено.

Площадь пахотной земли определялась по количеству засеваемого зерна на ней; площадь сенокосного участка – по количеству скашиваемого сена с него в среднеблагоприятный год.

Напомним, что обрабатываемая (пахотная) земля с давних времен в Аварии была частной собственностью семей, она переходила по наследству, делилась между братьями, и по мере увеличения населения размеры муьков уменьшались, и они не могли обеспечить всегда семью зерном, приходилось осваивать новые участки, менее плодородные и далеко расположенные от поселений. На это нужно было разрешение джамаата и с этой целью выделялись специальные земельные массивы, на которых нуждающиеся могли обрабатывать – вспахать определенных (установленных) размеров площадь. Нарушение наказывалось согласно адата. Как правило, эти поздно окультуренные массивы перераспределялись по жеребьевке через определенное, установленное время. Но чаще бывало так, что вновь подготовленный участок под пашню становился собственностью семьи. Забота о нуждающемся члене общины, старание помочь ему создать свое хозяйство были одной из адатных норм дагестанского джамаата, направленной на существование и благополучие самой общины.

Надо указать на одно обстоятельство. Внутри одной зоны разные природные районы – общества имели разные как по качеству, так и размерам (площади) земли. Если одни общества владели плодородными большими массивами, то другим достались каменистые сухие склоны с незначительными участками, которые можно было приспособить под пашню. Таким образом, общий земельный фонд общины определяли размеры пахотных участков ее членов. Кроме того, давно начавшийся процесс имущественной дифференциации внутри общины привел к неравномерному распределению пахотных земель между общинниками. Тем не менее, для получения общей картины, приведем некоторые данные, опубликованные в литературе.

В конце XIX – начале XX в. на одно хозяйство в горах приходилось 0,20 – 0,40 десятины земли⁸. Естественно, земля, «отвоёванная у природы трудом целых поколений»⁹, «в результате гигантского труда многих поколений»¹⁰ очень берегли и высоко ценили.

В другом труде приводятся несколько другие данные: в горах одно крестьянское хозяйство приходилось 1,87 гектара пашни¹¹.

Во многих районах, особенно в горных долинах, населению приходилось прилагать много усилий, чтобы крутые склоны гор приспособить под пашню, создать ровные участки в виде террас. Многие источники, наблюдатели отметили необычное трудолюбие, чрезвычайное старание горца сделать каменистый, беспочвенный склон пригодным для посева, но нередко описывали его труд в мрачных тонах, искажая действительность, что было отмечено в работах дагестанских исследователей. Так, Н. Данилевский писал, что в Хунзахском ханстве люди часто вынуждены были приносить землю на голые скалы и цепляясь за них сеять по несколько пригоршней проса¹². Читаем у А. Берже: «Нередко случается видеть, как горец при помощи крючьев и веревок, с небольшим мешком пшеницы, прикрепленным к поясу, имея длинное ружье на перевязи и кинжал, поднимается на утесистую скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотной земли»¹³. У Н.Ф. Дубровина сказано: «С торбою, привязанную за пояс и крючком двулапым, посаженным на палку, искал иной из них трещины, чтобы вонзить туда железные когти: как поднявшись на всего до полшеста вонзал он гвоздь между камнями, становился на него, забрасывал далеко ноги, вынимал и выше вонзал гвоздь снова для того, чтобы найти несколько шагов земли для посева горсти пшеницы»¹⁴.

Естественно эти описания далеки от реальной жизни горцев и их занятий, носят экзотический характер, авторы, видимо, хотели рассказать о суровых, тяжелых, на их взгляд, условиях быта. Тем более, что в XIX в. редко где строились террасы и возможные места для использования под пахоту уже были освоены. Более того, в это время шел процесс забрасывания малопродуктивных земель, который сегодня достиг катастрофических размеров. Приведем, отступив от темы (хронологических рамок), одну цитату.

«Горные склоны в Дагестане с древней поры были сплошь террасированы. В наши дни практически все террасы заброшены и подвергаются разрушению. По подсчетам специалистов, в результате интенсивной эрозии почв сейчас примерно 42 % ранее использовавшихся в сельском хозяйстве горных земель пришли в негодность.

В горах участились случаи возникновения лавин, оползней, селевых потоков, что нередко оборачивается катастрофическими последствиями для местного населения»¹⁵. В этом плане показательны дан-

ные по Гунибскому району: из использовавшихся в 1951 году под посевы и сады 5329 га, в 1991 г. сохранились 2481 га, т.е. были заброшены более половины окультуренных земель¹⁶.

В дореволюционном Дагестане к пахотной земле относились очень бережно, любовно и тщательно ухаживали за нею, она стоила дорого, а продажа ее была редким явлением. А.А. Неверовский в середине 40-х г. писал, что «участок, равнявшийся половине нашей десятины (около 0,5 га – А.И.), стоит от 40 до 70 рублей серебром»¹⁷. По сведению Д.Н. Анучина, десятина земли в горах стоит 100, а в «некоторых местностях в исключительных случаях доходит до 300 – 400 рублей»¹⁸. В «Кавказском календаре» на 1886 г. написано, что в Дагестане пахотных «земель вообще мало, в особенности в нагорной полосе области, где каждый сколько-нибудь удобный кусок тщательно обрабатывается и где ценность земли, годной для садов и распашки, доходит до 1200 руб. за десятину. Население очень любит богатство в виде земли и недвижимого имущества вообще»¹⁹.

Приведем небольшое сравнение, чтобы перевести цены в рублях на скот. По данным, полученным из документов, составленных в середине XIX в. – адаты селения Цекуб – овца стоила 2,25 руб., корова – 10 руб., бык – 15–20 руб.²⁰ О ценах на скот имеется разнбой, и он объясняется весом, ростом, возрастом животного (в одном месте четырехгодовалый бык определен в 8 руб., в другом – «стоимость в десять голов овец»); в багулалском обществе бык стоил от 9 до 25 руб.²¹ Очень характерна притча, имеющая широкое хождение: один горец решил продать пахотный участок соседу за овец и последний должен был дать их столько, сколько уместится на участке. Когда все было сделано как договорились, то владелец земли нагнул и заявил, что ноги овец шевелятся, а земля – нет, они могут исчезнуть, земля останется. Торг не состоялся.

Цены на землю в разных естественноисторических районах были разными. В горах она ценилась в 10–15 раз дороже чем на плоскости²², а в горнодолинной зоне ее цена была еще выше.

Во многих аварских сельских обществах – «бо» – продажа земли в другое общество адатом была запрещена: «Если один человек из наших продаст одному человеку из чужих (не андалалцу – А.И.) па-

хотные земли или дом, то с него взыскивается 300 баранов и проданное переходит в собственность нашего общества»²³.

«Кто продаст пашню жителю другой деревни, платит жителям деревни десять рублей»²⁴. (Арадерих).

«Если кто продаст или подарит человеку из другого общества пахотный участок или сенокос, то с него ежедневно взыскивается по одному быку стоимостью в 6 овец»²⁵. (Келеб).

«Если кто продаст свою пахотную или покосную землю человеку из другого селения, то с него за каждый день нахождения этой земли в собственности покупателя взыскивается по одному быку»²⁶. (Цекуб).

Запрещалось отдавать землю в аренду: «Если кто сдаст землю в аренду человеку из другого селения, то с него взыскивается штраф»²⁷. (Келеб).

Запрещалось не только продавать землю человеку из другого общества, но и работать на ней и владельцу ее, когда ему заблагорассудится. Существовала строгая регламентация сельскохозяйственных работ, нарушение ее влекло за собой строгое наказание. «Начало и конец сельскохозяйственных работ было принято объявлять криком эла (исполнителя, чауша). Тот, кто нарушал установленные сроки работ, подвергался штрафу»²⁸. Сказанное подтверждают многие адаты.

Например, в адатах келебских селений сказано: «Если кто пойдет засеять свой пахотный участок раньше, чем другие односельчане, с того взыскивается штраф»²⁹.

По адатам Чохского джамаата косить сено на собственных сенокосах разрешалось только после начала жатвы.

В селении Орта аварского округа тот, «кто съест плод, который недозволено еще есть, платит рубль»³⁰. И получал общественное порицание. Судя по полемому материалу таких ограничений было много. «Хозяйственный рационализм в интересах всего джамаата ограничивал частное право свободного распоряжения временем начала и окончания работ членов джамаата»³¹.

Нам думается прав М.А. Агларов, который считает, что строгое регламентирование сельскохозяйственных работ объясняется не былым хозяйственным коллективизмом, идет не «от прежнего родового

единства» как считал М.М. Ковалевский, а объясняется «исключительной необходимостью порядков регламентации в том виде, в котором они бытовали»³², целесообразностью, как пишет Х.-М. Хашаев, «порядок был установлен, по всей вероятности, во избежание хищений, порчи и т.д.»³³. Очевидно, что оно было продиктовано опытом многовековой истории хозяйствования, народным сельскохозяйственным календарем. В каждой общине система организации работ имела свои особенности.

В Аварии существовали разные типы пахотных полей: 1) естественно выровненные площади, имеющие иногда размеры более гектара (в основном они есть в предгорье и центральном нагорье – Гунибский, Советский районы); 2) плоскогорья; 3) пологие склоны; 4) природные террасы – естественные террасообразно расположенные широкие поля; 5) подсека (применялась еще в XVII – XIX веках в предгорных районах и в высокогорье богатых лесами, для получения новых пахотных участков. В прошлом и горы центральной части Аварии были покрыты лесами. В горах есть поля, названия которых указывают, что они появились в результате подсечно-огневого очищения местности); 6) искусственные террасы с межевыми откосами; 7) террасы с каменными подпорными стенами (представлены двумя подтипами: широкими и узкими).

Первые четыре типа пахотных угодий были изначально объективно существующими до вмешательства человека данностями для земледельческих работ. Оставалось их освоить – очистить от камней, вспахать, окультурить.

Около половины всей пашни у аварцев составляют нетеррасные земли, в высокогорной зоне имеющие нередко большую крутизну.

Искусственные террасы с межевыми травяными откосами образовались в ходе длительной и целенаправленной обработки склона – выравнивания в удобные для пахоты полосы путем поперечной вспашки, которые могли удерживать влагу и препятствовать смыву почвы дождевыми потоками. Этот тип террас составляет значительную часть посевной площади Нагорного Дагестана.

Аварцы пахотное поле называют «хур», поля – «хурзал», «мегъ», сенокос – «харибакI», степь – «авлахъ», неосвоенная земля – «ГIа-лах», луг – «мечI», сад – «ах», гора (пастбище) – «мегIер», склон (от-

кос) – «ссан», терраса – «кьер», «магъльи». Терраса не имеет своего специального общеаварского названия, имеются диалектные и по-аульские. Например, у андалалцев терраса – «магъли», «магълал» (мн. ч.); возможно произошло от «магъ» – хвост, вообще слово употребляется по отношению к узкой полоске земли.

Террасы создавались многолетним тяжелым трудом горцев, но особого труда требовали террасы с каменными подпорными стенами. О технологии строительства их сказано не мало, так же как о генезисе, роли и месте в экономической жизни горцев Дагестана³⁴, тем не менее приведем одно описание: «с помощью кирки и лопаты разрывали каменистые пласты, выбирали из недр земли камни, чтобы образовать почву, годную под хлебопашество. Камни эти выбраны и сложены здесь же, как будто для того, чтобы показать потомству, каких трудов стоило из скал создать почву». На самом деле назначением этих стен было создание площади и укрепление ее со стороны склона – антиэрозийная мера. Почва на ней со склона сверху передвинутая и наносная. Нанесение дополнительной почвы практиковалось на протяжении всего времени ее использования. Первый подтип террас с каменными подпорными стенами – широкие по характеру обработки и использования ничем не отличается от террас с межевыми откосами, а полосы – террасы шириной не более 3-4 метров, длиной до 25-30 метров, обрабатываемые вручную – используются под сады, если есть возможность полива, или под виноград. Второй подтип составляет незначительную часть всех обрабатываемых земель и они характерны для крутых склонов горно-долинной подзоны.

О жителях долины Койсу генерал Граббе в 1839 г. писал (тот самый, который командовал русским отрядом при осаде и взятии Ахульго): «Лезгины имеют весьма мало пашен и лугов, а поэтому почти не занимаются хлебопашеством и скотоводством. Главное занятие их в самом быту состоит в обрабатывании садов, которые не что иное, как бесчисленное множество узких террас, обложенных каменными стенами и расположенных таким образом, чтобы удобно было их орошать посредством водопроводов из ближайших речек. Террасы эти обрабатываются весьма тщательно: по бокам они усажены фруктовыми деревьями и виноградными лозами, а середина засеивается кукурузой, которая у них заменяет другие хлебные растения,

так что сад здешнего лезгина дает ему достаточно хлеба и прекрасные плоды, и поэтому составляет главное его богатство.

... Нельзя не изумляться этим вековым работам многих поколений, которые трудами своими превратили огромные голые скалы в пашни и сады»³⁵. Генералом точно подмечены особенности хозяйственной жизни жителей горных долин, значение террас, в условиях острого малоземелья, нехватки пашен и пастбищ.

Небольшое, но емкое описание террас дает и Д.А. Милютин. Он пишет: «Обширные великолепные сады ашильтинские (самое близкое селение к горе Ахульго) разведены на искусственно устроенных террасах, покрытых наносной землей и огороженных каменными стенами. По всем террасам проведены канавы и водопроводы для орошения сухой каменистой почвы»³⁶.

Следует подчеркнуть, что террасированием достигается важная цель: создается пахотное поле по существу новое, дополнительное, там, где невозможно обрабатывать местность.

Необходимо обратить внимание на громадный труд, вложенный в эти террасы. Среди них есть построенные из огромных камней, блоков, валунов, высотой в 3-4 метра. Возведение таких стен не под силу одной семье (2-3 человека), они требуют приложения большой силы, коллективного труда. Мы знаем, что наиболее трудоемкие работы, требующие больших усилий, выполнялись с помощью обычаев взаимопомощи – «гвая». И нам представляется, что террасы создавались коллективным трудом.

Террасы изменили первоначальный естественный вид гор, они выглядят как гигантские лестницы. Они производят огромное впечатление особенно на тех, кто первый раз видит их, по их поводу высказано немало восторженных слов. Можно ограничиться словами крупнейшего специалиста академика Н.И. Вавилова, считавшего, что очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы, в том числе и Дагестан: «... в Дагестане можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли. В Дагестане, около Ботлиха, можно видеть изумительное террасовое земледелие, расположенное многими десят-

ками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами. Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане»³⁷.

Террасостроительство, несмотря на его чрезвычайную трудоемкость, широко практиковалось в Дагестане до средневековья³⁸, оно продолжалось и в последующие века, но масштабность была другая. Снижение масштабности террасного земледелия, ослабление внимания к нему обусловлены географическим разделением труда (XIV – XV вв.), производственной специализацией зон³⁹, изменением торгово-экономических отношений в Дагестане. Вместе с тем использование террасных земель практиковалось до XX в. Террасное земледелие, несмотря на его агрокультурный уровень, оставалось малопродуктивным, трудоемким занятием и горцам стало выгодно приобретать зерно на равнине и в предгорье. Это в тех естественногеографических районах, где было мало продуктивной земли, а в целом земледелие остается всеобщим занятием населения с древними традиционными агротехническими приемами, обрядами и праздниками, детально разработанным календарем, фольклором.

Все виды пахотных полей (угодий) составляли основу земледельческой производственной деятельности населения и в общей структуре экономической зоны поселения занимали определенные позиции. В этнографической литературе уже отмечалось, что одним из важнейших условий, учитываемых населением при выборе места для поселения было наличие определенного количества земельных угодий вокруг поселения, способных обеспечить хотя бы их минимальные хозяйственно-экономические потребности. Это предполагает наличие на данной территории пахотных участков, сенокосов, пастбищ, необходимых для существования и длительного функционирования селения. И расположение их по отношению к поселению и друг к другу подчинено интересам хозяйственной и бытовой целесообразности. Соблюдая эти принципы селение располагалось, как правило, в центре своей территории.

Об этом в книге «Агулы» сказано:

«В расположении хозяйственных угодий наблюдается определенная последовательность, закономерность: вокруг поселений освоены все пригодные земельные участки, созданы террасы, таким об-

разом в непосредственной близости от селения находятся пахотные участки, выше них – пастбища для ослов, телят, крупного рогатого скота, а на уровне альпийской зоны – летние пастбища»⁴⁰. Разумеется, имелись и другие композиции элементов, это зависело от наличия и размеров тех или иных угодий. Были общины, у которых пестрополье заметно выражено, пашни находились на значительном расстоянии от селения. Например, селения Чох, Ругуджа, Урада, Гоцатль имели пахотные массивы, удаленные от поселения на расстояние 10–12 км.

В организации угодий явно просматривается одна закономерность: у членов общины пахотные земли были распределены по разным поясам: в теплых низинах, на уровне села и выше него. Эта вертикальная микроразнообразие давала возможность сохранить где-нибудь (наверху или внизу) урожай от полной гибели в случае природных капризов...: засухи или слишком частых осадков. Пересеченность рельефа, микроразнообразие породили дробность землепользования и образования земледельческих округов – «мегъ», которые хорошо описаны М.А. Агларовым⁴¹. Только можно отметить, что в структуре «мегъа» наличие террас было необязательным, они могли состоять из одних ровных участков.

Аварцы за землей ухаживали с большой заботой и тщательностью. Принято считать, что ежегодно поле очищали от камней. «Сельскохозяйственные работы начинались с очищения поля от камней» – пишет М.М. Ихилев⁴². Это не совсем так. Очищали поля только от крупных камней, которые мешали ходу плуга, наральник не мог поднять на себя. По этому поводу у аварцев существует предание, которое приведено и Х.-М. Хашаевым⁴³. Один горец отдал быка, чтобы ему очистили пахотный участок от камней, что и было сделано, но в следующем году он отдал корову, чтобы обратно забросали участок камнями «оц кьун кьватIибе бараб, Iлака кьун жанибе бараб», так как на поле вырос плохой урожай, почва стала комковатой, твердой и без мелкого камня (щебня), плохо сохраняла влагу. Кстати, крупные камни на полях – это редкое явление, их на протяжении веков собирали и складывали в кучи на краю участка.

Особое внимание уделяли сохранению плодородия почвы. Самым действенным способом было удобрение полей, которое широко

применялось в горной зоне, а в предгорье и высокогорье в небольших масштабах. Потребность в удобрении в горах была вызвана тем, что земли здесь обрабатывались ежегодно, не получали отдыха ввиду острого малоземелья. Особенно большие нагрузки имели террасные поля в горных долинах, которые вообще не знали отдыха, и они нуждались в ежегодном удобрении. Поля удобряли золой (много хорошей золы получалось от кизяка), мочой, торфянистым дерном, жженным дерном с соломой, птичим пометом (голубиным). Но основным и распространенным удобрением был навоз. Его тщательно собирали за зиму в яму, кучи и оставляли на время, чтобы он хорошо перепрел. Ранней весной навоз вывозили на то поле, которое в прошлые годы не было удобрено, нередко организовывая для этого «гвай». Часто удобрения не хватало на все поле, тогда его покупали – продавали, но стоило оно довольно дорого. Особенно ценился навоз, смешанный с золой. За уходом за пашней, ее удобрением, восстановлением разрушенных подпорных стен следили общинная администрация и джамаат, которые были заинтересованы в сохранении плодородности земли всех своих членов, с чем связано было их благополучие. Этими соображениями, видимо, нужно объяснить обычай, запрещающий продавать как землю, так и навоз в другое общество.

«Если кто продаст свой пахотный участок и дом жителю другого общества..., то с него ежегодно взыскивается штраф в размере одного быка, стоимость которого будет равна стоимости 8 голов овец. Если кто продаст навоз для удобрения в другое селение, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы. Если кто откажется от исполнения этого адата, то с него взыскивается пахотный участок, равный пахотному участку «Исмаил хур» (Келеб)⁴⁴.

«Если кто не завезет достаточно навоза на пахотный участок джамаата, так чтобы между навозными кучами оставалось по 2 м расстояния, с того взыскивается овца»⁴⁵.

Малодоступным, но ценным способом удобрения полей был постой на них отары овец. За одну ночь отара в 300 голов могла хорошо унавозить участок пашни размером около 1/10 десятины. О важности удобрения земли говорят поговорки «без навоза нет зерна», «поле не удобренное – не пашня, хозяйство не имеющее пашни – не хозяйст-

во». Вообще поговорок, связанных с сельскохозяйственным хозяйством у аварцев много.

Для восстановления производительных сил почвы, аварцы пользовались и другими способами. Формы земледелия могут быть экстенсивными и интенсивными в зависимости от характера и степени интенсивности использования земли, методов восстановления и повышения плодородия почвы (системы земледелия)⁴⁶. Применение конкретного метода зависело от местных природных условий, количества земельных угодий, качества почвы и существующих традиций.

Наиболее широко распространенной системой было трехпольное земледелие с чередованием озимые-яровые-удобренный пар. Чаше это практиковалось на участках, располагавшихся вдали от поселения или крутых горных склонах, которые обычно не получали удобрения. По решению джамаата под пар нередко выделялись определенные чередуемые массивы – «мегъ», которые использовались на время как выгон для общественного скота. Вспахивание в этом случае запрещалось.

У аварцев существовал порядок использования земли, который описан у даргинцев М.О. Османовым: «Имеющие много пашни применяли и перелог: пахотная земля делилась пополам, одна часть оставалась неспаханной и использовалась для пастбы скота, другая – под сев. Через год-два положение менялось». Такие переложные пары были и общесельского масштаба. В этом случае общество делило пашню в определенных местах на две половины и решало засеять эти половины попеременно. При этом желание хозяев участков не учитывалось – они подчинялись традиционной очередности. В год, когда пашня оставалась для перелога, она использовалась в качестве общесельского пастбища. Мера эта повсюду вызывалась недостатком сельских пастбищ. Сам характер этого установления указывает на то, что данная пашня была в прошлом сельским пастбищем и недостаток земли вынудил использовать его на пашню, но с условием использования и для пастбы скота.

Выпас скота на паре имел и другой смысл – топча и поедая растительность, скот уничтожал сорняки и одновременно удобрял почву⁴⁷.

Под пар оставляли и те поля, которые давали высокий урожай. Обычным был черный пар после двухлетней работы: поле вспахивали осенью и весной и его старались удобрить обильно навозом. Использовали и систему севооборота.

В высокогорной зоне характерным было двухпольное земледелие: год работает – год отдыхает.

Многие горцы, имея небольшие участки пахотной земли, не могли применять пар и вынуждены были использовать практику плотного плодосмена с зябью. Осенью, сразу после снятия урожая, землю вспахивали – поднимали зябь, вспахивали еще раз весной при севе. Вообще считалось, что чем большее число раз произведут вспышку поля, тем лучше становится его почва.

Существовала в горах плодосменная система земледелия, которая имела повсеместное распространение, но используемая в разных зонах, разных обществах в разной степени. Часто пар сочетался с плодосменом. Метод плодосмена – это чередование культур, следующих друг за другом в определенном порядке, чтобы одна культура (вид злаков) не истощала почву. Тяжелыми для почвы считались пшеница и голозерный ячмень, за ними следовали горох, овес. Но следует отметить, что устойчивого, принятого плодосмена не было.

Система плодосмена находилась в прямой зависимости от климатических условий: в селениях, расположенных высоко, сеяли ячмень, рожь, овес, так как пшеница, просо, тем более кукуруза здесь не успевали созреть, а внизу, в долинах чередовались пшеница и кукуруза. В горной зоне горох (конские бобы) считались наиболее для почвы полезным посевом, хотя сама культура не имела широкого распространения как продукт питания. Везде, где она созревала, стали включать в севооборот и кукурузу, так же как и картофель, появившийся в конце XIX в. Картофель стал постепенно заменять бобовые, масштабы его возделывания возрастают, под него стали отводить все больше и больше площадей.

Для получения хороших урожаев большое значение имело орошение, так как на территории аварцев не везде выпадало достаточное количество осадков. В целом же земледелие в горах было богарным, дождевым, но где практиковался полив, ирригационная культура достигла высокого уровня. В горных долинах большей частью оно было

орошаемым – поливным. Таким образом, у аварцев существовали два вида земледелия, нередко считающиеся в одном хозяйственном субъекте. Воду брали из всех возможных источников.

Аварцы с большим мастерством проводили оросительные каналы по скалам и ущельям, крутым склонам и высоким карнизам, строили настоящие акведуки на арках, перекидывали через овраги деревянные желоба, по которым текла вода, отведенная с горных речек. Нередко оросительная система состояла из многих элементов и тянулась на значительное расстояние. Из речки, текущей ниже полей, воду наверх поднимали деревянные колеса – барабаны особой конструкции. Течение воды крутит колесо и лопасти-желоба забирают воду из нее и наверху выливают ее в широкий желоб, который соединен с канавой.

Некоторые оросительные каналы в традиционных садоводческих селениях были выложены со всех сторон каменными плитами и перекрыты. По ним вода текла не теряя в объеме, нередко они проходили по улицам аула, служили дорожкой, чтобы подойти к полю. Существовали подземные водопроводы с использованием гончарных труб. За исправностью таких каналов следили выборные представители (чӀу-хӀби). По их объявлению выход на ремонт и очищение каналов, особенно головного, был обязательным для всех членов общины, которые пользовались водой для полива. Если кто не мог по возрасту или из-за болезни, тот нанимал человека. Работы эти проводились ранней весной. От головного канала («росдал рахъ» – «сельский канал») для каждого «мегъа» отводились свои каналы, которые в свою очередь делились на мелкие, идущие на поля («рикьдал рахъ» – «поделенный канал»). Владелец впереди расположенного поля обязан был держать канал на своем поле в исправности, чтобы вода без помех дошла до сзади расположенного поля.

Многие приезжие и ученые отмечали с каким искусством горцы строят водопроводы. П.П. Надеждин писал: «В Дагестане вода проведена не в долины только – случается видеть отводы воды еще высоко в горах. Нередко туземец ведет воду с одной высоты на другую, даже через ущелье, в деревянных желобах, почти висящих на воздухе, на тонких и высоких подставках, иногда же ведет воду под землю в трубах⁴⁸. «Лезгины (аварцы – А.И.) имеют, – пишет Б.Ф. Добрынин, – старинные навыки по поливному земледелию, они искусные

мастера, поскольку позволяют их технические средства по проведению каналов, желобов и других приспособлений для орошения»⁴⁹.

Оросительные каналы строились коллективными усилиями и являлись общинной собственностью, как и вода. Распределение воды осуществлялось по решению джамаата, согласно существующему адату. Очень оригинальны и своеобразны эти обычаи в селениях Гергебиль, Кикунь, Игали, Хиндах, Ансалта. Например, в Гергебилье на полив шла речка, текущая из Аймакинского ущелья. Чтобы аймакинцы оставили им воду, гергебильцы аймакинцам на лето отдавали пастбищную гору. Воду считали по «рахъ» – «каналам», их определяли представители джамаата. Для нормального полива должно быть 15-20 «каналов» (к). Аул делился на три квартала и если было 15 к, то все три квартала получали по 5 к. А так как в квартале было пять частей, то каждая часть получала по одному «каналу». По жребью определяли хозяина, который должен начинать полив первым и с него начинается очередность. Время полива делилось на три части: 1) от утренней молитвы (рассвет) до дневной, 2) от дневной молитвы до вечерней, 3) от вечерней молитвы до рассвета (утренней молитвы). Ночной полив получал больше воды из-за неудобства для работы. Своеобразие обычая заключалось в том, что новая очередь шла в обратном порядке: например, если жребий выпал на 20 номер по списку, за ним дневной полив получал 21 номер, а ночной – 19, и так дальше, пока круг не сомкнется, примерно через 30 – 35 дней. Новую очередность устанавливали опять же жребием.

Если воды в речке было мало (7 – 10 к.), то получал один квартал, а если было меньше 3 к., тогда, чтобы не возникла ссора (были такие случаи), не давали никому и воду пускали по ущелью.

К сказанному можно добавить, что поливных угодий (мегъ) в Гергебилье было три и каждое получало воду в соответствии со своей площадью (с временем необходимым для ее полива). Так, традиционно сложилось такое соотношение: «тот мегъ» (добмегъ) – 15 к., «этот мегъ» (анибмегъ) – 3 к., которое сохранялось при увеличении или уменьшении воды в речке. Существующий порядок был рассчитан так, чтобы каждое хозяйство в ауле получало воду в одинаковом количестве, независимо от размеров его земельных участков. Вода де-

лилась не на земли, а на хозяйства. Получивший воду мог (имел право) ее использовать, продать, уступить очередь.

О порядке пользования поливной водой в сел. Амуши в середине XIX в. пишет автор исторического сочинения «Воспоминания» Абдурахман из Газикумуха: «Сады поливают строго по очереди. Исключения никому не делают, и вода строго нормирована. Иногда из-за воды возникают у них споры, доходящие до убийства и избиения. Тогда это все переходит к кадию, и тот разбирает тяжбу по шариату. Это правило действительно и в других селениях Хиндалала, где имеются фруктовые сады и кукурузные посевы»⁵⁰.

Аварцы возделывали разные культуры. Характерной особенностью горного земледелия являлось большое сортовое разнообразие злаков, исключительно приспособленных к разнообразию климатических и почвенных условий разных районов Аварии. В горах сеяли ячмень, пшеницу, рожь, овес, голозерный ячмень, бобы, в высокогорье – ячмень, рожь овес, в предгорной зоне – озимую пшеницу, ячмень, просо, овес, в горнодолинной зоне – ячмень, голозерный ячмень, лен, пшеницу, чечевицу, коноплю, просо, фасоль. С появлением кукурузы, она занимает ведущее место среди возделываемых культур в горных долинах, в горах на низинах, где потеплее, и широко распространилась в предгорье. Она вытеснила просо из пищевого рациона аварцев.

Причина широкого распространения кукурузы объясняется еще тем, что урожайность ее по сравнению с другими культурами была намного больше.

А картофель с начала XX в. распространился повсеместно, особенно в верхнем предгорье.

Выращивали аварцы тыкву и свеклу.

Говоря о разнообразии возделываемых культур, следует особо отметить и их сортовое разнообразие. Специалистами установлено, что в Дагестане было около 50 разновидностей пшеницы, 30 рас (сортов) ячменя, большое разнообразие ржи и зерновых бобовых культур. Многие из этих злаков являлись эндемичными⁵¹. Наличие такого множества приспособленных к местным условиям злаков «явилось результатом весьма продолжительного и целенаправленного процесса, в котором естественный отбор и селекционная деятельность чело-

века сыграли решающую роль»⁵². Процесс этот протекал в горах с V тыс. до н.э. (неолит) «абсолютно достоверными для неолитического слоя Чоха, – пишет Х. Амирханов, – нужно считать следующие определенные до вида разновидности злаков: пшеница «двузернянка», пшеница «однозернянка», ячмень пленчатый, ячмень голозерный... Чохское поселение представляет нам набор наиболее ранних для Кавказа (да и для территории СССР) доместифицированных злаков»⁵³. «В основном эти же виды злаков культивировали в Дагестане (Аварии – А.И.) и позднее, в эпоху ранней бронзы»⁵⁴. Можно сказать с уверенностью, что целенаправленная работа по отбору и улучшению сортов злаковых продолжалась в горах и в последующие эпохи вплоть до начала XX в.

Было уже отмечено, что сроки сельскохозяйственных работ у аварцев были строго регламентированы, определялись адатом. При этом руководствовались тщательно разработанным сельскохозяйственным календарем, основанным на многовековом опыте земледелия и скотоводства, знаниях экологических особенностей местности, астрономических наблюдений. С календарем были связаны многочисленные обряды и народные праздники, космогонические представления населения.

Интенсивное земледелие и развитое скотоводство, четкий сельскохозяйственный календарь, астрономические знания привели, в свою очередь, к появлению здесь еще в глубокой древности различных Солнечных и Лунно-солнечных обсерваторий. Доктор геолого-минералогических наук М. Исрапилов, изучивший древнейшие астрономические обсерватории Дагестана, пишет: «Дагестан сосредоточил и сохранил для потомков сравнительно большое количество древних Солнечных астрономических обсерваторий и притом различных по конструктивному исполнению. По их количеству Дагестан резко выделяется не только среди северокавказских и закавказских республик, но и многих центров ранней цивилизации в мире... Недалеко от древнейшего Чохского поселения расположены три астрономические Солнечные обсерватории, включающие десять календарей»⁵⁵.

Летом 1996 года мною были срисованы и сфотографированы на территории селения Кудали – местности Агьади шесть календарей так называемого Кегерского нагорья. Они ранее не были известны.

Определяя время их создания М. Исрапилов пишет, что математические формулы и вычисления, «а также астрономическая интерпретация наскальных рисунков и символов, позволяют рассеять сомнения относительно того, что земледельцы Дагестана еще в глубокой древности, более 11 – 12 тыс. лет назад обладали определенной суммой научных знаний, имели совершенные астрономические обсерватории»⁵⁶. Эти календари указывали точные дни равноденствия и солнцестояний, начала весны, лета и других времен года⁵⁷. Основанный на таких знаниях календарь сохранился в народной памяти и существовал до начала XX в., отвечая практическим нуждам населения.

Хозяйственный год у аварцев, как и у других народов Дагестана, начинается весной, в день весеннего равноденствия, наступление которого определялось по солнечному ориентиру. Почти в каждом селении были такие ориентиры.

Начало весны и весенних полевых работ в XVIII – начале XX в. повсеместно отмечалось как народный праздник, который представлял собой сложный ритуал, обнаруживающий в каждом селении, в каждом обществе свои особенности. Наиболее значительным и распространенным был праздник первой борозды – «Оцбай» – запряжка быка. Он состоял из ритуальной вспашки поля (проведения борозд), обряда засеивания его разными видами злаков (специально смешивали), чтения молитв, разных магических действий, игр, спортивных состязаний, угощения. День проведения устанавливался в каждом селении в зависимости от местных, в том числе и погодных условий, об этом, по решению старейшин, объявляли заранее, чтобы население могло подготовиться как к собственно празднику, так и к последующим работам. Праздник этот был сложным по составу, содержанию, характеру мероприятий, преследующих множество целей. До его проведения начинать пахать, сеять было запрещено.

Праздник первой борозды был характерен для многих народов Дагестана и мира, получил достаточно полное освещение в литературе⁵⁸, поэтому нет необходимости останавливаться на нем. Тем не менее, приведем небольшое описание его, данное в 80-х годах XIX в.

О. Каранаиловым в селении Чох Андалалского общества и слова Г. Чурсина. «С возвышенного места кричит чавуш, т.е. полицейский, – пишет О. Каранаилов, – он объявляет, чтобы никто завтра не ходил на работу, чтобы все собрались на равнине, где происходят игры и запряжка быков в плуг. В самый день праздника по улицам толпится народ, молодые люди едут на конях, которых готовили целый год для скачки, идут также молодые люди для беганья в – запуски. Старики и женщины поднимаются на крыши, чтобы смотреть на игры. Вот мулла запряг быков в плуг, надел шубу на выворот; рассыпал на землю несколько семян разного сорта. Потом мулла провел плугом несколько борозд; жители стали брать взрытую землю и бросать ее в муллу. После этого один из богатых людей, взяв в руку бублик, отходит с ним на четверть версты. Мулла и кади становятся рядом и, по команде – раз, два, три! бегут, чтобы завладеть бубликом. Весь народ смеется глядя на беганье стариков; младший нарочно отстает, чтобы бублик достался старшему. Старик разламывает бублик и раздает мальчикам.

Далее бегут в запуски 20 мальчиков для получения другого бублика, потом взрослые, наконец начинается скачка на лошадях для овладения четвертым бубликом. На лошадей для легкости сажают мальчиков; народ на это смотрит с большим любопытством; хозяева лошадей ждут победы. Вот одна лошадь одержала победу: верховой схватил у муллы бублик и надел на шею лошади. Все сбегались, сняли с себя кинжалы и повесили на победителя. Женщины, которые смотрели с крыши, пошли на встречу с кусками дорогой материи и украсили ими лошадь и мальчика, сидевшего верхом. Когда лошадь подошла к воротам хозяина, то родственник его бросил в мальчика конфет и орехов, а другие мальчики ловили. Сидевший на лошади снял с себя кинжалы и повесил их на гвоздь, вбитый в стену; то же сделал и с лоскутами. Хозяин лошади подарил мальчику кинжал под серебром и обещал одеть его в суконную одежду. Так делается во всей Аварии, но в прежние времена происходило это торжественнее: происходила борьба, бросание камней и т.д.

Это совершается для того, чтобы был урожай; в то время, когда сыплют на муллу землю, говорят: «дай Бог пшеницу, как сыплется земля»⁵⁹.

В литературе высказывались разные мнения о сущности «Оцбай» – запряжки быка – этого многогранного и многопланового праздника с разнообразными действиями как чисто магических, обрядовых, так и спортивных, игровых, развлекательных (смеховых). Нам представляется, что наиболее верно отражают суть этого дня слова Г.Ф. Чурсина, высказанные еще в самом начале века, хотя они непосредственно с ним не связаны – речь идет об обряде «запахивания дождя». «В этой вере в чудотворную силу процессом пахания сказывается то неизгладимое впечатление удивления и восторга, которое произвело некогда на человеческую мысль первое применение плуга или сохи. Проводя первую борозду по девственной почве, плуг оставлял в то же время неизгладимый след и в человеческом сознании. Как и во множестве других случаев, пораженный благодетельными свойствами нового орудия, нового приема техники, человек в своем воображении наделил его беспредельным могуществом и необычайными качествами. Плуг и соха стали казаться способными привлекать дождь, даже ограждать от болезней. Действительно, «опахивание» у многих народов считается верным средством не допустить болезнь. Борозда, проведенная сохой, представлялась народному воображению непреодолимой преградой для вражеской силы, для духов, болезни и т.п.»⁶⁰.

После праздника можно было начинать сев. Его производили избирательно в зависимости от местонахождения поля. Сроки зависели от климатических и местных условий, вертикальной зональности пашен, вида засеваемой культуры. Учитывалось местонахождение поля по отношению к сторонам света – на южной или северной стороне. На солнечной стороне сеяли раньше. Первыми сеяли ячмень, рожь, пшеницу, примерно через две недели – кукурузу.

У аварцев существовал обычай помогать друг другу во время сева. Если в семье не было мужчин и наступило время сеять, то обязательно кто-нибудь из соседей, родственников, членов тухума приходил со своими быками, плугом, если необходимо и зерном и производил посев. Чтобы поле осталось не засеянным, за исключением специально оставленных, такого быть не могло. А вообще существовал институт супруги. Не все хозяйства имели быков, плуга, поэтому обычно два хозяйства, у которых было по одному быку или обладатель плуга с имеющим быков объединялись для полевых работ. Чаще

бывало так, что крестьянин, не имеющий ничего объединялся с тем, у кого были и быки и плуг. При этом первый должен работать – пахать и засеять все поля второго. Надо отметить, что супруга была особым видом взаимопомощи, это было скорее кооперирование сторон на определенное время. «Анализ этого института, – пишет М.О. Османов о даргинцах, – показывает, что он возник из чисто хозяйственных, экономических соображений, но в повседневной практике принимались в расчет и родственные или тухумные связи... Супруга стала со временем одной из удобнейших форм эксплуатации крестьянской бедноты»⁶¹.

После приготовления всего (быков, семян, хурджинов, пахотного орудия), на поле приходили раздав садака, прочитав молитву, навьючив на осла плуг. Способы доставки плуга были и иные – на быках (был безопасный способ транспортировки), да и сам хозяин спокойно мог понести его на плече. На месте запрягали быков в плуг, проводили одну борозду по нижнему краю (– всегда вспашку проводили поперек поля снизу вверх –) набросив хурджины с зерном через плечо, пахарь, остановив быков, разбрасывал зерно, стараясь чтобы оно легло равномерно по всему полю. Умелое разбрасывание зерна было важным (для каждого злака требуется определенная своя густота) действием в земледельческом цикле, его выполняли одной рукой, особым движением, пропуская зерно между пальцами, и не все это умели. В таких случаях приглашали человека, чтобы гарантировать и от чрезмерно густого засева, (перегрузки поля) и, наоборот, – от чрезмерно редкого засева, (маленького урожая). В результате многолетнего опыта хозяева, и вообще опытный земледелец, знали количество семян различных культур (нормы высева), требовавшегося для определенного участка пашни. В целом же, если для сева участка нужна была мерка кукурузы, то проса для этого участка требовалось две мерки, а пшеницы и ячменя – три мерки. Мы уже выше упоминали, что размеры, площадь пахотного участка определялись по количеству засеваемого зерна (обычно пшеницы) на ней. После разбрасывания зерна вспахивали поле. Боронование не производилось, за пахарем шла женщина и разбивала комки мотыгой.

Мотыги были двух видов: более распространенная – лопатообразная с заостренным рабочим концом длиной 20-25 см и шириной у

обуха около 20 см и широколезвийная, характерная для предгорных районов. Вообще-то мотыги различаются по микрорегионам, размеры и формы зависели от принятого на месте стандарта, от стиля кузнеца. А ручки деревянные для первого вида делались короткие (до метра), для второго вида – длинные (до 1,5 м). Небольшие поля, узкие террасы вскапывали мотыгой. Чтобы вскопать твердую почву, пользовались киркой с одним концом, которую изготавливали местные кузнецы.

В предгорье сначала вспахивали почву, затем разбрасывали зерно и бороновали. Бороной для разравнивания земли и закрытия зерна почвой служила для более раннего времени плетенка – волокуша или ветки алычи с колючками. В конце XVIII века появилась борова из толстого бруса с насаженными (в отверстия) в один ряд деревянными зубьями на расстоянии 8-10 см.

Пахота повсеместно производилась плугом, влекомым двумя быками. Проводили пахоту исключительно мужчины. Пахарь одной рукой держался за рукоятку плуга (рала) и регулировал движение его, чтобы сохранить и линию борозды и заданную глубину пахоты. В зависимости от толщины и качества почвы устанавливали глубину вспашки (10-15 см).

Аварское пахотное орудие «пуруц» является одним из видов дагестанского деревянного плуга. Он по своей конструкции и принципу действия ничем не отличается от даргинского, лакского, агульского и плугов других народов горного Дагестана и Кавказа. «Рассматриваемое орудие, – пишет Б.А. Калоев о горном северокавказском пахотном орудии, – совершенно аналогично по своему устройству широко распространенному у многих народов мира безответальному пахотному орудью – ралу, возникшему также в период зарождения плужного земледелия»⁶². О единстве происхождения, вернее взаимозаимствовании, деревянного горного пахотного орудия говорит и схожесть названия его у многих народов⁶³. Прав М.М. Ихилев когда пишет, что «в Аварских районах обнаружено более десяти разновидностей деревянных пахотных горных орудий. Все они, за незначительными расхождениями в конструкции отдельных частей, в целом представляют один и тот же тип или вариант»⁶⁴. Небольшие различия зависели от рельефа местности, характера почвы, каменистости поля, но общий

принцип устройства и работы их везде одинаков. Состоит он из полоза с железным наконечником (наральник, сошник), «ушей» в конце полоза, колена (стойки), рукояти, грядила (дышла). Данные показывают, что наиболее прочным и желательным был плуг из одного цельного дерева. В поисках такого дерева мастер (земледелец) проводил в лесу целые дни, чаще во время заготовки дров находил такие деревья и специально оставлял их для этого. Опытные пахари утверждают, что составление из разных деталей – это вынужденная работа, так как невозможно найти цельное дерево с необходимой конфигурацией.

При вспашке лемех срезает слой земли шириной около 20-25 см, полоз, расширяющийся к пяте, поднимает ее, разрыхляет и раздвигает по обе стороны, и, падая через «уши», земля переворачивается, размельчается. Глубина вспашки регулируется удлинением или укорачиванием расстояния между стойкой (коленом) и ярмом, для чего в дышле существует ряд отверстий. Если ярмо соединить с ближним к ручке (стойке) отверстием, то сошник приподнимется, и вспашка будет поверхностной, и наоборот, чем дальше будет соединение, тем глубже пахота.

Ярмо «рукь» было в основном двуствольное, характерное для всех народов Дагестана. На сказанном о пахотных орудиях, особенно о плуге, можно остановиться, учитывая, что в литературе его описание дано многими исследователями, которые рассмотрели вопросы о происхождении, развитии, типологии, конструкции, назначении элементов, принципах работы и многое другое⁶⁵. Только приведем слова С. Асиятилова о нем: «Многие исследователи при характеристике горского плуга подчеркивали его «примитивность, неусовершенствованность», чем сводили на нет оригинальность пуруца, доведенного многовековым народным опытом до высокого совершенства. Легкость и приспособленность пуруца к различным пахотным участкам, исключительная маневренность делают его незаменимым орудием в условиях террасного земледелия и горного рельефа... Наличие в отдельных районах Аварии нескольких разновидностей пуруца, приспособленных к различным пахотным условиям, свидетельствует о довольно высоком развитии техники земледелия в Аварии в прошлом⁶⁶.

За посевами ухаживали заботливо и регулярно. Не давали полю зарастать травой, сорняками, два раза, пока колосья не сформировались (тор базеган), делали прополку, руками вырывали сорную траву и лишние стебли зерновых (прореживали) с корнями. Трава эта (имеет свое название – «члар») сушилась и считалась самым питательным и нежным кормом для крупного рогатого скота. Из нее готовили (ее распаривали), добавив отруби, муку, теплое пойло для отелвшейся коровы и подросшего теленка. Прополка была чисто женской работой, она имела романтическую окраску и нередко женщина занятая прополкой становилась сюжетом старинных лирических песен и преданий⁶⁷.

Кукуруза требовала большого труда. Ее надо было не менее двух раз мотыжить – прополоть, т.е. копать (бухъизе) – взрыхлить землю между стеблями с окучиванием вокруг каждого стебля. При первой прополке делалось небольшое окучивание, а при второй – побольше. Подобной обработке подвергался и картофель. Каждый кукурузный стебель должен был иметь площадь около 30 см², лишние (более слабые) вырывались с корнями и шли с «члар» – сорной травой, на корм скоту. На поливных участках мотыжить приходилось после каждого полива на 3-4 день; чтобы не образовалась сухая корка, не позволяющая почве дышать. Мотыжение было женским занятием.

Следует сказать несколько слов о разделении труда между мужчинами и женщинами. Часто можно встретить в литературе высказывания типа: «сельскохозяйственные работы были строго распределены между мужчинами и женщинами»⁶⁸, «основная тяжесть полевых работ ложится на женщин, весь световой день проводящих в поле, ухаживая за посевами и собирая урожай, и детей, в основном погоняющих по узким и крутым тропам ослов, перевозящих на подворья сжатые колосья, сено, кукурузные стебли»⁶⁹ или «все работы выполняют женщины, мужчины бездельничают и сидят на годекане». Справедливое мнение по этому вопросу, основанное на фактическом материале, действительном положении вещей, было высказано М.О. Османовым и С.Х. Асиятиловым. М.О. Османов отмечает: «Вообще в земледельческих работах замечается преобладание мужского труда, особенно в той их части, которая требует использования скота»⁷⁰. С.Х. Асиятилов пишет об аварцах: «Вообще, за исключением некото-

рых, строгого разграничения работ на чисто женские и мужские не было. Наиболее трудоемкие работы, как правило, выполнялись мужчинами»⁷¹.

На самом деле у аварцев не было строгого разделения ни сельскохозяйственного, ни другого труда, при необходимости (отсутствии человека, кто мог бы это делать) мужчина и женщина взаимозаменяли друг друга, совместно выполняли все работы (вспомним годы войны, когда женщины и пахали, и пасли скот, и даже чабанили). Более того, какое-либо строгое определение по всем аварцам будет не верным, т.к. существующее в одном обществе понятие «принято – не принято», в другом – не действует. Понятие «мужская работа» связано с уходом на летние и зимние пастбища с мелким рогатым скотом, на заработки, с тяжелыми физическими нагрузками. Безусловно, были работы, которыми мужчины не занимались, в первую очередь, это – перенос груза на спине, доение коров, прополка, мотыжение и мелкие домашние дела. Женщины не выполняли работы, связанные с опасностью для женского здоровья, с подниманием тяжести.

Сроки уборки урожая зависели от природных и погодных условий (лето дождливое или, наоборот, засушливое), созревания хлебов. Как правило жатва начиналась в конце июля – в начале августа. Начинали с озимых, потом поспедали яровая пшеница, ячмень, голозерный ячмень. Созревание, следовательно и уборка, зависели от местонахождения поля. Сроки уборки кукурузы особых беспокойств не вызывали – ее после сбора других зерновых и завершения сенокосения целиком перевозили домой под навес и в свободное время отделяли початки от обертки. Кукурузные початки (изредка неочищенные) хранились в горах в шерстяных мешках или сплетенные в гроздь листьями обертки початков развешивались в обдуваемом месте в тени, в предгорье – в плетеных из веток продолговатых сапетках с дощатым дном, обмазанных смесью глины и навоза с мякиной. Бывало и по-другому. Стебли у корня срезали и собирали в кучи, затем сидя на валике из стеблей, перебирая по одному, отрывали очищенные от обертки початки и собирали в мешки. Стебли, порезанные (порубленные ножом (скорее топором) рубаком – «чалта», смешанные с сеном, соломой шли на корм животным, а стержни (xIokI),

очищенные от зерна использовались как топливо. Обычно для лущения (рушения) зерна кукурузы собирались на вечерний «гвай».

Жали хлеб серпом и маленькой косой для одной руки. Их делали местные кузнецы. Серп (ниль) был двух видов: с ровным (гладким) лезвием и пилообразным (зазубренным) лезвием, и оба вида имели большую закругленность (правильная полуокружность) и небольшие размеры – длина полукруга составляла 50 см. Коса (харицел, хер – трава) имела размеры: лезвия 20–25 см, ручка с деревянной рукоятью 30–35 см. Серпом с зазубренным лезвием в основном убирали рожь, овес, просо, лен, коноплю, хотя четкого назначения его не просматривается. В одних местах более ходовым орудием был серп, в других – харицел, и говорить о преобладании какого-то из них затруднительно.

Начинали уборку хлебов в период восковой спелости зерна, ибо перестой на корню был опасен его осыпанием. Хотя знали, чем спелее зерно, тем оно качественнее и дает больше муки. Но действовали по принципу «гулиль гвела, гюроль швела» – «в снопе созреет, в скирде – дойдет». Для каждого снопа жница изготавливала жгут: пучок из 20–30 стеблей у основания колосьев скручивала и делила его пополам для удлинения. На него клали 4–5 пучков стеблей, завязывали сноп скручиванием концов жгута. Обычно в уборке урожая участвовала вся семья – женщина жала, мужчина завязывал снопы, собирал их и ставил в кучу (копну) колосьями вверх, дети собирали колосья. Копны на несколько дней оставляли в поле для просушки, затем перевозили снопы (на ослах, на себе) на гумно (ток). В зависимости от количества хозяйств (в пределах общины) в селении было разное количество токов. Обычно токи (гьоцIу) были квартальные, находились на окраине аула, но наряду с общественными были и тухумные, расположенные около дома, редко на крыше хлева или сеновала (перекрытые обычно плиточное на арках). На току каждый хозяин скирду (скирды) ставил на одно и то же место из года в год. Форма обычно круглая, диаметром 2–4 м, высота 3–5 м, если нужно было делать большую, высокую скирду, то нередко приглашали человека, умеющего ее ставить (скирдовать, складывать снопы). У одного хозяйства могло быть несколько скирд. Как правило, одна скирда была рассчитана на одну молотьбу.

Перед молотьбой ток ремонтировали: очищенную от пыли и грязи площадку (круглую) засыпали мякиной, утрамбовывая катком, заливали навозной жижей, разравнивая ее метлой. Затем утрамбовывали и давали току основательно просохнуть (образовывалась прочная корочка). Работали женщины, которым предстояло на этом току обмолотить свой урожай. Здесь же они договаривались кто за кем и когда начнут молотьбу, иногда по жеребьевке.

Молотьба – «лал тамизе» – носила несколько торжественный оттенок – ведь семья получит хлеб. Помогать приходили родственники, соседи. Распустив снопы, стебли равномерным слоем укладывали на току. Молотьба производилась при помощи молотильных досок («лубли»), которые волокли два вола. Доски общекавказского типа, местные вариации различались по толщине, ширине, изготовлялись на местах из твердых пород, на нижней поверхности (рабочей) в прямоугольные гнезда глубиной 1,5–2 см вставлялись камни твердой породы, как правило, кремни (3х3 см), выступающие на 1–1,2 см (200–300 штук). Они там сидели прочно, при движении резали, размельчали солому, разрушали колосья. Обычно в работе использовали две доски (шириной 30–40 см) попарно, гибко (ремнем) скрепленных между собой и привязанных к оглобле («балагын»), а оглобля прикреплена (ремнем) к ярму. На доски для увеличения тяжести клали камни или сажали детей. Они следили, чтобы вовремя подставлять тазик под хвост быку. Стебли несколько раз ворошили деревянными вилами, переворачивали деревянной лопатой пока зерно полностью не осыплется, затем измельченную солому собирали граблями, веяли вилами, складывали в плетенные корзинки и уносили. Зерно с мякиной собирали в кучу и веяли лопатами. Специальным способом – веером бросали вверх и при соответствующем ветре (на рассвете) зерно падало в одну кучу, а мякина – в другую. Практиковалось двух-трехкратное повторение веяния. Веяние зависело от ветра и поговорка подтверждает его важность: «Гъури шонго рал рехе, рос шонго яс кье» – «Пока есть ветер веять надо, пока есть жених отдай дочь». Далее зерно очищали и сортировали специальными решетками (ситами) и деревянным четырехугольным подносом с ручками. Самые лучшие (крупные) зерна оседали на одном месте в процессе веяния, они шли на семена будущего года, и были неприкосновенным запасом, даже в

случае острой нужды в хлебе. Отсыпали нужное количество зерна на семена, потом на току же определяли количество урожая данной молотьбы, из которого здесь же выделяли закаат – налог, установленный кораном для всех мусульман. Заканчивалась молотьба ужином, на который приглашались все ее участники, раздачей садака. Урожай хранили в мешках из козьей шерсти или в деревянных ларях, имевших обычно несколько отделений. Редко зерно хранили и в глиняных сосудах.

Мы попытались подсчетом определить урожайность яровой пшеницы с гектара в Гунибском районе. Разумеется, урожайность зависит от качества поля, погодных условий и других факторов, но вывести приблизительный его объем, используя данные с разных участков, думаем, можно. Понимаем, что это очень условно. Усредненные данные получились такие. В одном колосе 40 зерен. В одном снопе 200 колосьев. Со ста кв. м (сотки) получается 25 снопов, т.е. 5 тыс. колосьев. С одного гектара получается 2500 снопов = 500 тыс. колосьев = 20 млн. зерен. В одном кг. в среднем бывает 18 тыс. зерен, в центнере 1 млн. 800 тыс. зерен. Таким образом, с одного га получается около 11 центнеров зерна.

Нужное количество зерна, предназначенное для помола, сушили на паласах, тщательно очищали от мусора (если была возможность и мыли) и отвозили на мельницу. Кукурузу перед помолом слегка поджаривали (подсушивали) на специальной печи-жаровне из железного листа («Цугъ», или в обычном коре (печи). Зерно для толокна (и пшеницу и ячмень, позднее и кукурузу) хорошо поджаривали.

Мельницы у аварцев были общекавказского типа с горизонтально расположенным турбинным колесом. Описывать ее не станем, но отметим, что с мельником и мельницей связано немало поговорок и пословиц. Мельницы были общественные и частные, были и принадлежащие родственной группе. В больших селениях было по несколько мельниц, нужда в них определялась их низкой производительностью – в сутки мельница могла смолоть около шести мешков (около 20 пудов). Платили частной мельнице мукой («гьос» – специальный термин) с мерки (12–15 кг) «муд» – около 0,5 кг, на общественных – сами хозяева муки следили за работой мельницы. Обычно устанавливалась очередность по жеребьевке. Это правило было во многих об-

щества определено адатами, а в некоторых селениях и записано. Например, в адатах селений общества Келеб сказано «Все желающие смолотъ свое зерно в сельской мельнице собираются в помещении, где имеется печь для поджаривания зерна перед помолом, и путем жеребьевки устанавливают очередность на мельницу, ... тот, кто откажется от участия в жеребьевке, подвергается штрафу в размере одной мерки зерна... Кто включит в очередь не участвовавшего в жеребьевке, тот подвергается штрафу в размере одной овцы за каждый день помола зерна, принадлежащего тому, кто оказался неправильно включенным в очередь»⁷². Здесь хорошо видно, как общество следило за соблюдением порядка его членами. Крупу и грубую муку (после двух-трехкратной процедуры) мололи на ручных мельницах. Конструкция ручных жерновов была такая же как и у других народов Дагестана, различие могло быть только в размерах. Муку хранили в деревянных ларях.

Садоводство и виноградарство. Определенное место в хозяйстве у аварцев занимало садоводство и виноградарство. Особенно они были развиты в речных долинах – «хьиндаллъи», где были благоприятные почвенно-климатические условия для этого. О наличии в горах Аварии садов, особенно в долинах рек, писали многие побывавшие в Дагестане до начала народно-освободительной борьбы горцев против царизма. Например, прапорщик Хрисанф в 1828 г. пишет, что подошва склона, на котором расположен аул Чирката, «украшена садами, уступами же расположенными и в беспорядке, т.е. фруктовые деревья (по большей части грецкие орехи) и виноградники вместе, так что лозы виноградные обвиваются вокруг ветвей фруктовых деревьев»⁷³.

Горные долины по течению рек Аварского, Андийского и Кара-Койсу были естественными парниками, где созревали виноград, персики, абрикос, хурма, гранат и другие виды фруктов, требующих большого тепла. Удивительно, в горных селениях, где вполне успешно могли расти яблоки, груши, курага, сливы, им не придавали значения, заниматься деревьями здесь не было принято. Об Аварском ханстве в 1829 г. офицер Ф.П. Скалон писал: «... грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба... садов фруктовых и виноградников почти нет или очень мало»⁷⁴. Это сказано о нагорной части Аварии (Хунзахское плато).

В селении Кикунни нас уверяли, что раньше они садоводством не занимались, пахотное поле не портили деревьями и виноградом. Жители себя обеспечивали зерном: в горах в местности «Сурдах» сеяли пшеницу, ячмень, горох, там же были гумна, внизу у реки сажали кукурузу, фасоль, тыкву. Виноград рос на каменистых склонах, непригодных для возделывания зерновых. Там же росли и деревья, на ветвях которых обвивалась лоза винограда. Вообще аварцы повсеместно собирали дикорастущие фрукты и ягоды. Особенно хорошо на каменистых склонах росли ореховые деревья. В Аварии известными были маалинские (селение Маали в Гергебильском районе) и нахбаковские (общество «НахбакI» – «Место сзади» – Салатавия) орехи.

О салатавских ореховых рощах так писал путешественник в середине XIX в.: «Гостала – это очаровательная долина с рассеянными там и сям белыми домишками между рощами огромных ореховых деревьев. Отсюда и происхождение самого названия «Кастала» – «ореховая поляна»⁷⁵. «Там есть деревья, – писал И.С. Костемеровский, – дающие по 10 пудов орехов»⁷⁶.

Наиболее известными садоводческими селениями являлись Гимры, Унцукуль, Могох, Чирката, Игали, Ашильта, Аракани, Гергебиль, Гоцатль, Корода, Маали, Голотль, Тлох, Хиндах. Указывая на характер занятий аварцев – хиндалалцев, «Кавказский календарь» на 1893 год пишет «Садоводство занимает видное место в сельском хозяйстве Аварского округа, обеспечивая, главным образом, существование жителей нескольких селений, расположенных в ущельях по течению рек Аварского и Андийского Койсу. Местности эти отличаются жарким климатом, защищены высокими горами от влияния холодных ветров, пользуются обильным орошением и, благодаря этому, представляют все благоприятные условия для процветания садоводства»⁷⁷. В 1891 г., как сообщается в этом же календаре, в Аварском округе было собрано 47312 пудов фруктов, из которых продано 15829 пудов на 9238 руб⁷⁸. Генерал-адъютант Граббе о селении Чиркей в 1839 году писал: «Я не видел пользы в разрушении богатейшего, населеннейшего и самого промышленного аула всего Дагестана, где находится до 7000 жителей, которые разрабатывают виноградные сады, занимающие до 10 кв. верст»⁷⁹.

Садоводство и виноградарство, видимо, были древними занятиями. Об этом говорят сохранившиеся в археологических памятниках косточки винограда, плоды грецкого ореха, заброшенные террасы с пнями (особенно хорошо сохраняется груша) и каналами, с одичалыми лозами. С ними связаны предания и поговорки, некоторые обычаи. Наиболее известен в народе и получил описание в литературе обычай, связанный с запрещением снимать урожай винограда со своего собственного участка и съесть его до официального разрешения – объявления дня уборки. Действовала обычная регламентация всех сельскохозяйственных работ.

В селении Гергебиль за порядком следили бегавул, 2 старейшины («члухбузул чагIи») и 2 исполнителя («гIел»), но сторожа полей не было. Детей до 15 лет на поле без родителей не пускали. Виноградники были в определенном месте (компактно), западнее «разрушенного аула» – «Ручабах». За какие-либо нарушения, связанные с садоводством и виноградарством в 1900 году взыскивали 4 гIабаси и 2 шагьи – 90 коп. (какие нарушения не сказано в записи). А если кто-либо будет уличен в употреблении винограда во время проверки, если найдут «цIолбол кIучI» – с него взыскивали 20 руб. или сажали на осла. Старики в 1961 году рассказывали что в ауле было два случая, одну женщину простили – она была беременна.

В одном документе об этом обычае сказано следующее: «С наступлением такого времени все почетные жители аула обходили сады и потом разрешали сбор урожая. Тот, кто дозволил себе сорвать несколько плодов из собственного сада ранее разрешенного срока, подвергался довольно строгому наказанию»⁸⁰. Документ уточняет какому наказанию подвергался провинившийся. За сорванные персики взыскивали штраф 1 руб. 20 коп., за съеденный виноград и кукурузу арестовывали на 3 дня, со взысканием за каждый день по 20 коп. в пользу караульщика арестованных и 5 руб. в пользу охранника садов; если человек был не в состоянии платить штраф, ему мазали лицо сажей и возили на осле по всему аулу или сажали в яму»⁸¹.

До начала уборочных работ решением старейшин объявляли «Ах биччараб къо» – «День открытия сада». В этот день с восходом солнца люди собирались у большой мечети. Сельский дибир читал молитву, желал удачи, делал «вагIза» (проповедь) и после всеобщего чте-

ния первой суры Корана («Открывающая», «Сурат ал-фатиха») дети бегом бежали в сад. В этот день их никто не ограничивал, виноград есть они могли у кого-угодно и немного забрать с собой. За детьми в сад спешили и хозяева. Как известно, закат надо было платить и с винограда. Если урожай доходил до 60 условных мерок (существовала специальная корзина), то с каждой десятой выделяли одну, все собранное относили к мечети. Там его раздавали тем, у кого не было виноградника. Из соседних селений, зная в какой день намечено «открытие сада», в Гергебиль приходили люди и садились у дороги, расстелив палас. Хозяева давали кто-как – это вид садака, и гости увозили с собой довольно много (две полные корзины для осла) винограда.

Наиболее распространенными сортами винограда в Гергебиле были: «Шабаги цIибил», «ХIицIибил» (из него делали вино), «Къараб – хахI», «Чолбер» (белый, крупный), «Чолбер» (черный, крупный), «Исхали», «БагIарцIибил» (красный), «ГIесенцIибил», «Хьопхалат» и др. Было много эндемичных сортов.

В селении Зубутль – Цюбокь от слова «цIол + бокь», мягко произносимый звук «Л» выпал со временем, переводится как «в виноградниках» – насчитывалось до 30 сортов винограда, в селении Гимры – более тридцати. Наряду с местными культивировались и привозные сорта, например, Агадай, Дербентский, Изабелла, Карабахский и др. По всем данным и рассказам информаторов в прошлом в этих и других селениях аварцев широко развито было виноделие. В своей статье об экспедиционной поездке в Дагестан в 1946 г. известный этнограф Е.М. Шиллинг отмечает большое значение садоводства и виноградарства в хозяйстве жителей горных долин и существование традиции виноделия с древних – доисламских времен и высокой культуры виноделия»⁸². Хотя виноделие и употребление вина были запрещены исламом производство его продолжалось и в XVIII–XIX вв.

Было в основном два способа приготовления вина: некипяченые и кипяченые.

Первый. Виноград в специальном мешке из конопляной материи клали в корыто и топтали ногами, после выкручивали его двое мужчин. Сок через отверстия стекал в посуду, а бродило оно в глиняных кувшинах, в которых, через несколько переливаний и хранилось. Ес-

ли предполагали хранить его надолго, то зарывали в землю. Такое вино – «чагъир» обычно продавали приезжим купцам – евреям и армянам. Они нередко покупали виноград и на месте давили и варили вино, затем в готовом виде увозили его для продажи. Н. Дубровин пишет, что в начале XIX в. жители селения Зубутли и Миатли ежегодно вырабатывали более 200 бочек вина⁸³. Было оно трех цветов и считалось лучше кизлярского, чему «причиною их сады, закрытие горами от ветров и разнообразие сортов»⁸⁴. Хрисанф в 1828 году, отмечая качество винограда Салатавии, подчеркивает «вино из оногo чрезвычайно крепкое»⁸⁵.

Второй способ приготовления вина – кипячение сока. Такое вино называлось «джаба», «жа», «чака». Сок в котлах варили до испарения определенного количества воды. После брожения хранили в керамической посуде. Такое вино сохранялось долго, если хорошо закупорить и хранить в прохладных подвалах или зарыть в землю. Оно очень приятно на вкус, особенно недобродившее (называли его «мачIа»). Производство вина и вообще виноградарство пришло в полный упадок после установления имамата Шамиля. Известно, как Имам строго наказывал людей за употребление вина (история с собственным отцом) и мюриды вырубали, выкорчевывали виноградные лозы. В конце XIX в. постепенно начинается рост садоводства и виноградарства и их продукты стали широко распространяться по всей Аварии.

Селение Гергебиль славилось своими абрикосами, их здесь было много разных сортов с названиями и без названий. Распространенными были сорта: «Шандахлан», «Гумариласул», «ГичинахIажил», «Гисинаб», «Гисакъил», «Гадулаб», «Шалах», «Хеккобарш», позднее появились «ХIонобах» (эндемичный сорт, найденный неким Муса в ущелье реки Аварское Койсу, т.е. там, где сливаются Кара Койсу и Аварское Койсу) и «Бухари».

Были селения, которые славились своими определенными фруктами, что отразилось и в поговорках. Например, «унцукульская груша, гимринский виноград, гергебильская курага, могохский персик».

Жители садоводческих селений широко использовали фрукты и ягоды в системе питания в свежем, сушеном, переработанном виде, в том числе и консервированном. Продукты садоводства и виноградар-

ства шли не только для личного потребления, но и для продажи, обмена на зерно, мясо, молочные продукты – масло, сыр.

Садоводство и виноградарство требовали достаточно много внимания и труда. Деревья надо было несколько раз в течение лета поливать, значит необходимо проводить водопроводы-каналы и их регулярно ремонтировать осенью или весной, производить обрезку (виноград только весной), омолаживание – заменить старые на молодые саженцы, унавоживать их – засыпать удобрение вокруг стволов и перекапывать, делать прививки, опрыскивание и очистку от вредителей. Конечно, и сбор урожая.

Садовый инвентарь составляли пила для обрезки ветвей, секатор, специальная лестница из одной длинной жерди с перекладинами – ступеньками, длинная палка для сбивания орехов, длинная палка с мешочком на конце на железном ободке для сбора груш и яблок с высоких и тонких веток, железная лопата, тятка, двурукояточная лопата – «бухъарулеб махх» – «копающее железо», сапетки разных размеров и форм.

Горцы, хотя и не разводили садов в большом масштабе, фруктами (плодами) пользовались достаточно широко. Из плодов дикой груши (размером с крупную черешню) готовили толокно: разрезанные пополам, высушенные на солнце, поджаренные на плите (в печи) мололи вместе с голозерным ячменем (1:1) или кукурузой для получения толокна, считавшегося лечебным для детей при поносах, а вообще полезным и питательным. Также часто варили кашу из сушеной кураги, готовили компот, растирали гушу и посыпая толокном подавали как блюдо. Таких примеров использования сухофруктов и плодов кустарников в пищевом рационе много.

Со второй половины XIX в. у населения меняется отношение к фруктовым деревьям. Во многих селениях, где раньше их не было, появляются сады, восстанавливается часть террас, хозяйство становится многоотраслевым.

Скотоводство. Скотоводство в Аварии было вторым после земледелия основным занятием населения, с разным удельным весом по зонам в общей их экономике. В высокогорных районах скотоводство являлось основой материального благополучия жителей. Археологический материал свидетельствует, что одомашнивание мелкого рога-

того скота произошло в горах Аварии около 8 тыс. лет назад. К исследуемому времени была выведена неприхотливая и выносливая порода крупного рогатого скота, лошадей, овец и коз. Значение скота в хозяйстве аварцев было велико, в конкретных естественногеографических условиях мог преобладать определенный вид скота, но в целом он оставался основой и источником благополучия аварца, обеспечивал его продуктами питания, материалом для одежды и обуви, изготовления паласов, ковров, войлока, служил рабочей силой и транспортным средством, давал удобрение для полей, материал для приготовления топлива. Продукты животноводства шли также на обмен на необходимое зерно, фрукты, ткани и продажу.

Отмечая значение скотоводства в сложении хозяйственно-культурных типов Дагестана, следовательно, в жизнедеятельности его населения, М.О. Османов пишет, что оно было формообразующим элементом. Далее характеризуя его особенности, сущность отмечает: «это было именно организованное культурное животноводство, имевшее длительные богатые традиции содержания домашних животных», с обязательным сочетанием скотоводства с земледелием, переходящим местами в органический симбиоз с ним. Все это позволяет считать дагестанское скотоводство культурным, относящимся к гибридной (с земледелием) экономике, имеющим многовековую скотоводческо-земледельческую культурную традицию⁸⁶.

Являясь составным элементом хозяйственно-культурного типа и как отрасль хозяйства, и как элемент культуры, формы скотоводства (она включает почти все важные компоненты скотоводства и фокусирует его аспекты и проблемы) «способствует выяснению вопросов хозяйственного развития этноса (или региона), быта, образа жизни, жизнеобеспечения, показывает взаимоотношение скотоводства с другими отраслями хозяйства»⁸⁷. Сказанное имеет прямое отношение к аварцам и скотоводство как вид хозяйственной деятельности, обеспечивающей их существование, имело для них жизненно важное значение. Более того, считалось, что основным занятием горцев Дагестана было скотоводство⁸⁸.

Существование животноводства как отрасли хозяйства, основанной на разведении того или иного скота полностью зависело от наличия пастбищ. Программа сбора материалов по скотоводству для Кав-

казского историко-географического атласа определяет виды пастбищ: зимние, весенние, летние, осенние, круглогодовые. Но более обоснованной видимо следует считать классификацию их (кормовых угодий) по зонам. «По характеру, сезонной емкости и возможностям использования пастбища делились на равнинные, предгорные, горные, высокогорные. Равнинные угодья были практически круглогодичными (350 дней в году). Для предгорья этот срок исчисляется в 327 дней. В горной части – 180 дней, однако по отдельным местам амплитуда колебаний здесь высока – от 153 дней до 290 (в долинах) в зависимости от высотности»⁸⁹.

Все наблюдатели и специалисты отмечали высокие кормовые качества горных пастбищ Дагестана, но не везде в горах имелись пастбища. Если в Гунибском округе были большие массивы горных и высокогорных пастбищ с «роскошно зеленеющей травой», то в Аварском округе их было мало. О характере обеспеченности пастбищами округов говорится в обзорах Дагестанской области. По данным податных инспекторов, которые признавались обычно за более точные, в Аварском округе было всего 4,5 десятины пастбищ и выгонов на 1 двор, а в Гунибском – 9,7⁹⁰.

Кроме того, в наличии пастбищ имелись большие различия между обществами и селениями, Например, между Андалалским и Койсубулинским обществами, входившими в Гунибский округ. Андалалское общество имели пастбища, расположенные высоко в горах – в субальпийском поясе, на солнечных пригревах, в виде участков с горнолуговым почвенным покровом, «использующихся главным образом под сенокосы и пастбища»⁹¹, пастбища, находящиеся внизу в горной долине. Селения же Койсубулинского общества имели очень мало пастбищ, у них нет горных массивов, а склоны и речные террасы использовались под сады и виноградники.

Такое различие могло быть и в селениях внутри общества. Селение Чох имело «роскошно зеленевшее пастбище» на плато Турчидаг (от 1800 до 2300 м над у.м.) и внизу на берегу реки Каракойсу (около 1000 м над у.м.) где зимой снег практически не держался. А на уровне селения (1700 м над у.м.) южные склоны плато тянулись на 9–10 км, которые служили хорошим пастбищем для зимнего выпаса скота. Их использовали и в качестве весенних и осенних пастбищ. Таким образом,

община практически имела все виды пастбищ и возможность круглогодичного содержания скота на подножном корму на собственных угодьях. Примерно такие же условия имело селение Ругуджа. В этом же Андалалском обществе были селения (Хиндах, Хоточ, Салта) с незначительным количеством своих пастбищ, поэтому вынужденные держать мало скота.

От характера, особенностей, количества и кормоемкости пастбищ зависела возможность разведения того или иного вида скота и его количество. Этим в большой степени объясняется различие в численности скота в разных, нередко соседних, селениях. Как правило, жители селения обходились своими кормовыми угодьями и каждое хозяйство держало такое количество (и вид) скота, за которым оно было в состоянии ухаживать и обеспечить кормами круглый год.

Вместе с тем, часть скотоводства аварцев – в основном овцеводство в XVIII – начале XX века основывалось на традиционных хозяйственных связях жителей разных зон – горы – равнина, разных географических районов – альпийские и субальпийские пояса – горная долина.

Равнина и горные долины служили зимними пастбищами, а альпийские луга – летними. Характерной особенностью большей части Аварии была нехватка зимних пастбищ, тогда как летними она была хорошо обеспечена. И многие горные общества отдавали свои летние пастбища в аренду, а овцеводы этих же обществ арендовали зимние пастбища. В Карахском обществе все 16 селений имели собственные общественные пастбища, но была одна общая гора «Гарах», которую каждый год отдавали по решению совета старейшин в аренду. Чтобы решить вопрос о доходе, полученном за эту гору, ежегодно на поляне около селения Сумета собирались представители всех селений. Часто эти деньги шли на общие цели – строительство и ремонт мостов и дорог. Если какое-либо селение пострадало от стихийного бедствия – то ему давали большую часть, а так старались делить на всех по справедливости.

Селение Гочоб (Карахское общество) ежегодно две пастбищные горы отдавало в аренду овцеводам из андалалских сел, а свои овцеводы брали в аренду земли на зиму у обществ Голотль (горная долина), Капчугай (равнина), Карабудахкент, Нижнее Казанище (предгорье).

Селение Дусрах-Рисиб (общество Мукраткль – 9 селений) имело мало земли, и хозяйства ощущали недостаток кормовых угодий. Джамаат свои пастбища «АлакIахIаб», «Къванчабаб», «Мархъудухшоб» берег для крупного рогатого скота, особенно строго следили за правильным использованием участков, предназначенных для лошадей, волов и дойных коров. Для овец арендовали пастбища «Балдунуб», «Уриб», «ШикIалчIах», «Мукъриб», «Хаталиб» в Лакском районе (эти горы граничат с землями дусрахцев). Зимние пастбища они не арендовали, была хорошо развитая хуторская система.

Овцеводческие хозяйства в селении Чох (Андалалское общество), несмотря на свои имеющиеся общинные пастбища, богатые травяным покровом и разнообразные по срокам возможного использования, арендовали и летние альпийские пастбища (на склонах хребта Нукатль – Карахское общество), на склонах Главного Кавказского хребта – общество Джурмут) и зимние пастбища на равнине (нынешние Буйнакский, Кумторкалинский, Карабудахкентский районы).. Приходилось весной и осенью перегонять скот на огромное расстояние.

А вот предгорным районам в этом плане приходилось намного легче. У них были пастбища, прилегающие к равнине – нижнепредгорные, используемые в качестве зимних. В верхнепредгорной части, на стыке с нагорьем, селения богатые, крупные, с крепким земледельческо-скотоводческим хозяйством, «имели пастбища по восходящей ступени – от нижнепредгорных и равнинных степей через лесолуговые предгорья до нижних ярусов нагорья (круглогодичный набор пастбищ и предпосылки круглогодичного содержания на подножном корму на собственных угодьях)»⁹². Особенно благоприятные условия имело Салатавское общество. Один аул Чиркей имел более 14 тысяч гектаров летних и зимних пастбищ, которые являлись коллективной – джамаатской собственностью. «Пастбища Салатавских гор могут содержать летом до 120 тысяч овец. Здесь просторные сенокосы, удобные для ферм крупного рогатого скота участки. Во все времена чиркейцы имели и арендовали зимние кутаны недалеко от своего аула на Кумыкской равнине»⁹³. Пастбища в Салатавии в XIX в. делились на три категории: принадлежащие союзу, джамаатам, собственные. Общесоюзные и джамаатские пастбища, свободные в этом

году отдавали в аренду (сроки «продажи» были разные от одного года до трех лет, менялись и цены). Хрисанф пишет, что в горах, где имеют чиркеевцы в летнее время свои стада, растет чрезвычайно хорошая трава и получают они плату с тех, кто в летнее время на их пастбищах пасут своих баранов со 100 голов 4-5 овец»⁹⁴. Чаще брали деньгами и вырученные деньги поступали в казну аула, которые по решению схода тратились на общественные нужды, на аренду пастбищ, приобретение новых земель, оказание помощи жителям своего аула и жителям других аулов, пострадавших от стихийных бедствий, пожара.

О равнинных кормовых угодьях Х.-М. Хашаев пишет: «Имея прекрасные пастбища и хорошие поливные сенокосы, жители плоскости и предгорья могли содержать немалое количество крупного рогатого скота. Зимой их скот находился в хуторах или в селениях и был обеспечен сеном, соломой и кукурузными стеблями, нередко и зерном. С весны до глубокой осени скот содержался на подножном корму на близлежащих пастбищах»⁹⁵. На равнине и нижнем предгорье было много не используемой местным населением земли, и эти земли арендовали животноводы горных обществ под зимние пастбища.

Этнографический материал, собранный во многих горных аулах и некоторые письменные данные (договоры об аренде определенного пастбища, акт о купле-продаже земли – нередко традиционно используемые горцами пастбища на равнине становились их собственностью, на которых строились капитальные жилища для животноводов, членов их семей, часть которых оставалась на месте и на лето, заготавливая сено, обрабатывая поля – выращивая зерновые, ухаживая за крупным рогатым скотом) позволяют определить куда из года в год горцы перегоняли свой скот (под словом «скот» подразумеваются овцы, бараны). О таких связях свидетельствуют и письменные источники XVII – XIX вв. Такая связь была не только выгодна для равнинных жителей, но и необходима для их животноводов. Летом здесь овцы не могли оставаться, вся трава выгорала из-за жары. Крупные овцеводы равнинных селений перегоняли свои стада на горные пастбища. Такая система хозяйственных связей, взаимное обеспечение друг друга пастбищами создавала возможность для круглогодичного удовлетво-

рения в кормовых угодьях скота как жителей горных районов, так и равнинных. Такая экономическая связь, взаимозависимость обеспечивала и политическую стабильность в Дагестане.

Аварцы разводили крупный и мелкий рогатый скот, ослов, лошадей, мулов, из домашней птицы – кур. Полевой материал и статистические данные свидетельствуют о том, что содержание определенного вида скота зависит от местных экологических условий, от того, что человеку нужно от содержащегося скота. Анализ материала показывает, что на первое место по важности в хозяйстве выходит корова. Редко можно было найти семью во всех зонах, которая бы не держала корову. Хозяйство должно было быть очень немощным, чтобы не иметь корову. Существовала поговорка о хозяйке, которая не имела корову – «кормилицу». Потеря ее воспринималась как горе, не сравнимое с потерей лошади, быка, хотя они стоили дороже. Был такой обычай: если семья небогатая (с детьми) потеряла корову (упала со скалы, заболела от вздутия живота), то члены тухума и родственники вскладчину приобретали ей новую. Корову никогда не взымали в виде штрафа (в отличие от быков, баранов, овец). Вообще, повреждение здоровья (целостности) скота, нанесение ему раны считался постыдным поступком и строго карался по адату.

«Если кто с применением силы нанесет рану скотине, – сказано в своде решений и обычаев Цекубского сельского общества, – принадлежащей другому лицу, то с виновного взыскивается четырехгодовалый бык стоимостью в 8 руб. в пользу сельского общества и взыскивают скотину для хозяина.

Если кто у скотины отрежет хвост, не задев костяной части хвоста, то с виновного взыскивается в пользу хозяина такая же скотина с целым хвостом и штраф в 3 овцы»⁹⁶.

Породу коров, разводимой аварцами в целом можно назвать горной. Специальную селекционную работу не проводили, хотя отбор по продуктивности (больше молока), плодовитости (исключить яловость и теленок самка), внешним признакам (рост, цвет), характеру (не капризная в еде и не злобная) проводился. В каждом стаде содержали одного-двух молодых бугаев местной породы. Масть может быть самой разнообразной, хотя чаще она бывала черной. Она характеризуется как порода мелкая, подвижная, быстрая, имеющая плотные и

твердые копыта, позволяющие пастись среди острых камней, на неровных местах, по скалам и утесам. Она нетребовательна, неприхотлива и замечательно приспособлена к условиям рельефа и климата дагестанских гор⁹⁷. Специалист по скотоводству А.А. Калантар отмечает, что «типом горного скота может служить дагестанский скот, умеющий пастись на крутых скатах и крутизнах, проходящий без усталости большое расстояние по крутым подъемам и спускам в течение дня»⁹⁸.

Х.-М. Хашаев добавляет к сказанному: «Преимущество горного скота в выносливости и неприхотливости к кормам, что важно в горных условиях, где скоту приходится карабкаться по крутым склонам гор и нет возможности обеспечить его достаточным количеством кормов в зимний период, продолжающийся в горах в течение четырех-пяти месяцев. Продуктивность горного скота была низка: горная корова давала только 300-400 л. молока за лактационный период»⁹⁹. Хорошая корова давала до 1200 л. молока в год. Молоко имело высокий процент жирности, его в чистом виде редко употребляли в пищу, из него получали сметану, простоквашу, творог, который засаливали, сливочное масло, которое перетапливалось. Доили коров только женщины, т.к. за молочным скотом мужчины не ухаживали, тем более доить коров мужчине считалось позором.

Многовековое занятие животноводством в определенных природных условиях, возможности кормовых угодий, общественно-политическая обстановка привели к сложению конкретных традиций содержания скота. Эти традиции, формы в силу своей целесообразности и приспособленности обеспечивали скоту наиболее оптимальные условия существования. В зависимости от вида, возраста животных, времен года применяли разные способы их содержания.

Согласно народному календарю сельскохозяйственный год начинался весной. С середины марта велись работы по подготовке животных к проведению весенне-летнего сезона. Это была ответственная пора – нужно было комплектовать стада по видам и возрасту, распределить пастбища, определиться с формой охраны. В зависимости от местных условий, до организации стад, скот находился на стойловом содержании с возможным выпасом на солнечных пригревах. С появлением свежей травы скот переводился на выгонное содержание.

За молочным скотом существовал особый уход. Для них выделяли лучшие пастбища недалеко от селения, наемной пастух утром, после доения, гнал коров на пастбище, а вечером пригонял обратно в аул. Во время вечерней дойки корова получала «чури» – пойло (немного муки, соли, отрубей, пищевых отходов на теплой воде) или немного зеленой травы (сорняк, полученный в результате прополки зерновых). В крупных селениях, где было много скота создавалось два стада – верхнее и нижнее. Для каждого стада определяли пастуха. Стадо нижних не имело права пастись на пастбищах верхнего авала. Как правило, молочный скот содержался круглый год в самих населенных пунктах, это объяснялось ежедневной потребностью семьи в молочных продуктах. Лактационный срок коров продолжался в среднем 7-9 месяцев и он совпадал с летним периодом, отелы проходили в феврале-марте, чтобы к лету – июню-июлю теленок подрос и мог пастись на траве. Особенно старались хорошо напоить теленка молозивом в первые дни рождения его, считая, что этим закладывается будущее здоровье. Обычно телят подпускали к коровам два раза в день после доения на часть молока, в конце лета их окончательно отрывали.

Для выпаса стада коров весной джамааты нанимали пастухов отдельно для каждого общественного стада (он мог быть и свой сельчанин). Им платили по уговору, каждое хозяйство за каждую голову, и оплата эта была относительно высокая. Кроме того, хозяйка коров по очереди кормила пастуха: на завтрак и обед давали утром с собой, а на ужин он приходил домой, и хозяйка старалась хорошо угостить его. Сложилась поговорка «много ест как пастух».

Наряду с формой содержания коров летом в ауле, была и другая, когда часть молочного скота отправлялась на летние пастбища, субальпийские луга, хутора. Здесь для проживания людей и хранения молочной продукции строились примитивные одноэтажные помещения и загон для скота. В горах со скотом находились пожилые женщины и подростки, обеспечивающие уход за скотом и переработку молочных продуктов. Уходящие в горы брали с собой и чужой скот с уговором отдачи осенью определенного количества масла с каждой дойной коровы. Такая кооперация была обоюдовойгодной, она называлась «нах гьабизе» – масло делать. Осенью, когда начинались холо-

да, заканчивались уборка хлебов и сенокосение, освобождались поля под пастбища, скот перегоняли в аул.

В некоторых предгорных селениях и равнинном (Гельбах) отдельные хозяйства содержали буйволов, которые ценились высоко: если в середине XIX века овца стоила 2,5 – 3 руб., корова 12-15 руб., бык – 15-20 руб., то по свидетельству врача П.Ф. Свицерского буйвол стоил 100 руб¹⁰⁰. Буйвол капризное животное, разводить его нелегко, но молоко намного жирнее, чем коровье, он хорошо перевозит тяжести, волочит тяжелый плуг и борону, а из кожи изготовляли ремни, веревки (Гарш).

После коров предметом особых забот аварцев были волю, игравшие важную роль в хозяйстве. Содержать быков в хозяйстве горцам было нелегко, но старались, это было престижно, ибо они выполняли важные работы: пахали на поле и перевозили груз. Из них весной составляли особое стадо и решением джамаата оно паслось на лучших пастбищах (лучших, чем даже для коров) недалеко от селения. Для стада волов, как правило, пастуха не нанимали, сами хозяева по очереди пасли, сообразуя время дежурства с количеством голов в стаде. О заботе джамаатов о рабочем скоте говорят адаты. Например, в келбских адатах записано: «Если кто пустит скот на охраняемое пастбище, специально выделенное для пастбы рабочих волов, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы»¹⁰¹. В обычаях Цекубского общества тоже нашла отражение такая забота: «Если очередной пастух стада волов, не окончив дней своей очереди, вернется домой и пробудет дома целые сутки, то с него взыскивается штраф – 1 мерка зерна – и он обязан еще 1 день пасти стадо»¹⁰².

Из бычков составляли специальное стадо, которое с середины мая перегонялось в горы на субальпийское пастбище и оставалось там до осени. Для этого стада нанимали пастуха, но в ряде селений его пасли сами владельцы по очереди. Постройки на этих пастбищах не возводили, как и загоны, так как скот пасли круглосуточно. Обязанностью пастуха было исправное содержание водного источника – водопоя и время от времени пригонять в нему бычков. Их откармливали, во-первых, для забоя осенью на мясо, во-вторых, чтобы они набрали жира – запас на зиму, так как их кормить будут плохо (корма мало) – они еще не быки.

Отдельное стадо составлялось из нетелей и яловых коров. Оно оставалось на субальпийских пастбищах до осени. Разумеется, отдельные стада видов животных составлялись в больших селениях, где было много скота, там же, где его было мало – организовывали два стада по полу или одно стадо, но в таком случае бычков рано кастрируют (годовалого). Существовало два способа кастрации, это делали специальные мастера.

Телята паслись на ближних приаульных пастбищах. Вопрос о том нанимать пастуха или нет решался в зависимости от их количества в стаде: нанимали человека, и его труд оплачивался согласно договоренности (это была очень непристижная работа для аварца – «бача-зулвехь», о котором существуют разные притчи, анекдоты); хозяйство по очереди выделяло человека, обычно подростка, который смотрел за телятами; паслись недалеко от аула без присмотра, вечером кто-нибудь пригонял их, и каждый хозяин забирал своего теленка. Хозяева узнавали свой скот по виду («лицу»), но для порядка (обычай требовал) и чтобы другие знали, метили его – «Гуж ЧИвазе» («поставить метку»). И рогатый скот (еще теленком) и мелкий метился ушными надрезами, лошадей, ослов обычно не метили. Метка была семейной собственностью и она могла быть продана, но не иначе, как громким объявлением на сходе джамаата.

Ослов горные аварцы любили за их трудоспособность, универсальную полезность в хозяйстве, неприхотливость. Осел отличное вьючное животное, выносливое, очень неприхотливое, мало сказать о нем, что он нетребователен к корму, он ест почти все виды растительности, которые растут вокруг селения, ему можно скормить корм, который не принимает другой вид скота. Работать он может и на крутом склоне, с поклажей до 60 кг. Проходит по бездорожью и тропкам, приученный поднимается по лестнице, легко запоминает дороги и путь к дому. Обучению ходить под седлом он не подвергался, как рабочего скота – волов и лошадей, так как с раннего возраста на нем ездили мальчишки, на него клали легкую поклажу – хурджины, мешочки с травой.

В разведении ослов сказывается зональность и традиции. В предгорье, где в основном тяжести перевозили колесным транспортом и в высокогорье с сильно пересеченным рельефом их мало – больше ис-

пользовали быков и коней. Вместе с тем, заслуживает внимание сообщение подполковника А.М. Буцковского в 1812 г. «... тягости все возят на ишаках, коих у них великое множество»¹⁰³.

М.О. Османов, отмечая предпосылки широкого распространения осла в горной части Дагестана, его большую хозяйственную роль, дает список селений, которые имели в XIX в. наибольшее количество ослов.

«Это села Мехельта (740 ослов при 607 хозяйствах), Гергебиль (575 ослов и 314 хозяйств), Ругуджа (500 и 491 соответственно), Чох (489 при 313), Чирката (460 при 164), Корода (430 при 372), Ботлих (414 при 277), Кудали (410 при 216) и Мурада (316 при 318 хозяйствах)... Почти все эти, да и другие селения с большим количеством ослов относятся к горной зоне, или к долинам гор и высокогорий. Два союза обществ, имевших наивысший по Дагестану показатель по количеству ослов на одно хозяйство – Хунзах (1,5 головы на хозяйство) и Гумбет (1,4 головы на хозяйство) сочетали горное земледелие с долинным садоводством и развитым овцеводством»¹⁰⁴. Из этого перечня мы видим, что почти все эти селения аварские.

Паслись ослы в разных селениях по разному: составляли отдельное стадо (редко), паслись вместе с коровами (самцы), с телятами (самки с ослятами). По существовавшей традиции в одних селениях разводили (держали) ослиц, а в соседних – ослов, и жители последних покупали молодых осликов у первых.

К лошади горцы относились с большей любовью и заботой. И стоила она дорого: в конце XIX в. в среднем лошадь стоила 30 руб, осел – 10 руб, баран – 3 руб., бык – 20 руб. Использовалась она для верховой езды и редко в вьюке. В качестве вьючного животного ее использовали в высокогорных селениях, где не было ослов. За скаковой лошадью устанавливали особый уход, считалось очень престижным иметь такого скакуна, вообще наличие лошади в хозяйстве являлось своеобразным показателем состоятельности. Вместе с тем лошадь доставляла семье много хлопот: она была очень капризна к корму, быстро простуживалась, нужна конюшня, срок содержания в стационаре большой, требовала большого ухода и внимания. У аварцев не практиковалось табунное содержание лошадей на пастбищах. Поэтому их было мало, приблизительный подсчет показывает, что на

одно хозяйство приходилось 0,3 лошади, тогда как крупного рогатого скота в одном хозяйстве было 4 головы, ослов – 0,8.

Осенью весь крупный рогатый скот возвращался в селение.

Передвижение скота осуществлялось согласно существующему многие десятилетия порядку, с соблюдением сроков дневного перехода, места стоянок, маршрутов перегона.

До наступления холодов скот держали на присельских пастбищах, на сенокосах и пахотных полях. С наступлением холодов скот содержался в стойле, его кормили два раза в сутки – утром и вечером. Днем выпускали в загон погреться на солнце, в полдень водили на водопой. Днем давали немного корма. Обычно старались разнообразить его рацион питания: вечером – сено, утром – солома, днем (где возможно) – кукурузные стебли. Чтобы скот не оставлял отходов, их смешивали, т.е. заранее заготавливали смесь из сена и половы, для чего сено рубили на мелкие куски серпом или специальным ножом типа мачете с длинным лезвием и короткой ручкой (чалта). Норму определяла хозяйка исходя из возраста, роста, вида и аппетита животного. Чтобы животные не мешали друг другу и сильный не отнял корм у слабого, обычно взрослых и бодливых животных привязывали к яслям.

Особое внимание уделяли кормлению отелившейся коровы. До и после отела ей давали лучший корм – высушенную (при прополке) траву (чалар), отвар крапивы с солью, отрубями или горстью муки, теплое пойло из бульона с добавлением пищевых отходов, нежное сено с южных лугов.

Стационарное содержание скота обуславливало необходимость наличия корма в хозяйстве на время стойлового кормления его. Заготовка кормов процесс тяжелый и ответственный: от этого зависело благополучное проведение зимовки скота. Кормовые припасы в основном составляли полова и саман, получаемые от переработки злаковых, которые по своим качествам различались от вида культур, высушенные травы, собранные вручную в начале лета с межевых откосов и сорняки с сочными зелеными стеблями, выполотые с поля зерновых, сено. Горные травы и сено с альпийских и субальпийских пастбищ были высокого качества, питательны и богаты белковыми веществами.

Сенокосение было важным этапом в годовом сельскохозяйственном цикле: если траву косили рано, до ее созревания, то при высыхании потери бывали большие, и она теряла сочность, а от перестоявшей травы, сено получалось некачественное жесткое. Вовремя скошенная трава (после начала жатвы) становилась душистым, сочным сеном, в нем листьев и цветов больше, чем стеблей. Летом, до официального объявления о разрешении сенокосения, выходить в поле с орудием для косьбы было запрещено. Решение принимали старейшины и об этом сообщал сельский мангуш.

Сено косили женщины маленькой косой (иногда в литературе ее называют косовидным серпом), о которой было сказано выше. Сенокосные участки были частные и общественные; межевые откосы и небольшие склоны были собственностью семей, а более обширные массивы находились в общем пользовании и деление на хозяйства производилось по жеребьевке. Три пучка скошенной травы связывали жгутом в сноп ближе к цветам и ставили на стебли сушить. За день работы женщина могла скосить около 150 снопов – это выюки для четырех ослов. Сено перевозили на ослах, но нередко женщины переносили сено на спине и вязанки, как правило, составляли из 35–40 снопов. Хранили в сеновалах. При заготовке кормов поступали по принципу: чем больше, тем лучше.

Выше уже говорилось, что существовал обычай временной передачи дойных коров на лето женщине, которая уходила на субальпийские луга – яйлажный хутор на изготовление масла. Так же существовал обычай передачи молочного скота на зиму. Хозяйства (семьи), которые чувствовали опасения, что не смогут зимой обеспечить свой скот кормом, отдавали его временно другой семье. Семья, взяв скот на зиму, до комплектации стада, обеспечивала его содержание, за что получала приплод от него и распоряжалась молоком.

В крупных селениях, с развитым земледелием и скотоводством, где позволяли природно-климатические условия, скот отгонялся на хутора. У некоторых общин было много хуторов, так в селении Ругуджа было 11 хуторов, Согратле – 8, Дусрахе – 9, Гилице – 6, Чохе – 8. Для примера приведем названия хуторов Дусрахской общины: Ганчаа, Кунориб, Бортиб, Табаразухъ, Чокнуб, Магъаа, Гъибиа, Мархъудухъ, КІехІаб. На эти хутора шли осенью, чтобы снимать урожай

зерновых и ставить скирды, для сенокосения и складывания его в сеновал. В середине весны, с появлением кукушки все хуторяне со своим скотом должны были уйти с этих земель, чтобы не было потравы, так как они становились заповедными до осени, а для скота до поздней осени.

Хутора эти имели некоторые различия между собою – в одних были хлева для скота, сеновалы, жилые помещения, в других – не было жилых комнат. Эти хутора облегчали содержание скота: в стойле – здесь были условия для заготовки кормов и их хранения, в выпасе – солнечные пригревы позволяли держать скот и зимой на выгонах. Часть населения могла находиться постоянно на хуторах, часть – ходила туда из селения, чтобы покормить скот, выпустить на солнце, сводить его на водопой, убрать в хлевах, погнать на выгон попасться, закрыть на ночь.

В конце XIX века усилилась тенденция превращения хуторов в места постоянного сезонного проживания населения. В некоторых из них были построены двухэтажные хозяйственно-жилые комплексы и проживало 15–20 семей, часть которых оставалась там круглогодично. Это стало возможным после выделения джамаатом земли для огораживания пахотных полей и сенокосов – обеспечения гарантии от потравы. На многих хуторах скот и не мог зайти на заповедные участки: существовали «улицы», огороженные с обеих сторон стеной и которые вели от окраины хутора до разрешенного пастбища.

У аварцев были хутора, где с самого возникновения постоянно проживало небольшое количество семей. Эти хозяйственные базы находились далеко от аула, на граничащих с другим обществом землях и джамаат посылал туда обедневшие семьи на определенный срок с тем, чтобы они поправили свое положение и охраняли земли. Например, Наказух в Андалалском обществе, Уриб в Гидатлинском обществе. Когда закончится срок-семьи должны были вернуться в поселение, а туда отправлялись другие семьи.

Этнографический материал свидетельствует, что ряд аварских поселений образовался на базе выгонных хуторов. Об этом ниже.

Важное место в экономике аварцев занимало овцеводство.

О точном состоянии овцеводства и его соотношении с другими видами скота трудно судить, имеющиеся данные противоречивы. По некоторым данным в конце XIX в. в Аварском округе были 44122 голов крупного рогатого скота (КРС), т.е. 5 голов на одно хозяйство, мелкого рогатого скота 138818 голов, т.е. 16 голов на одно хозяйство, в Гунибском округе было КРС 64400 голов, т.е. 4,7 голов на одно хозяйство, МРС—401755 голов т.е. 30 голов на одно хозяйства¹⁰⁵. По данным другого источника в 1915 году в Аварском округе было 19557 голов КРС, МРС—102915 голов, в Гунибском округе — КРС—28332 голов, МРС—259894 голов¹⁰⁶.

Овцеводством в XIX веке занимались больше как товарной отраслью, его поголовье было сосредоточено в руках немногих владельцев крупных стад. Много крупных овцеводов было в сел. Чох: по рассказам членов семей, Гарун-Гаджи имел более 15 тыс. овец, Мамалав— 10 тыс., Макашарип— около 12 тыс., Магомедгази—8 тыс., Абдулманап—8 тыс., многие имели от 3 до 5 тыс. голов. Они пользовались наемным трудом, так в 1917 году 23 овцевода из сел. Чох держали 66 наемных чабанов¹⁰⁷. Они же имели земли на плоскости: Антик Нурмагомед—1400 десятин, Макашарип— 1758 десятин, Мамалав—1156 десятин¹⁰⁸. Гоцинский из сел. Гоцо имел более 15 тыс. овец и около 3 тыс. десятин пастбищных земель, Пайзула Дациев из сел. Чиркей имел 14 тыс. овец и 4518 десятин земли¹⁰⁹.

Вместе с тем овцеводство не было всеобщим занятием. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показывает, что в Дагестане в животноводстве было занято всего 14193 человека¹¹⁰.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. из 7359 хозяйств Аварского округа 73,3% хозяйств были безовечными. Личные подсчеты Х.-М. Хашаева тоже дали такие же результаты¹¹¹.

Формы содержания овец были определены хозяйственно-экологической обусловленностью. Крупные барановоды перегоняли овец на летние и зимние арендованные пастбища. Несколько владельцев небольших отар объединялись и составляли одну отару из 1300—1400 голов и в начале октября, по уже существующей трассе овцепрогона наемные чабаны во главе со старшим (обычно один из хозяев) отправлялись на прикаспийскую равнину. На случай непогоды, силь-

ных морозов и ветров на месте сооружали кошары для чабанов и загоны для овец. Сено не заготавливалось, скот содержался на подножном корму. Нередко от бескормицы и холодных ветров бывали падежи, иногда катастрофические для хозяев. В этом случае страдали и чабаны, получающие небольшую плату за свой тяжелый труд. Особенно тяжело приходилось чабанам при перегонах, практически они не имели времени на сон, за случайный падеж или за потерю скота с них высчитывалась стоимость потери. Труд чабана считался не очень престижным, отдельные крестьяне, не имея достаточного количества пахотной земли и своего скота, вынуждены были идти на наемную работу. Вместе с тем, опытный чабан пользовался уважением, ему кроме пищи, бурки, чарыков хозяин в конце года отдавал 20—25 голов овец. Благополучное возвращение овец с зимних пастбищ отмечалось как праздник. Стрижка овец производилась два раза в год — весной и осенью, когда стадо возвращалось с пастбищ в селение. День начала стрижки отмечался торжественно. О нем заранее извещали, собирались к месту близкие. Кто умел тот становился стригалем. Два-три человека ловили и подводили животных, несколько стригли ножницами местного производства. Умелый стригальщик мог остричь за день до 50 голов. Остриженную шерсть помощник осторожно скатывал в рулон-комоч и складывал в большой мешок. За работу не платили, это было что-то вроде взаимопомощи (гвай), хозяин после окончания работы устраивал угощение.

Был и другой способ получения шерсти, как объяснили информаторы, более древний: шерсть выщипывали руками. После этого на животном оставалась шерсть, которая защищала его от холода. Выщипанная руками шерсть, типа пуха, считалась лучшей и ценилась дороже. Коз только стригли.

Небольшое количество овец круглый год содержалось в горах. Хозяева, имевшие по несколько овец, на зиму оставляли их в ауле, пасли их на окрестных лугах, сенокосах, пахотных полях, избегая поправки озимых. Овца может пастись на каменистых и крутых склонах, ест очень низкорослую траву, недоступную для другого вида скота. Козы и летом и зимой находились в скалах, они там паслись и оставались на ночь. Хозяин на ночь своих овец загонял в хлев, в ненастную погоду давал корм. Окот приходился на март месяц, и до перехода на

летнее содержание молоко оставляли ягнятам. Если овец не доили с целью сбора молока для брынзы, то ягненка не отделяли от матери.

Овца и коза имели довольно существенное значение для материального благосостояния семьи, они давали мясо, шерсть, кожу, жир. Овец на летних пастбищах доили в течение двух месяцев для приготовления брынзы. У мелких владельцев количество получаемой брынзы зависело от количества голов в стаде, готовили брынзу чабаны и способ ее приготовления такой же, как и у других народов Дагестана. Коз не доили, но в лечебных целях их молоко употребляли. Средний трех-четырёхгодовалый баран давал мясо 15–20 кг, шерсти (чёрного или белого цвета) – 2–2,5 кг, коза немного меньше. Обычно самцов кастрировали, чтобы они набирали вес и улучшились вкусовые качества мяса и курдюка. Курдюк имел широкое применение в быту, он был ценным пищевым продуктом, его варили, жарили, заготавливали вяленым впрок, употребляли в качестве приправы, поджарки почти ко всем начинкам многих блюд, жир его не сворачиваемый применялся и в лечебных целях.

Продукты, которые шли на рынок как товар или на обмен, кроме самой овцы (барана), получаемые от овцеводства были овчина, шерсть, брынза, курдюк, кожа (козлиная). Скот и продукты скотоводства служили и меновой единицей.

Из птиц разводили кур, их было не много, хотя за ними особого ухода не требовалось. Кормили зерном один раз в сутки – вечером. Они были мелкие, разного цвета, улучшением породы не занимались. Держали их в основном для получения яиц и пера для подушек. Курятина, как мясо, мало ценилась.

Домашнее ремесло. Важной частью хозяйства были домашние промыслы. Состояние их и удельный вес в хозяйстве определялись основными отраслями – земледелием и скотоводством, необходимостью для жизнеобеспечения. В XVIII–XIX вв. домашние промыслы были больше ориентированы на обеспечение собственных потребностей, их продукция должна была удовлетворять нужды своего населения, только небольшая часть ее шла на обмен и продажу. Определить количество людей, связанных с производством ремесленных изделий невозможно, нет каких-либо зафиксированных данных об этом, с другой стороны этот процесс был повседневным, особенно

для женщин. В свободное от основных работ время они чистили и пряли шерсть, вязали, большей частью это был зимний период.

Назовем вкратце характерные для аварцев промыслы и ремесла: женские – ткачество (ворсовые ковры, безворсовые двухсторонние ковры, гладкие двух-сторонние паласы, мелкие ковровые изделия, ткань), вязание из шерсти, выделка войлока, бурок, циновок (чибта), вышивание золотыми и серебряными нитками; мужские – обработка кожи, резьба по камню и дереву, кузнечное, чеканка по меди, оружейное, ювелирное, изготовление деревянной утвари.

Для домашних промыслов сырьё в основном давало скотоводство – овцы, быки, козы: шерсть, кожа, овчина. Обработка шерсти было женским делом и требовала много времени, процедуры работы с ней зависели от того для чего ее заготовили. Наиболее ответственным процессом считалось изготовление нити для производства ткани. Предназначенную для этого шерсть били палкой, перебирали, замачивали, через сутки – двое мыли на речке, до тех пор, пока не очистится от грязи, жира, минеральных солей и стекавшая вода не становилась чистой. После просушки на солнце ее сортировали, разрыхляли руками, отделяя грубые комки, затем трепали с помощью специального инструмента типа лука – согнутой палки, к концам которой привязана толстая нитка из конопли, расчесывали гребнем-чесалкой. Оба инструмента имеют широкое распространение в Дагестане и способы работы одинаковые.

Пряжу изготовляли с помощью веретена. По информации, встречались пряслицы из дерева, камня, кости. Любопытно, что по описанию пряслица из кости напоминает пряслицы, известные по археологическим материалам. Рассматривая археологические материалы из раскопок Верхнегунибского поселения В.М. Котович пишет: «Многочисленную группу изделий из кости образуют пряслица. Они представляют собой спиленные головки бедренных костей крупного и мелкого рогатого скота, с просверленным по центру сквозным круглым отверстием для древка веретена. Подобные пряслица нередко встречаются в памятниках эпохи бронзы на территории Дагестана. Они были широко представлены в памятниках III–II тыс. до н.э. на Кавказе. Большинство исследователей считает эти орудия пряслицами. Их уплощенная форма, точно центрированное, довольно узкое

отверстие и относительно небольшой вес, говорит в пользу того, чтобы видеть в них пряслица – приспособления, обеспечивавшие вращательное инерционное движение веретен. Об этом свидетельствует, в частности, находка подобного пряслица с остатками деревянного веретена в катакомбе № 2. Манасского могильника»¹¹².

С большей долей уверенности можно сказать, что этот элемент древней культуры пережил тысячелетия и дошел до конца XIX – начала XX в. почти не изменившись ни по форме, ни по своему функциональному назначению. Это еще одно звено в цепи доживших до нашего времени элементов материальной культуры, зародившихся более четырех тысяч лет назад (перекрытие и интерьер жилища, глинобитные двухкамерные сводчатые печи, приподнятая над полом лжанка, одностворчатая дверь на пятах, ступенчатая планировка).

Нитки делались разной толщины, в зависимости от того для чего они предназначались. Сучение проводилось чтобы свивать в одну нить несколько прядей, прочность предмета кустарного производства зависела от крепости скручивания ниток. Из тонких ниток на станке изготавливали сукно, которое шло на верхнюю одежду – черкески, рубашки, брюки, бешмет, женское платье. Цвета были натуральные – черный, серый, рыжеватый, так как нитки для этого редко красили. Изготовление ниток и ткани было женским занятием. Ткацкий станок и процесс тканья здесь не отличались от общедагестанских. Станок или покупали на разных базарах (в деталях, а дома собирали) или строили сами. На этом же станке ткали паласы и полотно для сшивания мешков и хурджинов. Паласы имели широкое применение: покрывали полы, вешали на стены, на них сушили зерно, шерсть. Для изготовления паласа употреблялись грубые и толстые нити, часть которых была крашена. Красили растительными красками, которые готовили сами из местного материала. Подготовленное полотно для мешков, шириной около 40–50 см, складывали вдвое и сшивали плотно по бокам суровыми нитками. К открытой стороне привязывали особым способом круглую веревку из козьей шерсти с палец толщиной, она служила завязкой. Мешки обычно бывали высотой 90–100 см. Полный мешок (с зерном) рассчитан как один выюк для осла. Хурджины (полотно узкое) обшивались также, но завязкой служила

тонкая веревка из овечьей шерсти и принцип завязывания был другой – стягивание края.

Самое широкое применение нитки имели для вязания носок. Этим занимались почти все женщины. Преобладали белые и черные цвета, но были и пестрые. Вязаные носки и обувь из высокогорных обществ (современный Тляратинский район) были настоящими высокохудожественными изделиями, которые отличались умелым подбором цветовой гаммы, изысканностью орнамента.

В небольшом количестве производили ворсовые ковры (Тлярата, Хунзах, сел. Левашинского р-на). Они были небольших размеров, в основу их декоративного решения положены образы растительного и животного мира, геометрические узоры, к ковровым изделиям можно отнести покрывала на седла и молитвенные коврики.

Изготавливали и войлочные ковры-арбабаши. На войлок шла главным образом низкокачественная шерсть, оставшаяся после отбора мягких волос.

Войлок шел на зимнюю обувь – сапоги, подстилки под седла ослов и лошадей, кошмы. Он хорошо защищал пол от холода, и им застилали полы в комнатах. Техника изготовления ковров и войлока была та же, что и у других народов Дагестана¹¹³.

Из козьей шерсти нитки получались жесткие, грубые, на тканье они не годились, из них плели веревки для завязывания мешков и связывания вязанок. Любопытно, что веревка для связывания вязанок (круглая, толщиной около трех см, длиной 3–4 м, с крючком из бараньего рога на одном конце) называлась «объятие» – «кьвал». Она, сплетенная из множества ниток, отличалась особой прочностью и имела широкое применение, например, ею привязывали скот к яслям, ослов и коней к колу на пастбище, поклажу на спине ослов. Из пушистых волос от козы скручивали нить, которая шла на вязание носок детям.

Определенное место в домашних промыслах занимала обработка кожи. В условиях полунатурального хозяйства выделкой кожи для собственных нужд занималась почти каждая семья. Кожа – овчина шла на верхнюю одежду – шубу, телогрейки, головные уборы, кожанка – на обувь.

Овчину обрабатывали дома. Снятую с барана шкуру солили и сушили в тени. В таком виде она сохранялась долго. Перед обработ-

кой шкуру мочили и держали в воде 2–3 дня, затем на речке хорошо промывали и подсушивали. В это время бродил–созревал специальный состав из закваски, солода, толокна, соли (ячменной муки, соли, закваски), которым мазали гладкую сторону шкуры. Намазанную раствором овчину клали шерстью вниз на палас и оставляли дней на десять до полного высыхания. Дальнейшая ее обработка проходила поэтапно: смягчение, очищение кожи от мездры, отбеливание. Для этих процедур имелись стелы на годекане с отверстиями, специальные инструменты, белый речной камень (заменял муку). После очищения, смягчения, если хотели изменить цвет, овчину окрашивали, обычно в черный и коричневый цвет.

Кожу для обуви – шкуры крупного рогатого скота и козлов – обрабатывали несколько иначе, чем шкуру барана, которая после всех процедур становилась овчиной. Основное различие заключалось в том, что со шкуры, предназначенной для изготовления обуви надо было удалить шерсть (волосы), а на шкуре, которая шла на шитье одежды сохранить волос, укрепив его корневую основу, во избежание быстрого выпадения.

Шкуру крупного рогатого скота очищали от грязи, промывали, скребком снимали шерсть, помещали в теплый раствор птичьего помета, или в известковый раствор, или, залив теплой похлебкой после хинкала и завернув в рулон, клали в кучу навоза в хлеву для дальнейшего размягчения, чтобы прела. Через некоторое время, в зависимости от того, куда была помещена шкура, ее вынимали и счищали от волос и мездры. Передержка была опасна – шкура могла сгнить. Очищенная и промытая шкура подвергалась смягчению путем скручивания и колочения специальными колотушками. Дубления и окрашивания не производили, эта кожа годилась для шитья чарыков. Из этой кожи готовили орудия труда – приспособление для связывания и перевозки на ослах вязанок две длинные (ок. 2,5 м) полоски шириной около 3 см. параллельно идущие на расстоянии 40 см, соединенные между собой в двух местах перемычками, с роговыми крючками на одном конце – «Гларш».

Материал для изготовления повседневной и нарядной обуви обычно покупали на базарах или обменивали на необработанные шкуры. Производство сафьяна и другой более качественной кожи в

XIX – начале XX века носило ремесленный характер, поскольку это была специфическая работа, не всегда доступная каждому крестьянину и товар имел спрос. Его готовили на заказ и для продажи на базарах. Сафьян и хорошо обработанная бычья шкура для подошвы стоили сравнительно дорого, не каждый крестьянин мог их купить.

Изготовлением металлических предметов занималось небольшое количество лиц. Это было сугубо мужское занятие. Кузнечное дело – самое древнее ремесло, связанное с обработкой металла, однако, оно остается еще слабо разработанной отраслью ремесленного производства, и поэтому остановимся на нем чуть подробнее. «В Дагестане ее развитие было основано на достаточно богатых и доступных для разработок местных залежах сидеритовых руд и местной топливной базе. Высокий уровень металлургии железа и его обработки документирован многочисленными находками сыродутных печей и шлаков»¹¹⁴. Такие очаги обнаружены на территории Гунибского района около селений Ахнада, Наказух, Согратль¹¹⁵.

Освоение железа в горах Дагестана относится к рубежу II–I тыс. до н.э. и этот процесс продолжался до позднего средневековья. Оно имело большое значение в дальнейшем развитии производительных сил. Основу экономики Дагестана составляли земледелие и скотоводство, позднее и ремесло. Уровень производства зависит от степени развития средств труда, и в первую очередь от этого зависел технический уровень сельского хозяйства, поскольку производство орудий труда земледельца связано с состоянием и развитием техники обработки металлов и других материалов. До налаживания торговых экономических связей с Россией металл добывали на месте, и в XVII – начале XIX в. существовало литейное производство. По этнографическим материалам установлено, что добыча руды и ее плавка были очень трудоемким процессом, требующим глубоких знаний, трудовых навыков и усилий нескольких людей. Установлено, что на производство одного пуда кричного железа шло большое количество руды, 3–4 куб. м. дров и 5,5 человеко-дней труда¹¹⁶. Получаемое железо было невысокого качества. Тем не менее, его производили, учитывая большой спрос на него, так как была необходимость создания собственной базы изготовления металлических предметов, без которых

немыслимо были земледельческая деятельность и сам быт, как производственный, так и повседневный домашний.

Однако, еще в начале XIX в. железо оставалось дефицитом и нехватка его сильно ощущалась.

С середины XIX в. купцы стали привозить железо из Кизляра, Астрахани и других городов России как товар и оно было по качеству лучше местного и обходилось дешевле. Тем не менее, в целом железо, особенно сталь, достать было трудно и стоило оно дорого. По рассказам старых кузнецов, в конце XIX века сталь обменивалась на курдюк или вяленое мясо по весу один к одному. Кроме того, каменный уголь, который давал высокую температуру, необходимую для нагревания металла до нужного накала, был большим дефицитом в горах (привозного не было) и добывали его в труднодоступных местах межскальных пластов.

В этих условиях выделение кузнечного ремесла становится необходимым, кто-то должен был стать профессиональным мастером, так как всякий человек, нуждающийся в предмете, готовить его не мог и не смог бы и при желании. Необходимы были и условия – кузница с инструментами и мастерство. Кузнец становится необходимым человеком в коллективе – общине, он стал пользоваться особым почетом и уважением. К его помощи прибегали в случаях тяжелой болезни, особенно детей, необходимости мудрого решения. Наряду с знахарскими обрядами и действиями, кузнец-лекарь действительно лечил: удалял больной зуб щипцами собственного изготовления, поил при желудочно-кишечных и других болезнях водой из кузнечного корыта – «закалочной водой», прием известный в этнографической реальности, делал кровопускание при сильных болях в затылке. Безусловно на кузнеца, связанного с железом и которому оно «подчинялось», распространялся ореол культа железа, широко известного на Кавказе. С железом, как и с самим кузнецом, связаны легенды и предания, народы Дагестана почитали его так же, как многие народы мира. Ему приписывали сверхъестественную силу, лечебные свойства. В связи с этим Г.А. Гаджиев пишет: «этим объясняется первостепенная роль, которая отводилась железу или металлу вообще в древних магических обрядах по изгнанию злых духов из тела больного, против сглаза или всякой скверны. Металл выступает в ранних верованиях народов

панацеей от всяких болезней, средством для увеличения продуктивности скота, плодородности и плодородия полей, садов, благополучия дома, домашней обстановки и т. д. Не только железо, но и все, что в какой-то мере имеет связь с железом, стало считаться обладающим сверхъестественными свойствами... Это в первую очередь относится к железному стуку, якобы отгоняющему злых духов в обрядах; кузнечному делу, окруженному ореолом святости, и всему, что связано с кузницей и кузнецом»¹¹⁷.

Вообще кузнецы имели разное социально-общественное положение в обществе. Общественный кузнец: он как бы находился на службе общины, делал все что нужно для всех жителей селения – сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода. Была установлена одинаковая оплата для всех хозяйств, независимо от того, выполнил работы кузнец для этого дома или нет. Кузницу строили коллективным методом, джамаат выделял для нее удобное место ближе к центру аула.

Кузнец другой категории – это свободный мастер. Он работал на рынок или по заказу. Обо всем необходимом для своего ремесла заботился сам. Ему было экономически выгодно заниматься только своим ремеслом, а необходимую по хозяйству работу, т.е. рабочую силу, он покупал: нанимал человека для ее выполнения, в том числе для обработки своей пашни.

Для данного вида ремесленного производства необходимо специальное рабочее место с конкретным оборудованием. Это было обычно небольшое помещение. У северной стены устроен стол, поверхность которого обмазана глиной – горн, сбоку к нему пристоеен мех – приспособление с растягивающимися кожаными складчатыми стенками для нагнетания воздуха. Центральное место стола-горна занимает очаг, над которым установлен зонт – вытяжка для выхода дыма, к горновому гнезду (очагу) сбоку-снизу подведена узкая керамическая трубка для подачи воздуха из меха, количество подаваемого воздуха регулируется скоростью – амплитудой работы меха, для чего к задней широкой части нижней плоскости его прикреплена веревка, соединенная с жердью, которая при движениях верх-вниз подтягивала ее к верхней плоскости выдавливая воздух. Поступление воздуха в мех и его подача в очаг осуществлялась через клапаны.

Основным опорным инструментом была наковальня. Ее устанавливали сбоку – спереди горна так, чтобы мастер оставаясь на месте мог взять щипцами предмет из очага и класть его на наковальню. Наковальню укрепляли на уровне пояса к деревянному стулу – крепкому массивному чурбану, наполовину закопанному в землю. Обычно наковальня бывала двурога, хотя в общем они бывали разных форм и размеров; их покупали на базарах по довольно дорогой цене. Вокруг наковальни должно быть достаточно просторно, чтобы, если нужно, мог работать и помощник – молотобоец.

Рядом с горном (впереди) находится каменное корыто с водой для охлаждения кузнечного инструмента и закалки изделий. Кузнецы рассказывали, что вода в корыте, «работавшая», не портится, она приобретает специфический вкус и некоторые люди приходили специально, чтобы ее пить. Корыто время от времени тщательно очищали от окалины железа (металлической корки, образующейся при закаливании) и меняли воду. Инструменты лежали на столе (горне). На столе с другой стороны очага, где стоял кузнец, лежала небольшая куча угля, от которой он время от времени часть его подбрасывал в огонь. А ящик с углем находился в углу за горном.

Основными инструментами, которыми работал кузнец, были молотки разных размеров и форм, кувалды, клещи, щипцы плоскогубные, кусачки, зубила, пробойники, напильники, ножницы по металлу. Инструменты были самодельные, в основном клещи с разными формами губок и пружинящими рукоятками для прочного удержания поковок во время сильных ударов кувалдой или тяжелым молотом. Необходимым инструментом были тиски, особенно для зажима раскаленных заготовок, когда надо было придать им фигурные формы и при выполнении работ с применением напильника.

Кузнецы изготавливали из черного металла сошники, мотыги, кирки, серпы, косы, ножницы для стрижки овец, топоры, специальные ножи (чалта) с широким лезвием типа мачете для рубки сена, хвороста, лопаты, тесла для мельничных жерновов, предметы кухонной утвари, треножники, цепи, светильники, щипцы, ножи, конскую упряжь, подковы и гвозди к ним, железные детали для плотницких инструментов, для обработки кожи, дверные петли и многое другое.

При кузнечных работах выполнялось множество операций: отрубка, осадка, протяжка, пробивка, гибка, скручивание, свивание, сварка. Особого внимания заслуживает сварка – соединение двух заготовок, нагретых до определенной температуры, с помощью ударов. В Куяда, Чохе, Согратле, других аварских селениях применяли способ сварки внахлест. Подготовленные путем высадки концы заготовок нагревали, складывали их и, нанося частые удары, закрепляли. При многократном повторении этого действия металл «сваривался», исчезал шов. При дефиците стали, это была очень важная операция – у предмета из мягкого железа рабочий конец становился твердым, долговечным, трудно затупляемым. Следует отметить, что аварские кузнецы достигли высокого уровня мастерства в этой сложнейшей операции. Это была трудная и ответственная операция, от которой зависело качество изделия и стойкость рабочего орудия. Необходимо было соблюдать температурный режимковки: при слабом нагреве металла он плохо куется и на изделии могут появиться трещины; нагревание выше необходимой температуры приводит к порче металла – пережогу, в результате чего он при ковке разрушается. А температуру нагретого металла определяли визуально по цвету каления. Соблюдение нужной температуры (для разных изделий, разной) нагреваемого металла было очень важно при закалке изделий, при перегреве (начался процесс разрушения) оно может треснуть, тогда вся работа идет на нет и металл испорчен; недостаточный нагрев приводит к слабой закалке его и снижению стойкости. Для закаливания, исходя из вида, назначения изделия, его формы и типа металла, применяли родниковую воду, сырую нефть, влажную землю, охлаждать оставляли на воздухе.

Помимо необходимых в хозяйственной деятельности орудий труда и предметов домашнего обихода кузнецы изготавливали ковкой художественные изделия: светильники на трех ножках с листовидными чашами, надочажные цепи, ограды для балконов, цепьевидные застёжки на воротах из скрученных прутьев, кольца-ручки для ворот, уздечки. Наиболее трудоемким процессом была выковка цепи. Цепи имели разные формы в зависимости от фантазии кузнеца и заказа хозяина. Они состояли из набора звеньев разной формы, размера. На очажной цепи мастер, не изменяя ее утилитарного назначения, выка-

зывал свое умение, уважение к предмету, о чем свидетельствуют часто встречаемые фигурные элементы, витые детали. В заключение скажем несколько слов о железных ограждениях веранд, балконов, появившихся в домах аварцев во второй половине XIX в. Эти работы выполнены местными кузнецами, соблюдавшими в рисунке определенные художественные традиции народа. Здесь каждая деталь, кованная у горна, приобретала легкую, красивую форму и выполняла самостоятельную роль в общем рисунке.

В металлообрабатывающем производстве выделяется ювелирное ремесло. Известными центрами серебряных дел были Гоцатль, Чох, Гамсутль, Согратль. Выделывали кинжалы, газыри, наборы для пояса, и конской сбруи, женские украшения (браслеты, кольца, цепочки, бляхи, подвески, ожерелья, серьги и др.) Техника металлообработки: гравировка, чернение, филигрань, насечка, зернь, инкрустация.

Резьбой по дереву занимались почти в каждом селении, но были известные центры: Гидатль, Келеб, Гилиц, Кулла, Бацада, Куяда. Резьбой украшали наличники окон и дверей, столбы, подбалки, мебель, лари, предметы утвари, посуду. Традиционными мотивами были стилизованные изображения животных, астральные символы, геометрические, растительные, ленточные узоры, плетенка. Этот же орнамент был характерным и для резьбы по камню.

Отходничество. Отходников среди аварцев было много. Здесь были те же причины, что во всем горном Дагестане: отсутствие достаточного количества земли, недостаток в средствах к существованию вынуждали жителей искать доходы на стороне. Здесь к месту привести андалалскую пословицу: «Если у человека дома достаточно хлеба, он не нуждается в чужом языке, чужой земле (стране)». Часть населения (мужчины) уходила на зиму, часть – на два-три месяца в период весенней путины на рыбные промыслы, или летом в период уборки хлебов на Прикаспийскую равнину. Выполняли всякие работы; были пастухами, сборщиками урожая, садовыми работниками, рабочими. Отхожий промысел существовал и «в прошлом, так как экономическая необеспеченность, являющаяся основной причиной отходничества, была и раньше... Вместе с тем нет сомнения, что отходничество стало сильнее развиваться в пореформенный период

особенно в 80–90-х годах XIX в. в связи с расслоением крестьянства Дагестана»¹¹⁸.

В конце XIX в. изменились условия труда отходников и места куда они отбывали искать работу в связи с приобщением Дагестана к общероссийскому рынку и проникновением капиталистических отношений, ростом спроса на рабочие руки. Шли они на длительное время на рыбные промыслы Каспия, нефтяные промыслы Баку, Грозного, на работы в Новороссийск. О растущем процессе расширения отходничества в горах писали разные источники. Так, в «Обзорах Дагестанской области» ежегодно приводились эти данные. В 1913 г. по Гунибскому округу картина выглядела следующим образом: число отходников – 15967, на тысячу жителей – 212, размер пашни на душу населения – 0,15 дес., количество скота на душу населения – 4,4 голов¹¹⁹.

По Аварскому округу отходников было 3286, на тысячу жителей – 87, пашни на душу – 0,18 дес, скота на душу – 3,7 голов¹²⁰. Эта общая картина не могла отразить реального положения в селениях, в каждом из них были свои особенности, но процесс расслоения в обществе шел одинаково интенсивно и пахотные земли и скот, особенно мелкий рогатый, сосредотачивался в руках небольшого количества лиц. Более 70% населения Гунибского округа вовсе не имело овец и коз (они были сосредоточены в руках кулаков-овцеводов)¹²¹. Обедневшим приходилось искать заработок вне селения. Эти обстоятельства, а также приобщение края к общероссийскому рынку и проникновение капиталистических отношений усилили процесс и придали ему новую окраску. Стали уходить на заработки не только из обнищавших семей, но и из середняцких. Характерным становится стремление «уйти туда, где лучше».

Дороги, транспорт, торговля. Приведенный выше материал о договорах между обществами, перегоне скота на равнину, ежегодном уходе части населения на заработки, посещение базаров с целью обмена и продажи своей продукции и покупки необходимых товаров показывает, что аварцы были экономически и политически связаны с соседними и дальними народами. Несмотря на суровые природные условия, сильную пересеченность рельефа между селениями всегда существовали дороги, только в редких случаях зимой, из-за снежных

заносов, непроходимые. Население гор постоянно следило за дорогами, всегда стараясь содержать их в хорошем состоянии. Дорожное строительство, возведение мостов, их ремонт на своей территории было обязанностью сельской общины. Она заботилась о дорогах наравне с мечтью и родниками. Прокладывание дороги в условиях сильно пересеченного рельефа, крутизны склонов требовало больших усилий и мастерства: где-то она проходит по подпорной стене или мосту, где-то в виде ступенек, выбитых в скальных грядках. Время от времени, по решению старейшин, население выходило на дорожные работы, своего рода субботники. Неучастие в коллективном общественном труде считалось нарушением норм поведения и порицалось.

Во время своего путешествия по Дагестану в 1886 г. Н. Воронов говоря о джамаате селений Андалалского наибства дает оценку их дорогам: «Нужно видеть дагестанские пути сообщения, нужно всмотреться во все естественные преграды, положенные здесь природою для разобщения людей, – и, однако, люди общаются здесь не в пример легче, чем, например, живущие в наших равнинных или степных деревнях русские поселяне, не нуждающиеся даже и в дорогах, поэтому что поле и дорога равно проходимы. Здесь не то; здесь всякий переход из аула в аул, от общества в общество – своего рода подвиг, риск и во всяком случае большой труд, а между тем общение замечательное. Вести, новости разносятся в горах с изумительной скоростью, и приказания начальства, власти исполняются здесь так же быстро, как бы страна перекрещивалась телеграфными проволоками. На завтра, например, нужно собрать джамаат из всех ближних обществ – и джамаат непременно соберется, кто пеший, кто конный, явятся все по призыву, преодолев, без сомнения, значительные трудности в пути»¹²².

После окончания народно-освободительной борьбы в горах началось строительство грунтовых и шоссейных дорог. В 60-х годах была проложена дорога от Темир-Хан-Шуры через Кизылярский и Куппинский перевалы до Гуниба. В эти же годы силами войск с привлечением местного населения были проведены дороги от Георгиевского (Салтинского) моста через Мурадинской перевал до Карадахской крепости, и от Карадаха через Хунзах до Тлоха. В конце 90-х годов была построена колесная дорога из Гуниба через Мегеб на Ку-

мух, а в 90-х годах завершено было строительство аваро-андийской, аваро-кахетинской и араканской дороги. В эти же годы были проложены дороги, соединившие многие аварские селения между собой. Сооружено было много мостов. Много было сделано силами местного населения. Колесные дороги с почтовыми станциями сыграли огромную роль в усилении торгово-экономических связей горцев с населением равнины и других областей Кавказа.

Появилась арба и аробный транспорт стал основным для дальних перевозок больших грузов. Арба была известного дагестанского горного типа, целиком изготовленная из деревянных деталей с железными ободками на колесах, небольших размеров, приспособленная для двух быков. Главным требованием к ее конструкции было устойчивость, чтобы она не повалилась на бок или не перевернулась на наклонных участках дороги. Для высокогорных селений в зимних условиях одним из основных средств перевозки являлись сани и волокуши, в которые впрягали как и в арбу, быков.

Основными транспортными средствами издревле были и оставались в XIX веке лошади, ослы. Мулов было мало. Лошади служили в основном для верховой езды и реже для перевозки поклажи, не всякий груз можно было класть на нее. А вот ослы были незаменимыми работниками в хозяйстве для перевозки груза. Перевозить груз на ослах можно было без вьючного седла и другого приспособления для этого – специального седла с торчащими вверх двумя палочками с каждой стороны – гьалда, если это зерно или мука в мешках, но старались на их спины класть потники, попоны. Обычно перевозка проводилась с седлом для вьюка, сапеток.

В экономической жизни аварцев значительную роль играла торговля. В XIII – XIX вв. больше была развита товаро-обменная деятельность, которая во второй половине века отходит на второй план уступив торговле. Выше уже говорилось, что аварцы еще в средние века имели широкие торговые связи с Закавказьем и Северным Кавказом, а усиление этих отношений обусловило проникновение и расширение капиталистических отношений. Предметы торговли зависели от места проживания торговца, у кого чего было много: горцы привозили скот, овчину, масло, сыр, и другие продукты животноводства, голозерный ячмень, горох, из горных долин – фрукты, из ремес-

ленных центров – медную посуду, орудия труда, холодное оружие, кожаные изделия, кожу. Ввозили хлеб, соль, мануфактуру, предметы фабричного производства, огнестрельное оружие, посуду, сахар, пряности.

Сложились крупные торговые центры-базары: Хунзах, Гочатль, Ботлих, Дылым, Верх. Дженгутай, Кулецма, Аракани, Чох, Согратль. Оборот хунзахского базара достигал в год до 60 тыс. рублей, в Гунибском округе: в укреплениях Гуниб, Карадах, и в сёл. Чох и Согратль оборот всех базаров доходил от 45 до 50 тыс. рублей в год¹²³.

Самым необходимым товаром для горцев был хлеб и за ним они приезжали на кумыкскую равнину. На частые торговые отношения горцев с жителями равнины обратил внимание офицер, который был послан в Аварию в 1829 г. «При следовании в Аварию и обратно мы встречали навьюченных ослов с покупным хлебом из Мехтулинского владения и земли, подвластной шамхалу, также и с солью, коей вовсе нет в Аварии»¹²⁴. Кстати, соль в Аварии есть. В 2 км от селений Кванхидатль и Нижнее Инхело Ботлихского района, по берегам реки Андийское Койсу, вытекают родники соленой воды. «На базе этих соленых вод, – пишет исследователь минеральных источников Дагестана В. Гецеу, – местными жителями созданы здесь с незапамятных времен соляные промыслы. Добывают поваренную соль путем выварки.

Эти источники наряду с хозяйственным значением представляют также значительный бальнеологический интерес¹²⁵. Эта соль продавалась почти на всех базарах западной Аварии.

Цены на товары не были постоянными. Они зависели от многих факторов, в том числе и от местонахождения базара. На базарах Гунибского округа 1903 г. были такие цены: пуд масла–10 руб., кожа–90 коп., лошадь– 40 руб., осел–10 руб., мул–50 руб., бык–30 руб., корова– 15 руб., баран– 5 руб., коза–3 руб., курица–15–20 коп¹²⁶. По сравнению с ценами середины XIX в. они в два раза выше.

В целом можно отметить, что товаро-обменные и торговые отношения аварцев в исследуемое время были довольно развитыми, как внутри Аварии, так и за ее пределами, они в какой-то степени сбалансировывали их экономическое состояние.

Изучение хозяйственной деятельности аварцев показывает, что земледелие и скотоводство являются их древними и основными заня-

тиями, они имеют большой опыт и богатые традиции. Пахотные земли, скот были частной собственностью семей.

Не имея большого разнообразия в различных отраслях земледелия сама земледельческая культура достигла высокого уровня, эмпирические навыки труда, обычаи и обряды, верования основываются на хорошо разработанном сельскохозяйственном календаре, элементах материальной и духовной культур, имеющих местное начало. Обладая местными особенностями пахотное орудие, рабочие инструменты, способы обработки земли и системы сохранения ее плодородия, другие процессы земледельческой культуры имеют близкие параллели у народов Дагестана.

Животноводство было комплексным, разводили крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей, ослов. Основными формами содержания скота были стационарная и отгонная – стойлово-выгонная для крупного рогатого скота, лошадей, ослов и подвижная (отгонная) для овец.

Натуральный характер хозяйства до середины XIX века и наличие сырьевой базы (шерсти, овчины) способствовали появлению кустарных промыслов, хотя ремесленного развития они не получили. Изделия в основном предназначались для удовлетворения собственных нужд. Торговля была слабо развита. Усиление значения ее и расширение торгово-экономических связей произошли во второй половине XIX в. с вхождением Дагестана в общероссийский рынок, после прекращения военных действий, строительства шоссейных дорог.

* * *

¹ *Амирханов Х.А.* Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987; *Котович В.Г.* Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964; *Он же.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.

² *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М., 1991; *Котович В.М.* Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. К истории дагестанских племен в конце III тысячелетия до н.э. Махачкала, 1965; *Абакаров А.И., Даудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

- ³ Гюль К.К. и др. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
- ⁴ Добрынин. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926, С. 72.
- ⁵ Расчеты сделаны по статическим сборникам: Народное хозяйство Дагестанской АССР. Махачкала, 1965; Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Махачкала, 1972.
- ⁶ Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития. С. 149.
- ⁷ Там же
- ⁸ Даниялов А.Д. Советский Дагестан. М., 1960, С. 48; Он же. Строительство социализма в Дагестане. М., 1975, С. 78; Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984, С. 43; Мелешко А.Г. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX – начале XX в. М., 1957. С. 198; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, С. 87–88.
- ⁹ Османов Г.Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965, С. 21.
- ¹⁰ Хашаев Х.-М. Указ. раб. С. 82.
- ¹¹ Погорельский В.В. Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах. // Сельское хозяйство горного Дагестана. М., 1940. С. 86.
- ¹² Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 67.
- ¹³ Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана. «Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 251.
- ¹⁴ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, Т. I. кн. I. СПб., 1871, С. 501.
- ¹⁵ Современные экологические проблемы Дагестана. Махачкала, 1994. С. 96.
- ¹⁶ Данные получены в районном управлении по землеустройству.
- ¹⁷ Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847. С. 36.
- ¹⁸ Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИРГО. Т. XX. Вып. 4 СПб., 1884. Т. С. 399, 428.
- ¹⁹ «Кавказский календарь на 1886 г. Тифлис, 1885. С. 203.
- ²⁰ Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965, С 95, 97, 101.
- ²¹ Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы / Составитель А.С. Омаров. Махачкала, 1968, С. 83.
- ²² Хашаев Х.-М. Указ. раб., С. 83.
- ²³ Памятники. С. 62.
- ²⁴ Из истории права. С. 91.
- ²⁵ Памятники. С. 77.
- ²⁶ Там же. С. 96.
- ²⁷ Там же. С. 75.
- ²⁸ Там же. С. 79.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 43.

³¹ Агларов М.А. Земледельческая округа – мегь в Аварии в XVII – XIX вв. // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.). Махачкала. 1981, С. 14.

³² Там же. С. 16.

³³ Хашаев Х.-М. Указ. раб., С. 227.

³⁴ См.: Никольская З.А., Шиллинг Е.М. Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // Советская этнография, № 4, 1952; Агларов М.А. Техника сооружения террасовых полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX века) // УЗ ИИЯЛ. Т. XIII (серия историческая). Махачкала, 1964; Он же. Террасная система земледелия в зоне доместикации растений. // Хозяйство народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1979; Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

³⁵ Цит. по: Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. С. 43.

³⁶ Милютин Д.А. Описание военных действий в Северном Дагестане в 1839 г. СПб, 1850. С. 72.

³⁷ Вавилов Н.И. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа, 1930. № 2. С. 80.

³⁸ Османов М.О. Географическая среда и производящие формы хозяйства (по этнографическим данным) // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974. С. 72.

³⁹ О географическом разделении труда (зональной хозяйственной специализации). См. Османов М.О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ. Т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970.

⁴⁰ Агулы. Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре. Махачкала, 1975. С. 68.

⁴¹ См.: Агларов М.А. Земледельческая округа.

⁴² Ихтилов М.М. Хозяйство аварцев в XIX – начало XX вв. // Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 45.

⁴³ Хашаев Х.-М. Общественный строй. С. 83.

⁴⁴ Памятники. С. 75.

⁴⁵ Там же. С. 78.

⁴⁶ Андрианов Б.В., Бенцин У. Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989. С. 43.

⁴⁷ Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Указ. раб. С. 22–23.

⁴⁸ Надеждин П.П. Кавказский край // Природа и люди. Тула, 1895. С. 63.

⁴⁹ Добрынин Б.Ф. Указ. раб. С. 88.

⁵⁰ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалудинна ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / Пер. с араб. М.-С. Саидова. Комментарии, предисловие А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997. С. 130.

⁵¹ Ковалевский Г.В. Культурно-историческая и биологическая роль горных районов // Природа, 1931, № 2; Енин Т.К. Зерновые культуры Дагестана // В кн.: Сельское хозяйство Дагестана. М.-Л., 1946.

⁵² Котович В.Г. Проблемы. С. 149.

- ⁵³ *Амирханов Х.А.* Чохское поселение. С. 145, 148.
- ⁵⁴ *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура. С. 80.
- ⁵⁵ *Исраилов М.И.* От Кегера до Стоунхенджа. Махачкала, 1993, с. 14–15.
- ⁵⁶ *Исраилов М.И.* От Кегера до Стоунхенджа. Махачкала, 1993, с. 18.
- ⁵⁷ *Исраилов М.И.* Указ. раб.; *Он же.* Солнечные календари Кегерского нагорья. Махачкала, 1991.
- ⁵⁸ *Чурсин Г.Ф.* Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Изд. Кавк. ист.-археол. инт-та. Тифлис, 1927, т. V; *Он же.* Авары. Этнографический очерк. Махачкала, 1995; *Никольская З.А.* Религиозные представления и земледельческие обряды аварцев (к вопросу о синкретизме религиозных верований аварцев) // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 7, М., 1959; *Османов М.О.* Сельскохозяйственный календарь и аграрные культы // *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Указ. раб.; *Ихтилов М.М.* Указ. раб.; *Агларов М.А.* О происхождении календарного праздника «выход плуга» // Тез. докл. в кн. «Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978 – 1979 гг. Махачкала, 1980; *Он же.* Переход к пашенному земледелию в символике праздника первой борозды // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Л., 1983; *Булатова А.Г.* Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX вв. Л., 1988; *Шамова В.А.* «Кубахруми» – праздник первой борозды. Махачкала, 1960.
- ⁵⁹ *Каранашов О.* Аул Чох // СМОМПК, вып. IV. Тифлис, 1884, с. 9–10.
- ⁶⁰ *Чурсин Г.Ф.* Народные обычаи и верования Кахетии // ЗКОРГО. Кн. XXV. Вып. 2. Тифлис, 1905. С. 20–21.
- ⁶¹ *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Указ. раб. С. 26.
- ⁶² *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 114.
- ⁶³ См.: *Генко А.Н.* О названиях плуга в северокавказских языках // Доклады Академии наук СССР, № 7, 1930.
- ⁶⁴ Материальная культура аварцев. С. 33.
- ⁶⁵ См.: *Никольская З.А., Шиллинг Е.М.* Указ. раб.; *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Указ. раб. С. 23–26; Материальная культура аварцев, С. 30–38; *Тихонов Ю.Ф.* Генезис плуга и этнография. СЭ, 1963, № 2; *Краснов Ю.А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975; *Агларов М.А.* О происхождении пахотного орудия // Хозяйство народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1979; *Рамазанова З.Б.* Пахотные орудия лакцев в конце XIX – начале XX вв. // Хозяйство народов Дагестана в XIX – XX вв. Махачкала, 1979.
- ⁶⁶ *Асиятилов С.Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX – первая половина XX вв.). Махачкала, 1967. С. 35.
- ⁶⁷ См. Аварская народная лирика / Сост. *Ахлаков А., Магомедов Б., Халидова М.*, Махачкала, 1975 // РФИИЯЛ, Ф. 9. Оп. 1. Д. 265, 284, 331.
- ⁶⁸ *Мансуров Ш.М.* Салатавия. Махачкала, 1995. С. 44.
- ⁶⁹ Дагестан: село Хуштада. М. 1995. С. 68.
- ⁷⁰ *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Указ. раб. С. 26.
- ⁷¹ *Асиятилов С.Х.* Указ. раб. С. 37.
- ⁷² Памятники обычного права. С. 79–80.

- ⁷³ *Хрисанф.* Сведения об аварском ханстве. 1828 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева (ИГЭД). М., 1958. С. 266.
- ⁷⁴ *Скалон Ф.П.* Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 277.
- ⁷⁵ Цит. по: *Мансуров Ш.М.* Салатавия. Махачкала, 1995. С. 49.
- ⁷⁶ *Костемеровский И.С.* Дневник из Салатавского зимнего похода // «Кавказ», 1859. № 62.
- ⁷⁷ Дагестанская область в 1891 году // «Кавказский календарь» на 1893 г. Тифлис, 1892. С. 149–150.
- ⁷⁸ Там же, с. 150.
- ⁷⁹ Цит. по: *Хашаев Х.-М.* Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 43.
- ⁸⁰ Записки о правах и преимуществах господствующих групп населения, об адатах и управлении жителей присулакского наместничества. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. I. Д. 79. Л. 50.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² *Шиллинг Е.М.* Дагестанская экспедиция 1946 г. // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. IV. М., 1948. С. 36.
- ⁸³ *Дубровин Н.Ф.* Указ. раб. С. 499.
- ⁸⁴ Там же. С. 499.
- ⁸⁵ *Хрисанф.* Сведения об Аварском ханстве. С. 269.
- ⁸⁶ *Османов М. О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1996. С. 166.
- ⁸⁷ *Османов М.-З. О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. М., 1990. С. 4.
- ⁸⁸ См. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 81.
- ⁸⁹ *Османов М.-З. О.* Формы традиционного скотоводства. С. 38.
- ⁹⁰ Там же. С. 40.
- ⁹¹ Современные экологические проблемы Дагестана. С. 13.
- ⁹² *Османов М.-З.О.* Формы традиционного скотоводства. С. 40–41.
- ⁹³ *Казиев Г.К., Ахмедияутдинов Т.Г.* Чиркей. Махачкала, 1976. С. 52.
- ⁹⁴ *Хрисанф.* Указ. раб. С. 265.
- ⁹⁵ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 89.
- ⁹⁶ Памятники обычного права Дагестана. С. 97.
- ⁹⁷ *Османов М.-З.О.* Формы традиционного скотоводства. С. 71.
- ⁹⁸ Цит. по: *Османов М.-З.О.* Формы традиционного скотоводства. С. 70.
- ⁹⁹ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 89.
- ¹⁰⁰ *Свидерский П.Ф.* В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903. С. 19.
- ¹⁰¹ Памятники обычного права. С. 78.
- ¹⁰² Там же. С. 98.
- ¹⁰³ *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 243.
- ¹⁰⁴ *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы. С. 174.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 287, 289.

- ¹⁰⁶ Материальная культура аварцев. С. 58.
¹⁰⁷ Там же. С. 59.
¹⁰⁸ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 157.
¹⁰⁹ Там же.
¹¹⁰ Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Дагестанская область. 1905. С. 130.
¹¹¹ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 93, 157.
¹¹² *Котович В.М.* Верхнегунибское поселение С. 120–121.
¹¹³ См.: *Марграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 24–26; *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. С. 200; *Булатова А.Г.* Лакцы. Махачкала, 2000. С. 141–142.
¹¹⁴ *Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 134.
¹¹⁵ См.: *Криштопа А.Е.* Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана Махачкала, 1980. С. 231–237.
¹¹⁶ *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси // материалы и исследования по археологии (МИА). 1953. № 32. С. 22–26, 39.
¹¹⁷ *Гаджиев Г.А.* Амулеты и талисманы народов Дагестана. Махачкала, 1996. С. 152–153.
¹¹⁸ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 107.
¹¹⁹ Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.
¹²⁰ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 107.
¹²¹ Там же.
¹²² *Воронов Н.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 19–20.
¹²³ Обзор Дагестанской области за 1897 г. Темир-Хан-Шура, 1899. С. 39.
¹²⁴ *Скалон Ф.П.* Указ. Раб. С. 277.
¹²⁵ *Гецеу В.* Минеральные источники Дагестана. Махачкала, 1964. С. 102.
¹²⁶ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 122.

Глава 3. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Поселения. Поселение обеспечивает необходимые хозяйственные, бытовые и культурные условия для его жителей, условия и для продуктивной и для репродуктивной деятельности, существования коллектива. Поселение как сфера быта во многом определяет особенности жизнедеятельности населения и оно характеризуется как многосторонний элемент материальной культуры.

Поселения аварцев разнообразны по своему внешнему виду, размерам, месту расположения, времени образования.

Описание поселений как элемента культуры народа требует выделения основных вопросов, отражающих их суть, содержание, и таковыми являются выбор места (заселение), тип и форма.

Разнообразные естественно-географические условия Аварии оказали большое влияние на принцип расселения аварцев, характер расположения поселений, выбор места.

Поселения предгорной Аварии расположены на северном склоне Салатавского и Гимринского хребтов. Большинство из них тяготеют к речным долинам, занимают пологие склоны и ровные участки. Верхняя часть склона Салатавского хребта является прекрасным пастбищем для скота, а нижняя часть богата плодородными участками для пахоты.

Поселения центральной Аварии занимают самое разнообразное географическое положение. Здесь встречаются селения, расположенные как в долинах рек, у самой воды, так и на склонах гор, на вершинах горных хребтов и перевалов.

В высокогорной части Аварии селения, в основном, расположены в ущельях и долинах рек. Суровый климат, обрывистые склоны гор и большая пересеченность местности затрудняют заселение верх-

них широт. Поселения здесь располагаются на южных склонах ущелий, на определенной высоте, но никогда не забираются на вершину горы или хребта. Вследствие природных особенностей местности эти села на склонах ущелий становятся чрезвычайно труднодоступными. Сообщение между ними происходит по узкой извилистой тропинке над пропастью, а зимой оно часто прекращается из-за снегов и лавин. У автора X века сказано: «в этих горах есть долины, ущелья и лощины, населенные народами, не имеющими между собой сношений по причине суровой местности, недоступные горы которой теряются в облаках и благодаря густым и непроходимым лесам и бурным потокам»¹.

Одним из главных факторов, определивших характер заселения, место выбора для поселения, был фактор экономический. Наличие на данной территории достаточного количества пахотной земли и пастбищ для скота было обязательным и первым условием для основания поселения.

В горных районах Аварии в силу природных условий существовал острый недостаток пригодной для пашни земли, и это малоземелье наложило определенный отпечаток на характер заселения.

Селения горцев в основном располагаются на естественно защищенных, непригодных для возделывания участках. Выбирают обычно для этого скальный выход, выступ скалы, сланцевый участок. И как правило, место занятое под поселением бывает неудобным в географическом отношении. А люди шли на эти «неудобства» сознательно, оставляя рядом ровные, плодородные участки. Неудобства эти порой более кажущиеся чем действительные. И вот почему. Аулы при этой планировке достигают большой компактности и замкнутости, что имело огромное значение, расходовалось мало земли, т.е. никакой ценной пахотной земли не отнималось. Постройки – жилища бывали намного прочнее и долговечнее на твердой основе, при этом достигалась желательная ступенчатость, позволяющая при большой скученности наиболее полно использовать солнечное тепло. В таких селениях мало грязи, и опасность затопления исключалась. Седловидная вершина хребта, защищенная с севера высокой скалой, или склон в виде амфитеатра были хорошо защищены от ветров. Даже когда на вершине горы завывает сильный ветер, в самом ауле его не бывает. В горном Дагестане,

на таких местах, где казалось бы невозможно ставить два камня друг на друга, построены не только отдельные дома, из которых некоторые удивляют и восхищают наблюдателей своей красотой и прочностью, но и целые поселения. Только многовековой опыт домостроительства в данных условиях, отличное знание архитектурных приемов и традиций, умение учесть при планировке хозяйственные условия и интересы обороны, при которых достигалась максимальная эффективность в экономии площади земли, занятой под строительством, и в получении большой площади жилых и хозяйственных помещений, сделали эти селения приспособленными к длительному бытованию.

В горном Дагестане, как указано выше, пахотной земли мало и имеющиеся пригодные участки для обработки представляли большую ценность. Горец вкладывал очень много труда на создание этих участков – террас на склонах гор, и они были основными источниками его существования. Особенно высоко ценились более или менее естественно ровные участки. В условиях острой нехватки земли, следовательно и зерна, люди должны были беречь пригодные для возделывания участки и стремиться, чтобы таких участков вокруг поселения было более или менее достаточно. И если по каким-нибудь причинам это равновесие, между экономической потребностью населения и способностью занимаемой им земли обеспечить эту потребность, нарушалось, происходило обязательное расселение на другое место части населения. Учитывая все это, селение располагалось на скальном или сланцевом выходе, тем самым экономя земли для посевов. По мере приближения к плоскости сила воздействия этого фактора уменьшается.

Учитывая хозяйственно-экономическую целесообразность и общественные принципы, селения строили в центре территории. И в расположении сельскохозяйственных угодий существовала определенная последовательность, закономерность. В непосредственной близости от селения, на ровных речных террасах и пологих склонах гор размещались пахотные участки, очень часто, искусственно созданные террасы, за ними находились выгоны и зимние пастбища. Летние пастбища, если они есть, находятся далеко от селения, как правило, на границе с другими аулами – в субальпийской и альпийской зонах. Некоторые селения расположены в зоне летних пастбищ –

в непосредственной близости от своих угодий на большой высоте. Такие селения имели небольшие размеры.

Характерной особенностью поселения аварцев является совпадение его границ с естественными рубежами местности: реки, хребты гор, отвесные скалы.

Другой фактор, который повлиял на заселение, была проблема водоснабжения. Этот фактор действовал при выборе места для поселения во все времена и с одинаковой силой. Наличие недалеко от селения достаточного количества питьевой воды – обязательное условие для любого аварского, как и другого селения. Подвести к селению воду в достаточном количестве было в тех условиях трудно, хотя по керамическим трубам или каменным желобам кое-где и проводилась вода в небольшом количестве (Ирганай, Кахиб, Хиндах, Дусрах). Поэтому выбирали такое место, где поселение могло быть обеспечено водой в достаточном количестве.

Не довольствуясь наличием близких источников, горцы заготавливали сосуды большой емкости для хранения воды на случай необходимости. Такие сосуды были во многих селениях (Ругуджа, Хиндах, Чох). В Ругудже имелся сосуд из цельного камня объемом около 40 «къали», т.е. 560 кг. Сосуд, обнаруженный в Хиндахе, состоит из четырех каменных колец, диаметром 1,20 метра, высота каждого кольца 50 см., толщина 10 см. и отдельного дна, которые цементированы между собой.

Место расположения источника тщательно скрывали от посторонних и оберегали. Например, в селении Тидиб источник расположен внизу, за оврагом, по другую сторону ложа пересохшего ручья, в метрах ста от селения. Дорога до источника была крытая, защищенная со всех сторон, в виде подземного хода. Подземный источник представляет собой колодец, наклонно уходящий вглубь метров на 12–13. Спускались к нему по ступенькам, потолок туннеля перекрыт арками, а между ними ложный свод. Вода собиралась в каменном сосуде, а источник расположен в стороне, и к резервуару вода подводилась по каменным желобам. Резервуар находится на глубине 10–11 метров от поверхности.

В некоторых селениях у воды были построены башни. Такие меры предосторожности принимались населением на случай столкновений и осады поселения.

Другим очень важным фактором, которым руководствовались аварцы при выборе места для поселения, заставившим забраться их на неудобную кручу, втиснуть поселение между двумя ущельями, хотя рядом было место удобное для строительства домов, вызвавшим к жизни башни и укрепленные дома, образующие своеобразную крепостную стену, было стремление к недоступности и обороноспособности поселения. Все поселения, как правило, в горной Аварии занимают территорию труднодоступную: на склонах гор, у речных обрывов, на перевалах, уступах скал.

Наличие башен, особая неприступность селений характерны для «вольных обществ». В ханстве стремление к недоступности каждого селения выражено слабее, также как и в районах близких к плоскости. Такое различие в характере заселения на небольшой территории объяснялось своеобразной политической обстановкой края.

Тяжелыми, изнурительными для дагестанцев были нашествия иноземных завоевателей на их земли. Дагестан занимает исключительное место на пути продвижения народов из Передней Азии в Европу и обратно. Продолжительная и тяжелая борьба дагестанцев с многочисленным и военно-политически организованным врагом истощала силы и их экономику. После нашествия некоторых завоевателей (арабов, монголов, персов) оставались опустошенные и сожженные аулы, многих жителей уводили в плен или истребляли на месте. Некоторые из этих нашествий достигали горных районов и оставляли там свои следы. И в народе сохранились предания, говорящие об укреплении поселений во времена нашествия на Дагестан Надир-шаха, о строительстве специальных укреплений. Лучшим выходом из положения было всемерное укрепление своего аула, сделать его неприступным для врага, где небольшой отряд мог выдержать нажим войска и месячные осады, ибо штурмом брать их не было возможности. Количественный перевес противника сводился на нет из-за неприступности аула. Осаждать долгое время каждый аул, сидеть на одном месте без поддержки народа завоеватели не могли, и они вынуждены были уходить так и не покорив свободолюбивых горцев. В сохране-

нии их свободы огромную роль играли укрепленные поселения, наряду с мужеством и свободолюбием народа.

Для предупреждения о появлении внешнего врага и по возможности задержания их были построены башни вдоль южной границы Аварии, по долинам рек, особенно в узком проходе и оборонительная стена с башнями на севере, существование которой подтверждается археологическими раскопками².

Стремление горцев строить свои поселения и жилища крепкими, добротными и неприступными было вызвано также особенностью края, экономическим положением его. У горца не было средств часто отстраивать и восстанавливать разрушенный дом, это стоило большого труда, средств, поэтому горец и стремился к долговечности и прочности дома, а для этого и к его безопасности. Разрушение аула, и дома, следовательно, означало для горца нищету и горе, поэтому он, будучи вдобавок свободолюбивым, защищал так отчаянно свой аул от разорения.

Что защищенность и труднодоступность дагестанских поселений были серьезным препятствием для завоевателей указывали побывавшие в горах Дагестана исследователи, военные и путешественники XIX в. Ф. Байерн пишет: «В Дагестане я бывал в деревнях, имеющих доступ единственно через одни узкие ворота, ведущие в темный проход. Обыкновенно такие аулы прилеплены к скалам на крутых стенах ущелий и к скалистым хребтам»³.

Автор книг «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо» Александр Дюма пишет: «Надо видеть хотя бы одно из селений горцев, чтобы иметь представление о том, как здесь обороняются. Ведь каждый дом имеет зубчатые стены с бойницами, и по существу является крепостью, взять которую можно лишь после кровопролитной осады»⁴.

Ф.И. Гене в 1835/1836 гг. приводя некоторые сведения о горном Дагестане отмечает: «Дагестанцы живут большими селениями, тесно построенными... Обыкновенно имеют в селениях крепкие от природы места, кои нередко обороняются башнями или стенами; таким образом, каждая деревня составляет крепость, представляющую весьма крепкую оборону»⁵.

Располагаясь на большой высоте над пропастью, селение, к которому ведет узкая, извилистая тропа, само по себе становится уже

труднодоступным. Если селение располагалось в долине реки, то выбирали участок, огибаемый водой с двух-трех сторон, или же использовалось место слияния двух рек (Корода, Хиндах, Гуниб (старый), Урухсота). Часто высокогорные селения располагались на обрывах (Гамсутль, Щулани, Цулда, Чалда, Мусрух, Ахульго, Чвадаб). Многие селения построены на краю скалы или над пропастью (Хунзах, Гоор, Дусрах, Тануси). Подступиться к ним можно только с одной стороны, так как остальные защищены высокими, непроходимыми горами или обрывами. И домостроение в селениях было подчинено интересам обороны. Дома представляли из себя башни в 3-4 и выше этажей, тесно примыкающие одна к другой и образующие своеобразную сплошную стену, в которой не было проходов. Над единственным входом, в виде арки, закрываемым на ночь массивными воротами, бывало сторожевое помещение с машикулями (Хотода, Урада, Хиндах, Корода, Дусрах, Тидиб, Чох, Ириб).

Для усиления обороноспособности во многих поселениях были сооружены и боевые башни. Кроме того, вокруг селений на господствующих высотах имелись сторожевые (сигнальные) башни, которые гарантировали жителей от внезапного вторжения неприятеля.

Они располагались на границах обществ и дорогах, откуда мог прийти неприятель. Эти башни располагались на виду одна у другой, чтобы сигнал, подаваемый с одной, могли увидеть на другой. Такие башни хорошо сохранились в долине реки Аварское Койсу, – то на самом берегу, то на господствующих высотах. Наличие большого количества их здесь понятно: это была удобная дорога для продвижения в глубь Аварии с юга, через Вантлашетский перевал по долине реки Симбирис-Хеви. Некоторые башни хорошо сохранились до наших дней. Судя по строительной технике, и преданиям временем их возведения можно ориентировочно считать XVI – XVII века. Одна из таких башен стоит на вершине высокого холма, у слияния двух рек, где начинается Аварское Койсу, недалеко от селения Анцух. Башня эта контролирует выход во внутреннюю Аварию из долины Хван-ор и Джурмут. С этой же целью построена башня у самого селения Кособ, где берега реки сужаются и образуют узкий проход. Отсюда видны были и другие башни. Так, на севере имеются остатки башен на гребне, что поднимается над селением Кособ.

Строились сторожевые башни и между соседними обществами. Развалины таких башен сохранились между обществами Андалал и Куяда, Анцух и Таш, Гидатль и Келеб, Багулал и Тиндал и другими.

Эти башни, стоящие одиноко на горе или уступе скалы, не могли выполнять функции боевых. Возможно, в случае разорения аула, часть населения и запиралась в этих башнях, но для длительной обороны они были не пригодны.

Совсем другое назначение имели боевые башни в селениях. Остатки или развалины их имеются во многих аварских аулах. Боевые башни располагались на подступах к селению. Они отличаются от сторожевых своими размерами, расположением. Если сторожевые (сигнальные) башни располагаются вдали от селений и невысокие (4-5 этажей), то боевые структурно входят в топографию селения, они примыкают к постройкам и вход в них имеется только из соседнего помещения.

Башни расположены в основном по краям аула (Кахиб, Гоор, Гамсутль, Муслах, Дусрах) и защищают входы в него. В некоторых случаях (Хотода, Тидиб) встречаются башни, расположенные внутри селения среди построек. Однако и в данном случае они первоначально были сооружены у подступов к селению и окружали его. Со временем населенный пункт разросся, и башни оказались внутри аула.

Башни, окружающие аул, в сочетании с высокими домами, построенными сплошной стеной, должны были представлять неприступное фортификационное сооружение.

По рассказам старожилков между башнями были внутренние сообщения: можно было попасть из одной башни в другую, не выходя на улицу (Дусрах, Ругуджа, Гоор).

Сохранившиеся башни представляют собою квадратные сооружения из тесанного камня на скрепляющем растворе. Иногда применялся раствор из ржаной муки (Кахиб, Хиндах), как цементирующее средство или смесь на известковом растворе. Кое-где в стены башен вкладывались огромные каменные блоки, предназначенные для усиления их прочности (Тидиб, Гочоб).

Размеры основания башен колеблются от 3,5 x 3,5 до 5 x 5 м (но чаще встречаются 4 x 4 м.),верху они постепенно суживаются, вследствие чего принимают форму усеченной пирамиды. На каждом

этаже по 4 или по 8 бойниц, по одной или по две в каждую сторону. Вход в башню только из помещения, иногда построенного специально. Над входом в башню имеются машикулы, а с внутренней стороны – отверстие для поражения сверху проникшего в нижнее помещение. Окон в башнях не было, их заменяли бойницы. Толщина стен у основания превышает 1 метр. Сейчас они вверху разрушены, разобраны и установить точное количество этажей невозможно. По преданиям некоторые из них достигали 11-12 этажей. В ряде мест (Кахиб, Келеб) донныне сохранилось по 6-7 этажей башни.

Сообщение между этажами осуществлялось с помощью приставной лестницы, которую можно было убрать в любой момент.

Кое-где строились круглые боевые башни. Такая башня сохранилась в центре селения Хуштада. По преданию она была построена у источника, на краю селения, но со временем селение разрослось и башня оказалась среди построек. Подобная башня была и в селении Местерух.

По имеющимся данным, боевые башни можно подразделить на два вида: тухумные и общественные. Тухумные башни возникли как собственность группы родственников. Они, видимо, служили не столько для защиты общества, селения, сколько для защиты членов одного тухума от другого, внутри селения – одних кровников от других⁶.

В селении Гоор сохранились две башни, которые принадлежали тухумам Сурхетилал и Марзалал, которые враждовали между собой. Эти башни близко расположены друг от друга и вряд ли они имели самостоятельное значение для защиты всего селения. Такие же башни были в Тидибе, Хотода, Гента. В XIX веке эти башни принадлежали определенным частным лицам, которые использовали их (2, 3, 4, этажа) под жилые помещения (Ругуджа, Гочоб, Кахиб, Тидиб).

Общее количество башен как тухумных, так и общественных, не превышает в одном селении 8-10. В некоторых встречаются башни небольших размеров в три-четыре этажа. Их очень мало и расположение их аналогично тухумным башням. По-видимому, назначение их было то же, что и у тухумных башен. Поэтому, ссылаясь на письменные источники и на наш полевой материал, мы не можем согласиться с утверждением З. Никольской, что «к каждому одноэлементному дому примыкает вплотную трех-четырёхэтажная башня»⁷. Жи-

лица имели вид таких башен. Да и не было в этом необходимости, кровная месть в Аварии регулировалась общиной и могла быть применена по адату лишь к самому убийце. А убийца был обязан на определенный срок уйти из аула. Это было обязательное условие, предусмотренное еще в XVI – XVII вв. обычным правом (Адаты Аварского округа, Умма-хана, Адаты Андалальского общества, Адаты келебских селений, Гидатлинские адаты)⁸.

Как было отмечено выше и домостроение в ауле было подчинено интересам обороны. Войти во многие селения можно было только в одном-двух местах в арочные ворота, которые закрывались на ночь. В селениях имелись две-три улицы, идущие к воротам с разных концов селения. По обеим сторонам улиц дома плотно примыкают друг к другу, образуя сплошную стену и превращая улицу в узкий проход, с неожиданными поворотами. Улицы можно было легко забарикадировать. Дома родственников нередко были соединены между собой внутренними ходами. Стены домов во многих случаях были искусственным продолжением скалы на самом краю обрыва, иногда на опорах (Хиндах, Корода, Гамсутль, Чвадаб, Могох, Чалда).

Стремление к недоступности и обороноспособности в горных районах повлияло не только на характер поселения, но и на его планировку и форму.

Поселения аварцев в предгорье, особенно в нижней части, имеют больше общего с соседними кумыкскими селами, нежели с собственно аварскими в принципе выбора мест, в характере расположения.

Отсутствие оборонительных сооружений здесь и свободное расположение одноэтажных зданий на ровных участках, по-видимому, явление позднее, связанное с политической обстановкой сложившейся здесь в XVII – XIX вв.

Археологический материал показывает, что поселения, расположенные на той же территории в раннее средневековье, были укреплены специальными оборонительными сооружениями. Н. Путинцева по этому поводу пишет: «Для раннесредневековых поселений вообще и прежде всего присулакских, характерны следующие особенности: умелое использование рельефа местности при планировке поселения. При этом имелось в виду путем естественных возможностей обеспечить наибольшую безопасность со стороны плоскости, что достига-

лось дополнительными искусственными оборонительными сооружениями»⁹.

Обеспечение максимальной недоступности поселения было жизненно важным для поселения в период возникновения и обоснования ныне бытующих поселений. Стремление к этому характерно для всех поселений во всех зонах.

Вопрос расселения и характер заселения аварцев тесно связан и с вопросом ориентации. Аварцами заселены южные склоны гор и хребтов или другие места, обогреваемые солнцем, южная ориентация имеет глубокие корни, о чем свидетельствует и археологический материал. Начиная со стоянок каменного века и кончая современными аулами, все они подчиняются фактору солнца. Несмотря на кажущуюся незначительность этого вопроса, ориентация имеет важное значение при выборе места и при планировке селения. Иногда часть селения занимает и другие склоны – восточный, западный и даже северный, но это происходило за счет разрастания селения, когда на желаемой стороне невозможно уже строить дома: обрывистый склон, нежелание занимать и без того небольшие пахотные участки и т.д. Примерами могут служить селения Ругуджа, Тинди, Чох, Аргвани, Гергебиль, Ахалчи. Даже в таких случаях стараются повернуть дом открытой стороной на юг, несмотря на большие трудности при строительстве. Недовольствуясь, что сама местность под постройками ориентирована на юг, каждый горец стремился, при строительстве жилища, оставить хотя бы небольшую галерею открытой. Дома с галереями получили особенно широкое распространение со второй половины XIX века. Если не представлялась возможность построить галерею, хозяин продолжал стены выше крыши с трех сторон дома, оставляя южную сторону открытой, таким образом получалось место на крыше обогреваемое солнечными лучами и защищенное от ветра.

Южная ориентация поселения вызвана природно-географическими условиями края и особенностями быта. Все домашние работы мужчины и женщины выполняли на солнце. Выполнение работ в помещении делалось невозможным из-за отсутствия света – окон. Если и были маленькие отверстия, вроде бойниц, то высоко под потолком, и свет от них проникал незначительный. Искусственное освещение не помогало, лучинка или светильник–чирахь не давали достаточно све-

та и в комнате всегда царил полумрак. Кроме того, во многих местах Аварии нет лесов, в домах очаг топили только утром и вечером, во время приготовления пищи. Даже в районах, богатых лесом, для обогрева помещения специально днем не топили, а довольствовались солнечным теплом.

Необходимо отметить, что солнечное тепло, в горах достаточно ощутимо даже в холодные зимние месяцы, а солнечных дней в году много. Особенно тепло бывает в местах, защищенных от ветра, и поэтому горец стремился соорудить галерею. Об использовании солнечного тепла в аварских селениях писал Н. Львов: «Горцы во время сильных морозов, засеив в свои темные сакли, обогреваются лишь по утрам скудным огнем для вскипания галушек, не показываются на улице до тех пор, пока не проглянет солнце. Когда же оно обогреет немного зимний воздух, тогда все прятавшиеся от стужи – мужчины, женщины, старики и молодежь – оставляют сакли и размещаются на крышах, галереях или где-нибудь в затишье, на солнечной стороне... Все места, освещенные зимним солнцем, заняты семьями горцев, сидящих и лежащих в различных позах и за различными занятиями»¹⁰.

В целом можно заключить, что аварские поселения расположены в основном на южных склонах, где в сельской округе имеются в достаточном количестве пригодные для возделывания участки, пастбища для скота, воды, занимая под строительство наиболее недоступные, естественно защищенные места, дополнительно укрепив их. Этот определенный тип заселения, характерный для аварцев, был обусловлен природными условиями, хозяйственной жизнью и политической обстановкой, сложившейся на протяжении веков в Аварии.

Типология поселений связана с общественно-экономическим и политическим состоянием общества, определенной стадии исторического развития свойственен определенный тип поселения¹¹. В своем историческом развитии аварское селение прошло большой путь от небольших поселений, заселенных по всей вероятности, одним небольшим родственным коллективом – тухумом, ведущим свое начало от родового коллектива, через территориально-тухумную и территориальную сельскую общину до современного аула. Большинство аварских селений, возникшее в далеком прошлом, изменяясь соответ-

ственно требованиям эпох, приспособляясь к сложившимся условиям, прошло через многие века и продолжает жить полнокровной жизнью и в наши дни.

Вопросы типологии дагестанских поселений рассмотрены в специальной статье М.О. Османова¹², разработанной на основе большого материала и современных достижений этнографической науки. Изучение аварских поселений показывает, что путь их развития в основных чертах является общим для народов Дагестана.

В XIX в. у аварцев существовало три типа поселений: селение, отселок, хутор.

Селение – «росо» было основным типом населенного пункта, в котором проживала основная масса населения.

Отселок («махьи», «кули») – небольшой населенный пункт, где постоянно проживает небольшое количество семей, вышедших из определенного селения.

Хутор («махьи», «кули») – база для определенной хозяйственной деятельности, где люди живут в период сезонных работ или постоянно проживает небольшое количество людей.

Отселок и хутор не имеют четкого названия, «в их обозначении, – пишет М.О. Османов, – наблюдается смешение терминов «кули» и «махьи». Но и сквозь это смешение видно, что единый ряд трех видов (аул – «махьи» – отселок) существовал у всех народов Дагестана»¹³.

Основной тип «росо» исторически подразделяется на два подтипа – тухумное и территориально-тухумное, которые отражают разные этапы селообразования.

Первый подтип – это, прослеживаемое по археологическим и этнографическим материалам, небольшое поселение, населенное одной родственной группой людей, образовавшееся в эпоху энеолита (IV тысячелетие до н.э.) и окончательно сложившееся в эпоху ранней бронзы (III тысячелетие до н.э.). Отмечая древность капитального каменного домостроительства, следовательно и селостроительства, в горах, сошлемся на высказывания известных дагестанских археологов. М.Г. Гаджиев пишет: «Как устойчивое сочетание археологических типов комплекс эпохи энеолита горного Дагестана характеризуется наличием поселений двух типов, один из которых представляет собой постоянное оседло-земледельческое поселение, расположенное

в горной долине и застроенное преимущественно каменными наземными домами и полуземлянками круглого плана... Энеолитические племена уже хорошо владели навыками домостроительства... Вместе с тем это была не самая ранняя ступень развития каменного строительства на Северо-Восточном Кавказе. Выявленная в Гинчи (современный Шамильский район – *А.И.*) круглоплановая каменная архитектура – один из этапов развития строительного дела и архитектуры в горном Дагестане, истоки которой уходят в глубь неолитической эпохи»¹⁴. А.И. Абакаров и О.М. Давудов отмечают, что «Гинчинское поселение (вторая половина V – первая половина IV тысячелетия до н.э. – *А.И.*) по топографии, характеру жилых и других бытовых сооружений относится к числу ранних оседло-земледельческих поселений»¹⁵.

В бронзовом веке окончательно формируется поселение как тип, место постоянного проживания группы семей, связанных единой хозяйственной, бытовой, культурной общностью. «Постоянные поселения эпохи ранней бронзы в горной зоне, – пишет М.Г. Гаджиев, – большей частью располагались в естественно укрепленных местах – на мысах, гребнях и склонах гор, скальных платформах и на высоте до 2000 м над уровнем моря. Возникновение и дальнейшее функционирование постоянных поселений подобного рода явилось следствием постепенного земледельческого освоения высокогорий, сложения террасного земледелия, гарантировавшего возможность постоянного проживания в горах больших групп населения... По планировке постоянные поселения горной зоны представляли собой обычные горные селения со ступенчато расположенными друг над другом горизонтальными рядами домов»¹⁶.

В эпоху средней бронзы (конец III – первая половина II тысячелетия до н.э.) в «горных районах получают распространение так называемые скальные поселения, расположенные на труднодоступных, крутых горных склонах или плоских вершинах скальных кряжей. Они характеризуются ступенчатым расположением каменных построек по склону... На поселениях горного типа уже существовала сложившаяся в основных чертах каменная архитектура в виде прямоугольных (до 20–40 м²) сооружений с углубленными в скалу или земляной склон основаниями»¹⁷. «Поселения расположены в труднодоступных

местах, вблизи водных источников, удобных летних и зимних пастбищ и благоприятных пахотных угодий»¹⁸.

Судя по всему, некоторые из этих древних поселений, увеличившиеся в размерах, по ряду исторических причин, сохранились на своих местах и нормально функционировали в начале XIX века. Есть много общего между древними (эпохи бронзы) поселениями и поселениями первого подтипа «росо» (селение): выбор места, характер расположения, размеры, планировка, ориентация¹⁹. Сохранились такие поселения в основном в высокогорных районах Аварии.

Следует отметить, что населенные пункты в высокогорной Аварии²⁰ вообще отличаются малыми размерами. Одной из причин малых размеров поселений, очевидно, являются географические особенности местности. Сильная пересеченность местности, отсутствие широких долин с ровными земельными участками, пологих южных склонов тормозили развитие и создание более крупных сел.

В таких условиях возникновение больших поселений становится почти невозможным. Пахотных земельных массивов, достаточных для обеспечения экономических потребностей большого количества людей, здесь нет. Поэтому селения были вынуждены располагаться, со сравнительно малым числом хозяйств, там где могли удовлетворить свои хозяйственно-экономические потребности. Для этих районов большое значение имело скотоводство, наряду с земледелием, и это определенным образом повлияло на характер поселения – они расположены близко к пастбищам. А летние пастбища здесь прекрасные.

Но вряд ли малые размеры поселений в высокогорных районах можно объяснить одной лишь географической особенностью, хотя она и была решающей. Наряду с природно-географическими факторами на существование мелких поселений видимо повлияло и социально-экономическое развитие этих районов.

Не вдаваясь в подробности особенностей исторического развития отдельных регионов Аварии, отметим, что может быть в высокогорных районах процесс разложения патриархально-родового быта затянулся дольше чем в центральных районах, что и способствовало, наряду с другими причинами, сохранению мелких поселений, как основной единицы поселения.

Говоря о характере высокогорных поселений Кавказа А.И. Робакидзе пишет: «Земледелие является традиционным занятием горцев Кавказа, однако, острый недостаток пахотной земли в высокогорных районах ограничивал возможности его развития. Важное значение приобретало скотоводство. Это обстоятельство имеет существенное значение для правильного понимания особенностей поселений высокогорного Кавказа. Большое место скотоводства в хозяйственной жизни кавказских горцев способствовало сохранности общинных форм землепользования, которые распространялись на пастбище, неорошаемые дальние сенокосы, сельские выгоны, а также частично на пашни»²¹. Учесть это положение, которое может быть применимо к аварским высокогорным аулам при оценке общественно-экономического строя их, необходимо.

В высокогорной зоне, как уже говорилось, не происходило укрупнения поселений и единственным большим аулом является Бежта, который образовался в результате объединения мелких селений. В качестве примера коротко остановимся на нем, хотя оно бежтинское селение (хьванал, капучинцы). Согласно преданию, на месте, где сейчас расположен аул, был загон для скота, который назывался по-бежтински «беж». Место было дикое, окруженное могучими лесами, но для ведения хозяйства удобное, на берегу реки. Окрестности его богаты лесными массивами, горными пастбищами и землями для посева. Здесь и образовалось селение за счет переселения жителей из мелких соседних селений: Охочи, Синалъя, Кито, Хиякувакья, расположенных выше в горах. Первое время объединение было временным – только в летнее время, во время сельскохозяйственных работ люди жили в основном селении – Бежта, а в остальное время года – в старых селениях, которые превратились в хозяйственные объекты животноводческого профиля – хутора. Небезинтересно заметить, что эти хутора в летнее время не охранялись, скот находился на пастбищах, а люди заняты полевыми работами. Воровство считалось позором.

Русский путешественник Е. Марков отмечает по этому поводу, что «строгая честность дагестанского горца и строгие наказания адата оберегают от расхищения эти покинутые в пустом ущелье на произвол судьбы полные житницы (хутора)»²². С течением времени эти

объекты потеряли свое значение, и жители окончательно переселились в село. В 80-х годах XIX века в селении Бежта был 301 двор, тогда как в других селениях Цунтинского и Тляратинского районов число дворов было небольшое: Кидеро – 64, Цумилух – 44, Тлярата – 48, Камилух – 68, Кутлаб – 76, Мазада – 46²³. Это своеобразное явление было обусловлено наличием земельных участков пригодных под пашню в долине реки Хван-ор и их исторической близостью с аварцами центральных районов.

Сохранившиеся поселения тухумного типа встречаются как исключение и на территории центральной Аварии. К таковым в XIX веке относились селения Гамсутль, Цулда, Надар и др. Предания об их возникновении не сохранились, никто не помнит когда и кем они были основаны, но по словам жителей, аулы эти очень старые. Они небольших размеров и чрезвычайно укреплены естественными условиями. В силу ряда исторических причин эти селения продолжали существовать в средневековый период и позже самостоятельной жизнью, не объединяясь и не сливаясь с другими. Постепенно разрастаясь за счет естественного прироста населения, они превратились в современные аулы небольшой величины.

Внутренняя структура этих поселений отличается от структуры, группировки больших аулов, образовавшихся в X – XII вв. Этнографический материал, собранный в этих селениях показывает, что они были в прошлом заселены группой людей, происходящих от одного предка. Здесь нет разных тухумов, происходящих из разных мест. Если в селении два тухума, то один из них является отпочковавшимся от другого, т.е. образовавшимся в качестве вторичного явления патронимического происхождения, а если три, что редко наблюдается, – то два являются ответвлениями от основного, корневого. Так, в селении Тлярата был вначале тухум (без названия). Впоследствии от него образовались новые тухумы: Шитулал, Качкал, Чабачал, а материнский тухум стали называть тухумом Ибрагима. Так было и в селениях Кособ и Гамсутль.

Известный этнограф М.О. Косвен говоря о внутренней структуре древних поселений (населения, жителей) пишет: «Патронимия (группа относительно близких родственников, возводящих себя к общему предку – А.И.) в архаическом прошлом, по-видимому, всегда состав-

ляла отдельное поселение, какого бы размера оно не было. Древние постоянные поселения были, таким образом, поселениями чисто родственными по своему составу. Такой тип поселения был, так сказать, естественным для патриархально-родового строя на данном этапе его развития, при данном уровне его производительных сил, причем размер патронимической группы, ее численность, были достаточными или вполне соответствовали существующим условиям хозяйствования»²⁴.

Интересны эти поселения и в топографическом отношении. Например, селение Гамсутль расположено недалеко от большого аула Чох, на горе Азнамээр. Д. Бутаев метко подметил, что в начале века «селение Гамсутль, состоящее из 56 дворов, представляет из себя настоящее орлиное гнездо, притаившееся на весьма узком гребне скалистого хребта»²⁵. Доступ к селению имеется с двух противоположных сторон: с вершины горы и снизу, по узкой, крутой тропинке. Стены домов здесь являются искусственным продолжением скалы. Надо пройти полторы сотни метров по узкой кромке между стеной и пропастью, чтобы попасть в само селение. В аул-крепость можно было войти только в одном месте – через сводчатые ворота. Дома висят над бездной. На огромном каменном цоколе стоят развалины старинной башни. Зная труднодоступность и хорошую защищенность аула, имам Шамиль особенно важных и опасных пленных в годы Кавказской войны держал в селении Гамсутль. В селении сохранилась легенда о том, что Гамсутль должен был слиться с Чохом. Для него было выделено специальное место для заселения, но жители Гамсутля не согласились на это. По традиции чохцы не строили там свои дома, и это место оставалось незастроенным, хотя оно довольно удобно для заселения.

В силу ряда природных особенностей поселения этого подтипа, особенно в высокогорной части в исследуемое время, имеют определенный хозяйственный профиль – скотоводческий. Все эти селения занимают территорию близкую к пастбищам. Развитие скотоводства (овцеводства) в значительной степени объясняется географическим разделением труда. С установлением прочных экономических связей с плоскостью и Закавказьем в высокогорных районах стали заниматься преимущественно овцеводством, как самой выгодной отраслью

хозяйства в данных условиях. Обменивая продукты животноводства жители могли удовлетворить свои потребности в хлебе и забрасывали свои неудобные пахотные участки, требовавшие колоссальных усилий для рентабельного использования.

Таким образом, к поселениям первого подтипа относятся небольшие поселения, возникшие в древние времена и сохранившиеся на своих местах до исследуемого периода.

На определенном этапе исторического развития на смену небольшим родственными (тухумным) поселениям пришли крупные территориально-родственные (территориально-тухумные) селения. Глубоко зашедший процесс разложения патриархально-родовых отношений, развитие производительных сил, нарушение равновесия между численностью населения – его потребностями и количеством сельскохозяйственных угодий, принадлежащих данному поселению, образование крупных политических объединений (феодалных владений и «вольных обществ») – все это вызвало изменения во взаимоотношениях поселян, в их структуре и привело к ослаблению родственных связей, принципа компактного тухумного поселения. О сходном явлении у грузин-горцев пишет Р.Л. Харадзе: «С ослаблением родовых пережитков принцип моногенного поселения постепенно утрачивал свое организующее значение и переселение отдельных родственных групп или семей за пределы родовой территории становилось уже вполне закономерным»²⁶.

Эти общественно-экономические изменения привели к образованию новой поселенческой структуры на территории Аварии, существенно меняется характер расселения. Начали складываться крупные населенные пункты – селения за счет слияния нескольких поселений в одно. Многие небольшие поселения забрасываются, и жители их переселяются на новые места – большей частью подселяются к какому-нибудь существовавшему поселению, занимавшему наиболее в новых условиях удобное место. Этот процесс, в мирных условиях протекавший обычно медленно, в конце первого – в начале второго тысячелетия нашей эры ускорил внешний фактор – нашествие арабов и монголо-татарских войск. Повсеместно имеются развалины заброшенных поселений, с которыми связаны легенды и предания. На основе археологического (подъемного) материала²⁷, преданий, пись-

менных источников можно считать, что образование крупных поселений произошло в X – XII веках. Предание об образовании (объединении жителей мелких поселений) аулов арабским полководцем Абумуслимом существует повсеместно в Дагестане²⁸. В связи с существующими преданиями об образовании аулов Абумуслимом, следует привести слова известного историка, специалиста по средневековью А.Р. Шихсаидова: «Местная историографическая традиция приписывала исламизацию Дагестана главным образом Абу Муслиму»²⁹. В анонимном сочинении «История Абу Муслима» описаны события, относящиеся примерно к X в. Эту дату – «начало X в. – никак нельзя связать, – пишет А.Р. Шихсаидов, – с деятельностью Абу Муслима (или Масламы). Однако включение этой даты в текст не случайно. Можно предположить, что начало X в. – это время составления сочинения, поскольку именно в этот период берут начало такие явления, как строительство мечетей, разукрупнение политической власти, рост значения отдельных селений, образование крупных населенных пунктов»³⁰.

Судя по имеющимся данным, намного сократилось число поселений.

Народные предания также гласят о том, что территория Аварии раньше была густо заселена, и это подтверждается письменными источниками и археологическими данными. Как сообщает Масуди, автор X века «Царство это («Серир – А.И.») содержит в себе 1200 поселений»³¹; а автор XIII века Якут, со ссылкой на более ранний источник пишет, что в царстве Серир было более 4000 поселений.

Разумеется, приводимые этими авторами сведения нельзя считать достоверными, на это указывает в частности их разноречивый характер, однако, для нас важен подтвержденный ими факт наличия в раннем средневековье на территории Аварии большого количества поселений. Это тем более интересно, что приведенные сведения относятся к тому времени, когда процесс образования крупных поселений еще не был завершен. Для сравнения укажем, что в 70-х годах XIX века число населенных пунктов в Аварии не превышало уже 500³².

Можно предположить, что особенности средневекового расселения сохранились и до исследуемого времени в топографии многочис-

ленных хуторов и поселений, образующих Куядинское общество. Здесь, на сравнительно небольшой территории, размером 8 x 3 км., представляющей собой замкнутую между Гунибским плато и горой Тлимеэр (Седлогора) долину, расположено около 50 населенных пунктов, известных под общим названием Куяда.

Касаясь вопроса их происхождения, можно было бы допустить мысль, что эти населенные пункты возникли сравнительно поздно и являются хуторами, т.е. отселками от больших поселений (от большого поселения). Однако такому предположению противоречит имеющийся археологический и этнографический материал. Почти в каждом хуторе и селении здесь мы находим древние могильники (Тлогод, Урала, Сах, Балануб, Агада), датируемые ранним средневековьем³³, что доказывает их раннее происхождение по сравнению с большими поселениями. Как удалось выяснить, некоторые селения (Мачала, Балануб, Урала, Агада) моногентильны, заселены представителями одного тухума. Согласно преданию эти группы из родственных семей издавна населяют принадлежащие им поселения.

Таким образом, допускаем, что на территории Куядинского общества по невыясненным причинам сохранилась такая картина расселения, которая была по-видимому характерна для всей Аварии в эпоху раннего средневековья. Но здесь необходимо обратить внимание на одно обстоятельство.

Приблизительно в центре территории Куядинского общества сохранились развалины поселения с названием «росо» – «селение». Оно расположено на довольно труднодоступном скальном мысе, подняться на который можно только по узкому перешейку, а большинство населенных пунктов общества занимает доступные со всех сторон места, то есть не заботилось о своей безопасности. В центре селения находилась башня и довольно больших размеров мечеть – 16 x 10 м, куда, по преданию, на пятничную молитву приходили все мужчины общества. Время ее функционирования старики уже в начале 60-х гг. не помнили, в начале XX века она была без перекрытия. К сожалению, у нас нет материала, кроме заявления информаторов, что «росо» было центром общества, показывающего роль и место этого селения в общественной, хозяйственной жизни куядинцев. Вместе с тем надо, видимо, согласиться с мнением населения о наличии когда-то поли-

тического, общественного центра, объединяющего вокруг себя все кудядинские поселения. И название – «селение» – говорит о его исключительном месте в обществе.

Можно допустить, что здесь сложилась своеобразная, отличная от других аварских обществ, форма сельской общины. В таком случае она была близка к типу, характерному для ряда народов Кавказа, когда в качестве основной единицы поселения выступала группа небольших населенных пунктов, расположенных по отдельным ущельям³⁴. «Эта мельчайшая общественно-экономическая единица (единица поселения – А.И.), – пишет А.И. Робакидзе, – представляла собой группу населенных пунктов, расположенных по ущелью, и характеризовалась единством... чертами, присущими сельской общине»³⁵. Предположив существование Кудядинского сельского общества подобной структуры трудно говорить о его характере, формах самоуправления, принципах организации и регламентации хозяйственно-бытовой деятельности и взаимоотношений с соседними обществами и т.д.

Изучение этнографического материала, собранного нами почти во всех горных районах Дагестана, в том числе и в аварских селениях, и имеющиеся письменные источники не подтверждают существование аналогичного типа структуры сельской общины. В Дагестане развитие поселения, видимо, шло несколько иным, своеобразным путем. Насколько прослеживаются на этнографическом материале, структурно в качестве основной единицы поселения, у аварцев, как и у других народов Дагестана, выступал один населенный пункт, независимо от размера и численности населения. Каждое селение, большое и малое (не хуторского типа), занимая определенную территорию с пахотными землями, пастбищами, сенокосами, находящимися только в его пользовании, представляло самостоятельную общественно-хозяйственную ячейку (единицу) сельско-общинного типа со всеми ее признаками: хозяйственными – совместное использование пастбищ, выпасов, лесов (если таковые имелись), необходимость согласовывать сроки полевых работ, общественными – устройство дорог и мостов, очищение водоемов, строительство родников и мечетей; политическими – соблюдение интересов безопасности, урегулирование от-

ношений с соседними обществами и т.д. Вместе с тем всякое селение связано рядом отношений с соседними селениями.

Группа селений, расположенных по соседству, в одном естественно-географическом микрорайоне объединялась в союзы – общества, называемые «бо» (войско, ополчение). Каждое общество имело свое название, например, Хунз, КІкІуяда, Гьид, Къел, Къарах, Ганда-лал, Тіомурал – всего около 40. Точное число обществ определить трудно, их количество менялось с изменением политической обстановки в Дагестане. Часть селений входила в состав союза сельских общин – так называемых «вольных обществ», часть – в Аварское и Мехтулинское ханства. Однако на само поселение, его общественную структуру, тип (селение, отселок, хутор) мало влияло его социальное положение – входит ли оно в «вольное общество» или феодальное владение. Поэтому вопрос этот оставляем не затронутым.

Вместе с тем здесь следует сказать, что существует классификация поселений (типология) по их социально-экономическому положению. М.О. Османов пишет: «Можно выделить три ступени (уровня) развития феодальных отношений в разных районах Дагестана XVIII – XIX вв., непосредственным образом отражающиеся и на классификации социально-экономической природы дагестанских поселений: 1) раннефеодальное: поселение независимых «вольных» союзов обществ; 2) феодально-патриархальное: поселения зависимых союзов и часть поселений горных ханств; 3) феодальное: поселения феодальных владений. Один из главных критериев в этом делении – формы землевладения. В «вольных» обществах – неограниченный суверенитет общин на всю исторически сложившуюся территорию общества. Во второй группе (феодально-патриархальная) крестьянская мульковая собственность сочетается с феодальной на крупные массивы угодий, большей частью пастбищные и покосные. В третьей группе феодальная собственность преобладает, господствует.

Общественно-политическая характеристика обусловлена социально-экономическим содержанием: раннефеодальному типу соответствует свободное сельско-общинное поселение («вольных» обществ), независимая от феодалов, но со спонтанными процессами феодализации; феодально-патриархальному – сельско-общинное поселение с определенными (иногда взаимообусловленными) формами

зависимости поселения или союза обществ в целом от феодалов; феодальному же соответствует ханское (бекское) поселение, полностью зависящее от феодалов, с феодальными повинностями»³⁶. Как уже выше указывалось, социально-политическое положение жителей населенного пункта не отражалось на самом поселении, его формационное содержание могло измениться за небольшой исторический срок (находиться в зависимости от феодала или освободиться от его власти и феодальных повинностей, как это было, например, с аулами Шангода, Бухты, без изменений для поселения. В этом плане мы видим другой путь развития поселений в Грузии. Робакидзе А.И. пишет: «Последующие пласты горных поселений (следующие ступени после сельской общины – А.И.) дают возможность проследить формирование новых элементов, на основе которых складывается раннефеодальное укрепление, а затем феодальное село с мощной фортификационной системой»³⁷.

Насколько можно судить по имеющимся данным, до массового распада тухумных поселений уже существовали некоторые крупные населенные пункты, вокруг которых объединялись близлежащие поселения и выступали как политические центры. Например, Хунзах – центр феодального владения, Ириб – центр «вольного» общества. Таким образом, процесс сложения поселенческой структуры, которую мы находим в конце XVIII – нач. XIX вв. был многоплановым, сложным, длительным. Некоторые поселения, сложившиеся в начале второго тысячелетия нашей эры, по разным причинам перестали существовать, а другие, особенно центры обществ, занимавшие важные стратегические и торгово-экономические места, выросли, стали крупными населенными пунктами. Так, в 1886 г. в Хунзахе было 2576 жителей, Ирибе – 562, Ругуджа – 2005. Здесь можно назвать наиболее крупные старые селения, насчитывающие многовековую историю и известные по письменным источникам или устным преданиям как издавна существующие, внесшие свой вклад в историю аварцев: Аракани, Гергебиль, Гимры, Гочоб, Дылым, Игали, Корода, Мехельта, Салта, Согратль, Телетль, Глярата, Урада, Чиркей, Чох.

Образование крупных поселений (объединение) происходило на основе территориально-родственного принципа. Жители одного поселения – кровнородственная группа – тухум – переселяясь на новое место

поселяются компактно, составляя одну территориально-общественную ячейку – квартал. Селение состояло из нескольких кварталов – авалов и при этом нередко удавалось проследить, что жители каждого отдельного квартала в недалеком прошлом были выходцами из того или другого заброшенного поселения (Гергебиль, Гочоб, Ругуджа, Игали, Чох и др.). Следует отметить часто наблюдаемое в Аварии совпадение числа основных тухумов селений с числом заброшенных поселений вокруг него, откуда по преданию происходят эти тухумы.

Полевой материал, названия кварталов, потухумные участки на общесельских кладбищах, повсеместно у аварцев подтверждают первоначальное потухумное расселение, которое было характерным и для других народов Дагестана. Аналогичное положение засвидетельствовано и в других районах горного Кавказа. Имея в виду именно укрупненное поселение, М.О. Косвен пишет: «Более сложный и, видимо, более поздний тип представляет собой поселение единое и довольно компактное, которое, однако, отчетливым образом делилось на части»³⁸. В таких селениях «с течением времени кварталы теряли свой исключительно патронимический характер и в данном квартале оказывалось две или несколько разных патронимий. В таких случаях они проявляли замечательную устойчивость, сохраняя свою обособленность и локализованность»³⁹.

Родственный принцип расселения, как показывает этнографический материал, во всех районах Аварии потерял свое былое значение к XIX веку, даже в самых отдаленных селениях тухумного подтипа. В крупных же селениях с самого их образования были представители различных тухумов и с дальнейшим развитием поселения это явление принимает массовый характер. Правда, в отдельных случаях выявляются моногентильные кварталы, что, видимо, было или отражением первоначального расселения или они образовались в более позднее время (вторичное явление) и не являются типичными в исследуемое время.

Процесс нарушения принципа расселения по родственному признаку далеко зашел в Аварии, и он не играл сколько-нибудь значительной роли в процессе развития поселения. Иногда полевой материал позволяет до некоторой степени восстановить картину первоначального расселения тухумов в селении, что видимо послужило пово-

дом для некоторых исследователей сделать ошибочный вывод о характере расселения аварцев в XIX в. В дореволюционной литературе было принято считать, что в Дагестане в XIX в. квартал заселял один тухум (род), имеющий как экономическую, так и политическую и идеологическую общность. Приблизительно такого же мнения придерживаются и некоторые советские исследователи⁴⁰. Но полевой материал, собранный за период экспедиционной работы в аварских районах не подтверждает этого вывода.

Взамен кровнородственных возникают новые отношения, основанные на экономическом единстве, коллективных интересах. Соответственно меняются и названия кварталов. Они стали разнообразными, в отдельных случаях они назывались по названиям тухума, населявшего его, как это было часто у лезгин⁴¹, агулов⁴² и цахуров⁴³, или отдельного лица, выделявшегося чем-нибудь, а во многих случаях названия кварталов указывали на их географическое положение, как и в даргинских и кумыкских поселениях⁴⁴. В селении Чиркей наряду с названиями «БугъараГал», «КІКІалах», «Бакъда», которые объясняются топографией местности, имелся квартал «Жамалилавал», названный по имени тухума ЖамалГалилал, который населял его.

Небольшое число кварталов названо именами людей проживавших здесь. В селении Урада имеется квартал «ХІавал ГохІ», названный в честь женщины ХІава. В селении Ансалта есть авал «ХІусулавал» – от имени ХІусу. Подобные названия имеются и в селениях Дусрах, Гергебиль, Кахиб, Ругуджа и др. Остальные кварталы в этих селениях, как и в других, имели территориально-географические названия.

Во многих случаях квартальное деление в селении было произведено для удобства при выполнении общественных работ (ремонт дороги, очистка водоемов и др.) и раздела сенокосов, угодий и т.д. Здесь родственник принцип не играл никакой роли и господствовал принцип соседских отношений. Эти кварталы, как правило, носят территориальные названия, географический характер образования. Например, селение Апши состоит из четырех авалов: «Тасаавал» (верхний квартал), «Бакълъулал» (на солнечной стороне), «Хъундаб» – (на северном склоне) и «Гъоркъябавал» – (нижний квартал). Другое селение – Охли делится на пять кварталов: «СантІа» (на сенокос-

ном склоне), «Нахъаавал» (квартал задний), «ХІортІа» (у озера), «Гъоркъаавал» (нижний квартал) и «Тасаавал» (верхний квартал). Таких примеров можно привести очень много, где кварталы имеют чисто территориальное происхождение и название.

В подавляющем большинстве случаев аварское селение делится на две части: верхнюю и нижнюю, куда в свою очередь входили кварталы на территориальной основе. Например, в Хунзахе в верхнюю часть входили кварталы «Щулалъухъ» и «ШототІа», в нижнюю – «Самилух» и «ХІорихъ», в Чохе верхнюю часть составляли кварталы «Анада», «Чудаль», «Къурдукъ», «ХІинила», нижнюю – «КІКІала-ниб», «ХІимицебе», «РохъдочІиниб»,

«По мере развития производительных сил и, следовательно, общественной жизни горцев, – пишет Х.О. Хашаев, – кровнородственный принцип расселения все более и более нарушался и терял свое значение. В XIX веке мы находим только пережитки этого принципа. Везде и всюду господствует территориальный принцип расселения»⁴⁵ и частная собственность на средства производства.

Наличие групповой собственности в XIX веке на отдельные участки леса, покосы, гумна, мельницы нельзя считать тухумной собственностью. Гумно, мельницу, печь нельзя было разделить, сохранив их полезность и поэтому ими владеют коллективы семей из разных тухумов, но свою долю каждая семья могла продать, как собственность другому владельцу, из другого тухума. У нас нет материала, сколько-нибудь подтверждающего наличие какой-либо тухумной собственности в исследуемое время. Пахотная земля находилась в руках отдельных хозяев, а сенокосные, лесные угодья в основном были в ведении джамаата и делились между хозяйствами. В одних селениях тухумы получали равные участки при разделе сенокоса, леса и т.д., которые независимо от количества членов семьи, скота делились поровну между хозяйствами тухума по жеребьевке. Если тухумы селений были неодинаковых размеров, то джамаат старался уравнивать количество хозяйств внутри них путем слияния двух мелких в один или отчуждением небольшой группы семей с последующим прикреплением их к другому тухуму (Корода, Хиндах, Чиркей и др.).

В других селениях угодья делились в XIX в. не на тухумы, а на кварталы-авалы, независимо от того, какие тухумы сюда входили

(Чох, Ириб, Гергебиль, и др.). Возможно, что когда-то этот дележ производился между тухумами-кварталами. Тогда тухум, занимая определенный квартал выступал не только как общественная единица, но и как территориальная. Но со временем эти две стороны, когда-то слившиеся в одну, превратились в самостоятельные единицы, независимые друг от друга. В одном случае тухум получает все права, независимо от того, где он расположен, а в другом – квартал выступает в роли единицы независимо от того, кто его занимает. А в третьем случае в жеребьевке участвовало каждое хозяйство самостоятельно (Батлух, Ансалта, Гачада и др.), независимо от тухумной и квартальной их принадлежности.

Из приведенного материала видно, что во всех случаях стремление наделить каждое хозяйство общины равными долями господствовало во всех селениях. Участки пахотной земли, находившиеся в посемейном владении не имели индивидуальной ограды. Выделившиеся более или менее крупные земельные массивы обносили общей оградой, на которых были расположены пашни и покосы, принадлежащие отдельным семьям, различным родственным группам – тухумам, но связанным территориальным единством и общностью хозяйственных интересов. Участок этот огораживался, чтобы защитить его от скота, на весь летний сезон. После уборки урожая эти участки использовали для выпаса скота не только хозяев этих участков, но и всего селения. В селениях строго устанавливались сроки посева и уборки урожая. После установленного срока для уборки урожая, запрет выпаса снимался и не убранные посевы могли пострадать от скота. За это общество не несло ответственности. Аналогичные примеры зарождения соседских отношений, основанных на хозяйственных интересах на определенном этапе развития общества можно привести не только по Дагестану и Кавказу, но и за их пределами. Таким образом, в поселениях в XIX веке господствуют соседские отношения, основанные на чисто экономических интересах.

С основанием и историей многих крупных аварских селений связаны предания, легенды. Например, о Ругудже. Согласно преданию предки ругуджинцев жили в 12 селениях, расположенных вокруг нынешнего аула: Къубзар, Цинаб, Хабада, Ганада, Мадала, Мукърал гохI, ХIутниб, Булада, Пюгъях, Колоб, Пудал ГъарагI и на месте ны-

нешнего аула. Сейчас на этих местах хутора или заброшенные развалины.

О Чохе. В селение Сагульма (нынешний Чох) переселились жители 11 селений: Бакъдаколо, Рослаад, Бихъних ребил, Хирини къварили, Къетхириб, ХIичиб, Билух (Саадул КъулгIа), ХIюдоб, СельхИнда КIалах (Басраяб рочон), Гергил гохI, Сурачух ребил. Предание гласит, что их объединил легендарный Абумуслим, для усиления оборонноспособности общины и прекращения внутренней вражды. О том, что между ними существовала вражда, говорят многие легенды, песни. До нас дошла полностью одна такая песня – «Гергил кечI», в которой говорится о жестокой многолетней борьбе из-за земель между двумя соседними тухумами – селениями Гергил и Панус. Селение, где жил Герги и его тухум, было расположено на небольшой горе «Гергил гохI», а Панус жил в местности «Басрияб рочон».

В селение Гочоб (общество Карах) при укрупнении вошли мелкие поселения ЧIухIиб, ГъетIоб, ХъачIиб, Къулелиб, Ругелух, Синах; В Корода – Намухъда, Корокъ, СагIбердиб, Къорониб, ПIуртIа, ХIебтIа, Бириб, всего 12. Подобные предания, песни-легенды о вражде между селениями и о слиянии их в конечном итоге существуют и во многих других селениях. Учитывая их большое количество и, что они представляют большую ценность, мы предполагаем их дать как специальное приложение.

Заключая сказанное, повторим: второй подтип селения (росо) – это крупное тухумно-территориальное поселение, возникшее на основе объединения нескольких мелких (тухумных) поселений с первоначальным обособленным расположением тухумов, постепенно эволюционирующее в территориальное.

Второй тип аварского поселения – отселок («кули», «махьи») – это поселение вторичного порядка, всегда известно как оно сложилось, выходцами из какого селения основан. Причины возникновения отселка могли быть разными, но чаще – это хозяйственная целесообразность. Основание его связано, в основном, с развитием производительных сил, товаро-обменных отношений, усилением торгово-экономических связей, ослаблением связей внутри родственных групп (тухумов), необходимостью расселения разросшихся семей в более свободные места для освоения новых угодий и охраны своей

(общинной) территории – границ, изменением политической обстановки. Так возникает хутор, который перерастает в отселок. В основном этот процесс шел в XVIII – XIX вв.

Постепенно разрастаясь, увеличиваясь в размерах, многие из отселков превращаются в поселения, которые к середине XIX века не отличались от основного типа ни размерами, ни формой. Однако существуют и некоторые различия. Эти селения не соотносятся или слабо соотносятся с оборонным фактором, расположены на более доступных участках, следовательно не имеют вида недоступных крепостей. Одним из существенных различий является чисто территориальное расселение в этих аулах. Здесь с самого начала не соблюдался принцип группировки домов по кровно-родственным отношениям. Оторванному от своего тухума, от ближайших родственников переселенцу было безразлично с кем жить по соседству, и так как все переселенцы были такими, то любое расселение само по себе уже было территориальным. И в таких условиях житель выбирал себе место для строительства дома с максимальной хозяйственной выгодой, насколько это позволяли земельные отношения. Следствием этих особенностей явилась более свободная планировка в этих селениях, меньшая скученность домов.

Другая отличительная черта селений второго типа – там проживают выходцы из разных местностей и сел. И не случайно в этих селениях, выросших из отселков (Гоцатль, Голотль, Унцукуль, Ансалта и др.) встречаются диалектные особенности (смешанный язык), которые отмечает Ш.И. Микаилов в своей работе «Очерки аварской диалектологии»⁴⁶.

Во многих таких селениях сохранились предания об их образовании, подтверждающие их позднее происхождение. Например, основателями селения Гоцатль считаются выходцы из селения Тинди. В Тинди когда-то жил некий Зади. У него было четверо сыновей: Маркъо, Иштали, МухАмад и Малла. Один из сыновей – Иштали влюбился в дочь богатого сельчанина – Маймунат. Маймунат ответила ему взаимностью, и когда родные наотрез отказались выдать ее замуж за Иштали, его братья похитили ее и укрылись в башне. В селении готова была разразиться кровная вражда, но вмешательство общества предотвратило ее. Решением джамаата всю семью Зади выслали из селения, и они обосновались на земле Хунзахского хана, где

проходила граница с селением Кудали⁴⁷, и образовали селение Гоцатль. Впоследствии здесь стали поселяться выходцы из других мест, и образовалось довольно большое селение с развитым садоводческим хозяйством. Предполагают, что с основания селения прошло приблизительно около 400 лет, о чем говорят надмогильные плиты (здесь не удалось обнаружить дату более раннюю). За исторически небольшой срок селение Гоцатль выросло настолько, что жители его стали ощущать острый недостаток земли и поэтому здесь развивается подсобное ремесло, как товарная отрасль. Таким подсобным ремеслом было производство медной посуды, мелких серебряных изделий. Со временем селение Гоцатль стало известно во всей Аварии, как центр ювелирного дела. По переписи 1886 г. в нем проживало 490 человек.

О другом селении Чиркей имеется запись, рассказывающая об его основании и образовании. Согласно ей, на территории ныне принадлежащей Чиркею, когда-то было расположено десять селений: Нуцабазул, Иманали, Ясазул, Чупан, Инху, Цебеашу, Ханзабазул, Амирханил, Бугъакил, Бекюрт. Сюда прибыли два брата Хизри и Муса из селения Гента Гидатлинского общества, вышедшие в канлы. Они жили и работали в одном из этих селений – Цебеашу. Спустя год – два они облюбовали неподалеку от этого селения место и попросили разрешение у владельца этой земли – Зазай-бике основать там свое хозяйство. Получив ее согласие, они построили жилые помещения и перевезли свои семьи. Так было положено начало селению Чиркей. Место было выбрано на левом берегу реки Сулак, удобное для разведения садов и земледелия. Это было в 911 году хиджры или 1505 г. по Р.Х.⁴⁸ Постепенно сюда спускаются и поселяются здесь люди из различных селений Дагестана: Ашильта, Зубутль, Арадерих, Амуши, Чирката и жители тех десяти аулов.

Долго и упорно боролись чиркеевцы с кумыкскими владельцами из-за земли, пастбищ. Многие кумыки, не выдержав тяжелой борьбы с вновь прибывшими, уходили из этих мест, покинув свои селения, частью продав переселенцам свои земли, частью просто уступив безвозмездно. Особенно долго и упорно сопротивлялись жители аула Бекюрт, но в конце концов и они ушли на кумыкскую плоскость, уступив землю чиркеевцам.

В начале XIX века аварское селение Чиркей было одним из крупных аулов Салатавии. По переписи 1886 г. в нем проживало 894 человека. Но население Чиркея, как и других аварских салатавских селений, было в определенной зависимости от кумыкских князей, владельцев этих земель: платили им подати за пользование землей продуктами садоводства и земледелия, или состояли дружинниками у князей⁴⁹.

Принцип расселения в этих селениях, основанных выходцами из разных селений, является чисто территориальным. Хотя разделение на тухумы и встречается в таких селениях, но единство и взаимосвязь членов тухума намного слабее, чем в селениях первого типа. Это объясняется тем, что сами тухумы в этих селениях во многих случаях не едины по происхождению. Представители разных мест объединяются в один тухум для укрепления своей силы, для защиты личности и имущества. Так, в Чиркее, когда увеличилось население, было произведено разделение на шесть тухумов: Бурабазул, Парахатилал, Жамалгалилал, Падарал, Барасулазул и Ашильтасел. После этого деления, все прибывшие вливались в эти тухумы, смотря по тому, у кого прибывший остановился первоначально. При этом еще учитывалась и численность тухума – джамаат стремился уравновесить количество членов всех тухумов, чтобы один не оказался слишком сильным и многочисленным.

Обычно отселок – это часть старого селения. И материнское селение стремилось сохранить свое главенствующее положение, общественно-правовую власть над отселком. Решение основных вопросов, в том числе и хозяйственных, находилось во власти джамаата селения (жители обоих населенных пунктов считались одним джамаатом), с чем жители крупных отселков не хотели смириться и упорно боролись за свободу решения самим своих внутренних вопросов, за определение своей территории, за право хоронить умерших у себя и совершить пятничную джумму в своей мечети и т.д. К середине XIX в. некоторые отселки стали полностью независимыми от селения.

Третий тип поселения – хутор («кули», «махьи»), возникший как пункт, база для определенной хозяйственной деятельности. Хутор всегда, являлся частью селения и не имел самостоятельных поселенческих функций. Хронологические рамки его возникновения очень

широкие. М.О. Османов пишет: «... образование его прослеживается по меньшей мере со времени образования аула и одновременной зональной специализации хозяйства, а в качестве хозяйственной базы – еще раньше, практически со времени сложения производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства»⁵⁰. Сказанное можно подтвердить словами М.Г. Гаджиева: «Наряду с оседлыми поселениями были распространены возникшие еще в энеолите сезонные поселения без жилой архитектуры, расположенные высоко в горах, под скальными навесами (Чинна), у входа в пещеры (Чирката), на вершинах и склонах гор (Ашали). Это были временные отселки оседлых поселений»⁵¹. А со временем на таких хозяйственных базах возникают (строят) капитальные постройки.

Наиболее бурный рост хуторов начался с конца XVIII в. У некоторых крупных селений в начале XIX в. было более десяти хуторов. Основными причинами послужили продолжающееся развитие хозяйственной сферы и стабилизация общественно-политической ситуации в крае. Начинается процесс расселения из больших селений и образования хуторов, разбросанных вокруг них. Возникали они там, где были более или менее удобные участки плодородной земли для посевов и пастбищ для скота. Так возникает небольшой объект вдали от поселения, на свободной земле. Учитывая экономические преимущества нового объекта, сюда прибывают бедные крестьяне.

Хутора могли быть образованы и в результате поселения зависимых лиц на определенное место или основан каким-нибудь разбогатевшим жителем большого аула, который силой своего влияния получил участок общинной земли и обосновал здесь свое хозяйство. Существенную роль в образовании хуторов сыграло и увеличение числа экономически необеспеченных семей и не имеющих собственного жилища. Это обстоятельство в сочетании с необходимостью охранять окраинные земли общин привело к образованию хуторов. Чтобы охранять границу, по решению джамаата, выделялась группа семей, по желанию, для заселения отдаленного участка, служившего как бы сторожевым постом, с предоставлением переселенцам хороших земельных участков. Так возникли Наказух, Ашильта, Ункида, Ипуга, Зиуриб, Дагбаш, Хучада, Уриб. Часто на поселениях, заброшенных в период

распада тухумных поселений, впоследствии возникают хутора (Ходоб, Анада, Асах, Мадала).

Процесс выделения хуторян шел не всегда гладко. Основные поселения хотя и поддерживали и способствовали образованию новых хуторов и отселков, но стремились сохранять господство над политической и экономической их жизнью, умышленно задерживая их развитие. Решение основных вопросов находилось во власти джамаата основного селения. В этом отношении характерную картину мы видим на примере согратлинского хутора Наказух. Место это очень красивое и удобное для скотоводческого хозяйства. По преданию, до принятия ислама здесь было небольшое поселение, жители которого исповедовали христианство. В XVIII в. из селения Согратль на это место посылали по две-три семьи из разных тухумов. (Адехунал, Падарал, Кьелдер) сроком до десяти лет, после истечения которого надо было вернуться в аул. Пахотные земли, сенокосы принадлежали общине и каждое хозяйство получало их по жеребьевке. Тем не менее, ухаживали за землей очень тщательно – каждый год вносили удобрение, поднимали зябь и т.д. Вокруг было много прекрасных летних пастбищ и по идее семьи, живущие здесь, обязаны были улучшить (поправить) свое экономическое положение. Также эти семьи обязаны были охранять земли (границы) от обществ Гуржихльи, Мугурух, Мукракь. Если хуторяне по истечении срока не хотели возвращаться в аул, то их насильно заставляли это делать, приходили посланники (молодежь) старейшин и разрушали дома. Так было дважды, последний раз в 1918 г. Такой порядок существовал, чтобы земли оставались общинными, никто не выделился из джамаата. Но в Наказухе («У облаков») покойников разрешали хоронить на месте и разрешали пятничную джумму совершать в своей небольшой мечети. Такое исключение было сделано из-за дальности хутора от аула и трудной дороги. Выше уже указывалось, что хутора в своем развитии превращаются в отселки или исчезают, и жители возвращаются в аул. Наказух, так строго сдерживаемый материнским селением, стал отселком. Если в 1886 г. в нем было 65 человек, то в 1998 г. – 340 человек.

Форма поселения – это его материальная сторона, которая связана с общим видом, очертанием, архитектурной композицией, планировкой – если понимать под нею определенный порядок расположе-

ния домов, улиц, общественных мест. Определяющую роль в складывании формы поселения играют тип заселения и планировка. Однако полностью отождествлять эти понятия – форма и планировка⁵² – в условиях Дагестана невозможно, где они нередко проявляются вне зависимости и связи друг с другом.

Форма и планировка обуславливаются прежде всего характером местности, социально-общественными и политическими условиями, в которых формировалось поселение. На форму существенное влияние оказали малоземелье, стремление к недоступности и интересы безопасности; застраивались непригодные для возделывания крутые каменистые склоны, вершины скальных выходов, края обрывов, гребни хребтов, что придавало поселению соответствующую форму. Как уже указывалось, характер заселения зависел от природно-географической зоны, следовательно форму поселения в большей степени определяла зональность: высокогорная, горная, предгорная, плоскостная.

Изучение поселений показало, что выбранная территория застраивалась с самого начала по заранее учтенному определенному замыслу с соблюдением принципов: экономия земли, защищенность (обороноспособность) аула и каждого дома, группировка построек (расселение) с подходами к ним, направление улиц и их сообщение, связь между частями аула, расположение общественной площади. Таким образом, на поселение некоторые факторы (малоземелье, безопасность) оказывали двукратное воздействие.

При кажущейся на первый взгляд бессистемности планировки и бесформенности поселений, внимательное наблюдение все же позволяет различить несколько форм, нечеткость объясняется тем, что форма не является заботой строителей, изначально заданной задачей, она складывается сама по себе, исходя из выше названных факторов. В процессе развития поселения она может и измениться.

Традиционные поселения аварцев имели кучевые, беспорядочно-ступенчатые, террасообразно-ступенчатые, смешанные, горизонтально-бессистемные формы.

Наблюдается определенная связь между типами и формами поселений.

Кучевая форма характерна в основном для тухумного типа поселений, расположенных на укрепленных возвышенностях, выступах скал (Гамсутль, Гента, Чвадаб, Кулзеб, Надар, Шулани, Цулда). Все они находятся в высокогорье.

Обычно селения кучевой формы бывают небольших размеров, и планировка домов не подчиняется какой-то системе, это нагромождение построек на относительно небольшой территории: дом построен там, где есть возможность прилепить его, хотя это связано со многими неудобствами: теснотой, трудностью подхода к нему, отсутствием поблизости воды. Кучевое поселение с характерной планировкой является наиболее древней формой поселения в Аварии. Основным элементом поселения кучевой формы является глухой дом, дом-крепость – замкнутый комплекс жилых и хозяйственных помещений. Для большинства поселений характерны многоэтажные каменные дома, тесно прижатые друг к другу с размещением жилых и хозяйственных помещений в вертикальном плане, составляющие единый ансамбль, крепость. Такая планировка была наиболее удобной в условиях острого малоземелья и военной опасности, но в бытовом отношении она не удобна – мало в домах солнечного света и тепла.

Наиболее распространенной формой поселения является ступенчатая. Она встречается во всех природно-географических зонах, но наиболее характерна для нагорья, где поселения обычно расположены на склонах гор. Когда дома, плотно прижимаясь по бокам друг к другу, тянутся по склону горизонтально, линией и следующий ряд домов расположен параллельно первому, итак несколько рядов, образуется террасообразно-ступенчатая форма. Если даже дома образуют линию не четко горизонтальную, ровную, то характерная форма складывается и можно посчитать ряды-ступени поселения. Например, если смотреть с юга, в Чохе таких этажей-ступеней (террас 25, Урада – 22, Гочобе – 20, Гоцатле – 20, Кикуни – 16. Многие исследователи, путешественники, видевшие такие селения сравнивали их с амфитеатром⁵³.

Когда дома на склоне не создают линию, они расположены беспорядочно, зигзагообразно, если и есть ряды – террасы они изгибаются, прерываются, складывается беспорядочная ступенчатая форма. Таких селений у аварцев большинство (Согратль, Ругуджа, Герге-

бель, Аракань, Кахиб, Кудутль, Тидиб, Гачада, Хадиял, Цумилух и др.).

Ступенчатая форма характерна в основном для поселений крупных размеров, сложившихся как территориально-тухумные.

По мере роста поселения в размерах во многих случаях застраивались относительно ровные места вокруг склона, и в целом оно приобретает смешанную форму. Такая смешанная форма преобладает в предгорных районах: старая часть поселения находится на горке, склоне и имеет ступенчатую форму, а кварталы, образовавшиеся позднее на ровном месте – горизонтальную (Аркас, В. Дженгутай, Апши, Урма, Буртунай и др.).

Для всех этих видов планировки характерна была чрезвычайная скученность домов и теснота в поселении, отсутствие свободного (бесцельного) пространства, кажущаяся бессистемность и хаотичность расположения построек и улочек, о которых сказано немало нашими исследователями и дореволюционными авторами⁵⁴. Примечательна характеристика, данная дагестанскому поселению русским путешественником в середине XIX века: «Улицы нет в ауле, каменные двухярусные бойницы, которые горец называет саклями, отступают друг от друга (имеется в виду улица – А.И.) ровно настолько, чтобы человек с трудом мог протиснуться среди них... Над крышей одной бойницы торчит другая, над другой – третья и ножом расколота щель, заменяющая улицу, вьется и лепится, как змея, по отвесной круче, у подножия всех этих, без порядка насыпанных в кучу каменных редутов»⁵⁵.

В горах изредка встречаются поселения горизонтальной формы – застроен относительно ровный участок на речной террасе (Хебда, Бежта, Ората, Салта), плато (Батлаич, Сиух), над обрывом (Хунзах, Урухсота, Кулецма, старый Гуниб, Хиндах). Размещение домов произвольное, планировка бессистемная, теснота большая. Однако большей частью горизонтальная планировка, со слабовыраженной ступенчатостью, менее скученная, в таком поселении чуть больше свободного пространства, и постройки на территории располагались свободно, не налезая друг на друга, и при каждом доме имелся двор небольшого размера. Наличие двора и горизонтальное размещение хо-

зайственных и жилых помещений более характерны для поселений предгорных районов.

Характерной особенностью планировки горных поселений горизонтальной формы является сплошная застройка улицы, как с одной, так и с другой стороны. Дома, тесно примыкая один к другому, тянутся вдоль всей длины улицы, только иногда прорезываемой переулками, и образуют застройку ряда, где свободно можно перейти от одного дома к другому по крышам. О. Каранайлов, описывая свадебные обычаи в селении Гергебиль в конце XIX века, пишет, что «пройдя шагов сто по сплошным земляным крышам, мы стали против дома, из которого выйдет невеста»⁵⁶.

Аварские поселения в предгорной части своей планировкой, формой и видом отличаются от поселений в горах. Если в горах преобладают скученные ступенчатые селения на крутых склонах, то в предгорье они расположены на более ровных местах довольно свободно. Основной ячейкой предгорного селения является усадьба небольших размеров с горизонтальным размещением всех помещений. Как жилые помещения, так и хозяйственные представлены одноэтажными зданиями с плоской крышей (Каранай, Апши, Дылым, Гертма и другие). Жилые помещения стоят изолированно от хозяйственных, расположенных в глубине двора. Усадьба окружена невысоким каменным, глинобитным и плетеным забором. Нельзя сказать, что эти селения подчиняются строгой единой планировке, но они отличаются по сравнению с горными поселениями большей правильностью рядов, прямоотой и шириной улиц. Вдоль главной улицы, которую можно легко определить, дома поставлены правильными рядами.

Если при планировке горных селений на улицу с обеих сторон выходили высокие стены, превращая их в своеобразный коридор, то в предгорных селениях улица застроена только с одной стороны. На улицу выходят с одной стороны задние или торцовые стены жилого дома, а на противоположную сторону выходят заборы. Как в горных, так и в предгорных, как в селениях ступенчатой формы, так и в горизонтальной, дома с одной стороны улицы, если она была протянута с запада на восток, выходили на нее фасадами, а с другой – задними сторонами. Улица не стала таким важным фактором⁵⁷ для аварских селений, как фактор солнца, на которое ориентированы все дома.

Кроме того, приведенная форма планировки не является характерной для всего селения, по мере удаления от главной улицы – нарушается правильность рядов, дома расположены беспорядочно: уличная форма планировки, как и рядовая, возникла сравнительно позднее, с конца XIX века. Это подтверждается тем, что в старых не разрушенных частях селений существовала традиционная хаотичная планировка и большая скученность.

В нижнем предгорье (В. Дженгутай), на равнине (Гелбах – В. Чирюрт) селения имеют горизонтальную форму. Здесь уже сама ровная местность предопределяет внешний вид, облик, форму селения. Дома стоят каждый отдельно, со своим самостоятельным двором. Улицы рассчитаны на подъезд к дому колесного транспорта, но расселение сохраняется скученным, компактным. Скученность домов и теснота улочек объясняется еще и тем, что община до образования колхозов строго контролировала использование земли, соблюдая общественные интересы.

Вся эта проведенная нами дробная классификация по формам носит некоторый условный характер, ибо не во всех селениях и не всегда возможно определить одну конкретную, преобладающую форму. В каждом аварском поселении можно найти элементы двух, а то и всех форм, которые порой трудно разграничить: разные части аула имеют разные формы. Эти части отражают (результат) этапы развития общества, следовательно, развития самого поселения. Известно, что «за короткий промежуток времени, часто в зависимости от тех или иных социально-экономических условий, формы поселений претерпевают решительные изменения»⁵⁸. Хотя, следует отметить, что аварские поселения мало менялись на протяжении многих веков, они сохраняли характерные черты, форму, сложившиеся под влиянием особенностей другой (предшествующей) эпохи.

Одним из элементов продуманной планировки поселения было выделение специального места для сельского схода – определенного пространства – территории. Для всех аварских селений обязательной архитектурной деталью была площадь – годекан. Она являлась общественным центром селения, где обсуждались важнейшие вопросы и устраивались общественные праздники. Иногда площадь ярко выражена в самой планировке селения (Унцукуль, Гергебиль, Гонода,

Кутлаб, Кегер, Магар). Дома вокруг нее расположены кольцеобразно, образуя замкнутый круг, прорезанный лучеобразно расходящимися улицами. Однако общественные площади не всегда находились в центре аула.

Общественные площади в поселениях, расположенных на склонах и имеющих ступенчатую форму находятся на краю, на удобной окраине, где была ровная площадь. В селении Чох площадь находится в восточной части; в Дусрахе, Кикуни, Шангода – наверху, в Кудали, Арчо, Гоцатле, Аргвани – внизу. Наличие таких площадей видимо было характерно и для раннесредневековых поселений, заброшенных в период укрупнения поселений. При осмотре 3-х таких поселений, расположенных вокруг крупного аула Чох (Рослаад, ХамизгГалил рочон, Кьетхириб) нами обнаружены во всех такие площади, имеющие неправильную круглую форму, тяготеющие к геометрическому центру аула. Они ярко выражены в общей планировке, окружены большими валунами, перед которыми лежат с внутренней стороны длинные плоские камни по кругу, видимо предназначенные для сидения. В одном случае на юго-востоке этот круг разрывается и между ними одиноко стоит камень больших размеров.

Помимо центральной площади в больших селениях имелись и площади квартальные. Названия этих площадей соответствовали названиям кварталов. Квартальные площади, видимо, в давнее время были тухумными, где тухумы обсуждали свои внутренние вопросы. С изменением характера квартала и тухума, как территориально-общественной единицы, меняются и функции площади. На площади обсуждаются дела уже не родственной группы – тухума, а территориальных соседей – жителей квартала. На квартальных площадях находились квартальные мечети, а на центральной площади – джумма мечеть. В селении Ругуджа было 4 мечети и одна из них общая; в Чохе – 7 кварталов и соответственно 7 мечетей, одна из них общая; в Хунзахе было четыре площади и на каждой из них по мечети.

Одна из площадей, чаще центральная, являлась и экономическим центром селения. На ней находились: базар, магазины, ларьки. Это было и любимым местом отдыха мужчин после работы, где можно было обменяться мнениями по всем интересующим вопросам, договариваться о выполнении совместной какой-нибудь работы, выполнять мелкие

ручные работы. И молодежь здесь развлекалась, стараясь не мешать мирной беседе стариков, организовывали спортивные состязания.

Во второй половине XIX – начале XX веков, с появлением новых удобно расположенных кварталов, сюда же во многих случаях переместились и экономико-административные центры.

Расположение сельских улиц находится в тесной связи с местонахождением общественной площади. Если площадь находится в центре селения, то улицы от нее расходятся в разные стороны, соединяя все кварталы. А если площадь расположена на краю селения, то от нее идет главная улица через все селение, от которой разветвляются другие улочки.

Если более или менее широкую улицу можно найти в селениях с горизонтальной формой, то в селениях, расположенных на крутых склонах, главных или центральных улиц нет. Обычно в таких селениях после каждого ряда домов, горизонтально расположенных, тянется узкая улочка, которая служит улицей для двух рядов. Нередко эти ряды домов составляют сплошную застройку, и чтобы перейти на соседнюю параллельную улицу, надо пройти до конца улицы, т.е. до конца селения.

Улицы в горных селениях чрезвычайно узки, извилисты и часто они неожиданно заканчиваются обрывом или тупиком, а иногда продолжают в виде узкого туннеля. Если горизонтальные улицы идут более или менее ровно, то вертикально расположенные выются природными лестницами, а в некоторых селениях их специально укрепляют подпорными стенками, чтобы облегчить движение по ним. Улицы изгибаются, приспособляясь к топографическим условиям местности, часто очень круто. Всех наблюдателей, путешественников, которые бывали в дагестанских аулах, удивляла узость и запутанность улиц.

Каждый дом в селении связан с улицей, которая приводит к общественной площади, и ни один хозяин не мог не только перегордить улицу, но и сузить ее без разрешения джамаата, а такое согласие общество выносило не часто. Если улица горизонтальной планировки может кончиться тупиком, то улица, идущая сверху вниз, вертикально никогда не заканчивается тупиком, несмотря ни на какие препят-

ствия, она обязательно выходит на нижнюю окраину селения, пересекая горизонтально идущие улицы.

Цель такой планировки следующая. Селение никем специально не очищалось от нечистот, эту роль выполняет дождь, а функции санитарных коммуникаций выполняют улицы вертикальной планировки. Вода, стекаемая по улицам, промывает их и выносит мусор и грязь за селение. Если на пути встречалось здание, то под ним специально сооружали туннель для свободного стока воды. Этому помогает, как известно, и сам выбор места для поселения. Обычно селение располагается на голом скальном выходе, твердом сланце, которые не поддаются размыванию и оползням. Такой фундамент дает прочность постройкам и имеет огромное санитарное значение. При наличии узких улиц, куда не проникает иногда луч солнца и выливаются нечистоты, на мягкой почве, особенно после дождя, образовалась бы непроходимая грязь, но твердая основа способствует быстрому высыханию почвы. Во многих селениях с одной стороны улицы сделаны мощенные дорожки, вроде тратуара, которые возвышались на 20-25 см над уровнем улицы, всегда бывают чистыми и облегчают хождение жителей. Предохранению селения от грязи способствует и то, что хлева в некоторых селениях (Чох, Тидиб, Кудутль, Кутлаб, Накитль) строятся на некотором расстоянии от жилых домов, на окраине селения. Туда же вынесены и сеновалы, что обеспечивает пожарную безопасность.

В топографии аварских поселений видное место занимают кладбища. Кладбища, как правило, располагаются на краю селения, но при наклонной местности никогда не занимают верхнюю часть селения, откуда почва может быть размыта и перенесена в селение. Часто кладбище вынесено на противоположный склон горы, через овраг (Дусрах, Ругуджа, Зубутль, Хариколо, Кикуни). Не встречаются случаи, когда первоначально кладбище было бы расположено внутри селения. Однако, в некоторых случаях, впоследствии, в результате роста селения, кладбище оказывалось на его территории, становилось как бы структурной частью селения. Например, в селении Мурада имеется два старых кладбища непосредственно на территории селения, которые были расположены первоначально на окраине. Такое же

явление наблюдается в селениях Гамсутль, Хиндах, Хунзах, Камилух, Игали.

В крупных селениях имеются два и три кладбища, чаще всего имеются отдельные кладбища для верхнего и нижнего авала. В некоторых селениях встречается, как пережиточно сохранившееся явление, разделение кладбища для отдельных тухумов, которое существовало до середины XIX века. Похоронить покойника подагалось только на своем тухумном участке, близ своих родственников.

Изучение поселений аварцев в XVIII – нач. XX в. показало, что оно характеризуется как разносторонний элемент материальной культуры, связанный с природно-географическими условиями, социально-экономическим развитием общества, культурно-бытовым укладом населения. Существовали факторы, непременно учитываемые при основании поселения: экономический, защищенность, водоснабжение, солнечная ориентация, экономия земли.

Поселения в своем историческом развитии прошли путь от древних небольших тухумных поселений до крупных населенных пунктов – территориальных общин. В XIX в. у аварцев были три типа поселений: селение, отселок, хутор, отражающие этапы социально-экономического развития населения.

Форму поселения определяли зональность, рельеф селитебной территории, тип поселения. Можно выделить кучевую, хаотично-ступенчатую, террасообразно-ступенчатую, смешанную, горизонтальную формы, которые менялись в процессе развития поселения. При всех формах соблюдались определенные принципы планировки, необходимые для нормального функционирования элемента быта.

Жилище. На территории, занимаемой аварцами, постоянное жилище появилось в эпоху неолита (VI тыс. до н.э.)⁵⁹. Оно было круглоплановое (дугообразное) с очагом в центре⁶⁰, и эта архитектурная традиция и каменная строительная техника были самобытным явлением на Кавказе и вообще в истории мировой строительной культуры.

Просуществовав на протяжении трех с половиной тысячелетий круглоплановая форма сменилась прямоугольной (конец III тыс. до н.э.)⁶¹. С изменением образа жизни меняется и жилище, которое приспосабливается к новым условиям и требованиям, но при этом сохра-

няются и развиваются определенные традиции народного зодчества. Живучесть форм объясняется их природосообразностью, универсальностью конструктивных решений, приспособленностью к местным условиям. Отдельные элементы древнего жилища (конструкция кровли, двери, очаг, нары), как показывает археологический материал, в усовершенствованном виде дошли до начала XX века. В 60-х г. XX века среди разнообразных типов и форм домов можно было встретить построенные несколько столетий назад (мы были свидетелями, когда в начале 50-х г. разбирали такие постройки, некоторые из которых были построены XVI–XVII веках, возможно и раньше).

Таким образом, жилище аварцев в своем историческом развитии прошло длительный путь от простейшей одноэлементной постройки с земляной плоской кровлей до благоустроенных, современных многокамерных домов с застекленной верандой, деревянными полами и железной крышей. И развитие это тесно связано с социальным, экономическим и культурным развитием народа.

На территории Аварии в XIX в. были представлены самые разнообразные формы домов, как по внутренней планировке, так и по внешнему облику и архитектурной композиции их: от одноэтажных небольших построек, углубленных в землю, до многоэтажных домов, в 5–6 этажей, от одиноких домиков до громоздких ансамблей, где сосредоточен весь комплекс жилых и хозяйственных служб, от свободно расположенных усадеб до тесно сжатых со всех сторон домов, вовсе без дворов и т.д.

Наличие такого большого количества разнообразных форм жилища на территории Аварии было отмечено и архитектором Г.Я. Мовчаном⁶².

Разнообразен и принцип решения задач военно-оборонительных и хозяйственных функций дома. В одних случаях строительство полностью подчинено интересам обороны. Такие дома с вертикальным расположением жилых камер с узкими бойницами, иногда конструктивно связанные с башнями, представляют из себя крепости (Ругуджа, Гочоб, Хотода, Урада, Гоор), а в других случаях – дома совершенно не защищены в оборонном отношении и легко доступны (Дылым, В. Дженгутай, Дуранги, Алмак).

Было уже сказано выше, что для различных форм поселений характерны типы домов и сама форма поселения находилась в тесной связи с естественно-географической зоной. Следовательно, и конструктивный тип жилища до какой-то степени соответствует зональному делению территории. Преобладание того или иного типа жилища в отдельных зонах обусловлено природно-географическими условиями местности, исторической обстановкой, местными строительными материалами и строительными традициями (архитектурной школой).

На форму, планировку, характер традиционного жилища аварцев помимо таких причин, как специфика хозяйства, географическая среда, местные архитектурные приемы, оказали влияние интересы обороны, скученность и теснота в селениях. Постройки в горных селениях так тесно примыкают друг к другу, что не только не остается какого-либо расстояния между ними, но часто одна стена является общей для двух домов. Дома в большинстве своем были бездворными, а если они и встречаются, то небольших размеров и без надворных построек.

Вследствие вышесказанного, порой просто невозможно бывает выделить какой-либо определенный конструктивный тип жилища из общей массы построек, переплетенных между собой, связанных сложными переходами и общими элементами. Поэтому рассматриваемые типы жилищ и их варианты не всегда следует воспринимать как отдельные постройки, самостоятельные дома, а как жилище одной определенной общественно-хозяйственной ячейки – семьи. Кроме того, встречается жилище, в котором нередко сочетаются признаки разных классификационных типов, вследствие чего (смещение основных признаков) оно не может быть отнесено к какому-либо определенному типу.

Наиболее характерным и распространенным жилищем аварцев в XIX веке был двух-трехкомнатный двухэтажный каменный дом в горах и саманный одноэтажный двух-трехкомнатный дом в предгорье. Хозяйственные помещения, хлев в предгорье находились в пристройках на одной плоскости с жилым домом, а в горах для них был отведен первый этаж.

Прежде чем остановить внимание на характерном жилище аварцев XIX века, необходимо учесть одно обстоятельство. Дело в том, что в

наиболее отдаленных от больших дорог районах Аварии, наряду с двух-трехкамерными домами встречаются однокамерные одноэтажные постройки несложной конструкции, выдаваемые некоторыми путешественниками и наблюдателями XIX века за типичное жилище аварцев. Они с каким-то удовлетворением отмечали все недостатки подобного сооружения и стремились архаизировать его и тем самым быт аварцев в целом, уделяя особое внимание отсутствию мебели в доме.

Одноэтажное здание, независимо от его типа является типичным для предгорных районов Аварии. Для горных же районов в XIX веке оно было скорее пережитком, связанным с бедностью владельцев этих домов. Нами было указано выше на долговечность жилища вообще и, кроме того, известно, что форма жилища отличается особым консерватизмом⁶³ и, что оно в своем развитии отстает от развития причин, порождающих его эволюцию. Одноэтажное однокомнатное жилище в горах не отвечало ни экономическим, ни культурно-бытовым требованиям семьи, и каждый, кто был в состоянии, строил двухэтажный дом, более удобный и практичный в горных условиях.

Пережиточно сохранившееся однокамерное одноэтажное жилище представляет определенный научный интерес как наиболее ранняя форма, корнями возможно связанная с древнейшим жилищем на территории Дагестана.

Как уже упоминалось, капитальное, искусственно возведенное жилище появилось в горах Дагестана 8 тыс. лет назад. Это первое известное науке постоянное каменное жилище на территории бывшего Советского Союза. Необходимо дать краткое описание его, чтобы иметь представление о нем и увидеть общность с бытовавшей формой жилища в XIX веке. Обнаружено два жилых сооружения, функционировавшие в одно и то же время. Одно из жилищ на Чохском поселении состояло из круглого помещения (свыше 60 кв. м), образованного дугообразной каменной стеной, концы которой упирались в скалу, и обращенного на юг входного коридора. Кладка без скрепляющего раствора. Тем не менее она плотная и прочная благодаря целенаправленному подбору камней. В центре помещения находился круглый углубленный в пол очаг. Кровля, предположительно, была плоской деревянной, с земляным покрытием и слегка наклонной от скалы к наружной стороне жилища и поддерживалась центральным

столбом, установленным на каменный блок (высота – 95 см, ширина – 55 и толщина – 30 см)⁶⁴. «Все это, – пишет Х.А. Амирханов, – имеет достаточно подтверждений в более поздних памятниках горного Дагестана»⁶⁵. Действительно, даже в середине XX века можно было найти в горах подобные сооружения, используемые большей частью как хлев, сеновал.

Строительная практика и опыт, усовершенствованные в течение тысячелетий, начиная с далеких времен достигли высокого уровня к эпохе бронзы.

Жители гор к этому времени выработали тип жилища, соответствующий как нельзя лучше географическим, природным условиям местности, строительным материалам и степени культурно-исторического развития общества. Наличие развитой строительной техники и архитектурных традиций, умелое использование рельефа местности и материала показывает, что этому предшествовал долгий путь развития жилища, большой опыт.

Раскопки дагестанских археологов за последние годы дали богатый материал по жилищу бронзового века. Примечательно то, что поселение бронзового века по своей планировке и форме похоже на тухумное поселение аварцев, а жилище той эпохи имеет много общего как в устройстве, так и в отдельных элементах со старым жилищем XIX века.

На Сигитминском скальном поселении начала II тысячелетия до н.э. обнаружено несколько жилищ, углубленных в скалу. Дома здесь располагались по склону горы, так что верхний ряд возвышался над нижним и при наличии перекрытия, крыша нижнего служила террасой перед верхним – это типичная архитектурная планировка скученного горного аула ступенчатой формы. Жилище имело в плане форму, близкую к квадрату, и было построено целиком из камня. Кровля поддерживалась, по мнению исследователя памятника, деревянными столбами, закрепленными в углублениях в скале⁶⁶. И другое Сигитминское поселение, относящееся к позднему периоду бронзового века дало материал, свидетельствующий о наличии преемственности в элементах жилища⁶⁷.

Наиболее полный и яркий материал по жилищу эпохи бронзы мы получили из материалов раскопок Верхнегунибского поселения⁶⁸.

Верхнегунибское поселение стало ценнейшим и важнейшим памятником древности для нас не только потому, что здесь обнаружен богатый материал, характеризующий разные периоды эпохи бронзы и свидетельствующий об оседлом образе жизни людей, но и потому, что здесь наиболее четко выявлены формы материальной культуры, некоторые элементы которой существовали до середины XIX в. в том же районе⁶⁹. В числе возникших еще в бронзовом веке элементов жилища следует отнести прямоугольную постройку в плане, методы и приемы строительной техники, плоскую кровлю, оформление дверных проемов, нары, лежанки для сна и т.п.

Как было отмечено, к наиболее ранней форме аварского жилища, этнографически прослеживаемой, относится одноэлементный дом. Особо выделяется и заслуживает большего внимания однокамерное жилище больших размеров. Подобное жилище сохранилось в наиболее далеких селениях Гунибского, Шамильского, Тляратинского, Чародинского районов вплоть до XX века. Оно, как и другие типы жилища, сильно врыто в склоны и построено из камня на скрепляющем растворе. Дом, в данном случае мы имеем в виду одноэтажное жилище, представлен одной комнатой, размером от 90 до 120 и больше кв.м. Интерьер этого жилища, где бы оно не находилось, в основном одинаков и поэтому в качестве типичного считаем возможным привести обобщенное описание⁷⁰. Оно разумеется служило одновременно и жильем, и хозяйственной комнатой (кладовой), и кунацкой.

В жилище ведет низкая двустворчатая дверь из двух толстых грубо обтесанных досок, которые вращаются на петлях, вставленных в гнезда. Дверной проем равен 150-160 x 70-75 см. Порог высокий. Вдоль задней, т.е. северной стены комнаты, стоял «цагур» – специальное сооружение для хранения продовольствия и различных запасов, сельскохозяйственного и другого инвентаря.

Во многих случаях лицевая поверхность перегородки, отделяющей жилое помещение от цагура, покрыта глубокой резьбой, особенно украшается большой столб, занимающий центральное положение.

Недалеко от центрального столба находился открытый очаг, выложенный из плит квадратной формы. Вдоль перегородки цагура на полу лежало толстое четырехугольное бревно, служившее в качестве подставки для посуды. Часть посуды, особенно мелкая, висела на де-

ревянных колышках, вбитых в цагур. Других полок или ниш для посуды и утвари в комнате не было, вся эта посуда, за исключением медных котлов, представлена деревянными и керамическими предметами местного производства. В расставлении кухонной утвари соблюдался определенный порядок: ближе к очагу находилась посуда повседневного пользования.

Дым от очага выходил в отверстие, оставленное специально в потолке (оно также служило источником света) и в небольшое окно. Мебелью в комнате служили низенькие треугольные скамеечки, на которые садились женщины во время приготовления пищи и трапезы и длинная скамейка «халабакI» (диван), стоявшая недалеко от очага. Под потолком у противоположной от входа стены, была укреплена длинная жердь, на которой висели одежда, овчины, шубы, бурки, хурджины, вяленые мясные продукты. Обычно для сна в жилище выделялось специальное место. Оно бывало в одном из углов комнаты и отгораживалось невысоким валиком, если место было углублено, но чаще оно бывало приподнято от пола на 10-12 см. На столбах и в стены вбиты большие колья для подвески оружия, повседневной одежды, деревянных подносов и др. предметов.

Говорить о внутреннем убранстве этого вида жилища очень трудно, собственно его и нет как такового, и выше упомянутые предметы составляют всю его мебель. Однако, несмотря на бедность обстановки: земляной пол, закопченные стены и потолок, помещение содержалось в относительной чистоте и выглядело аккуратным.

Такие комнаты использовались в качестве жилища до 40-х годов XX века. Примечательным является сохранение его прежнего убранства, со старыми предметами обихода. У вошедшего в это жилище, создается впечатление, что хозяева вышли куда-то на минуту. Над очагом висит надочажная цепь с подвешенным котлом, висит кухонная посуда на цагуре, а кувшины, горшки, стульчики, диван стоят на своих прежних местах. Хозяева переселяясь в новое жилище, стремились сохранить его прежний вид, да и утварь эта мало употребляемая в современном быту, осталась в старом помещении нетронутой. Такие жилища-комнаты (6) нами были описаны в Чародинском районе и в 1997 г.

Однокомнатное жилище может иметь двухэтажную и даже трехэтажную конструкцию. Нижний этаж в двухэтажной постройке обычно бывает хлевом. В некоторых случаях обнаруживается, что и первый этаж когда-то был жилым, но со временем хозяева первый этаж оставили для скота, а сами, построив второй, перебрались туда. Экономическое и культурное развитие диктовали необходимость выделения специальной изолированной камеры для скота, а земельный голод не позволял застраиваться в горизонтальном плане, это вынуждало возводить новые помещения над первым. Интересно, что жилое помещение иногда имело непосредственный вход в хлев, для чего оставляли на полу отверстие, закрываемое люком. Однокомнатное жилище двухэтажной конструкции имеет разные виды в зависимости от рельефа местности. Дома, возведенные на крутом склоне, имея с южной стороны два этажа, с противоположной бывают подземными. Крыша дома находилась на уровне склона горы и на нее можно свободно ступить. Часто крышу такого дома использовали в качестве площадки. Жилая комната находится над хлевом и дальше на несколько метров углубляется в склон. Вход в хлев с фасадной стороны, а в комнату – сбоку. Другой такой дом имеет вид одноэтажного здания: первый этаж являясь полуподземным и виден только с южной стороны, а второй – жилье, имеет вход прямо со склона и выглядит самостоятельным одноэтажным домиком. Постройка имеет ступенчатую планировку. Третий вид такого дома похож на полуторазтажный.

Особо выделяется жилище трехэтажной конструкции, камеры расположены вертикально друг над другом и не сообщаются непосредственно между собою, каждая имеет самостоятельный вход со склона. Такой дом был выделен Г.Я. Мовчаном как «хлев – жилье – жилье»⁷¹. Комнаты, расположенные друг над другом, совершенно одинаковы по устройству и оборудованию и похожи в основном на вышеописанную, одноэтажную большую комнату.

Это скорее всего два однокомнатных жилища, поставленных одно на другое. Комнаты не всегда принадлежали одной семье, и они не были связаны друг с другом в своем хозяйственно-бытовом и общественном назначении. Это были два жилища двух семей конструктивно соединенных не в горизонтальном плане, а в вертикальном.

Здесь нужно отметить, что в XVIII–XIX веках были многие дома, где комнаты принадлежащие одной семье располагались вертикально и не всегда сообщались между собой. Но это другое явление и имеет другие социальные корни.

Говоря о больших комнатах, которые были для XIX века явным пережитком, не соответствующим ни хозяйственным, ни культурно-бытовым требованиям семьи, которая состояла в среднем из 4-5 человек, необходимо подчеркнуть их сравнительно небольшое количество. Не обнаружено ни одного такого дома, на котором бы стояла дата возведения, и устный опрос не дал сколько-нибудь удовлетворительного материала о времени их возведения. Среди домов имеются несомненно и построенные в XVIII и реконструированные в начале XIX в., но в основном они, эти большие комнаты, были построены еще в XVI – XVII веках, а может быть и раньше. Как правило, эти дома построены фундаментально, из тщательно обработанного камня. Хозяевами больших комнат в XIX веке были состоятельные горцы, вокруг которых группировались ближайшие родственники. В общественной жизни группы родственников большая камера играла определенную роль. Ею могли пользоваться, с разрешения владельца, для справления свадеб, в случае несчастья и т.д. Приспособленный для этого цагур мог быть использован для хранения запасов мяса, зерна и других продуктов близких родственников и соседей. Таким образом, большая комната, являясь собственностью одного человека, была фактически используется и другими, тем самым сплачивая их. И в идеологическом единстве родственной группы она играла видное место. Вероятно эти комнаты были общественными помещениями, служившими определенной цели. Возможно она была в прошлом формой жилища патриархальной большой семьи. Подтверждением этого служат размеры жилой камеры, интерьер, языковые данные.

Как известно, у большой семьи была коллективная собственность, которая обуславливала полное хозяйственное и потребительное единство. Коллективному производственному единству соответствуют большие цагуры, предназначенные для хранения большого количества запасов, в одном отсеке таких хранилищ вмещалось более 2-х тонн зерна. Малая семья с имеющегося участка пахотной земли (семья имеется в виду середняцкая) собирала урожай зерновых в кон-

це XIX века в таком количестве, что еле наполняла одно из нескольких отсеков цагъура.

Особый интерес вызывает наличие двух и трех комнат громадных размеров в одном доме с одинаковыми интерьерами, которые не были вызваны требованиями одной семьи. Чтобы попасть в верхнее помещение нужно было выйти на улицу и подняться по склону. «Своеобразие такого приема композиции, – отмечает Г.Я. Мовчан, – указывает на существование каких-то особых явлений этнографического порядка, вызвавших такое разделение⁷². Возможно эти вертикально расположенные огромные комнаты были помещениями двух самостоятельных больших семей. Уровень развития производительных сил не допускал чрезмерного расширения большой семьи, увеличения ее членов. И это обстоятельство приводит «к сегментации семейной общины, разделению большой семьи на части – сегменты, представляющие собой, в свою очередь, также семейные общины, но первоначально численно меньшие»⁷³.

Видимо, когда назревала необходимость разделения семейной общины все ее члены сооружали жилище для новой семьи на втором, третьем этажах. И только после этого новая семья отделялась и начинала свою самостоятельную жизнь. А возможно, еще при строительстве дома учитывали необходимость будущего разделения и возводили дом сразу же двух-трех этажным.

Известно, также, что семейная община, большая семья, является консервативной общественной формой, в которой даже в условиях развитого классового строя сохраняются пережиточные патриархальные начала, тогда как вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом распад данного процесса давно завершен⁷⁴. Это положение дает нам возможность предположить, что возможно некоторые большие семьи пережиточно сохранившиеся, существовали в отдельных районах Аварии до XVI–XVII вв. И старинные громадные комнаты являлись помещениями этих семей.

По всей вероятности двух и трехкамерные и двух и трехэтажные дома у аварцев были продуктом более позднего времени. Более древним является однокамерный дом. Об этом говорят и данные языка. В аварском языке сохранился малоупотребляемый термин «цо рукъальул гадамал» («цо рукъальулчагли») – «люди одного дома». Очевид-

но, на раннем этапе, данный термин относился к большой семье, проживающей в одной камере – доме с единым хозяйством⁷⁵. Позднее термин этот стал обозначать круг особенно близких родственников, хотя они жили в отдельных, далеко друг от друга расположенных, самостоятельных домах. С изменением структуры семьи термин этот видимо принял новое содержание, понятие – «от одного дома происходящие».

Слово обозначающее «дом» в аварском языке хотя и имеется «ригъ», но часто его смысл передают через слово «комнаты» («рукъ», «рукъзал»). Видимо и дом, и комната в прошлом было одно и то же. И это подтверждает мнение о том, что первоначально у аварцев жилище состояло из одной комнаты.

Такое предположение, что когда-то в прошлом у аварцев существовала семейная община и большая комната была ее жилищем не может вызвать возражение, но конкретно представить себе жизнь такой семьи в подобных помещениях мы не можем. Ни в одном аварском селении нам не удалось получить материал, сколько-нибудь говорящий о жизни и быте большой семьи. Больше того, вообще о существовании ее. Не удалось зафиксировать случая, когда бы старики помнили что-либо о существовании семейной общины, что нельзя отождествлять с жилищно, поочажно (цлараки), неразделившимися семьями, хотя некоторые исследователи считали, что она существовала вплоть до конца 20-х годов XX века⁷⁶.

Имели место случаи, когда во время сбора полевого материала в 1961–1962 годах и нам (как видимо и другим) рассказывали о том, что в том или ином селении до недавнего времени (до образования колхозов) существовала «клюдяб хъизан» (большая семья), состоящая иногда из 20 и более человек. При внимательном рассмотрении структуры этой семьи, экономической основы ее, выяснялось, что это не что иное как несколько малых, индивидуальных родственных семей, временно живущих в одном доме, за неимением своего жилища, обусловленными экономической бедностью их. В таких домах авторитет старшего, главы семьи, т.е. общего отца был огромным, он пользовался большим уважением и почетом, но распоряжаться имуществом, собственностью семьи он не имел права.

Ранний распад патриархальной семьи в аварии видимо объясняется своеобразными хозяйственно-экономическими условиями.

Таким образом, полевой материал, собранный нами в аварских районах, свидетельствует о том, что малая семья как общественно-производственная ячейка стала господствующей формой задолго до исследуемого времени и найти большую семью, сохранившуюся в какой-либо пережиточной форме, не удалось⁷⁷, тогда как соответствующая ей форма жилища не только пережиточно сохранилась, но и использовалась в XIX – XX веках.

Скученная планировка поселения обуславливала вид домов. Новое строительство, переселение молодой семьи в отдельное жилище было связано с большими трудностями. Уже существующий дом был тесно зажат со всех сторон другими домами и строиться рядом было невозможно. А уход далеко от родителей и родственников на окраину села был крайне нежелательным, и поэтому новая семья стремилась как-нибудь остаться на месте, построив жилище свое этажом выше, над родительским или, если есть малейшая возможность, пристроив его сбоку. Так росла из года в год этажность, скученность и теснота в селениях, которая доходила нередко до 100 % застройки участка.

Нарушение условного круга, очерченного вокруг селения было нежелательным как для хозяина, так и для джамаата в целом, оно и не всегда было возможно. Самовольное использование «харима» (общинной земли) под строительство, как и под пашни, частным лицом строго запрещалось, а в случае согласия джамаата хозяин должен был внести большой выкуп общине за участок.

Каждая семья имела свою собственность, свое имущество, особенно четко выделяются частные пахотные участки. Сын, женившись, не всегда отделялся сразу, а оставался жить в доме родителей несколько лет, накапливая самостоятельное имущество. Как только образовывалась новая семья, ей выделяли участок пахотной земли, скот и все необходимое для заведения собственного хозяйства и экономически отделяли. Старались также отводить специальное помещение новой семье, но если не было такой возможности, жила молодая семья некоторое время в одном помещении с родителями мужа, отгородив себе угол комнаты и занавесив его чем-нибудь.

Естественно, выделение новой самостоятельной семьи с женитьбой сына нашло свое отражение и в языке. Женитьба сына в аварском языке звучит как образование семьи – «хъизан гъабизе» или создание дома – «ригъин гъабизе». Эти выражения отлично передают сущность происходящего процесса – образование новой семьи вне семей жениха и невесты, а не увеличение семьи жениха.

Известное малоземелье, о котором было сказано выше, в сочетании с дальнейшим увеличением количества семей, нуждающихся в самостоятельных жилищах, усиление роли частной собственности и существующая большая скученность нашли свое отражение в одном обычае. В старых аварских селениях (не пострадавших в годы Кавказской войны) нами обнаружено, что наряду с домами продавались отдельные жилые комнаты и даже крыши домов. Но необходимо отметить, что продажа дома (жилища) было исключительным явлением. Крыша, купленная другим хозяином, становится его собственностью, и он мог построить там жилище или сеновал. В результате этого, дом, состоящий из трех или четырех этажей, мог принадлежать двум-трем разным хозяевам. Для таких аулов характерны высокие, многоэтажные дома, занимающие небольшую площадь на земле. Многокамерность домов здесь развилась не по горизонтали, а в вертикальном направлении, тем самым решив одну из сложных проблем планировки.

Такой дом с вертикальным расположением комнат имеет башнеобразный вид. Дом сверху немного суживается, он по своей внешней форме похож на боевую башню. Но есть и одна существенная разница между башней и подобными домами – в башне все помещения сообщаются с нижним и не имеют другого хода (внешнего), а в жилом доме каждый этаж, т.е. каждое помещение имеет самостоятельный вход со склона и не связан с другим. В доме нет ни галереи, ни двора, а узкие окна типа бойниц выходят на южную сторону. Нередко дома имели 5-6 этажей, были и семиэтажные. Верхние два-три помещения этих домов сообщались между собой по приставной лестнице как и в башнях.

Характерным является отсутствие в таких аулах хозяйственных построек, они компактно расположены на окраине, иногда на некотором расстоянии. Только первый этаж может быть занят под хозяйст-

венные нужды и то редко. Иногда обычным правом строительство хлебов и сеновалов в черте аула строго запрещалось.

В аварских селениях встречаются дома, конструктивно связанные с невысокой башней. Башня по форме, конструкции похожа на боевую, но ниже, имеет всего 3-4 этажа. В камере башни, особенно на втором этаже, в отдельных случаях обнаружены угловые очаги, ниши и следы от полочки. Стены закопчены и видимо помещением пользовались не только во время военных столкновений, но и как подсобным. Часть членов семьи могла там спать, возможно с выделением новой семьи она превращалась во вторую жилую камеру до окончательного отделения семьи. Вход в башню был непосредственно из самого жилища.

Башня при доме выполняла частично те же функции, что и тухумная, и нам думается, что их не следует рассматривать как разные типы. Нужно только подчеркнуть, что она была собственностью одного человека, хотя ею могли воспользоваться и ближайшие его родственники в случае нужды. Владелец башни пользовался особым почетом у односельчан – «Сси бугевчи» (владелец башни). «Сси» обозначает мощь, силу, богатство человека. Необходимо отметить, что дома с башнями встречаются редко и то только в селениях Гидатлинского, Келебского, Карахского, Андалалского обществ.

Как было уже отмечено, однокамерное жилище в XIX в. было представлено многими разными видами. Среди них по праву особое место занимает большая камера с цагуром, которую мы описали. Такие же комнаты, но без цагуров, встречаются во многих селениях.

К одноэлементному типу жилища могут быть отнесены дом Ачанкилава М. в селении Корода, описанный Н.Б. Баклановым⁷⁸, дома Нухулова А. и Гитинова Хадо в селении Тидиб, комнаты Чеэрова, площадь которых равна 126 кв. м. и Чунтилова – 104 кв. м в селении Урада, Алиевой А. – 96 кв. м., Нурмагомедова М. – 100 кв. м в селении Ругельда, Омарова и Магомедова в селении Хотода – 150 кв. м. Кудуева О. – 95 кв. м. Гаджиева Г. – 90 кв. м в селении Корода. Такие комнаты есть и в селении Гочоб. Многие из этих помещений сейчас в их первоначальном виде не сохранились, они разделены на несколько камер, перегороджены. Но первоначальную планировку этих комнат восстановить можно.

Этнографический материал, собранный в селениях обществ Льебелал, Пломурал Тляратинского района, т.е. в наиболее глухих районах аварии, свидетельствует о том, что в XVIII–начале XIX века здесь существовало жилище, где наряду с людьми в одном помещении находился и скот. Скот загоняли в помещение только в холодное время. Место для скота было отгорожено от жилой части невысокой каменной стеной или жердями. В этом жилище не было цагура на всю стену комнаты, как в жилищах аварцев Гидатлинского, Карахского и др. обществ. Для хранения зерна и других запасов в этих жилищах сооружены большие сундуки – лари на высоких ножках. Наиболее древними и редкими являются используемые для этих же целей деревянные сосуды, выдолбленные из толстого ствола дерева, которые ставили на неширокие возвышения у стены. В остальном убранство этого жилища похоже на убранство одноэлементного, видимо, оно было традиционным в горных районах для подобного типа жилищ.

Жилища этого типа до некоторой степени напоминают жилище горных районов Грузии – Сванети, Хавсурети, характерное для скотоводческого хозяйственного быта и сурового климата⁷⁹. Те же причины и условия видимо обусловили и возникновение подобного типа жилища у высокогорных аварцев. На общем фоне развития материальной культуры в целом, и жилища, в частности, где в основном в XVIII–XIX вв. господствовало двух-трехкомнатное жилище, подобное явление было безусловно пережитком старины.

Самый древний этнографически прослеживаемый тип жилища аварцев предгорных районов, несколько отличается от жилища горцев, того же времени, хотя и то, и другое было однокамерным. Жилище в предгорье не было долговечным, оно через определенное время нуждалось в перестройке, следовательно, оно изменялось в форме, оборудовании, согласно требованиям времени. А горное же жилище стояло столетиями, не требуя даже существенного ремонта, и оно существовало еще долго в первоначальном виде и после существенных изменений быта и культуры семьи.

Различия в жилище горных и предгорных районов имеются в устройстве дома, во внутреннем убранстве и в его элементах и размерах.

В предгорье не обнаружено больших комнат, размеры помещений равны примерно 30–40 кв. м. Здесь необходимо оговориться, что большинство одноэлементных жилищ и в горных районах Аварии в XIX в. были небольших размеров, в пределах 40–50 кв. м.

Имелось большое различие и в системе отопления жилища горцев и предгорных районов. Центральный очаг открытого типа, который был характерен для горного наиболее архаичного жилища в начале XIX в., в жилище предгорных аварцев уже не сохранился, здесь его полностью вытеснил пристенный очаг с дымоходом. Перенесение очага к стене, появление других предметов обихода изменило и всю систему внутреннего убранства.

В одном углу предгорного жилища XIX века имеется небольшое, возвышенное место, предназначенное для сна. Но в отличие от горского жилища днем постель (матрац, одеяло, подушки) лежат не здесь, а убираются на специальную полку, расположенную вдоль боковой стены. Старые предметы и разную утварь помещали под полкой между столбиками и занавешивали.

Все три стены комнаты, за исключением очажной и одновременно входной, были заняты. Стена, противоположная входу, была занята посудой, расставленной и развешенной в строгом порядке. Каждая вещь занимала определенное место, в зависимости от ее ценности и размеров. Под потолком, на расстоянии 50–60 см от него, находилась полка, на которую ставили наиболее ценную фарфоровую, фаянсовую и стеклянную посуду некрупных размеров. Под нею, на гвоздях вешали медные, эмалированные, глиняные тарелки, чашки, подносы и другую плоскую посуду. Ниже, на деревянных полках, стояли медные кувшины разных форм, вазы и кастрюли. Чем ниже располагалась полка, тем крупнее посуда размещалась на ней. Вся эта утварь была парадной и не употреблялась.

Посуда и утварь, предназначенные для ежедневного использования, находились на полке или под нею, справа и слева от входа. В комнате были разных величин ниши, предназначенные для хранения домашнего скарба. В них находились самые разнообразные предметы домашнего обихода, начиная от ложек, соли, кончая иголками и нитками. В комнате имелся цагур, но совсем иной формы, чем в домах Гидатлинского, Келебского, Карахского обществ. Цагур предгорья

похож на большой ящик, на невысоких ножках, разделенный на 2–3 отделения с откидными крышками.

Описанная форма предгорного жилища, которую надо считать результатом более высокой степени развития жилища данного типа, была довольно распространенной формой и в горных районах.

По рассказам стариков в далеком прошлом у них в предгорье тоже были большие комнаты с центральным очагом. Но восстановить первоначальную форму такого жилища, его интерьер нам не удалось.

Нами уже было отмечено, что однокамерное жилище аварцев в XIX в. было пережиточно сохранившимся в силу природно-географических и экономических условий горных районов Аварии и отживающим типом. Изменение социальных, семейных отношений и экономическое развитие населения обусловили дальнейшую эволюцию и изменение типов и форм его. Оно стало соответствовать культурно-бытовым и хозяйственным требованиям семьи, расти и благоустраиваться. Говоря об эволюции жилища вообще, мы не имеем в виду изменения, которые произошли только в XIX в., хотя они были наиболее существенными, а рассматриваем этот вопрос в историческом плане. Несомненно, существовавшие в конце XVIII и в начале XIX веков многоэтажные дома с несколькими комнатами, которые принадлежали одному хозяину говорят, что жилищное строительство достигло высокого уровня развития к этому времени. Примечательно, что некоторые типы и формы жилища почти не подверглись изменению с древних времен вплоть до XIX в., как бы застыли на определенных этапах его развития (однокамерное жилище с его устройством, интерьером). И это облегчает нам до некоторой степени, задачу восстановления приблизительного пути и этапов развития жилища вообще, хотя указать хронологические рамки их эволюции нет возможности.

Развитие производительных сил, усиление экономических возможностей горцев, быт индивидуальной семьи с дифференцированным хозяйством способствовали развитию жилища и возникновению в нем специального хозяйственного отсека – помещения, мебели, изменению и улучшению интерьера и т.д. Еще в одноэлементном аварском жилище намечается эта тенденция, т.е. разделение комнаты на два отсека: жилую и хозяйственную (цагур).

Новым этапом эволюции жилища нужно считать появление «кьора», имеющего широкое хозяйственное назначение. Оно было образовано в результате перегораживания комнаты, «кьор» не имело ни окон, ни дверей, было связано с жилищем узким проходом. Эта небольшая каморка-кладовая служила первым шагом к возникновению двухэлементного типа жилища. Постепенно увеличиваясь в размерах и приобретая все большее значение в хозяйстве, она со временем становится обычным помещением со всеми необходимыми элементами. По-прежнему основная жизнь семьи проходит в очажной комнате «ца бакулеб рукъ» (комната, где зажигают огонь), а второе помещение служит кладовой. Эти помещения сообщаются между собою через небольшой проход и иногда уже имеют и самостоятельную дверь. Обнаружены некоторые двухкамерные жилища у аварцев, датированные началом XVIII века, но возникновение их как таковых видимо нужно отнести к средним векам, а возможно даже раньше.

В свете сказанного, интерес представляет описание жилого комплекса (хотя он находится не на территории аварцев), данное О.М. Давудовым в книге «Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в.н.э.). Он пишет: «Оно (здание – А.И.) состояло из двух связанных между собой проходами помещений и примыкающего к ним двора. В одном из помещений, размером 3х3 м были найдены остатки печи, занимавшей 1,75 х 1,0 м площади... Другая комната, связанная с первой узким проходом, имела значительно меньшие размеры и не имела ни очага, ни печи»⁸⁰. Памятник относится ко второму веку н.э. Случаи появления второй камеры или разделения жилища в более ранний период дает археологический материал. «Позднее, – пишет М.Г. Гаджиев, – помещение было разделено стеной на две части, соединенные дверным проемом... В результате перестроек впервые в истории архитектуры горного Дагестана появляются смежные двух-трехкамерные постройки»⁸¹. Речь идет о памятнике бронзового века (II тыс. до н.э.).

Развитие семейных и общественных отношений, рост производительности труда способствовали возникновению «кьачIараб рукъ», где принимали гостей, стояла лучшая обстановка. Выделение «убранной» комнаты в жилище было и в начале XIX века под силу только состоятельным горцам, хотя как таковая она возникла намного раньше.

ше. Так сложился типичный, самый распространенный тип жилища аварцев в середине XIX в.

Другим путем развития жилища, появления второго помещения, была надстройка этажа – вертикальный рост его. Уже говорилось о причинах вертикального роста жилища: теснота, скученность, отсутствие горизонтального пространства. Много таких жилищ, где второй этаж (комната) построен над бывшей жилой комнатой, которая превратилась в двухэтажном доме в хлев или в другое хозяйственное помещение. Сохранившиеся следы очага, закопченные стены и потолок, ниши и полки, колья, вбитые в стены, говорят, что в недалеком прошлом помещение это использовалось в качестве жилья. Когда появилась необходимость в третьем помещении – надстраивался третий этаж. Но этот путь не был распространенным, типичным. Типичным и характерным было возведение дома – жилища определенного вида – этажности сразу. Строили жилище с перспективой на будущее – образование новой семьи. По аналогии с башнями, многоэтажные дома, вероятно появились в горах в конце I – начале II тыс. н.э. Жилище аварцев в середине XIX в. по этажности было представлено одноэтажными, двухэтажными, трехэтажными и многоэтажными постройками. Уже говорилось, что двухэтажный дом являлся наиболее типичным, повсеместно преобладающим типом жилища для аварцев. Но трехэтажный дом имел довольно широкое распространение в горной зоне. В некоторых селениях (Корода, ЧIвадаб, Гочоб, Тидиб, Гор) дома трехэтажной конструкции в количественном отношении преобладали над другими, и это объясняется особенностями хозяйственной деятельности населения, архитектурными традициями.

Камерность жилища не зависит от этажности дома, не находится в какой-либо зависимости – многокамерными могут быть и одноэтажные дома. Несколько комнат могут находиться на втором, третьем и даже на четвертом этаже, а уже выше – этаж составляло одно помещение.

Одновременно шло развитие и хозяйственной части жилища – складывался жилищно-хозяйственный комплекс.

Здесь наверное нужно сказать, что под термином «жилище» обычно подразумевается весь комплекс жилых, подсобных, хозяйственных помещений, двор и надворные постройки, навесы – все те

возведения и сооружения, которыми пользуется отдельная семья в своей бытовой, хозяйственной жизни. Эти виды помещений и построек «по-разному объединяются между собой, от характера этого объединения зависит тип жилого дома, его планировка и внешний облик»⁸², образуются разные формы организации жилищно-хозяйственного комплекса. Объединение это зависит от профиля хозяйственной деятельности, природно-географических зон, типа и формы поселений, политической обстановки, местных традиций. Этим комплексам насчитывается множество – более десяти. Назовем некоторые:

- 1) одноэтажная постройка – жилая комната, к которой с торцевой стороны примыкает хлев;
- 2) одноэтажная постройка – жилые комнаты с двором перед ними и с надворными хозяйственными постройками;
- 3) двухэтажный дом (хлев – жильё);
- 4) двухэтажный дом с несколькими помещениями внизу и комнатами наверху;
- 5) двухэтажный дом с закрытым двориком и верандой над ним;
- 6) двухэтажный дом с внутривороним расположением хозяйственных помещений и частично открытым двором;
- 7) двухэтажный дом четырехугольного строения с открытым маленьким двориком в середине;
- 8) трехэтажный комплекс ступенчатой планировки (хлев – жильё – сеновал);
- 9) трехэтажный башнеобразный дом (хлев – жильё – жильё; хлев – сеновал – жильё; хлев – овчарня – жильё);
- 10) четырехэтажный дом (хлев – сеновал – жильё – жильё);
- 11) многоэтажный дом (хлев – овчарня – жильё – жильё – открытое с южной стороны помещение;
- 12) жилой дом в отдельном здании, хлев – сеновал в двухэтажной постройке вынесены за черту селения в хозяйственный квартал.

Перечень комплексов, их вариантов можно продолжить.

Эволюция жилища, его развитие повлекли за собой эволюцию элементов, изменение интерьера.

В старое жилище вела низкая и узкая дверь, состоящая из двух массивных полотнищ. Иногда дверь состояла из одной доски шири-

ной 70–80 см, толщиной – 10–12 см. высотой – 150–160 см, обработанной топором. Двери вращались в дверной раме на двух пятах, выступающих сверху и снизу в виде колышков, вставленных в каменные гнезда в углах в верхней и нижней части дверного проема.

Небольшие углубления в камне (большие плиты выступают из стены) служат петлей для закрепления створок двери к проему и свободному вращению их. Роль дверной ручки выполняет железное кольцо, иногда фигурное, прибитое к открываемой створке. Иногда встречается оригинальное решение этой задачи, особенно в селениях Гидатлинского, Келебского, Андалалского, Карахского обществ: ручку вырезают на самой двери, для чего делают две выемки рядом (по 2–3 см) на поверхности створки, а над ними остается мостик – ручка. Такая операция возможна лишь при достаточной толщине досок.

Не менее оригинальное решение найдено горцами и для запора входа. Жилище запирается изнутри специальной деревянной задвижкой с утолщенным одним концом, который вставлен в специальное гнездо-отверстие в стене. И чтобы открыть дверь, нужно поднять брусок вверх, для чего существует своеобразный металлический ключ (у каждого хозяина ключ был своеобразной формы), который продевают в фигурное отверстие, вырезанное в створке двери.

Открывались двери всегда внутрь. Число их в жилище делали минимальным: на одно помещение, каких бы размеров оно ни было, – только одну дверь. Перемычки делали или из толстого деревянного бруска, или из толстой каменной плиты.

С дальнейшим развитием жилища видоизменяется и устройство дверей. В обновленных домах XVIII и начала XIX в. дверной проем несколько увеличился в размере и вход снаружи стали отделять тщательнее других частей дома и часто завершали аркой. Створки дверей стали делать из двух-трех толстых досок, скрепленных поперечными рейками. Появляется дверная коробка, к которой прикрепляли двери на петлях, закрываемые плотно, без щелей.

Другим элементом, который усовершенствуется по мере эволюции жилища и стал неотъемлемой частью комнаты, является световое окно.

Наиболее ранняя форма аварского жилища не знает светового окна, как такового. В крыше такого жилища имелось небольшое от-

верстие, через которое проникал свет в помещение в дневное время, одновременно оно служило и дымоходом. Иногда оставляли узкие небольшие отверстия в стене, которые имели форму бойниц.

Со временем в помещениях появились специальные отверстия, которые могут быть названы окнами. Размеры их обычно колебались в пределах 0,4 x 0,5 – 0,3 x 0,4 м. Эти окна еще не имели деревянных коробок, а если и было деревянное обрамление, как пишут наблюдатели, то оно служило только для украшения и не было приспособлено для стекла⁸³. Стекло проникло в Дагестан только с середины XIX века. Использовали его только в домах богачей. Даже в окнах дома хунзахских ханов в конце 20-х годов XIX века, по сообщению прапорщика Хрисанфа, не было стекла⁸⁴. Однако, в оконные переплеты не вставляли и заменяющего стекла, какого-нибудь пропускающего свет материала, по той причине, что оно служило и для выхода дыма. До появления отопительного сооружения с дымоходом в жилище окно оставалось открытым и даже в появившихся кое-где ставнях для выхода дыма, в верхнем углу оставляли небольшое круглое отверстие.

Если в дневное время свет в помещение проникал через небольшое окно и открытую дверь, то вечером единственным источником света первоначально был огонь, разводимый в очаге. Все вечерние работы проводились при свете огня очага. Может быть поэтому и утвердилось выражение среди аварцев «цIадухъ чIчIей» – «сидение у огня», обозначающее вечерние работы, выполняемые женщинами: ручное шитье одежды, вязание, расчесывание шерсти и т.д.

Для освещения иногда пользовались лучиной («кан»), но к ней прибегали только для освещения дороги, при выходе ночью из дома, т.е. для кратковременных нужд, этому соответствует выражение «кан бакизе») «зажечь лучину». Комнату лучиной почти не освещали.

Поддерживать огонь в очаге весь вечер было не под силу горцам во многих районах Аварии из-за отсутствия топлива, а если и был кизяк, то он не давал нужного освещения. Это обстоятельство способствовало раннему появлению «чираха», предназначенного для освещения комнаты. Это небольшая каменная чаша (плошка) размером 15 x 10 см, треугольной формы, внутренняя поверхность которой имеет небольшой наклон к узкому концу. В углубление наливалось растопленное нутряное сало и вставлялся фитиль – кусок ткани, скрученный

и предварительно пропитанный тем же жиром. «Чирах» или «нахучирах» (жировая лампа) имел самые различные формы и хорошо обрабатывался для большой декоративности. Ставили его на выступ в стене, специально вылепленный для этого. Другим вариантом подобного «чираха» является железная чаша на надочажной цепи, прикрепленная на высоте 1,20 – 1,30 м. Следующим по времени бытования был светильник в виде железной чаши четырехугольной формы (15 см x 10 см) на трех ножках. Были светильники с двумя и тремя чашами на разной высоте. Принцип работы такой же, как и у каменной плошки. Некоторые светильники являются настоящими шедеврами художественнойковки металла. Позднее появились нефтяные светильники металлические (бронза, медь, чугун). Употребляли их редко, обходились светом огня очага. В ночное время свет особенно и не нужен был – рано ложились спать, рано вставали.

Неотъемлемой частью жилища являлся очаг, который претерпел большие изменения за последние столетия⁸⁵. Для наиболее ранней формы аварского жилища характерным был очаг открытого типа. Он занимает определенное и постоянное место в жилище – в центре помещения. Очаг встречается двух типов: углубленный в пол жилища и устроенный на поверхности земли. Существенным элементом очага является приспособление для установления посуды для приготовления пищи. Такое приспособление встречается трех видов: каменная подставка, треножник (махх) и цепь. На каменные подставки и металлический треножник ставится каменная плита, позднее чугунная сковорода («кьоно» – «плита»), предназначенная для жарки и выпечки хлеба, тогда как на цепь подвешивали котел для варки. В XIX в. наиболее широкое распространение получила надочажная цепь, которая была приспособлена для одновременного подвешивания трех-четырёх посуды на разной высоте. Треножник и цепь могли существовать одновременно, даже в одном доме, выполняя разные функции.

Очаг был почитаемым местом в жилище, символом благополучия семьи и олицетворением ее мощи, богатства и сплоченности. Видимо этому обстоятельству немало способствовал существовавший в древности культ огня. С очагом связаны многие предания и легенды, пословицы и поговорки и его почитание аварцами имеет много общего с другими народами Дагестана и Кавказа. М. Ковалевский пи-

сал: «У всех горцев Кавказа очаг и связанные с ним предметы, как-то: котел и цепь, к которой он привешен, в большей или в меньшей степени признаются предметами священными и символически выражают собою семейное единство»⁸⁶.

Очаг, как символ монолитности семьи и ее благополучия, превратился в центр семейной жизни. Часть домашних работ, как говорилось выше, производилась у очага. Вокруг него собиралась вся семья. Огонь разведенный в очаге, служил для приготовления пищи, являлся источником света и тепла. В очажной комнате повседневно находилась семья. Она была основным помещением, вокруг которого группировались и другие помещения. Таковы были бытовые (семейные) традиции, что жизнь семьи протекала в одной комнате, она служила кухней, столовой, спальней, тогда как другие помещения в этом жилище фактически пустуют. Если в семье будет гость, тогда, затапливали камин в «убранной», или могли там спать летом взрослые дети. В обычной жизни, как правило, семья практически жила в одной – очажной комнате.

В расположении членов семьи вокруг очага соблюдался определенный порядок: мужчины садились по одну сторону очага, а женщины по другую. Мужчины занимали у очага место ближе к выходу, а женщины у задней стенки. На стене у выхода из помещения были подвешены инструменты, орудия мужского труда и оружие. А на дальней стенке, в глубине комнаты – «Калаль» (Кала – место приготовления пищи), на полках и кольях размещалась кухонная утварь, оборудование и приспособления для женского труда, ведения хозяйства, приготовления пищи. Следует отметить, что комната аварцев не делилась на мужскую и женскую половину, как склонны считать некоторые исследователи⁸⁷. Во время еды члены семьи располагались вокруг очага на низких стульчиках и на овчинах или подушках. Мнение о том, что мужчины ели отдельно на своей половине, а женщины отдельно, после мужчин, «довольствуясь остатками пищи после мужчин»⁸⁸, не соответствует действительности. Это происходило только тогда, когда в семье бывал гость, а в обыденной жизни, всегда горцы ели вместе со своими семьями. Ночью, когда семья ложилась спать, никакого разделения комнаты по половому признаку не существовало. Выделение мест для сна мужчин отдель-

но, для женщин отдельно проводилось, когда в семье имелись взрослые дети.

Очаг имеет и общественное, символическое значение и употреблялся в значении – «дом», «семья», «хозяйство». Понятие «хозяйство», «дом» передается словами «цараки», что означает «зажигание огня».

Первой ступенью дальнейшего развития очага следует считать перенесение его к стене – в угол. Впоследствии здесь был сооружен дымоход из плетенки, обмазанной с обеих сторон глиной. Перенесение очага в угол было связано, видимо, с тем, что дымоход над угловым очагом соорудить было проще и легче. Пристенный очаг постепенно к середине XIX в. эволюционирует в камин.

В некоторых селениях (Андалал) появилось своеобразное отопительное сооружение, рассчитанное на максимальное использование тепла от него, в виде закрытого очага – «кора»⁸⁹, используемого одновременно и для приготовления еды и для хлебопечения. Этот вид очага, у даргинцев «тарум», лакцев «кара» имел ограниченный ареал – встречался только в центральном Дагестане.

Кор имеет форму усеченного конуса. По своему устройству кор комнатный напоминает азербайджанский тэндир⁹⁰, с той разницей, что тэндир устраивали в полу, а аварский кор ставился на пол, у стены в основании пристенного очага. Этот вид сооружения (печь) имел преимущество перед открытым очагом в смысле экономии топлива. Огонь, разводимый внутри кора, направлялся к суженной части его, на которой стояла посуда, а жар и золу выгребали из топки в полукруглое углубление, устроенное перед ним на полу и огороженное небольшим валиком.

Хлеб пекли на раскаленных стенках.

Кор делали из желтой специальной глины, куда добавляли для прочности конский волос. На внутренние стенки были нанесены полоски, чтобы хлеб, прилепляемый к ним не падал. Высота кора – 50–60 см, при диаметре основания 40–45 см и горлышка 15–20 см. Кор имел дымопроводный канал, связанный с внутривстенным дымоходом.

Кроме названных комнатных отопительных сооружений, в Аварии имеются так называемые общественные коры, предназначенные для поджаривания и подсушивания зерна перед помолом и приготовления

хлеба обрядового назначения. Таких сооружений в селении бывает не более двух-трех и ими пользуется все население. Их строят в специальных помещениях или под навесом во дворе какой-нибудь хозяйки, которая ухаживает за ним. Обнаружено большое разнообразие этих коров.

Археологические данные говорят, что подобные сооружения были известны горцам с древних времен⁹¹. Они находились в жилых помещениях для «обогрева жилищ и приготовления пищи»⁹². Таких «коров», расположенных непосредственно в жилище, в XIX в. обнаружить не удалось.

Для предгорных районов Аварии характерным отопительным сооружением в XIX в. была каменная печь. Видимо, комнатные печи здесь аварцами были заимствованы у соседей-кумыков, о чем свидетельствует и ее название в ряде районов – «лъарагI кор» – «кумыкская печь». Такая печь появилась как результат дальнейшего развития и усовершенствования «кёрюка»⁹³.

Обязательным элементом старинного аварского жилища был центральный столб, который иногда входил в конструкцию цагура. Столб располагался в центре помещения, напротив и недалеко от очага и нес на себе основную тяжесть перекрытия, т.к. на нем лежал центральный прогон (матица), на котором, в свою очередь, покоились поперечные балки. Столбы бывали разных сечений, и круглые, и четырехугольные (квадратные и прямоугольные). Монолитные каменные столбы встречаются крайне редко, также как и сложенные из тесаного камня и деревянных брусков, самое широкое хождение имели прямоугольные деревянные столбы, обращенные широкой стороной к очагу. Иногда столб бывал больших размеров и широкой капителью (подбалкой). Особенно отличаются внушительными размерами центральных столбов жилища в Гидатлинском и Келебском обществах. В этих селениях столбы отличаются не только большими размерами, но и своим оформлением. Особое внимание уделяется здесь подбалке и лицевой стороне столба. И столб и подбалка украшались резным орнаментом⁹⁴. Название столба подсказывает нам до некоторой степени причины такого уважения к нему: «кьолбол хIуби» («столб корня»), «кьочIол хIуби» («столб фундамента»). Часто кровнородственную группу, которая произошла от одного предка, в аварском языке называли «кьибил» – «корень» (от одного корня происходящие).

Внутреннее убранство жилой комнаты, характерное для конца XIX в. существенно отличается от убранства жилища, описанного нами. С середины XIX века в комнатах не строят цагуров на всю стену, его заменил ящик с откидными крышками на ножках, похожий на предгорный ларь. Во многих случаях лари соединяются с диванами – «халабакI». Они встречаются трех видов: собственно диван, без ящиков, предназначенный только для отдыха; диван, у которого сидение сделано в виде ящика и диван-ларь, у которого высокая спинка являлась лицевой стороной ящика. Зерно старались хранить в нежилой комнате.

Очаг с дымоходом, перенесенный к стене, изменил всю внутреннюю планировку комнаты и освободил ее от дыма. Вся кухонная утварь и посуда вслед за очагом была перенесена к очажной стене. Появились полки и ниши, предназначенные для посуды, и количество ее заметно увеличилось. Наиболее мелкую посуду (ложки, вилки, ножи) хранили в поставце, который висел на стене сбоку очага. Вдоль продольной стены внизу делалось возвышение, куда ставили большие сосуды, на день убирали постель.

Комнаты украшают декоративными тарелками, глазированными гончарными изделиями, медными подносами. Эти комнаты предназначены обычно для гостей, проведения особых мероприятий, или для спален взрослых детей.

Во второй половине XIX в. распространенным и характерным для среднего хозяйства стало жилище, состоящее из двух-трех помещений. Бедные семьи продолжали жить в однокомнатном жилище. Богатые же семьи строили огромные дома, состоящие из множества комнат с учетом хозяйственных интересов и экономических возможностей. Появляются дома с железными двускатными крышами, на которые затрачивались огромные средства. Убранство комнат, как и вообще жилище, бедных семей резко отличалось от убранства помещений состоятельных хозяев, хотя традиционные особенности стремились соблюдать. Эта разница выявлялась не столько в системе убранства, сколько в количестве и качестве посуды, ковров, постельных принадлежностей и т.д.

Наиболее яркое отражение культуры жилищного строительства XIX в., народные традиции его нашли дома, построенные после 70-х годов. Хотя эти дома резко отличаются от основного типа жилищ свои-

ми размерами, количеством и обстановкой жилых комнат, планировкой, их нельзя выделить из общей массы, т.к. они являются одним из этапов развития аварского жилища вообще. Однако эти дома типичными становятся только для более или менее состоятельных аварцев.

Таковыми являются дома Нахибашева Закария⁹⁵, Мавраевых, Мамалова, Газалиева, Фитулава, Антика в Чохе, Абашилова, Хуршилова, Таваковых в Согратле, Дациева в Чиркее, Алиханова в Хунзахе.

В качестве примера приведем два дома. Дом Газалиева, расположенный на гребне скалы, представляет из себя двухэтажное здание, напоминающее букву «Г». Стены сложены из тщательно обработанного серого песчаника.

В большой открытый двор с улицы ведет двустворчатая высокая резная дверь. Двор вымощен большими обтесанными плитами. Слева от входа находятся хозяйственные и подсобные помещения, окружающие двор с восточной и северо-восточной стороны. На противоположном конце двора находится двухэтажное жилое здание. Нижний этаж дома состоит из 5 помещений и коридора. Лестница, наполовину каменная, наполовину деревянная, ведет из нижнего этажа на застекленную веранду второго этажа, расположенную над галереей. Второй этаж состоит из 6 помещений. Н.И. Кузнецов, будучи в гостях у хозяина дома в начале XX в., описывает его так: «верхний этаж, исключительно предназначенный для приема гостей, состоит из нескольких комнат: большая зала, две больших спальни, гостиная, столовая. Полы паркетные в зале, гостиной, спальнях, европейская мебель, диваны, мягкие кресла, большие простеночные зеркала. Только в столовой, наряду с соответствующей европейской мебелью имеется хозяйственная утварь местного производства»⁹⁶. Второй этаж был предназначен не только для приема гостей, как пишет автор слов, но и служил местом пребывания семьи в летнее время. Кроме того, предметы кустарного производства, работы местных мастеров украшали и спальни и зал и нарядную комнату, а специальной кунацкой как таковой в доме не было.

Каждая комната имеет по два-три больших застекленных окна, а некоторые рамы вырезаны фигурно и застеклены цветными стеклами. Дом имеет двухскатную железную крышу. Дом построен в конце XIX в.

Большой интерес представляет дом, принадлежащий Мамалову. Длина дома 108 метров, в нем 32 помещения. На характер и планировку дома в значительной степени повлияла хозяйственная направленность владельца. Офицер царской России Мамалав одновременно был крупным барановодом. Овцеводческое хозяйство требовало наличия в доме множества подсобных помещений: в доме Мамалава их было 21.

Самое замечательное в этом доме – это его размеры и фасад. Архитектурное оформление фасада производит впечатление. Визуально левое крыло дома имеет три этажа, тогда как на правом крыле стены не видно – крыша находится на уровне склона. Несмотря на такое неудобное расположение, он скомпонован умело. В середине стены имеется огромный въезд, отмеченный большим порталом. Справа и слева от входа встроены в стену две скамьи для отдыха. Въезд оформлен двойными воротами, расстояние между которыми равняется 2,5 метра, при такой же ширине и трех метров высоты.

Дом Мамалава состоит из двух дворов одинаковой величины, мощеных плитами и двухэтажной постройки, окружающей дворы со всех сторон. Во втором, заднем дворе помещений меньше, здесь первый этаж имел вид навеса, а на втором этаже находились складские помещения и веранда перед ними. Весь второй этаж, из 11 помещений, первого двора был отведен под жилье. Каждый член семьи имел свою комнату. Но разделения на мужские и женские отделения не существовало, так же как и на кунацкие и жилые помещения для семьи. Самая лучшая комната (в зависимости от времени года, – летом большая, с окнами на балкон, выходящий на улицу, а в холодные времена года – небольшая комната в глубине двора) отводилась гостю. Все двери и окна комнат выходят на веранду, которая опоясывает дом с внутренней стороны. Веранда построена на аркаде из 14 арок, выполненных из тщательно обтесанного известняка. Веранда огорожена балюстрадой из точеных балясин. Помещения первого этажа в большинстве своем были хозяйственными.

Железная крыша, печка-«буржуйка», красиво оформленный камин, застекленные большие окна и веранда, паркетные и деревянные полы и тщательно обдуманное убранство жилых помещений, наличие книжных полок и шкафов и предметов роскоши свидетельствует о

том, что жилище состоятельных аварцев в XIX в. приближается по характеру к жилищу богатых горожан, но со своеобразными особенностями. Подтверждением могут служить слова Н.И. Воронова, побывавшего в 1867 году в гостях у чохского наиба: «в сакле, убранной не столько во вкусе чисто-горском, сколько плоскостном или персидском: обилие ковров, тюфяков и одеял, уместная и неуместная драпировка стен и окон, наполненные всякого рода посудой ниши, – все это почти роскошно в сравнении с убого-простой обстановкой чисто-горского жилья»⁹⁷.

Все это разнообразие жилищ, начиная от одноэтажного одноэлементного и кончая «домами-дворцами», уживалось и существовало в XIX веке в силу неодинакового экономического положения населения.

Вместе с тем в значительной степени природные и экономические условия отдельных районов наложили определенный отпечаток на характер жилища. Например, овцеводческий профиль хозяйства и суровый климат и свои традиции обусловили появление своеобразного вида жилищ у арчинцев. Дома их состоят из двух с половиной этажей. Жилье, которое разделено от середины до задней стены на два отсека поперечными стенами (но не все они такие), находится на втором, на первом этаже – хлев для крупного рогатого скота. Между этими этажами устроено низкое помещение, которое предназначено для овец. Дом не имеет ни балкона, ни галереи. С фасада к дому примыкает каменная лестница, по которой поднимаются на второй этаж. С той же лестницы имеется вход в междуэтажье, но сюда можно проникнуть и через люк, сделанный в полу жилой комнаты второго этажа. Междуэтажное помещение, кроме того, могло служить местом сна в зимнее время.

В другой зоне, горно-долинной, жилища соответствуют характеру основного занятия населения – садоводству и земледелию, которые требовали наличия в доме места, обогреваемого солнцем и защищенного от осадков для сушки и хранения фруктов и зерна. Таким местом была веранда, получившая широкое распространение. Первоначальное возникновение ее и дальнейшее распространение началось именно в горно-долинные поселениях.

Основными строительными материалами для сооружения жилищ в Аварии служат камень, дерево и глина. Однако различные природно-географические условия в разных зонах и подзонах обусловили разницу в степени использования того или другого материала. В местностях, богатых лесом (высокогорные районы и верхнее предгорье), для строительства широко используется дерево; в нижнем предгорье, где нет ни строительного камня, ни леса – саман. Наиболее широко распространенным материалом был камень.

Дома, возведенные из необработанного камня на земляном растворе с земляной крышей, казались неуютными, что дало повод некоторым писателям и наблюдателям отзываться о них не очень лестно. Е.Марков писал о жилище аварцев: «Также мрачно и сурово жилище человека, живущего в этой мрачной и суровой природе, также мрачен и суров его дух... Голые черные плиты, сваленные в кучу, заваленные землею, прилепленные к груди исполинской скалы, чуть освещаемые узкой дырою первобытного, ничем не прикрытого окна, чуть согреваемые дымом вонючего кизяка, сжигаемого прямо на камне, среди комнаты, – вот сакли лезгина, вот все удобства его домашней жизни... Ни тепла, ни света»⁹⁸. Наоборот, другие наблюдатели отмечали экономическую приспособленность жилища дагестанцев, его относительную чистоту, довольно высокое своеобразное искусство «горного домостроительства, понимая последнее в самом обширном значении, т.е. как в отношении устройства частного жилья, так и в отношении частного и общественного распорядка, обуславливаемого требованиями горной архитектуры»⁹⁹.

Дома из обтесанных камней правильной формы строили состоятельные горцы, а остальная масса свои жилища возводила из грубо околотых кусков с необработанной поверхностью. Однако наиболее древние дома, особенно башнеобразные, были сложены из камня, обработанного с одной стороны, поэтому стены с внешней стороны имеют относительно ровную поверхность. Подобным же образом построены все башни и общественные здания (мечети).

Особенно тщательно обрабатывали и обтесывали камень, предназначенный для сооружений арок. Арка выполняла большую конструктивную роль в аварском жилище, особенно в безлесных горных районах.

Перекрытие аварского жилища состояло из традиционной балки – матицы, делившей условно помещение в продольном направлении на две части. Концы балки лежали на поперечных стенах. Однако во многих жилищах балки и прогон опирались на массивные столбы, установленные у поперечных стен, тем самым облегчая нагрузку перекрытия, падающую на стены.

На центральной балке лежали поперечные балки меньших размеров, другие концы которых опирались на продольные стены, которые укладывались недалеко друг от друга, приблизительно с интервалом 0,6 – 0,8 м. На них плотно, тщательно подгоняя друг к другу настилали жерди, очищенные от коры, чтобы они дольше и лучше сохранялись. Застилали жерди сверху березовой корой, специальным хворостом, соломой и другими материалами в зависимости от условий. Засыпанная сверху землей, реже предварительно обмазанная глиной (чтобы не сыпалась земля с потолка, т.к. штукатурка потолков изнутри в Аварии не практиковалась), крыша была готова, утрамбовывали и обкатывали специальным катком, который постоянно лежит на крыше. Обычно применяют каменные катки, но в местах, бедных подходящим камнем и богатых лесом, употреблялись и деревянные катки (в селениях Цумадинского и Тляратинского районов).

Толщина слоя земли на крыше должна быть строго рассчитана, в противном случае могут быть неприятные последствия. Если насыпать слишком много земли – перекрытие может не выдержать тяжести, а если будет недостаточный слой земляного покрытия, крыша будет пропускать воду. Крыша имела плоскую форму с небольшим уклоном для стока воды. В горах крышу сверху не обмазывают глиной, как это делают в селениях нижнего предгорья. Крыши жилища аварцев предгорных селений имеют дугообразную форму, и обмазывались глиной, смешанной с соломой. На таких крышах катков нет. Крыша горского жилища требует утрамбовки катком после каждого дождя.

В конце XIX в. появилось стекло, которое позволяло увеличить размеры окон, улучшало бытовые условия жилища. Стекло, особенно цветное, выполняло и декоративные функции. Появилось и кровельное железо. Дома, покрытые железом, были практичнее и удобнее. Входят в быт железные гвозди, фабричные ручки для дверей и окон,

петли, масляные краски, цемент и т.п. Были заимствованы у русских и закавказских соседей многие инструменты и технические приемы, ранее неизвестные горцам.

Все эти изменения и улучшения коснулись в основном домов местной знати, офицерства, крупных барановодов. Новые материалы, дефицитные и очень дорогие, были недоступны широкой массе крестьян. Но зато богачи стремились употребить как можно большее количество редких материалов – железо в качестве перил балконов, разноцветное стекло для большей декоративности, фанеру, расписывали стены и потолки помещений разными масляными красками, снабжали деревянные части дома привозными скобяными изделиями и т.д.

Камень и дерево, которые были основными строительными материалами, нашли широкое распространение и в качестве декоративного элемента. Хотя резной камень и дерево и были предназначены для бытового использования, в отличие от других промыслов, товары которых шли на обмен или продажу, искусство это достигло высокого мастерства. Особенно высокого совершенства достигло искусство обработки камня в центральных районах Аварии, богатых мягким и хорошо поддающимся резьбе песчаником. В высокогорных районах, где преобладают хрупкие сланцевые породы и в нижнем предгорье, бедных вообще строительным камнем, камнерезное искусство было развито слабее, а местами отсутствовало вовсе. В предгорье как основным строительным, так и декоративным материалом являлась глина, а в лесистых районах – дерево.

Самым распространенным и древнейшим приемом, используемым для декоративного оформления внешней стороны жилища была кладка стен из обработанного, отесанного камня. Стена из обтесанного камня, тем более при наличии на ней узора (насечки, резьбы), нанесенного на гладкую поверхность, выглядит гораздо красивее и приятнее по сравнению со стеной из рваного камня.

Большую декоративную ценность представляют арки. В виде арки оформляли ворота, оконные проемы, ниши, во многих случаях только с целью украшения жилища.

Другим широко распространенным способом внешнего украшения дома было использование резного и формованного камня. Наиболее древние постройки в Аварии – боевые башни, мечети, башнеоб-

разные дома, как правило, бывали снабжены каменными блоками, особенно углы с фасадной стороны, проемы окон и дверей, на которых были вырезаны разные рисунки: кресты различных форм и вариантов, кружки, свастики, лабиринты, спирали, фигуры животных и людей, охотничьи сцены и т.п. Особенно много петроглифов встречались в старинных аварских селениях – Тидиб, Урада, Гочоб, Ругуджа и др., где сохранились древние постройки.

Дома украшали и деревом. Однако в наружном украшении дома дереву отводилось небольшое место. Элементами деревянных украшений были резьба на входных дверях, коробках, оконных переплетах и консоли карнизов разных форм, капители колонн балконов.

Резьбой украшали домашнюю утварь, диван (халабакI), центральные столбы. Характерно было оформление сюжета. Но заботясь о выразительности орнамента, его разнообразии, утрируют формы, детали принимают саму форму. Преобладают в орнаменте солярные знаки, передаваемые различными приемами: подбалке-капители придают форму двух гигантских полукругов, украшенных резьбой из нескольких концентрических колец, выполненных различным узором. Такие кольца-диски, располагаются и на стволе столба и по центрам полукружий капители и по сторонам, но в центре капители между кольцами нанесен орнамент, напоминающий форму дерева, в котором может быть рассмотрен мотив «древа жизни».

Изучение аварского жилища показало, что оно имеет тысячелетнюю историю развития. Живучесть основных черт его – материала, строительной техники, устройства перекрытия, арок, входных проемов, других элементов (дверей, очага) объясняется их природосообразностью, универсальностью конструктивных решений. В изучаемое время жилище было представлено множеством типов и форм, от одноэтажного до четырехэтажного, от однокомнатного до многокомнатного, от примитивной постройки до домов-дворцов. При своем возникновении оно было одноэтажным однокамерным, все хозяйственно-бытовые надобности семьи удовлетворяла одна комната. В своем развитии аварское жилище имело два направления: увеличение камерности-количества помещений и рост этажности. Эволюция его связана с изменением социальных и семейных отношений, экономи-

ческим и общественным развитием населения. Аварское жилище имеет много общего с жилищем других народов Дагестана, которое было обусловлено единством происхождения и исторических судеб, сходными природно-географическими условиями, схожими культурно-бытовыми потребностями.

Одежда. Основным материалом для изготовления одежды служили получаемые от животноводства шерсть, кожа, шкура. Для изготовления тканей аварцы выращивали лен и коноплю. Вместе с тем пользовались привозными тканями: дешевыми-бязью, ситцем, сатином: дорогими-шелком, парчой, атласом, бархатом.

Описание одежды народов Дагестана в письменных источниках и ее изображения свидетельствуют, что задолго до XVII в. уже сложился общий тип дагестанской горской одежды, характерный и для последующих веков¹⁰⁰. Одежда аварцев была частью одежды горских народов Кавказа.

Мужская традиционная одежда аварцев типовым разнообразием не отличалась, элементы ее, за исключением некоторых несущественных локальных отличий, были общими для всех обществ и групп. Одежда мужская, судя по описаниям в литературе, была однотипна на всей территории Дагестана и имела много общего с одеждой народов Кавказа. В основных своих чертах народный костюм дагестанцев был сходен с костюмом других народов Кавказа, что свидетельствует о формировании «кавказского костюма», в условиях многовековых, тесных культурно-экономических связей всех этих народов.

Нательную одежду мужчин составляли длинная туникообразная рубаха и штаны. Шили нательную одежду из тканей домашнего изготовления (суконных, конопляных), позднее из покупных тканей фабричного и кустарного производства (ластик, бязь, ситец, сатин). Цвет не имел значения, но в основном предпочитали темные тона. Кроме тканевых были известны и другие варианты изготовления нательной одежды из стриженной овчины шерстью вовнутрь и вязаные из тонкой шерстяной пряжи. Иногда рубашку и штаны вязали в одно целое, наподобие современного комбинезона.

Нательная рубаха имела односложный покрой: прямое полотнище длиной 2,5 м складывали вдвое (т.о. отпадала необходимость плечевых швов), с обоих боков пришивались клинья (для расширения

нижней части рубахи), рукава втачивались прямые (длина до кисти руки), между рукавом и рубахой вшивались ромбовидные кусочки ткани ластовицы; рубашки имели воротник-стойку и неглубокий разрез по середине груди. Иногда, для прочности, с изнаночной стороны рубахи, по верхней части спинки, по груди, по рукавам в качестве подкладки нашивали кусок ткани.

Покрой *штанов* был прост. Кусок ткани, отрезанный для каждой штанины, складывали вдвое, затем часть ткани срезали таким образом, чтобы штанина сужалась книзу. Обе штанины спереди и сзади соединялись ромбовидными или трапециевидными вставками. Вверху штаны втягивались на вздержке. Шнуры для вздержки делали из хлопчатобумажной, чаще шерстяной пряжи. Со временем штаны стали элементом верхней одежды. Некоторое время покроем верхних и нижних штанов ничем не отличался. Со временем верхние штаны стали шить из более добротных фабричных тканей или хорошего сукна, в самом покрое исчезают такие элементы как клинья, вздержки, появляется спереди ширинка, застегивающаяся на пуговицы.

Как уже упоминалось, были известны среди аварцев, особенно Чародинского и Тлярятинского района, овчинные штаны. Широкого распространения не имели, и были особенно популярны среди чабанов. По покрою они не отличались от обычных традиционных штанов.

Одним из основных элементов верхней одежды считался *бешмет* (*гужгат*), одевавшийся поверх рубахи. Бешметы являлись повседневной одеждой для большей части мужчин, носили их зимой и летом. Под зимние бешметы нередко подстегивалась вата. Шили их из различных тканей (одного тона), в зависимости от его предназначения (праздничный) и возможностей владельца.

Бешмет обязательно предполагал подклад (ситец, бязь, сатин) и имел своеобразный покроем: лиф, передние полы и спина цельные; боковые швы лифа немного переходили на спинку, образуя так называемый сюртучный покроем. У талии спинка подрезана и только по середине кусок материи (из которого кроется спинка) шириной 14–15 см оставался цельным, вниз от талии он постепенно расширяется и образует клин. Боковины вставные. Сзади вниз от талии вшиты четыре клина, по два с каждой стороны, расширяющиеся книзу и образую-

щие фалды. Спереди (внизу) к полам также пришиты клинья (ширина каждого у основания 10–15 см), благодаря чему образуется небольшой запах.

Рукава бешмета вшивные, длинные (57 см), ширина в пройме 25 см, у кисти – 13 см. «Гужгат» имел один или несколько карманов. Обычным был один карман, прорезанный на правом боку по долевой линии, длиной 13–15 см, на расстоянии 3 см от талии. Имелись и такие карманы, как нашивные (и внутренние) на обеих сторонах груди.

Если бешмет одевали без черкески, его носили обязательно подпоясанным, с кинжалом.

Другим видом верхней одежды была *черкеска* («чуха»), которую носили поверх бешмета. Она представляла собой более парадный вид одежды, носимой на выход. Шили черкески из сукон местного производства (сс. Карата, Ботлих, Согратль, Ругельда, Хаджалмахи, Акуша), а также из дорогих сукон фабричного производства (так называемых гвардейских). Особенно ценились черкески белого цвета из верблюжьей шерсти. Обычно преобладали цвета черного, коричневого, темно-синего цветов. На одну черкеску шло 4–6 м сукна. Кроили и шили черкески лишь мастерицы-специалисты, поскольку изготовление их требовало особых навыков и мастерства.

По покрою черкеска была сходна с бешметом. Основа (передняя часть, полы, средняя часть спинки) цельнокроеная, боковые швы лифа также смещались назад, совпадая со швами нижней части – таким образом и здесь сохранился принцип так называемого сюртучного покроя. В отличие от бешмета черкеска имела более широкие полы; это достигалось за счет вставных трапециевидных и треугольных клиньев по бокам и на полах спереди. Рукава втачные, длинные (закрывающие кисть руки), непременно на подкладке из однотонной ткани, обычно яркой – низ рукава всегда отворачивался. Нередко всю черкеску сажали на подклад.

На груди делали открытый треугольной формы вырез, у наиболее изящных черкесок его глубина доходила почти до пояса. Ниже, до линии талии, она застегивалась на несколько узелковых пуговиц и петелек из тесьмы, либо на потайную застежку из металлических крючков. Они нашивались на планку из того же сукна, которая за-

крывала собой нижнюю одежду. В этом случае узелковые пуговицы сохранялись только в декоративном значении.

По обеим сторонам на груди нашивались своеобразные карманы – газырницы. Газырницы пришивались с небольшим наклоном, от груди к подмышке. На каждой стороне имелось 8–10 гнезд. Со временем необходимость хранить порох и иметь его при себе постепенно отпадает, и газырницы выполняют только эстетическую, декоративную функцию. Головки вкладышей-газырей выполняют из серебра, с позолотой, из слоновой кости, с инкрустациями.

Так как черкеска не являлась повседневной одеждой, она отличалась более тщательной и искусной отделкой – полы черкески, ее вырез, рукава, боковые разрезы обшивались тесьмой золотого или серебряного шитья, галунами. Каждый шов прошивался два раза – с изнанки и с лицевой стороны.

Приведем описание черкески, хранящейся в Государственном Музее Этнографии в г. Санкт-Петербурге. «Дагестан. Аварцы. Сундук № 50, коллекция 14158. Черкеска-одежда мужская, суконная, синего цвета, на серой шелковой подкладке. Покрой прилегающий, без воротника. Спереди разрез. Полы и спинка цельные донизу, застегивающийся у талии на пять маленьких пуговиц-узелков. Верх спинки выкроен по фигуре: от пояса спинка образует клин, сильно расширяющийся книзу, между двумя вставками. Бока отрезные. Рукав вшивной, длинный, широкий. На груди карман для газырей, из замши. Низ карманов из красного сафьяна. Под этими карманами прорезаны внутренние карманы. Ворот, полы, подол, рукава и карманы обшиты тесьмой из серебристых нитей. На боковые швы нашита такая тесьма виде карманов. Длина–117 см, длина до талии–51 см, ширина спины–55 см, длина рукавов–64,5 см».

Черкеску обязательно перетягивал ременной наборный пояс, спереди к нему всегда привязывался кинжал. Практически эти два элемента составляли основное украшение мужчины. Помимо кинжала, к поясу нередко представители военно-служилой знати, прикрепляли шашку и пистолет в кобуре. Причем верх кобуры обычно был расшит золотыми и серебряными нитями. *Кинжал* и *шашку* прикрепляли слева, а *пистолет* – справа. Сам *наборный ременной пояс* представлял собой узкую полоску кожи с накладными пластинами –

медными, серебряными, позолоченными, и обязательно богатой и тонкой работы, и такими же подвесками. Впереди находилась пряжка.

Черкеска была дорогой одеждой – она требовала много средств, поэтому ее справляли даже состоятельные семьи не всегда, обычно к совершеннолетию сына.

Зимняя одежда – важная составная часть гардероба горца, по материалу изготовления и по покрою имела свои разновидности. Самая распространенная была представлена *овчинной шубой*, которая в свою очередь имела по покрою свои виды: *короткая шуба с рукавами* и *длинная шуба-накидка*.

Шубы с рукавами шили по типу бешмета – в талию, цельнокроенными в основе, отрезными по бокам, либо целиком по талии, к низу расклешенные. Прямые вшитые рукава обычной длины, до кисти руки. Воротник небольшой, шалевый. Шуба не имела застежек, обычно ее запахивали и подпоясывали ремнем. Украшений шуба не имела, но ей пытались придавать нарядный вид иногда оторачивая полы и рукава более лучшим мехом.

Шили шубы из овчины, ее выделка была трудным делом – этим занимались не только мужчины, но и женщины (в обязанности которых входила сыромятная обработка кожи), которые затем их кроили и шили (на пошив такой шубы шло 7–8 овчин). Шили шубу с рукавами и не очень длинными, иногда их делали даже выше колен. Такие шубы обычно носили зимой во время различных работ, или в дорогу. Обычно шубы выкрашивали в черные или коричневые цвета. Они изнашивались быстрее и их справляли чаще, чем шубу другого фасона – *длинные шубы накидки*.

Эти шубы в свою очередь, были представлены двумя разновидностями:

- *шуба-накидка без рукавов*;
- *шуба-накидка с длинными ложными рукавами*.

Шуба-накидка без рукавов по своему покрою напоминала наплечную бурку – она шилась цельнокроеной и с такими же большими плечами, расширяющейся к низу. Застежек она не имела. Обычно ее запахивали и придерживали руками. Шуба была очень длинной, почти до пят – на ее пошив уходило до 10–15 овчин. Особое своеобразие

шубе-накидке придавал ее воротник – откидной, опускающийся по спине до талии. Только на один этот воротник уходило в среднем 3–4 овчины, и шили его из овчины с длинным завитым ворсом, непременно мехом наружу. Обычно такие тяжелые и неуклюжие шубы носили старики, хотя возрастные ограничения не имелись. Эти шубы дома выполняли функции постельной принадлежности.

Шуба-накидка с ложными рукавами встречалась и у других народов Дагестана, лишь с небольшой разницей в некоторых деталях покроя. В отличие от шубы-накидки без рукавов, она не имела такого огромного откидного воротника – обычно это был шалевый воротник из овчины с длинным завитым мехом. Примечательностью такой шубы являлись ее рукава – ложные рукава, широкие в пройме, и постепенно суживающиеся (до шир. 3–4 см) на конце, длинные (до длины самой шубы), абсолютно лишённые своей первичной утилитарной функции. Иногда они использовались как карманы для мелких вещей. Воротник и полы шубы отделялись более лучшим мехом, на ее пошив в целом шла овчина разного качества.

Помимо тяжелых шуб-накидок и рабочих шуб, из овчины изготавливали еще одну разновидность верхней зимней мужской одежды – *меховую безрукавку*. Безрукавки делали с прямым разрезом спереди, с плотно облегающим лифом, с пуговицами-застежками из тонких полосок кожи. Вырез горловины обычно обшивали кожей или плотной тканью. Носили безрукавку в основном старики и дети.

Верхней одеждой мужчин, особенно всадников, чабанов, служила *бурка общекавказского типа*. Ею широко пользовались, независимо от времени года. Помимо защиты от холода и дождя, она выполняла функции своеобразной палатки, непромокаемой и теплой постели для путников. Известны были бурки двух видов: без начеса и с начесом. Последние считались нарядными и имели хождение у состоятельных всадников. Особенно славились андийские бурки. По покрою различались два вида бурок: колоколовидные и трапециевидные, последние имели широкие плечевые выступы и имели подкладку, обычно из бязи. Бурка застегивалась у горловины на пуговицу. У нарядных бурок вырез горловины и борта до пояса отделялись сафьяном, позументом или шнуром. Наиболее нарядными считались белые андийские бурки.

Пастухи и чабаны пользовались более дешевыми *войлочными накидками*. Она состояла из цельноваленых кусков войлока, образующих спинку и передние детали накидки. У накидки имелись прямые, длинные рукава. Без застежек, на шнурках.

Основным головным убором являлась *овчинная папаха*. По форме она имела несколько разновидностей: папаха в форме усеченного конуса, с плоским дном, низкие цилиндрические с суконным верхом. Широко бытовавшим видом была мохнатая овчинная островерхая папаха конусообразной формы.

Шили папахи из шкурки местных овец, на теплом стеганном подкладе.

Привозные, дорогие папахи шили из черного, коричневого или серого каракуля. Особенно ценился каракуль «антик».

Особую разновидность головного убора – ночные шапочки носили только старики. Это своеобразный ночной колпак, носимый мехом вовнутрь. Надевали его только ночью, или дома. Иногда ночные шапочки шили из ткани, простеганной на вате или шерсти.

Распространение имел своеобразный головной убор «*башлык*», представляющий собой капюшон с остроконечным верхом и с длинными широкими краями с двух сторон для завязывания у шеи. Шили их из сукна разных цветов. Нарядные – из белого сукна. Нарядные башлыки украшались мастерицами изысканной отделкой. К макушке непременно пришивали кисточки из золотых или шелковых нитей. Башлык носили с черкесской. Летом на солнце, когда работали в поле, надевали *войлочные шляпы* – «буртин тIагъур» с широкими полями. Их делали в некоторых аварских селениях и продавали на базарах.

Мужскую обувь по материалу изготовления можно разделить на четыре группы: кожаная, из войлока, вязаная и деревянная.

Мужская кожаная обувь встречалась нескольких типов: мачуял «махIцал», «тIомохьитал», «чакмаби» – сапоги на каблуках.

МахIцал (чувяки) шили из одного куска кожи (сафьяна), сложенного вдвое. Сложенный кусок имел в профиль форму ноги до щиколотки. Шов сверху проходил от носка по подъему к щиколотке, а сзади – от пятки до конца. Чтобы удобно было одевать, к краю пришивали полоску кожи. Эту мягкую обувь носили дома, на улице в них одних не выходили.

Другой вид чувяк шили из двух кусков кожи со швом вдоль всей стопы.

В андалалском обществе чувяки были низкими, край доходил до середины подъема ноги и имели вид калош. Скроенный полукольцом кусок сафьяна сшивали сзади, потом к нему пришивали плотную кожаную подошву (из выделанной шкуры быка, буйвола). Шили на кожаной же подкладке, но худшего качества.

В конце XIX в. чувяки с подошвой стали выше (глубокими) и стали носить с голенищами, которые шились в виде трубы и прикреплялись к чувякам с помощью двух застежек из кожи (продолговатые пуговицы на чувяках, а петли на голенищах).

Когда такие чувяки стали пришивать к голенищам – они превратились в мягкие сапоги. Были сапоги и со швом вдоль всей стопы и без толстой подошвы. При выходе на улицу сверх последних надевали другую обувь на твердой подошве из специально обработанной шкуры быка. В ненастную погоду, в грязь на такую обувь надевали деревянные башмаки – колодки с переплетенными (нередко просто натянутыми) сверху кожаными ремнями, позднее калоши.

Были знакомы аварцам и кожаные сапоги на подкладке с задником и носочной прокладкой, с твердыми подстельками и толстой подошвой. Обязательным элементом их был каблук.

Распространенным видом была обувь, называемая чабанской или «сыромятной обувью» – «Томохьитал». Шили из единого куска кожи, сложенного вдвое, без подкладки и подошвы с небольшим загнутым сверху носком. Прошиты от носка до щиколотки и сзади от пятки почти до края. Завязывались они у верхнего края у щиколоток кожаными веревками. Носили их на голую ногу, предварительно в них укладывая особым образом специальную траву (хьин, «талма», растущую пучком в скалистых местах, тоненькая, мягкая, но чрезвычайно крепкая, главное ее качество – не крошится), а потом засовывали ногу. Этому опытные чабаны учили молодых.

В высокогорных селениях Тляратинского района носили шерстяную вязаную обувь – сапоги. В них могут ходить и дома и на улице, зимой и летом. Сапоги связаны цветными нитками, узор пестрый, носок острый, загнутый сверху, подошва плотная и толстая (вязаная), голенища высокие и плотно облегли икры ног.

В зимнее время носили войлочные сапоги, которые по форме различались по обществам, даже по селениям. Сапог состоял из трех частей: подошвы (из нескольких слоев войлока, простеганных прочными толстыми шерстяными нитками), «ноги» и голенища, сшитых вместе.

Женская одежда аварцев отличалась большим разнообразием, почти каждое общество имело свои специфические особенности. Одежда была по существу этническим признаком, различительным элементом. По способу ношения платка и платья, по форме и расцветке, по виду шубы, обуви и украшения, особенно по головному убору, аварцы определяли из какого общества, из какого селения женщина¹⁰¹.

Одежда женщины менялась с переходом из одной возрастной группы в другую. Девушка надевала платье из цветной ткани (желтый, зеленый, бордовый), женщины старшего возраста предпочитали носить одежду однотонную и темных цветов. Также различались цветом пояса, повязываемые вокруг талии. Поясные повязки (шириной в ширину материала и длиной около 3 м), закрученные в жгут, выполняли несколько функций. Их носили в основном в южной Аварии.

Нательная рубашка имела туникообразный покрой, она состояла из полотнища, сложенного вдвое. Для расширения книзу по бокам, сзади и спереди вшивались клинья. Рукава прямые, втачные, соединенные при помощи ластовиц. Лиф платья предусматривал подклад. Ворот рубашки, с вертикальным разрезом украшался узорной строчкой или вышивкой, украшали так же грудь и манжеты рубашки.

Женщины одевали две рубашки: нижнюю короткую, и верхнюю более длинную. Покрой верхних рубашек был таким же, как и у нижних, только шились они из более дорогих тканей. Нижние шили из ситца, сатина, бязи.

В некоторых обществах (Койсубулинское, Андалалское) платья шились длинными, закрывающими ноги, и широкими из темных тканей. Его носили подоткнутым с боков у бедер за вздержку штанов. Такая форма ношения практиковалась и у соседей андалалцев – лачек – вицхинок.

В своем историческом труде Абдурахман из Газикумуха пишет (в середине XIX в.), что в селении Инхо (Гумбетовское общество)

«платья у женщин частью из шерсти, частью из ткани фабричного производства. Встречается одежда из кожи ягнят или овец»¹⁰². Будучи в селении Орота (общество Хиндалал) отмечает: «женщины надевают короткие рубахи до колен и широкие шаровары и короткие кафтаны. Подвязываются матерчатым кушаком»¹⁰³.

Нередко платье-рубаха, называемое почти во всех обществах Аварии «горде»¹⁰⁴, выполняла одновременно функции верхней и нижней одежды. Имелась и другая форма нательного платья – рубахи на кокетке и со вшивными рукавами. Они имели распространение в таких селах как Гуниб, Чох, Согратль, Ругуджа и назывались «кунта». Шили их из более тонких тканей – батиста, сатина и т. д.

Под рубашку надевали *штаны*. Их шили из сатина, бязи, ситца и обязательно на подкладке. Покрой штанов во всех аварских районах мало чем отличался друг от друга. Две прямые штанины соединялись с помощью ластовицы, удерживались штанины на вздернутом шнурке, на бедрах. Низ штанов украшали разнообразной отделкой.

Верхней одеждой аварских женщин являлись платья «кунта» (они носили более повседневный характер), праздничное платье «хабалай», «гужгат», безрукавка и *шуба*.

Платье «кунта» шилось отрезное в талии, но по покрою имело несколько разновидностей. Платье отрезное в талии, имело плечевые швы и втачные длинные рукава, собранные у плеча и суживающиеся к низу. Ворот выделялся невысокой стойкой. Лиф платья, посаженный на подклад, плотно облегал фигуру и имел вырез, прикрытый нагрудником из того же материала, что и само платье. Нагрудник пристроен внутренним швом и имел тайную застежку. Юбка присобиралась от центра в широкие, свободно падающие складки, а сзади у талии присборена в мелкие складочки.

С целью придать нарядный вид повседневному платью его украшали. Обычно украшали ворот, грудь, подол. В тлейсерухских и карахских селениях подол платья (кунта) украшали с изнанки: пришивали разноцветные шелковые полоски, материал яркого цвета. Это делалось потому, что подол часто выворачивали и затыкали за поясную повязку и таким образом нарядная часть платья становилась видной.

Нарядные платья богато отделывали вышивкой золотой и серебряной нитью по краю юбки, подолу, весь нагрудник и низ рукавов.

Имелись и другие варианты платья-кунта, но наиболее распространенным в Центральной Аварии было *платье-гужгат*.

Отрезное в талии, его примечательностью были двойные вшивные рукава – внутренний и наружный. Наружный рукав был очень широким и никакой практической роли не играл. Лиф плотно облегал фигуру, юбка присобиралась на большие встречные складки. Вырез на груди достигал почти до талии. У пояса платье застегивалось на несколько потайных крючков. Для такого платья предполагался отдельный нагрудник с небольшим воротником-стойкой. Нагрудник, как и наружные ложные рукава украшали вышивкой, кружевами и т. д. Платье-кунта обязательно носили с металлическим (серебряным и др.) поясом.

По покрою к платью-гужгат было близко парадное *платье «хабалай»*, которое выделялось прежде всего богатством материала и украшений.

Хабалай надевали поверх платья-рубахи «кунта». Спереди платье хабалай распашное, застегивалось крючками. Юбка из 9–12 клиньев, сзади у талии присборивалось на множество мелких складок. Прямые рукава вшивались в прямую пройму. Они откидные, с разрезом начинающая выше локтя и вниз по шву. Он демонстрировал широкий рукав нижнего платья-рубахи. Шили «хабалай» из дорогих (парчовых) тканей, на него уходило до 10–12 м ткани. Встречались хабалаи как с двойными рукавами (внутренними и наружными), так и без внутренних, только лишь с наружными. Края ворота, рукавов, разрезы на груди украшались галунной тесьмой, позументами, вышивкой золотом и серебром. Хабалай непременно носили с широким серебряным поясом.

О нарядной одежде молодой аварки Г.А. Сергеева пишет:

«Праздничная одежда девушки их селения Чох состояла из платья туникообразного покроя, прямых и длинных штанов, чухту, сшитые из шелка и бархата. Чухту часто вышивали золотыми нитками, а низ мешочка заканчивали золотой бахромой. Интересной деталью головного убора была шелковая полотенеобразная повязка, надевавшаяся поверх чухты. На эту повязку набрасывали еще шелковый

платок, скрывавший лицо невесты. Обувью невесте служили туфли из цветного сафьяна на высоком каблуке без задников, расшитые золотом. Костюм невесты дополняли украшения-браслеты и серьги»¹⁰⁵.

Зимой поверх одежды носили *шубы*, которые по покрою выделялись двух видов: *шуба «тлмугъ»*, которую носили внакидку, с ложными рукавами и *шубу «хабарча»*, которую надевали вдевая в рукава. Шубы-накидки с длинными ложными рукавами кроили по образцу мужских – широкие, с длинными ложными рукавами, с широкой меховой оторочкой от ворота до подола и шалевым воротником мехом наружу. В с. Ругуджа плечевая шуба-накидка имела несколько отличный от других вид: она имела маленькие рудиментарные рукава и была покороче.

Шубы особенно не украшались. У женщин Андалала иногда на спине шуб делались нашивки, покрытые вышивкой золотой, серебряной канителью или цветными нитками со стилизованным растительным орнаментом.

Шубы-накидки не имели застежек – такие шубы носили с запахом, придерживая руками, в них просто кутались в холодную погоду.

В каждом селении были мастерицы, которые умели их шить и принимали заказы.

Другой вид шубы называли «хабарча». Шубы эти шились в талию, сзади отрезными, а спереди цельнокроеными клиньями, лиф облегающий, а от пояса к низу расширяющийся фалдами – этого достигали за счет вставленных спереди двух клиньев и рядом складок на спине шубы.

Рукава узкие, втачные, по длине руки или чуть ниже локтя. Застегивалась шуба у пояса на трех крючках. В целом, их покрой был сходен с покроем мужского бешмета.

Из верхней теплой одежды у женщин имелись в употреблении *безрукавки типа жилета*, они были очень широко распространены. Их шили из ткани, стеганные на вате, шерсти, или из обработанных овечьих шкур. Носили эту одежду женщины всех возрастов.

Обувь аварских женщин отличалась заметным разнообразием, как по материалу изготовления, так и по фасону. Самой простой, недорогой и повседневной обувью женщин были кожаные «*чувяки*» с мягкой подошвой. Два куска обработанной кожи с острым носком

соединяли одним швом посередине ступни. Носили их на шерстяные чулки, которые женщины вязали сами. Другая разновидность чувяк тоже повседневная – с пришитой подошвой.

Наиболее нарядной обувью считались *башмаки на каблуках и сапожки* тоже на каблуках, из хорошо отделанной кожи.

Туфли-башмаки имели толстую кожаную подошву, без задника, с острым, немного загнутым носком, на небольшом каблуке, подбитом железной подковкой и четырьмя шипами. Верх шили из сукна, парчовых тканей, украшали золотой вышивкой, что придавало им особенно нарядный вид.

Шили обувь в основном местные мастера, которые имелись практически в каждом селении, но встречались и привозные, особенно это касалось дорогой обуви.

Большое распространение имела *легкая кожаная обувь*, она шилась наподобие полуботинок.

Более простым покроем и дешевым качеством материала отличалась обувь, которую носили в грязь, или на работу. Это *деревянные башмаки «цулал хьитал» и чарыки «тлмохьитал»* из сыромятной кожи. Башмаки представляли собой деревянные колодки с рядом переплетающихся кожаных ремешков, либо в виде просто башмаков, без задников, с верхом из грубой ткани.

Чарыки шили без подкладки и без подошвы. Они имели слегка загнутый сверху носок, носили их на шерстяной носок. Такая обувь для изготовления не требовала специальных знаний, и их мастерили почти в каждой семье.

Зимнюю обувь шили из войлока. По форме они напоминали *сапоги с загнутым носком*. Шили их из качественного плотного войлока, нарядные – из белого; голенища отличались нарядной и яркой отделкой. Нижняя часть сапога – «нога» обшивалась плотной темной тканью или кожей.

Головной убор «чухтло», «чохтло», несмотря на свое разнообразие по форме – почти каждое общество имело только ему присущие головные уборы, по своему содержанию состоял из двух основных элементов: чепца, надеваемого непосредственно на голову, и соединенного с ним длинного мешочка для кос. Самая распространенная форма – полотнищеобразная, в основном бытовала в Хунзахском, Гу-

нибском, Гергебильском, Казбековском районах. Обычно чохтЮ состояло из трех кусков ткани: чепец и изнаночную часть мешка шили из ситца, лицевую часть мешка – из тонкой шерстяной ткани с ярким рисунком. Чепец шили на подкладке, обычно из бязи. Низ мешка нередко зашивался наглухо, а в его подкладку, в нижней части, по горизонтали вшивали плотный кусок ткани для того, чтобы чухтЮ спускалась по спине хорошо расправленной полосой. На лобную часть, которая выглядывала из-под головного платка, для украшения нашивался прямоугольный кусок тафты. По бокам края мешка украшались узкой золотой тесьмой. Низ мешка украшался богаче – бахромой, кружевами, нередко нашивались подвески, монеты на цепочках, бусины. Об одном виде головного убора женщины из общества Карах Г.А. Сергеева пишет:

«В женском национальном костюме жительниц Гочоба особенно примечательна чухта, состоящая из короткого чепца, сшитого из материала, и прикрепленного к нему длинного куска кожи. К чепцу из красной материи был прикреплен кожаный подбородочный ремешок, украшенный в центре серебряной монетой. Кожаная часть чухты ярко-красного цвета спускалась сзади чуть ниже пояса, причем вверху, на затылке (начиная от шеи и выше), она была раздвоена и два свободных конца ее прикреплялись к чепцу на висках. Чухту украшали серебряные височные кольца, большая брошь, прикрепленная сзади, и четыре ряда цепочек с подвешенными к ним (на кожаном основании) набором серебряных монет и подвесок удлиненной формы»¹⁰⁶.

Приведем описание двух головных уборов, хранящихся в музее этнографии. Один из селения Чорода (современный Тляратинский район), инвентарь 1408-2. «Чохтур-женский головной убор; налобная часть-полоска шириною 2,5 см составлена из узких полосок разноцветного канауса, украшена легкой вышивкой красной, белой и черной шелковой нитью и унизана бисеринками красного и молочного цвета; боковые полоски, из красной бумажной ткани, усажены посредине плоскими перламутровыми пуговками; у нижнего края, на висках, вынизана бахрома из разноцветного бисера с серебряными монетами и шариками на концах; сзади полоска скреплена; к концам пришиты мягкие ремешки шириной 2 см, длиной 103 см».

Второй убор из селения Чох (современный Гунибский район), сундук 175, инвентарь 2262-20. «Чохтур-женский головной убор, состоящий из треугольника, надеваемого на голову с широкой и длинной полосой-лентой, свободно опускающейся на спину до ног: верхняя часть из темно-красного кашемира с особым пришитым сверху шелковым налобником пурпурного цвета, а нижняя часть, т. е. лента, из розовой шелковой материи; подкладка верхней части из белого ситца, нижней-из шелка с рисунком; нижняя половина ленты украшена вышивкой золотой и серебряной нитью; длина чохтур 157 см, ширина ленты 42 см.»

В обществе Анцосо чухто (думча) представляет собой чепчик, спереди сплошь покрытый мелкими серебряными бляхами.

Встречались и другие варианты чухтЮ. Особенным отличием гидатлинских чохтЮ являлись филигранные круглые височные бляхи «КилкIал», которые пришивались к чохтЮ на висках.

Поверх чохтЮ надевался другой головной убор – покрывало «мучIу». Его делали как из тонких и доступных всем тканей – батиста, ситца, сатина, так и тяжелых парчовых – преимущественно из темного дарая. На одно мучIу шло до 3–5 м ткани. Своеобразным было и его ношение: им так окутывали голову, обрамляя вкруговую лицо и оно ниспадало широкими краями по фигуре. Но и на этом головной убор не являлся законченным. Поверх мучIу надевали разнообразные дорогие *платки-покрывала*. Привозные парчовые и шелковые платки были доступны не всем. Широкое распространение имели платки ручной работы. Женщины Чоха, Хунзаха, Гергебиля расшивали края или один верхний угол золотыми или серебряными нитями, по краю нашивалась золотая бахрома. В узоре вышивок преобладали цветы, трилистники, и веточки с сидящими на них птицами. Покрывала предпочитали темных тонов.

Украшения занимали важное место в традиционном костюме женщины-горянки, как в праздничной, так и в повседневной одежде.

По способу изготовления или места приобретения их можно выделить в две большие группы: привозные или изготавливаемые в регионе. Ювелиры имелись во многих аварских селениях, особенно были известны работы мастеров из Ругуджи, Чоха, Гочатля, Гамсутля и т. д. Обычно мастера принимали заказы, лишь изредка выполняя про-

дукцию для реализации за пределами края. Эти изделия имели более узкий, местный спрос, и отражали локальные особенности женских украшений. Привозные же украшения были представлены работами кубачинских, лакских и др. мастеров.

Обычно украшения изготавливали из серебра, с позолотой, с чернью, с драгоценными камнями и филигранью. Дорогие украшения, которые могла иметь лишь состоятельная семья, бережно хранились и передавались из поколения в поколение как фамильная драгоценность. Но в основном, в повседневной одежде пользовались простыми, дешевыми украшениями. Тем более, что некоторые разновидности украшений в женском костюме имели практическую значимость и являлись ее необходимым элементом.

Украшения входили в жизнь женщины-аварки с детских лет. Возрастные различия в их ношении заключались главным образом в том, что у пожилых женщин их число несколько сокращалось.

Состав женских украшений отличался большим разнообразием. При их систематизации по назначению и способу ношения, условно можно разбить на ряд больших групп: головные, шейные, нагрудные, наспинные, поясные, украшения для ушей, рук.

Без головных украшений не обходился ни один женский костюм нагорной Аварии. Налобное украшение представлено различными серебряными цепочками, пришиваемыми к налобной кромке чухты. Ее свободные концы образовывали у висков полукружья в виде серег, либо в виде ожерелья огибали подбородок. Такое украшение относилось к разряду будничных, но особенно они выделялись, по своей массивности и рисунку плетения, у гергебильских женщин. Такую цепочку называли «рахмас».

Для украшения теменной части чухты кроме цепочки использовались наборы серебряных монет разной величины, нашиваемые в несколько рядов на головной убор; иногда вместо монет нашивались всевозможные бусины в определенном сочетании с серебряными бляхами или монетами.

У аварок Гидатлинского общества имелись специальные надлобные теменные украшения – серебряные пластинки, которые нашивались на свадебную чухту по обе стороны от бляхи. Сама пластинка покрывалась изображениями животных, птиц, растительным орнаментом.

Налобно-теменные украшения не только нашивались, но и были носимые отдельно – поверх платка, чухты или головного покрывала. В наряде девушек-невест Гергебиля такое украшение было обязательным и представляло собой треугольную пластину с подвесками и боковыми цепочками. Носили его под платок.

Наиболее примечательными из ряда налобно-теменных украшений являются украшения «марггал», которые входили в свадебный наряд невесты с Ругуджа. В основу этого богатого и сложного в конструктивном отношении головного украшения входил прямоугольный кусок ткани (обычно яркий, на подкладке), на котором составляли узор из трех- пяти треугольников, вышитых мелким жемчугом. Все остальное поле заполняли нашитыми различными бляхами, подвесками, монетами, цветными камнями. По бокам, с обеих сторон «марггала», подвешивались традиционные навески «куцал», которые ниспадали на плечи и грудь женщины. Центральная навеска чуть длиннее боковых и состояла из цепных соединений, имеющих серебряные бляхи с эмалью, филигранью, монеты и мелкие цепочки. Боковые подвески «чувал» состояли из других серебряных блях, украшенных гравировкой и сетью сложных цепочек.

«Марггал» надевали на головное покрывало «мучIу», поверх которого набрасывался платок. «Марггал» в костюме невесты имел большое ритуальное значение.

Из височных украшений для аварского общества Гидатль характерны круглые серебряные бляхи «киликIал» (диаметром 4–6 см), отделанные накладной филигранью, которые пришивались на височную часть мешкообразной чухты.

К головным украшениям можно присовокупить специальные украшения для кос – накосные. Они представляли собой род сплетенных шелковых шнурков (длиной до 25 см), заканчивающихся кистью из золотой нити. Шнурки украшались бусинками, серебряными трубочками и цепочками, подвесками. Эти украшения встречались у женщин обществ Гидатля, Андалала, и служили не столько украшением, сколько оберегом.

Шейные украшения были очень широко распространены, и разнообразны. Украшения в виде цепочек носили с подвесками или без них. Подвески дополнялись серьгой и украшались накладной фили-

гранью, зернью, полудрагоценными камнями. Некоторые подвески, полые изнутри, служили как бы футлярами для, обычно очень распространенных у женщин, оберегов.

Бусы «маххал» (сердоликовые, коралловые, янтарные, металлические) носили практически постоянно.

Ожерелья, которые также назывались «маххал», представляли собой длинные цепочки или нити бус, к которым цеплялись различные монеты, бусины, серебряные бляшки и подвески.

Из нагрудных украшений большим разнообразием отличались застежки и украшения, нашиваемые у ворота платья-рубашки.

Как специальные нагрудные украшения использовались монеты, бляхи, подвески, цепочки в самых разнообразных сочетаниях. Бляхи и подвески располагались на груди, монеты нашивали у ворота рубашки. Украшения были отделаны черновым растительным орнаментом, филигранью, вставками из цветных камней. Зачастую некоторые подвески, особенно полые – литые фигурки птиц, пластины с изображениями рук, т.д. являлись не столько украшениями, сколько оберегом, особенно у девушек-невест и детей, которые, как считали родители, нуждались в защите от «дурного глаза». Большой ряд нагрудных нашивных украшений представлен особыми застежками на груди и талии, которые носили с платьями типа «хабалай». Эти украшения отличались более тонкой ювелирной работой и богатой отделкой – «хабалай» был праздничной и очень дорогой одеждой: застежки делали из серебра с чернью, с позолотой, инкрустациями.

Известны нагрудные украшения, которые не нашивались к одежде, а носили поверх нее. Они имелись двух видов: металлические целиком и с основой из ткани. Первые представляли собой соединение в одно целое ряда украшений: пластин, подвесок, блях, цепочек, монет и т.д. Особым богатством и разнообразием деталей выделялось свадебное нагрудное украшение ругуджинок «куцал». Длина «куцал» – 50–70 см, ширина 20 – 30 см. Он состоял из плоских блях, цепочек, монет, подвесок, соединенных между собой и держался на шее с помощью цепочки.

Тканевые нагрудные украшения образовывали кусок ткани квадратной, прямоугольной, полуовальной формы с нашитыми на него

рядом монет в сочетании с различными бусинами, бляхами, цепочками.

Среди нагрудных украшений имелись такие, в которых совершенно отсутствовали металлические детали. Они целиком состояли из ткани, богато отделанные вышивкой из золотых и серебряных нитей. По краю их отделывали серебряным шнуром. Орнамент вышивки обычно растительный.

Некоторые украшения использовались и как наспинные. Наспинные подвески, из ткани или из серебра, украшенные растительным орнаментом и строчками из Корана использовались как обереги, в основном в детской и свадебной одежде.

Характерными поясными украшениями были пояса широкие и узкие кожаные с металлическими украшениями, из ткани или галуна с пряжкой, и сплошь металлические.

Некоторые нагрудные украшения, в частности подвески «куц», использовали в свадебном наряде и как поясное украшение (с. Ругуджа, с. Гергебиль).

Металлические, т.е. серебряные пояса носили с хабалай и кунта. Серьги, кольца, браслеты играли самостоятельную роль, являясь украшением для рук и ушей.

Серьги носили постоянно, изготавливали их из серебра и серебра с позолотой. Несмотря на то, что во многих селениях имелись свои мастера-ювелиры, серьги не отличались большим разнообразием. Наиболее распространены были серьги с подвесками. Серьги с подвесками представляли из себя серебряное кольцо, которые различались диаметром и декором. Верхняя часть его служила дужкой и вдевалась в мочку уха; к нижней части, внутри кольца, помещалась фигурка птички или звездочка, а с наружной стороны припаивались подвески – пять-семь пар длинных цепочек, которые на конце имели либо полые шарики, либо удлиненные пластинки различной формы – треугольной, прямоугольной или формы руки. Основным декор на серьгах: чернь по серебру, гравировка, зернь, нередко цветные камни и филигрань.

Среди колец можно выделить два типа: с камнями, и без камней. Кольца делали из серебра разной пробы, иногда с позолотой. Вставки делали из камней сердолика, бирюзы, рубина, цветного стекла. Наи-

более распространенным являлся сердолик, которому традиционно приписывают магические свойства. Помимо камня для украшения колец использовали зернь, филигрань, чернь.

Большое хождение имели так называемые «шумящие» кольца. В большой полой головке кольца заключали металлический предмет. Кольцо-«погремушку» украшали камнями, розетками, орнаментом растительного характера. Существовала разновидность подобного рода колец – кольца вокруг камня обрамляли короткими подвесками, монетами, полыми шариками, которые так же при движении издавали звук.

Кольца без камней носили повседневно и они не отличались богатством отделки. Обычно это были гладкие кольца, орнаментированные геометрическим или растительным рисунком чернью по серебру.

Браслеты отличались большим разнообразием. По своей конструкции они разбиваются на три группы: витые с несомкнутыми концами, пластинчатые несомкнутые и браслеты на застежке из нескольких пластин.

Витые браслеты имели широкое распространение. Их делали из двух серебряных проволок, свитых жгутом в полукольцо. По концам браслеты украшались крупной зернью.

Другим типом браслетов, не менее распространенным, были пластинчатые браслеты, цельные, с закругленными несомкнутыми краями, шириной 3–4 см. Украшались они чернью (узор растительный), а по краям – полосками мелкой ложной зерни. Более широкие браслеты, кроме гравировки, черни и филигрانی украшались камнями, либо отделялись накладными филигранными украшениями. К некоторым пластинчатым браслетам цеплялись подвески в виде руки или птички, выполнявшие роль оберега.

Пластинчатые браслеты считались праздничными.

Наличие на территории Аварии таких известных центров ювелирного искусства как Ругуджа, Чох, Согратль, Гоцатль, близость Кумуха, Кубачей сыграло немаловажную роль в широком распространении среди женщин всевозможных украшений, преимущественно серебряных. Украшения эти отличались совершенной техникой исполнения, богатством форм и отделки.

После рассмотрения отдельных элементов одежды, наверное, имеет смысл дать обобщенное описание основных комплексов, характерных для некоторых обществ в середине XIX в. Описание дается по С.Ш. Гаджиевой¹⁰⁷.

Мужской костюм имел несколько вариантов, но в основном он включал в себя нательную рубаху туникообразного покроя, штаны с неширокими длинными до щиколоток штанинами, бешмет длиной до колен. Одежду шили из домотканного сукна, а также из покупного сатина темных цветов, крашеной бязи, состоятельные люди-из атласа, дорогих тканей. Головным убором была овчинная папаха полусферической формы на подкладке из ткани. Обувь составляли чевяки из сафьяна высотой до щиколотки, без подошвы, чевяки на мягкой подошве, чарыки (постолы). Нарядной одеждой служили черкеска, сапоги на твердой подошве, папаха из хорошей кучерявой овчины или из привозного каракуля. Элементом костюма был узкий ременной пояс с металлическим набором, кинжал, нередко украшенный золотом или серебром. Теплой одеждой служили нагольные овчинные шубы трех видов, традиционная папаха, вязаные шерстяные носки, войлочные сапоги, в высокогорных районах-вязаная шерстяная обувь.

Женский костюм представлен многообразными местными вариантами, особенно головными уборами. Вообще одежде аварок характерны простота покроя, темные цвета, оживляемые яркими дополнениями: поясами, цветными чухтами, головными покрывалами, разнообразными украшениями. В каждом андалалском селении имелись свои особенности в одежде, но в целом комплекс составляли длинное и широкое платье-рубаха туникообразного покроя, которое при ношении затыкали с боков за пояс штанов, длинные узкие штаны с цветной отделкой по низу штанин, чухто типа чепца с длинным на-косником-мешочком, покрывало, платок (носили поверх покрывала), сафьяновые или кожаные чевяки на мягкой подошве. В холодное время года носили нагольные овчинные шубы-накидки, с узкими ложными рукавами, шерстяные клетчатые платки, вязаные носки, войлочные сапоги. Нарядная одежда: платье из парчовых тканей, сшитое по фигуре, платки, чевяки из парчи, цветного сафьяна.

На Хунзахском плато женщины носили широкое, длиной до колен платье-рубаху, широкие штаны; сшитое по фигуре с отрезной та-

лией и широкой юбкой (почти до пят) – хабало из дорогих тканей фабричного производства, гужгат-кунта (распашная на застежках). Обувью служили мягкие сафьяновые чувяки. Зимой носили вязаные шерстяные носки и войлочные сапоги, шубу.

Гидатлинки носили широкое и длинное платье-рубаху черного цвета с яркими цветными ластовицами под рукавами, длинные черные штаны с широким шагом, чухто в виде чепца с накосником из разноцветных кусков ткани, с пришитыми большими височными бляхами из серебра и кисточками на конце мешочка или рядами серебряных монет, серебряной цепочки, матерчатый пояс из светлых тканей, покрывало из цветных тканей, надеваемое поверх головного убора, сафьяновые сапожки. Молодые женщины и девушки одежду шили из разноцветных тканей и носили ее с широким ремненным поясом с металлической пряжкой и украшениями. Зимой носили поверх платья-рубашки шубу-накидку с большим воротником-пелериной с двумя шерстяными кисточками-пучками на конце, шерстяные носки, войлочные сапоги.

Женщины общества Карах носили длинное темное платье-рубаху туникообразного покроя с яркой отделкой у подола, узкие длинные штаны из плотной черной ткани, широкий белый пояс из бязи, под который подтыкали спереди поднятый подол рубашки, чухто, комбинированное из ткани и кожи, по покрою островерхое, с пришитыми на висках кожаными планочками (наподобие башлыка) длиной около 40 см и шириной 10 см, с височными кольцами диаметром в 5–6 см и подбородочной тесмой. На чухто надевали покрывало и завязывали его в виде чалмы черной повязкой. Теплой одеждой служила нагольная овчинная шуба-накидка трапецевидной формы с выступами у плеч и свисающими от них лентами из овчины, имитирующими рукава. Зимой на шерстяной носок надевали войлочные сапоги.

Аварки предгорных районов одевали ситцевую нательную рубашку туникообразного покроя длиной до икр, широкие штаны до щиколоток; платье отрезное, приталенное с широкой юбкой с широкими длинными рукавами, грудным вырезом; распашное приталенное платье, с широкой юбкой; мешкообразное недлинное однотонное по цвету чухто; платок покупной. Нарядное платье – хабалай из дорогих тканей с двойными рукавами. Обувь представляли мягкие сафьяно-

вые чувяки, кожаные калоши. Теплая одежда женщин состояла из нагольной распашной шубы из белой мерлушки, сшитою в талию, с рукавами.

Как уже отмечалось, основная часть аварского населения использовала для изготовления одежды до середины XIX века местные материалы: кожу, домотканое сукно, войлок, шкуру, а со второй половины XIX в. – привозные фабричные ткани из России. Дорогими восточными тканями тоже пользовались, но они были доступны немногим. Многие традиционные материалы и изготовленная из них одежда, также традиционной формы, сохранялись в быту аварцев до начала XX в.

Рассмотрев одежду аварцев XVIII–нач. XX вв. можно сказать, что основой для заготовления материалов служило животноводство – овчина, шерсть, кожа, частично растениеводство – лен, конопля. Были и привозные ткани. Мужская одежда аварцев имела много общего с одеждой других народов Дагестана и Кавказа, она не отличалась особым разнообразием и сильно не различалась по этнографическим районам. Основные элементы: туникообразная рубашка, штаны, бешмет (гужгат), черкеска (чуха), шуба, бурка, овчинная папаха, чарыки, чувяки, сапоги сафьяновые, войлочные, вязаные, башмаки, вязаные носки..

Женская одежда отличалась большим разнообразием, особенно головной убор. По головному убору можно было определить принадлежность женщины к обществу, селению. Элементы женской одежды: платье-рубаху, штаны до щиколоток, чохто, хабалай, покрывало (мучу), платок, шубы, чувяки с мягкой подошвой, туфли, башмаки, вязанные и войлочные сапоги, вязаные носки. Существовали свадебные наряды невесты из дорогого материала с богатыми украшениями и детская одежда с особым покроем.

Украшения – бусы, серебряные цепочки, монеты, ажурные бляшки, височные кольца, медальоны, пояса, браслеты, кольца – выступали и как обереги.

Пища. Изучение пищи дает возможность разобраться в многогранном процессе развития человеческого общества, служит установлению культурно-экономических связей между народами, знакомит с их этническим своеобразием. Пища принадлежит к той стороне ма-

териальной культуры, которая наиболее тесно связана с бытом и надолго сохраняет его национальные черты.

Бытовая сторона питания, включающая различные способы приготовления блюд, периодичность приема и количество потребляемой пищи, хранение продуктов, играет большую роль в общей оценке уровня материального благосостояния населения.

Питание, как важнейший фактор материальной культуры и поддержания жизненных функций организма человека, как средство общения и ритуального разобщения людей, является одной из основных проблем этнографической науки.

Пище принадлежат функции как социального общения (свадьбы, поминки, календарные праздники) людей, так и социального разобщения (пост и др.). К различным формам общения или разобщения людей относятся многочисленные обычаи, связанные с пищей, способами ее приготовления и потребления, которые утвердились не в силу материальных свойств продуктов питания, а в результате их символического значения.

Искусство приготовления пищи является общечеловеческим достоянием. Состав пищи обуславливается не только экологической, климатогеографической средой, но и характером главной отрасли хозяйства. Поэтому вид пищи в той или иной зоне и даже в разных районах одной зоны, может быть самым разнообразным.

Система питания аварцев тесно связана с природными и хозяйственными условиями. Пища жителей горных и высокогорных районов несколько отличается от пищи горнодолинных и предгорных аварцев. На нее влияет не только уровень социально-экономического развития народа, но и местная специфика, бытовая культура, традиции.

Пища известна как самая консервативная область материальной культуры, в ней сохраняются древние традиции. Во многом это объясняется психологическими предубеждениями, которые вследствие долгой привычки к определенным блюдам, воспитания вкуса с детства, восприятия организмом продукта консервировались в народе из поколения в поколение. Поэтому не удивительно, что каждое общество, каждое селение считает свою кухню самой лучшей. Особенности аварского питания объясняются еще и характером горца, его рав-

нодушным отношением к пище. Сдержанность в еде воспитывалась с детства как достоинство.

Традиционное питание аварцев основывалось на продуктах земледелия – мука, зерно и крупы (пшеничная, ячменная, ржаная, кукурузная) и животноводства (мясо, молоко, масло, сыр, творог). Широко использовались бобовые (горох, фасоль, чечевица, бобы), чеснок, лук, тыква, морковь, в горных долинах различные фрукты, овощи, виноград, а также съедобные дикорастущие травы (крапива, лебеда, щавель, конский щавель, чабрец, мята и др.). С конца XIX в. в быт входят картофель, капуста, помидоры.

Основными продуктами в пищевом рационе аварцев во всех зонах были мучные изделия. Преобладание того или иного вида муки зависело от природных условий: в высокогорье больше сеяли ячмень и рожь, в среднегорье – пшеницу и голозерный ячмень, в горных долинах и предгорье – кукурузу. И часто встречаемое представление о том, что основной пищей аварцев было мясо, не соответствует действительности даже для высокогорных районов. Здесь продукты животноводства обменивали на недостающее зерно.

В понятие «еда» аварцы основным компонентом включали мучные блюда – хлеб, хинкал, каши, а мясо и молочные продукты – это дополнение к ним, спутники, «дандежо»¹⁰⁸. В аварско-русском словаре М.-С. Саидов пишет: «дандежо – все то, что едят с хлебом (например, масло, молоко, мясо)»¹⁰⁹. Пища аварцев в целом характеризуется большим разнообразием блюд. Однако природнохозяйственные и социальные условия не всегда способствовали развитию идеальной системы питания. Аварцы, как правило, ели три раза в день, но основную еду готовили на ужин, когда вся семья была в сборе. В характере потребления блюд существовала поаульная разница: одни на ужин чаще готовили хинкал, другие – супы, каши. Во время трапезы вся семья собиралась в полном составе за одним «столом». Начинать еду и заканчивать ее старший в семье. Брать из общей посуды надо было то, что ближе к тебе, ни в коем случае не выбирать. Замечания о качестве пищи не высказывались, посоветовать мог только старший.

Самой распространенной повседневной едой был хинкал. Его готовили несколько видов, отличающихся как по размеру, так и виду муки, но преобладающим и предпочтительным был хинкал из пше-

ничной муки. Однако в некоторых обществах предпочитали другой вид. Как пишет Абдурахман из Газикумуха: «пища жителей (селение Тлайлух Хунзахского района – А.И.) представлена хинкалом из черной бобовой муки, приправленной творогом и чесноком. К ним же и кусок вяленого мяса. Они любят такие хинкалы больше, чем из пшеничной муки, ибо находят их вкуснее последних, и дольше человек остается сытым. Величина одного хинка превышает один фунт (гирванка). У нас странный обычай. Наши дагестанские женщины кормят своих детей куском сушеного нежареного курдюка, обсыпанного толлоком. Ребенок находит здесь полезное питание: он держит ручками этот кусок курдюка и сосет его усердно. От такой пищи сильно поправляется, как львенок, питающийся дичью»¹¹⁰. Далее он отмечает: «Можно сделать вывод, что в каждом дагестанском селении есть свои особые обычаи и в еде, и в одежде»¹¹¹.

Основной вид хинкала – это большие, готовили их даже при отсутствии мяса и всякой приправы. Тесто замешивалось на холодной воде с добавлением соли. Нередко, с целью, чтобы хинкал получился пышным, тесто замешивалось на содовой-гидрокарбонат натриевой воде (такие источники находились вблизи некоторых селений). Пшеничное тесто замешивалось и на сыворотке и на простокваше. Круто замешанное тесто раскатывали в стержни, придавливали ладонью, затем отрывали равномерно по куску и бросали в кипящую воду. К такому хинкалу подавали брынзу, «къялия» – поджаренный курдюк, выжарки, чесночную подливу, разогретый урбеч с маслом или медом, простоквашу, курдюк, колбасу, мясо, (в основном сушеное).

Была определенная разница в форме и размерах хинкала по регионам: у андалалцев, карахцев, гидатлинцев, хиндалалцев они имели форму квадрата и небольшие размеры, у хунзахцев, нахъа хиндалалцев (ТлехИнцал), имели большие размеры – с чайное блюдо. В селении Сантлада в 1970 г. нам подали хинкалы еще больших размеров, но квадратной формы. Из пшеничной муки готовят также тонкий резанный хинкал, который подавали с теми же компонентами «дандежо». Для приготовления тонкого хинкала, тесто раскатывают в тонкий пласт, который затем разрезают на небольшие квадратики и опускают в кипящий подсоленный бульон или воду. Такой хинкал обычно едят без бульона, а после пьют его, добавив чесночную при-

праву. Широко распространены среди аварцев – хиндалал хинкалы из кукурузной муки, а хинкалы из мучной смеси – ржаной, ячменной и черных бобов – в высокогорье, последние делают больших размеров, придавая им дискообразную форму. Для приготовления кукурузного хинкала тесто заваривают подсоленной кипящей водой. После замеса теста, от него отрывают небольшие комочки и зажимают между ладонями, стараясь придать им форму диска. Хинкал варят в подсоленной воде. Едят такие хинкалы с вареным мясом (свежим), сушеным мясом и колбасой, сыром, урбечом, простоквашей, курдюком поджаренным и растертым, чесночной подливой на сметане или томате.

Другим видом хинкала является «цурал хинкал» – наполненный хинкал (типа вареника или пельмени), для приготовления которого используются всевозможные начинки: мясной фарш, необезжиренный творог, обезжиренный творог с маслом и зеленью, молозиво, взбитые яйца с молоком, тыква, картофель, требуха, вареный и выдержанный в сывороточном уксусе ливер бараний или говяжий, крапива, щавель и др. съедобные травы и листья свеклы, чабрец, мята. При приготовлении пищи все продукты тщательно обрабатывали, чистили, начинку сдабривали поджаркой из курдюка, смешивали с душистыми травами. Весной и летом аварцы собирали и заготавливали впрок съедобные дикорастущие травы, которые использовали не только в пищу, но использовали и как лекарственные средства.

При приготовлении «цурал хинкал» использовали только пресное тесто из муки с добавлением воды и соли. Для плотного фарша из кусочков теста раскатывались небольшие кружочки, на середину которых ложили фарш и зашипывали края. Для жидкого фарша (смесь взбитых яиц с молоком, молозиво) из кусочков теста формировали небольшие мешочки и при заполнении сразу опускали в горячую воду.

Второе место по удельному весу в рационе питания аварцев занимал хлеб. Хлеб готовили разных видов как из пресного теста, так и на закваске. Закваска – жидкое кислое тесто, используемое при выпечке кислого хлеба. Муку замешивали на кислом молоке или сыворотке, ставили в теплое место и через определенное время оно закисло. Хозяйка всегда старалась оставить кусочки закисшего теста, как закваску для следующего раза.

Тесто для хлеба могло быть приготовлено не только из одного вида муки, но и смесей разновидностей муки (пшеничной, голозерного ячменя, кукурузной, бобов). К праздникам выпекались небольшие хлебцы в виде человеческих фигурок – «ясикло», птиц, животных, а также ритуальные хлебцы для задабривания духов – «жундул» и относили их на места обитания духов. Для выпечки хлеба использовали специальные печи (кор), духовки, плиты, сковородки. Для длительного сохранения, путнику в дорогу выпекали хлеб на кефире с добавлением масла и яиц.

К древнему виду хлебного изделия можно отнести лепешки, которые готовились из пресного теста и жарились на каменной плите, садже. Чаще готовили лепешки из дрожжевого теста.

Из мучных изделий были распространены различные пироги и хлеба с разной начинкой, разной формы и толщины. Готовили тонкие хлеба – чуду «цIурачадал», начиненные творогом с яйцами, картофелем, мясным фаршем, творогом с зеленью, крапивой и др. травами. Такие хлеба – чуду обильно смазывали маслом, сметаной, смесью масла и урбеча, нутряным салом (чуду с крапивой), иногда некоторые посыпали толокном – «тIех» и называли их «ботIишчал».

БотIишчал готовится в праздничные дни, для гостей и на свадьбы. Блюдо это в зависимости от начинки бывает разным. Тесто для него делается пресным, его нужно хорошо вымесить, оставить на 15–20 минут, затем разделить на столько частей, сколько получилось начинки.

Для начинки высушенный творог размачивают, тщательно протирают, чтобы не было комков. Используют хорошо отжатый свежий творог. Если хозяйки хотели, чтобы начинка тянулась (как-бы творог расплавлялся), творог оставляли в открытом виде на воздухе на некоторое время. От такой начинки блюдо приобретает особый вкус и запах. К творогу добавляют вареный протертый картофель (примерно 50x50) и по вкусу соль. Смешанную массу делят на шарики (размером большого яблока). Кусочек теста немного раскатывают и на него кладут начинку, затем начинают как-бы одевать эту начинку в тесто. В результате получается заготовка, которую осторожно раскатывают, придавая ей форму блина и жарят без масла на сковороде, переворачивая. Готовое «ботIишчал» укладывают на блюдо, обильно смазыва-

ют топленным или сливочным маслом и посыпают толокном. «БотIишчал» из зелени готовят также, только добавляют к творогу измельченную зелень (крапиву, зеленый лук, ботву сахарной свеклы) и яйца. Также обильно смазывают маслом, но толокном не посыпают.

Редко приготавливаемым пирогом был «пуршаби», который обычно ставился на праздничный стол и путник брал в дорогу. Для приготовления пирога берут сыворожку или простоквашу, добавляют немного пищевой соды, масло, разбивают яйца, для вкуса добавляют соль, затем эта смесь взбивается. Добавляют пшеничную муку, готовят тесто, которое хорошо вымешивают. Для начинки берут свежий творог, растирают с маслом, добавляют яйца, соль. Чтобы масса была плотной добавляют немного кукурузной муки. Для придания особого вкуса и запаха в начинку добавляют мелко и тонко струганный вяленый фаршированный мясом, специями и луком сычуг и ганзир (чернушка, черный тмин). Толщина пирога около 1,5 см, имеет форму полукруга. Сверху пирог смазывают яйцом и выпекают в коре, позднее в духовке.

Хлеб пекли на углях, в золе между двумя плитами, на плите, садже. Для выпечки хлеба существовали и специальные печи.

Наиболее распространенный тип хлебной печи представлен в основном тремя видами: 1) конусообразной печью, которую мы описали выше; 2) приподнятым четырехугольным сооружением с одной камерой, разделенной на две части невысоким бортиком; 3) четырехугольной печью с двумя вертикальными камерами.

Второй вид печи характерен непосредственным соединением топочной и обогревательной камер. Высота камеры примерно 35–40 см, глубина и ширина – около метра. Основанием служила каменная плита. Место для огня отгорожено сбоку от остальной камеры на всю длину невысоким 8–10 см глиняным валиком (барьером), чтобы зола и угли не попадали на хлеб. Огонь в начале разжигался на всей площади печи, чтобы нагреть плиту, затем, когда плита нагревалась, огонь и жар отодвигались в топку и плита начисто вытиралась тряпкой. Во время рабочего процесса пламя, стелясь под сводчатой (не всегда) крышей, обогревая всю камеру, выходила в трубу, находящейся в переднем углу или в центре. Существовали печи и без трубы, огонь и дым в таком случае выходили по всему переднему краю. Эта

печь, основанная на принципе нагревания пода посредством огня, разжигаемого на самом поде и обогривания хлеба сверху пламенем, обеспечивала хорошее пропекание хлеба.

Печи с вертикальными камерами имели более широкое распространение, разнообразны в формах и размерах, но несмотря на это разнообразие, они однотипны по конструкции и едины в своем назначении. Рабочей поверхностью, на чем пекут хлеб, служила каменная плита, иногда обмазанная глиной. Плита устанавливалась на высоте 30–35 см от пола над двумя параллельными стенками из камня и глины – топочной камерой. Над этой плитой на высоте 30–35 см устанавливалась вторая плита. Огонь, разведенный под нижней плитой, нагрев ее снизу, из топочной камеры уходил к задней стенке печи и оттуда, поднявшись через отверстие-щель, проникал в обогревательную (рабочую) камеру, где, стелясь под перекрытием ее, поджаривал хлеб сверху и выходил или спереди или сбоку. В редких случаях делалось специальное отверстие с небольшой дымоходной трубой для выхода дыма и огня. Размеры этой печи равнялись примерно 60х80 см при высоте 70х80 см.

У некоторых печей как с одной камерой, так и с вертикальными камерами в перекрытиях оставались небольшие круглые отверстия, на которые можно было ставить посуду для приготовления жидкой пищи.

К хлебным изделиям можно отнести два вида блинов, приготовленных на айране, молоке, сыворотке, воде. Жидкое тесто наливали половником или ложкой на горячую сковороду, предварительно смазанную курдючным салом или маслом. К блинам подавали сметану, простоквашу, урбеч с маслом или медом.

Неизменным элементом в системе питания аварцев было толокно («тлех»), не требующее особых затрат и сил в приготовлении. Хорошим считался «тлех», приготовленный из зерен пшеницы и голозерного ячменя. Обычно толокно замешивали на холодной воде в виде крутого теста и зажимая в руках делали продолговатые комки. Иногда в домашних условиях его замешивали на горячей воде с добавлением соли (Хунзах). При возможности его замешивали на масле, сметане, с измельченным сыром, обычно так поступали когда гость не мог остаться до приготовления еды. Хотя у аварцев есть поговорка:

«хозяйка сказала – нет времени замешивать толокно, быстро приготовлю хинкал». Чтобы утолить жажду и голод, толокно пили размешав с водой и добавив сахар. Толокно употребляли вместо хлеба и хинкала. Из него варили особую кашу («хаччан-пурти»), которую ели с урбечом или маслом. Толокно брали с собой путники, т. к. оно не требовало ни варки, ни поджарки, т. к. мололи уже хорошо прожаренное зерно (пшеница, ячмень, кукуруза).

Своеобразной едой было жареное зерно («члер»), его ели, когда не было другой пищи, а дети и как лакомство и развлечение. Зерно употребляли и в вареном виде. Популярным было варево из зерен пшеницы, кукурузы, фасоли, отдельно или в смеси, с сушеным мясом или костью – «гьи», «мугь». Его готовили и как ритуальное блюдо и для раздачи родственникам, соседям. Зерна томили в плотно закрываемой посуде в горячей золе во время поджаривания зерна, выпечки хлеба или в специальных больших котлах.

Важное место в питании аварцев занимали каши и супы. Последние больше напоминали похлебки («ххулебжо»), за исключением супа-«чурпа», который готовили с сушеным мясом, фасолью, картофелем, а если без мяса, то готовили поджарку из сала или курдюка с луком, иногда забеливали такой суп и молоком. Супы-похлебки варили из разных видов муки, толокна, молока и крапивы, мелких кусочков теста. Для больных, рожениц и детей готовили особую похлебку. Для этого брали круто замешанное тесто из пшеничной муки, которое растирали между ладонями и сыпали полученную массу в кипящую воду или молоко. Супы-похлебки заправляли всевозможными подливами. Бульоны из-под хинкала с добавлением молока, чесночной подливы, разных поджарок также употребляли в качестве супа.

Определенную роль в питании аварцев занимали разнообразные каши из муки, круп, толокна, солода («карц»), с добавлением сухофруктов. Каши варились на молоке, воде, сыворотке. Для мучных каш использовалась только пшеничная и кукурузная мука, толокно, а для крупяных – из всех видов зерен. Крупу готовили на ручных мельницах (жерновах). Значительное место в питании аварцев занимали зернобобовые и дикорастущие травы.

Продукты животноводства в рационе питания аварцев стояли на втором месте. При этом наибольшее значение имела молочная пища. Коровье молоко и молочные продукты были почти повседневным элементом еды. На молоке готовились различные крупяные каши, а также различные супы. Из молока готовили масло, творог, сметану, кислое молоко, сыр. Самым питательным считался овечий сыр. Из овечьего молока делали два вида сыра (брынза): в бурдюках в рассоле и в форме большого круга, завернутого в специальную траву.

Среди молочных продуктов главное место отводилось сыру, который аварцы готовили не только из овечьего молока, но и коровьего. Способ его приготовления известен с глубокой древности. Молоко процеживали, затем добавляли закваску, приготовленную из высушенных и растертых в порошок сычуга (желудка) новорожденных ягнят, слегка подогрели. Молоко размешивали, полученная при этом сырная масса оседала на дно (примерно через час), а сыворотка поднималась вверх. Сыр выкладывали в посуду, стенки которой имели отверстия, или бязевые мешки, сыворотка стекала. Ее использовали в различных хозяйственных целях. Освободившись от сыворотки сыр становился пористым. Его формовали большими кругами или резали мелкими кусками, засыпали солью, хранили в рассоле, из сыворотки. В Аварии сыр готовили также из обезжиренного коровьего молока, применяя ту же процедуру, что и при приготовлении овечьего и необезжиренного молока коров.

В свежем виде аварцы молоко употребляли редко, так как основная масса его шла на приготовление масла и творога. Творог шел в еду в разнообразном виде: свежем, подсоленном, переработанном. Из творога готовили что-то типа каши – «пасхан»: смешивали в котелке на медленном огне свежий творог и сливочное масло, постепенно всыпают толокно и варят, непрерывно помешивая.

В свежем виде сливочное масло также редко использовалось, его перетапливали, так оно дольше сохранялось и служило товаром обмена на зерно, фрукты. Цельное молоко процеживали и разливали в глиняные сосуды и ставили в прохладное помещение, пока оно не скиснет и покроется достаточным слоем сливок (в теплом помещении оно быстро прокисало). Сливки собирались ложкой и сливались в глиняные кувшины, выполнявшие роль маслоек. Вместе со сливками

ми (сметаной) в кувшин-маслобойку летом, в жаркую погоду, наливали немного воды и мешали, раскачивая кувшин на полу. Вода, ударяясь о стенки кувшина ускоряла процесс сбивания масла. Таким же образом готовили масло из сметаны и кислого молока. Жидкость, которая оставалась после отделения масла, (пахта, айран) использовалась как прохладительный напиток, давали телятам, а также добавляли в тесто. Деревянные маслобойки, типа бочонка или продольной формы, с помощью веревок подвешивали к балке и раскачивали до образования масла.

После перетапливания масла, оставшаяся масса при добавления муки, особенно кукурузной, шла на выпечку оладьев. Простокваша, оставшаяся после снятия сливок, шла на получение творога. Для этого молоко слегка подогрели, полученную творожную массу клали в специальный мешочек или в ткань для процеживания сыворотки. Свежий творог ели и использовали как начинку для пирогов и наполненных хинкалов, чуду. В летнее время творога готовили много, поэтому часть его солили и засушивали на зиму в виде лепешек. Существовала специальная плетёная из прутьев «сетка», которую подвешивали за веревки к балке лоджии, на ней раскладывались и сушились творожные лепешки. Когда нужно было, их размачивали и растирали, превращая в творожную массу (уже подсоленную). Другая форма хранения – в просоленной сыворотке. Оставшаяся сыворотка собиралась, кипятилась и использовалась для различных нужд.

Почетное место в питании аварцев отводилось и мясу. Употребляли баранину, говядину, домашнюю птицу, мясо диких животных – тура, оленя, козла, косули, зайца, барсука, пернатой дичи – куропадок, перепелов, уток, улара (горной индейки). В зависимости от времени года мясо ели в свежем и консервированном виде. Но свежим его ели не часто, в основном осенью, когда забивали скот для заготовки мяса впрок или по случаю (свадьбы, поминки, праздники). В течение года употребляли вяленое мясо и сушеную колбасу. Для пельменей заготавливали предварительно прокипятив требуху, ливер и тонкие кишки, выдержав их в сывороточном уксусе в керамической посуде. Перед употреблением их тщательно отмачивали и готовили начинку, добавляя лук, пряности.

Осенняя пора у аварцев отличалась обилием мясных блюд. Свежее мясо, как и сушеное, в основном использовали в вареном, редко в жареном виде. Жарили свежее мясо (субпродукты) в котле (сердце, печень, почки, селезенку, легкие вместе с нутряным салом – «ТІул-гьуэр»), на сковороде (куски от филе с курдюком), запекали на углях (печень, почки, мясо), в золе (в яме, заложив мясо-тушу в шкуру). Сушеное мясо как правило только варили, но бывало, что и жарили, чаще колбасу.

В некоторых районах Аварии впрок заготавливают и мясной фарш, который кладут в керамическую посуду и заливают бульоном и уксусом из овечьей сыворотки. Консервировали мясо и в жареном виде в собственном жире. Обжаренные куски мяса укладывают в керамический кувшин или эмалированную высокую кастрюлю и заливают сверху жиром.

При забое скота аварцы приготавливают сытную и вкусную колбасу из печени, лука, риса, пряностей и нутряного сала – «раскІи». Готовили также, но чаще это делали чабаны, «сириси». «Сириси» делали трех видов: печень рубленая, сало от почек, толкно (можно добавить сушеную курагу) заворачивают в пленку (сало), обволакивающую желудок, колбасой и завязывают тонкими кишками. Другой вид – сами жировые кишки идут в качестве блюда: их не очищая от сала особым образом заворачивают вокруг книжки (отдел желудка жвачного животного). Это очень жирное блюдо и готовят его когда внутренности животного не используются. Третий вид – среднее между ними.

Заготовка мясных продуктов на зиму была важным делом для населения. Специально для забоя скота (лучшим считалось мясо двух-трехлетней телки, специально откормленной для этого – «бачІІад») и его обработки – разделывания приглашали человека, знающего как делать «хамалаг» и сколько можно срезать кусков мяса от частей, предполагаемых сушить на зиму: возьмешь много – останутся одни кости, не возьмешь – толстые места будут не сушиться, а гнить (соль не дойдет) и мяса для колбасного фарша не хватит. Приготовленное мясо (особенно «сахарные» кости) хорошо солили и дня на два оставляли в глубоком деревянном корыте, время от времени переворачивая, чтобы равномерно просолилось. Курдюк оставляли еще дольше.

На зиму и вообще для нужд готовили жир. Теплое (пока не остыло) нутряное сало особым образом сворачивали, посолив каждый слой, в круг (толщиной в 10–12 см, диаметр зависел от количества его) – «сальный хлеб» – «ТатІул чед». Потом сушили. Или сало перетапливали.

Любили аварцы сушеный курдюк, его добавляли в мучные изделия, им сдабривали начинку для хинкалов и пирогов, им смазывали пресный хлеб, его жарили с яичницей, варили и ели с мучными блюдами. Курдюки хранили часто годами, куски курдюка раздавали на кладбище после похорон. Употребляли в качестве лечебного продукта, соски для малышей.

Когда забивали баранов, возникала проблема с кишками для колбасы (тонкие кишки на это не годились). Тогда начинали сычуг, сердце (верхнюю пленку), селезенку (очищали), толстую кишку, диафрагму (зашивали). Для этих «колбас» фарш готовился из лучших кусков мяса (мелко нарубленное), добавляли сало, курдючный жир, лук, соль, тмин. Некоторые клали в фарш плоды барбариса. Оставляли на сутки, чтобы соль растворилась, вкус стал одинаковым, равномерным для всей массы. Все эти «начиненные изделия» имели одинаковый колбасный вкус, а сычуг «махъа», благодаря ферменту, содержащемуся на его стенках, приобретает особый вкус и запах. Его редко едят просто так, им заправляют (стругают мелко) яичные хинкалы, пуршаби, используют для сдабривания. Также начинали сетку – «бадако», но не чистым мясным фаршем, а смешивали его с рубленой тыквой, позднее с картофелем. Нередко таким составом наполняли и толстые кишки – «хвата».

Сушили мясо и колбасу в хорошо проветриваемых местах, как правило на лоджии, балконах. Под солнцем не оставляли, на ночь заносили в помещение. Сушили челюсть (нижнюю), особо ценимую для приготовления «гьи (мугъ)». Голову и бараньи ноги варили сразу и ели, а клейкий бульон после снятия жира («регъ») выливали.

Употребление мяса, колбасы, как самостоятельного блюда, было не принято, его ели как дополнение к мучным блюдам – хинкалу, хлебу. Уже отмечалось, что мясные блюда редко входили в повседневный рацион аварцев. В середине XIX в. путешественник писал об

аварцах (дидойцах): «Мясо вообще редкость на столе горца, большею частью он питается мучнистой пищей – толокном и хинкалом»¹¹².

Из сладостей аварцы предпочитали мучную халву, (бахъухъ), натухI, урбеч, хинкал в масле – «нахуль хинкал», который готовили для путника и по торжественным случаям. Для приготовления такого хинкала, тесто месили на взбитых яйцах, сметане, меде с добавлением соли и соды, оставляли на 30–40 мин. Затем его раскатывали в колбаски, нарезали на куски по 7–8 см, опускали в кипящее топленое масло, шумовкой вытаскивали на сито или специальное блюдо, чтобы стекло масло. Такой хинкал отличался не только своими вкусовыми качествами, но долго не черствел. Халву (бахух) готовили из пшеничной муки на топленом масле, постоянно помешивая так, чтобы вся мука прожаривалась. Когда мука становилась румяной, ее снимали и, дав немного остыть, смешивали в определенной пропорции с пчелиным медом или густым сахарным сиропом. Для торжественных случаев халву готовили заранее, разрезали на куски ромбиками или квадратами, укладывали на блюдо и подавали на стол. Разновидностью сладких блюд является «натухI». Много было разновидностей натуха, его готовили из грецких орехов, смеси конопляных семян с ядрами из абрикосовых косточек, тыквенных семян, сухих абрикосов, кусочков теста, обжаренных в масле и заправленный медом или густым сахарным сиропом. НатухI из лапши трудоемкая работа. Для нее тесто готовят на яйцах, крутое, раскатывают в тонкие пласты, которые затем нарезаются тонкой соломкой (лапшой). Соломку обжаривают в масле, вынимают шумовкой, охлаждают, смешивают с медом или сахарным сиропом и на блюде или специальных деревянных подносах уплотняют, придавая им круглую или прямоугольную форму. Распространенным лакомством у аварцев считался и урбеч (особенно с медом и маслом), который готовили из семян льна, конопли, абрикосовых косточек, орехов, горьких косточек кураги, а иногда из смеси семян названных компонентов. Трудоемким был процесс приготовления урбеча из горьких косточек. Косточки вначале вымачивали, затем варили, сушили, поджаривали, мололи на мельнице, добавляя сахар.

Аварцам были известны и алкогольные напитки, в горах – буза (чIагIа) и мед, а в горных долинах – вино. Бузу и мед готовили из со-

лода, который помимо этого использовался для приготовления разнообразных блюд и в лечебных целях. Мед и буза – это слабые хмельные напитки. Для их приготовления зерна голозерного ячменя (бугIа) смачивают водой и помещают в теплое место, чтобы проросли. Делают это и из пшеничного зерна. Затем их сушат и мелют, получаемую муку (солод) смешивают с водой, кипятят, отжимают сок, оставляют для брожения, добавляя хмель (так получают мед). Для приготовления бузы также используют солод, воду, но добавляют еще толокно (мука из жареного зерна – тIех) и закваску (печеный хлеб особый, кислый с солодом). После брожения (недели две) смесь процеживают (чаще оставляют не процеженным), и напиток получается довольно крепкий и приятный на вкус. Закваска – это прокисшее тесто, из которого пекут хлеб, который затем размачивают в воде, процеживают и добавляют в смесь при приготовлении бузы. Был напиток «лъинча», его готовили так же как бузу, но без хмеля и закваски. Пили, чтобы утолить жажду. Считался женским напитком, имел кисло-сладкий вкус.

В горных долинах аварцы выращивали виноград, который употребляли в пищу, для приготовления виноградного меда, а также для напитков. Для приготовления вина, собранный виноград тщательно отжимали, мяли ногами, до тех пор, пока не будет выжат весь сок. Полученный сок кипятили в котле до испарения определенного количества влаги. Полученный напиток переливали в керамическую посуду, закрывали и оставляли для брожения, часто даже зарывали сосуды с напитком в землю. Такой напиток очень приятен на вкус и имел такую же крепость, как многие сухие вина. Археологические находки свидетельствуют о древности приготовления виноградного напитка. При другом способе изготовления вина, полученный сок очищали, процеживали, заливали в керамические кувшины или деревянные емкости, не кипятили и оставляли для брожения, по окончании последнего вино сливали осторожно в сосуды. Для длительного хранения могли зарывать в землю.

Благодаря наличию винограда и фруктов, жители долин готовили и безалкогольные сладкие напитки – кипяченый виноградный или фруктовый сок, который не оставляли для брожения. Из виноградного сока готовили виноградный мед, который имел широкое употреб-

ление при изготовления сладостей. Прохладительным напитком был еще «айран», который получали в виде остатка при сбивании масла из смеси сметаны и воды, или сметаны и кислого молока. Аварцы любили пить и простоквашу. Как прохладительный напиток, утоляющий жажду, аварцы Хунзахского плато использовали сыворотку, которая получалась из кислого молока при приготовлении творога. Для длительного сохранения сыворотку кипятили, наливали в керамические кувшины и хранили в прохладном месте.

Из заимствованных напитков следует отметить чай. Благодаря торговле с Востоком в Дагестан, а следовательно и в Аварию вероятно очень давно проникли чай и сахар, однако многие горцы не имели о нем представления. Чай был достоянием феодальной знати и состоятельных семей. Менее обеспеченные семьи для заварки использовали плоды шиповника, мяту, чабрец, листья айвы, конского щавеля, а вместо сахара – сухофрукты, виноградный сироп, мед.

Рассмотрение пищи аварцев показывает, что большое ее разнообразие достигалось, главным образом, за счет сочетаний мучных изделий с мясными или мучных с молочными. Эта направленность была связана с земледельческо-скотоводческим типом хозяйства.

Аварцы были умеренны в еде. Свято соблюдая обычаи гостеприимства, они щедро угощали гостей всем, чем могли, хотя большинство питалось весьма скудно, однообразно. Многие из перечисленных блюд, особенно мясных, были доступны бедноте изредка, по праздникам. Повседневной пищей были постные блюда – хинкал, лепешка, хлеб, суп, каша, заправленные бараньим или говяжьим жиром. Завтрак и обед нередко состояли из холодного хинкала (оставшегося от ужина), хлеба и куса сыра. Все многообразие национальных блюд, была доступно только богатым семьям.

Изучение традиционной пищи аварцев позволяет говорить о довольно большом разнообразии блюд, одновременно и о единообразной модели питания у народов Дагестана. Система питания основывалась на земледельческо-скотоводческих продуктах с широким применением дикорастущих съедобных трав и ягод в горной зоне и фруктов в горно-долинной зоне. В рационе питания преобладала мучная пища. Мясо и молоко в основном перерабатывали и заготавливали впрок. Распространенными блюдами были хинкал разных ви-

дов и из разной муки, вареники, супы, хлеб на закваске и пресный, пироги с разными начинками. Мясо-молочные продукты служили дополнением к мучным блюдам. Удельный вес употребления тех или иных блюд зависел от природно-географической зоны проживания населения и экономического благосостояния семьи. Повседневная, ритуальная, обрядово-праздничная пища аварцев имела достаточно ярко выраженные национальные традиции и характерные особенности, отразившие специфику хозяйственного уклада и бытовой культуры народа. Вместе с тем в их рационе было немало заимствованных блюд у других народов Дагестана и Кавказа.

* * *

instituteofhistory.ru

¹ Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. Пер. с арабского Н. Караулова. //СМОМПК, вып. 38. 1908, с. 42-43.

² Бредэ К.А. Новые поселения на Сулаке. //Тез. Док. на научной сессии Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959. С. 25–27.

³ Байерн Ф. О древних сооружениях на Кавказе // ССК. Т.1., 1871. С. 300.

⁴ Дюма А. Дагестан. Махачкала, 1995. С. 10.

⁵ Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане 1835/1836 г. // История, география и этнография Дагестана. XVII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева (ИГЭД). М., 1958. с. 346; См. также: Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану. // ССКГ, Вып. I. Тифлис, 1868. С. 24; Владикин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т. I. М., 1885. С. 55; Марков Е. Общий очерк Кавказа в его прошлом и настоящем // Живописная Россия. Вып. IX в. СПб. – М., 1883, С. XXXV.

⁶ Лавров Л.И. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 гг. // Сборник музея антропологии и этнографии (СМАЭ). Вып. XIV М. – Л., 1953. С. 262.

⁷ Никольская З.А. Из истории аварского жилища // СЭ, № 2, 1947. С. 160.

⁸ См.: Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы) / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968; Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. М., 1965. Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965; Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957.

⁹ Путинцева Н.Д. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС). РФ ИИЯЭ, Ф.3, Оп. 3, Д. 113 (2875).

¹⁰ Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. // ССКГ. Вып. 3. 1870. С. 6–7.

¹¹ См.: Витов М.В. О классификации поселений. // СЭ. 1953. № 3.

¹² Османов М.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. Махачкала, 1988.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М., 1991. С. 86–87.

¹⁵ Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана, М., 1993. С. 33.

¹⁶ Гаджиев М.Г. Указ. раб. С. 152.

¹⁷ Абакаров А.И., Давудов О.М. Указ. раб. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ См.: Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965. С. 81–84; Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 150; Атаев Д.М., Погребова М.Н. Отчет о работе 2 горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 г. РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 79 (2545).

²⁰ Тляртинский, Цумадинский, Чародинский районы.

²¹ Робакидзе А.И. Поселение как источник изучения общественного быта // Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. (VII МКАЭН) М., 1964. С. 5–6.

²² Марков Е.А. Очерки Кавказа. Картины Кавказской жизни, природы и истории. СПб., 1887. С. 535.

²³ Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тбилиси, 1890. С. 46–48.

²⁴ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 104.

²⁵ Бутаев Д. Нагорный Дагестан. РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 8 (1561). Л. 14.

²⁶ Харадзе Р.Л. Характер сельской общины грузин-горцев по этнографическим материалам // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 2.

²⁷ См.: Артамонов М.Н. О работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане в 1937 – 1938 гг. РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 32; Котович В.Г. Археологические работы в горном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана (МАД). Т. 2. Махачкала, 1961. С. 216.

²⁸ См.: Каранашов О. Аул Чох // СМОМШК. Вып. IV. Тифлис, 1884; Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988.

²⁹ Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 53.

³⁰ Там же. С. 78.

³¹ Масуди. Указ. раб. С. 53.

³² Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области // ЗКОРГО. Вып. VIII, Тифлис, 1873. С. 9; Воронов Н.Н. Состав населения Дагестанской области // ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. С. 14–15.

³³ Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Т. 2. Махачкала, 1961. С. 238–241.

³⁴ См.: Робакидзе А.И. Поселение как источник; Он же. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. Тбилиси, 1968; Харадзе Р.Л. Указ. раб.; Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970.

³⁵ Робакидзе А.И. Поселение как источник. С. 8.

³⁶ Османов М.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. С. 20–21.

³⁷ Робакидзе А.И. Поселение как источник. С. 8.

³⁸ Косвен М.О. Патронимия и ее роль в истории общества // VII МКАЭН. М., 1964. С. 3.

³⁹ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. С. 191.

⁴⁰ См.: Никольская З.А. Указ. раб., С. 163.

⁴¹ Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX – начало XX вв. М., 1978. С. 143–144.

⁴² Агулы. Сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре. Махачкала, 1975. С. 81.

⁴³ Исламмагомедов А.И. Поселения и жилища цахуров в XIX – XX вв. // Дагестанский этнографический сборник. Вып. I. Махачкала, 1974. С. 80.

⁴⁴ Османов М.О. Поселения даргинцев в XIX – XX вв. // УЗ ИИЯЛ. Т.Х. Махачкала, 1962. С. 228–229; Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 200.

⁴⁵ Хашаев Х.О. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 21.

⁴⁶ Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М., 1959.

⁴⁷ Селения, расположенные на правом берегу реки Аварское Койсу напротив Гоцатля: Маали, Дарада, Мурада, Ипуга считаются отселками селения Кудали.

⁴⁸ Экземпляр копии с записи хранится в рукописном фонде ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141 (3025).

⁴⁹ Гаджиева С.Ш. Указ. раб. С. 196; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 202.

⁵⁰ Османов М.О. Поселения Дагестана. С. 13.

⁵¹ Гаджиев М.Г. Указ. раб. С. 179.

⁵² См.: Витов М.В. О классификации поселений.

⁵³ Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. Тифлис, 1905. С. 67; Марков Е. Очерки Кавказа. С. 525; Берже А.П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 251; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб., 1871. С. 552.

⁵⁴ См.: Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану; Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу; Кузнецов Н.И. В дебрях Дагестана // Известия императорского Русского географического общества (Изв. ИРГО). Т. 49. СПб., 1913.

⁵⁵ Марков Е. Общий очерк Кавказа. С. 43.

- ⁵⁶ Каранашлов О. Бытовые адаты и песни аварцев. РФ ИЯЛИ. Ф.9. Оп.1. Д. 99 (190). С. 3.
- ⁵⁷ См.: Витов М.В. Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения // Краткие сообщения Института этнографии Ан СССР (КСИЭ). Вып. XXIX. М., 1958. С. 31.
- ⁵⁸ Витов В.О. О классификации поселений С. 35; См. также: Робакидзе А.И. Поселение как источник; Он же. К вопросу о форме поселения в Сванети // КСИЭ. Вып. XXIX. М., 1958; Османов М.О. Поселения Дагестана.
- ⁵⁹ См.: Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987. С. 96–100.
- ⁶⁰ Там же. С. 103.
- ⁶¹ См. Гаджиев М.Г. Указ. раб. С. 171–176.
- ⁶² Мовчан Г.Я. Предварительные заметки о типологии народного жилища народов Нагорного Дагестана // КСИЭ. Вып. IV. 1948. С. 41–52.
- ⁶³ См.: Пантюхов И.И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе Тифлис, 1896. С. 82.
- ⁶⁴ Амирханов Х.А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. 1983. № 2. С. 53–54; Он же. Чохское поселение. С. 105.
- ⁶⁵ Амирханов Х.А. Чохское поселение. С. 106.
- ⁶⁶ Канивец В.И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Ученые записки института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. III. Махачкала, 1957. С. 158.
- ⁶⁷ Канивец В.И. Указ. раб. С. 159; Бредэ К.А. Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведке на прибрежных полосах низовья Сулака. Р.Ф. ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 60 (2470). Л. 21.
- ⁶⁸ Котович В.М. Верхнегунибское поселение // МАД. Т. 2. Махачкала, 1961. С. 88–109. Она же. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана.
- ⁶⁹ Котович В.М. Верхнегунибское поселение-памятник элохи. С. 91.
- ⁷⁰ Описание подобного жилища ранее дано в статьях Никольской З.А. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2. С. 159–164; Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа // СЭ. 1947. № 4. С. 186–200.
- ⁷¹ Мовчан Г.Я. Предварительные заметки. С. 48.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. С. 54.
- ⁷⁴ Там же. С. 55.
- ⁷⁵ Эту сторону общественно-бытового назначения большой комнаты отметила З.А. Никольская в статье «Из истории аварского жилища». С. 162.
- ⁷⁶ Чурсин Г.Ф. Авары. Этнографический очерк. Махачкала, 1995. С. 22.
- ⁷⁷ Исламмагомедов А.И. Жилище аварцев в XIX–XX вв. РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 182. Л. 37; Он же. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX–XX вв. // УЗ ИИЯЛ, Т. XIV (Серия историческая). Махачкала, 1965. С. 263–265.
- ⁷⁸ Бакланов Н.Б. Архитектурные памятники Дагестана. М.Л., 1935. С. 43.

- ⁷⁹ Робакидзе А.И., Очиаури Т.А., Рухадзе Дж.А., Топуриа Н.С., Чиковани Т.А. Современное грузинское крестьянское жилище // Материалы по этнографии Грузии. Вып. X. Тбилиси, 1959. С. 22.
- ⁸⁰ Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала, 1996. С. 73; См. также Пиккуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 78–88.
- ⁸¹ Гаджиев М.Г. Указ. раб. С. 161; 163.
- ⁸² Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969. С. 38.
- ⁸³ См.: Данилевский П. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 139.
- ⁸⁴ Хрисанф. Сведения об аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 267.
- ⁸⁵ Подробнее об очаге см.: Исламмагомедов А.И. Отопительные и печные сооружения у народов Дагестана в XIX в. // Материальная культура народов Дагестана в XIX–нач. XX в. Махачкала, 1988; Османов М.О. Печеные и вареные мучные изделия и хлебопекарные устройства в Дагестане в XIX– начале XX в. (типологические параллели и районирование) // Система питания народов Дагестана (XIX–XX вв.). Махачкала, 1990.
- ⁸⁶ Ковалевский М. Законы и обычаи на Кавказе. Т. I. М., 1890. С. 38.
- ⁸⁷ Никольская З.А. Из истории аварского жилища. С. 162.
- ⁸⁸ Там же. С. 160.
- ⁸⁹ У аварцев для всех типов хлебных печей и печей для поджаривания зерна существует одно название – «кор», хотя печи различаются как по конструкции, назначению так и по принципу работы.
- ⁹⁰ Трофимова А.Г. Типы поселения и жилища бакинских рабочих-нефтяников // СЭ. 1953. № 4. С. 63.
- ⁹¹ Канивец В.И. Памятники бронзового века на Сулаке. РФИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д. 26(2326). Л.12; Котович В.М. Верхнегунибское поселение. С. 76.; Котович В.Г. Проблемы. С.163; Гаджиев М.Г. Указ. раб. С. 161–163; Абакаров А.И., Давудов О.М. Указ. раб. С.48; Давудов О.М. Материальная культура. С. 72.
- ⁹² Котович В.М. Верхнегунибское поселение-памятник. С. 38
- ⁹³ Подробное описание печи «керюк» см. Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков XIX – XX вв. Махачкала, 1960. С. 83–84.
- ⁹⁴ Башкиров А. Резьба по камню и дереву в Дагестане // Художественная культура советского Востока. М.-Л., 1931. С.113; Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия. С. 189–190.
- ⁹⁵ Описание этого дома дано архитектором Г.Я. Мовчаном. См.: Мовчан Г.Я. Из архитектурного наследия аварского народа. С. 200–208.
- ⁹⁶ Кузнецов Н.И. В делях Дагестана // Известия ИРГО. 1913. Т. 49. С. 200.
- ⁹⁷ Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 27.
- ⁹⁸ Марков Е. Общий очерк Кавказа. С. 35; См.; Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев Аварского племени // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 9.
- ⁹⁹ Воронов Н.И. Указ. раб. С. 25; См.: Неверовский И.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении // Во-

енный журнал, 1847. № 5. С. 31; *Марлинский А.* Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев // *Дагестан в русской литературе*. Т. I. Махачкала, 1960. С. 83.

¹⁰⁰ *Гаджиева С.Ш.* Одежда // *Современная культура и быт народов Дагестана*. М., 1971. С. 124.

¹⁰¹ *Никольская З.А. и Шиллинг Е.М.* Женская народная одежда аварцев // *КСИЭ*. Вып. 18. С. 15.

¹⁰² *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 115.

¹⁰³ Там же. С. 132.

¹⁰⁴ *Агаширинова С.С.* Национальная одежда аварцев в XIX–XX веках // *Материальная культура аварцев*. Махачкала, 1967. С. 230.

¹⁰⁵ *Сергеева Г.А.* Об одежде аварской группы народов Дагестана (по полевым материалам экспедиций 1959–1960 гг.) // *Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв.* Вып. 1. М., 1971. С. 239.

¹⁰⁶ *Сергеева Г.А.* Указ. раб. С. 237.

¹⁰⁷ *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана XIX– начало XX в. М., 1981.

¹⁰⁸ *Агларов М.А.* Пища // *Материальная культура аварцев* С. 274.

¹⁰⁹ *Саидов М.-С.* Аварско-русский словарь. М., 1967. С. 208.

¹¹⁰ *Абдурахман из Газикумуха.* Указ. раб. С. 135.

¹¹¹ Там же. С. 136.

¹¹² *Воронов Н. И.* Из путешествия по Дагестану. // *ССКГ*, В. 1. Тифлис, 1868. С. 19.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Глава 4. БРАК И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Брак. Что семья является основной социально-экономической ячейкой, важнейшим социальным институтом общества, в котором в полной мере отражаются экономические, социальные, этнические, правовые особенности его, что она развивается с развитием (вернее меняется с изменением) общества, «представляет продукт общественной системы» (К. Маркс) сказано многими исследователями, об этом писали многие этнографы, в том числе и дагестанские.

Она, будучи общественным продуктом, выполняла ряд общественно важных функций, влияла на жизнь общества тем, что «связана с производством и воспроизводством непосредственной жизни, воспитанием детей, а также передачей им трудовых навыков, традиций, формированием социального и индивидуального сознания»¹. Поскольку семья «выполняла важные социальные функции, общество активно воздействовало на семью регулированием семейно-брачных отношений»². Семья отличается от других систем и подсистем общества брачно-родственными основами своего возникновения и своей структурой – организацией связей, взаимоотношениями входящих в нее людей, эмоциональным состоянием – основные свои бытовые потребности люди удовлетворяют в семье, в ней они находят личное счастье, достигают психологического комфорта. По достижении зрелого возраста аварцы вступали в брак, а сам «факт наличия брака или его отсутствие при образовании семьи является одной из определяющих ее структуры в разных вариантах»³. Брак является основой супружеской семьи, он «считается необходимостью, судьбою и богом определенный»⁴.

В XIX в. у аварцев основной формой семьи была малая семья, чаще всего состоявшая из двух поколений – родителей и детей – и насчитывавшая, примерно, 4,3 человека⁵. В таких семьях мог жить

кто-либо из родителей мужа и редко, если у них не было сына, родителей жены.

В этнографически обозреваемое время сохранившейся патриархальной семьи – неразделенной или вторичного порядка – обнаружить не удалось⁶. Существующее мнение некоторых ученых, что у аварцев сохранились неразделенные семьи в XIX веке, не подтверждается по нашим данным.

Конечно, наряду с семьями из 4–5 человек могли быть семьи, состоящие из 8–10 человек – отец, мать, дети (5–6), бабушка или дедушка, а то и оба, но нередко бывали и состоящие из 2–3 человек. По переписи 1897 г. в Аварском округе число хозяйств, состоящих из 11 и более человек было 7 из 9244 (0,075%) хозяйств, в Гунибском округе их было 33 из 13080 (0,25%) хозяйств⁷.

В 1928 г. Г.Ф. Чурсин писал: «В глухих районах Аварии до сих пор можно наблюдать патриархальную семейную общину, состоящую из 30–40 человек, живущих под одной крышей и составляющих одну хозяйственную и общественную единицу. Такие семейные общины сохранились, например, в Гидатле»⁸. Мы уже писали в разделе «Жилище», что при внимательном рассмотрении структуры такой семьи, о которой говорили как о большой, изучении ее экономической основы выяснялось, что это не что иное, как несколько малых, индивидуальных родственных семей, живущих в одном доме, за именем своего отдельного жилища или из морально-этических соображений. Каждая малая семья (женатый сын с женой) имела свою собственность, свое имущество (не только личные вещи), свои пахотные земли. Это было установившимся положением, сын при женитьбе получал от родителей землю, скот и другое имущество – все необходимое для заведения собственного хозяйства. Женатых сыновей отделяли экономически, старались также отводить специальное помещение новой семье (если не подготовили собственного жилья для них). Еще М.М. Ковалевский заметил, что в Дагестане «большие семьи редки и каждый старается устроиться своим двором»⁹. И тот же Г.Ф. Чурсин пишет: «В большинстве районов семейной общины не существует, и женатые сыновья обыкновенно выделяются и живут отдельно, чтобы работать на свою семью. «Если огонь рано зажечь, золы много бывает», говорит аварская пословица: рано отделишься,

больше наживешь. Таким образом, наиболее обычно для аваров является индивидуальная семья, состоящая из родителей и неженатых детей¹⁰.

Подчеркивая отсутствие большой (неразделенной) семьи у аварцев (по этнографическому материалу) в исследуемое время, подтвержденное и исследованиями М.А. Агларова, необходимо сказать, что такая семья в Дагестане существовала. Существовала она у кумыков¹¹, лезгин¹², табасаранцев¹³, цахуров¹⁴, рутульцев¹⁵, а в центральном Дагестане (даргинцы, лакцы) сохранились реликтовые остатки форм таких семей¹⁶. У рутульцев и цахуров неразделенные семьи сохранились до середины XX в. В 1969 г. в селении Хнов (Ахтынский р-н) их было 5, селении Борч–7. В Борче (Рутульский р-н) я три дня жил в неразделенной семье Нурум, состоящей из 28 человек (четырёхпоколенный состав): чабанов, учителя местной школы, студентов, учащихся, служащего, колхозников, рабочих. Часть членов семьи жила в Азербайджанской ССР (селения Шин, Башгёйнук Шекинского р-на), часть в Дагестане – в верховьях реки Ахтычая. Сейчас этого селения нет в горах, оно заброшено, жители переселились на равнину (в 1968 г. в нем проживало 1120 человек). Информаторы из Хнова помнили семью Гаджиаббасовых, состоящую из 70–75 человек, в ней жили родные и родственники до четвероюродных братьев со своими детьми, она в 30-х годах разделилась на две семьи.

У аварцев найти большую семью мне не удалось.

Выделение новой семьи – новой ячейки общества – нашло свое отражение и в языке. Женитьба сына в аварском языке звучит как образование семьи – «хъизан гъабизе» или создание дома – «ригъин гъабизе». Они четко передают сущность происходящего события – создание самостоятельной ячейки, новой семьи вне семей родителей с той и другой стороны.

Создание новой семьи, женитьба сына или выдача дочери замуж, было большим событием как для их родителей, так и для всех родственников, тухума, джамаата. Заключение брака, как и многие сферы жизнедеятельности людей в этот период, регламентировались, определялись нормами шариата и адата, взаимно дополняя друг друга, они были разные, но суть одна: брак – это супружеский союз, узаконенный обычаем и религиозным обрядом. До вступления в брак у авар-

цев нормами шариата и адата категорически не допускалось половой жизни, как и у других народов Дагестана, «свобода полового общения ни в коем случае не допускается» (Б. Далгат). В условиях замкнутого общинного быта «приходилось считаться с установленными нормами нравственности» (Я.С. Смирнова). Одним из факторов строгого соблюдения морально-этических норм был сельский быт. Анонимное поведение исключалось, в среднем на одно селение Аварского округа в середине XIX в. приходилось 67 хозяйств, население – 262 человека, на один населенный пункт Гунибского округа – 31 хозяйство, население – 133 человека, на одно селение Андалалского наибства – 60 хозяйств, население – 260 человек, на одно селение Хунзахского наибства – 40 хозяйств, население – 165 человек. Самым крупным в Хунзахском наибстве было селение Хунзах – 387 хозяйств, население – 1741, средняя семья состояла из – 4,5 чел.; в Андалалском обществе – Ругуджа: 490 хозяйств, население – 2005 человек, средняя семья – из 4,1 человек; в Койсубулинском обществе – Гимри: – 296 хозяйств, население – 1130, средняя семья из – 3,8 человек; в Анцухском обществе – Тлярата: 48 хозяйств, население – 213, средняя семья – из 4,4 человека. Таким образом, все и все были на виду.

Соблюдение норм нравственности как незамужней девушкой, так и замужней женщиной строго контролировалось общественным мнением, обычным правом и ими же оберегало. В одном из сборников адатов в аварском обществе (Ф.И. Леонтович относил его к древнейшим сборникам не только в виду первоначального арабского текста, но и по самому содержанию и системе изложения)¹⁷ записано: «Кто пристанет к посторонней женщине с намерением учинить блуд, с того взыскивают одну корову и котел в пользу женщины и одного быка и один сакият дров в пользу родственников»¹⁸, в Кинедальском (Джурмут) обществе статья (адат) говорит: «Кто пристанет к посторонней женщине, чтобы учинить блуд, с того взимается 10 рублей в пользу женщины и 5 рублей серебром в пользу общества. Кроме того он прогоняется из деревни на один год»¹⁹. В Глебелском (Льебелал) обществе за подобное нарушение норм поведения «взыскивают одного быка в пользу родственников той женщины, а если она покажется ему, то с нее взыскивают одну корову и 6 ратлей с него и с нее в пользу общества»²⁰. Как видим, компенсируется моральный ущерб

пострадавшей и за одно поступают средства на общественные нужды. Обращает на себя внимание выражение «если она покажется ему». Об этой ситуации четко сказано в другой статье: «если какая-нибудь женщина, проходя по дороге с посторонним человеком, остановится с ним вместе в пустом здании или другом каком-нибудь безлюдном месте, то с нее взыскивают одну крову»²¹. Здесь мы встречаемся с оригинальной постановкой проблемы – за создание возможности, условия для приставания, соблазна наказывается женщина.

Женщина, кстати, наказывается во многих случаях. Так, «если женщина поблудит и родит дитя, то с нее взыскивается 20 овец»²² в пользу общества, а родственники могут поступить как они считают нужным, это право им дано обычаем. Почти во всех обществах существовал обычай, по которому строго наказывалось прелюбодеяние. «Если мужчина и женщина, совершавшие прелюбодеяние, будут убиты на месте поступка, то кровомщения не бывает. В противном же случае как мужчина, так и женщина выходят в канлы на один год и взыскивается с каждого по быку»²³. В Андалалском обществе по обычаю тот, кто был признан виновным за прелюбодеяние с женой другого может быть убит, как и жена, с согласия жителей селения»²⁴.

Во всех случаях мужчина нес ответственность за свои поступки. «Если женщина забеременела от прелюбодеяния, то с нее взыскивается один бык, также взыскивается один бык с прелюбодея, от которого она стала беременной»²⁵. Это в том случае, если к ним не будет применен «тот же самый адат, как за убийство». Приведем еще одну статью, подтверждающую сказанное о неприкосновенности чужой женщины: «Кто схватит женщину, у которой есть муж – платит обществу пятьдесят овец, выгоняется из деревни на год, а в продолжении трех месяцев его дозволяется убить»²⁶.

О прелюбодеянии в адатах сказано так много не потому, что оно было распространенным явлением, а потому, чтобы предостеречь людей от дурных поступков, соблюдались нравственные нормы и сохранить покой в общине.

Тяжким преступлением считалось изнасилование и растление несовершеннолетних, за которые адатами предусматривалось убийство виновного родственниками пострадавшей, а если не было кому нака-

зять, то джамаат изгонял виновного из аула навсегда с уничтожением его хозяйства.

Для вступления в брак необходимо было соблюдать некоторые условия и одно из них – достижение определенного возраста. Минимальный брачный возраст формально не регламентировался никем, а установленный шариатом возраст вступления в брак – 12 лет для мальчиков и 9 лет для девочек²⁷ – воспринимался как возможный вариант условного заключения союза, перехода из одной семьи в другую, но не супружеской жизни. З.А. Никольская пишет: «В селении Гента (Гидатлинское общество – А.И.) старались детей женить пораньше... Существовала даже «условная женитьба» малолетних детей. Маленькую девочку брали в дом к ее будущему мужу, и она жила на правах «условной жены», пока не становилась ею действительно»²⁸. Ранний сговор бывал. Гамзат Цадаса пишет: «Родители старались найти невесту для своего сына еще тогда, когда он лежал в люльке, и лишь в крайнем случае не позже того времени, когда сыну исполнялось 10–12 лет»²⁹. Но в брак вступали позднее – «после помолвки проходили годы»³⁰. В аdataх находим любопытное положение о возрасте: «Если девушка заявит на двенадцатилетнего мальчика о прелюбодеянии, то подвергает обоих сравнению, и если окажется, что девушка ростом выше мальчика, сильнее и старше годами, то заявление ее не принимается, а если она равна мальчику как годами, так и ростом, и силою, то мальчик отвечает точно так же, как отвечают в подобных случаях совершеннолетние»³¹. Данный обычай, видимо, носил воспитательную нагрузку, предохраняя подростков от подобных поступков и соблазнов, оберегал как самого субъекта, так и нравственные устои общества.

Брачный возраст считался с достижением половой зрелости, т. е. 16–17 лет для юношей и 14–15 лет для девушек. Однако фактически в брак вступали позднее. Определить конкретно усредненный возраст вступления в брак по этнографическому материалу не удастся, все старые женщины утверждают, что они вышли замуж в 14–15 лет, первый ребенок родился через год, а разница в возрасте между матерью и ребенком получается 18–19 лет. Но какую-то, приблизительную картину создают статистические данные. Согласно переписи населения Российской империи 1897 г. по Гунибскому округу состояли в браке: 13–14 лет – нет замужних и женатых; 15–16 лет – 108 замуж-

них женщин, женатых – нет; 17–19 лет – 411 замужних, 178 женатых³². Как видим, преобладающим возрастом начала вступления в брак был для мужчин 18–20 лет, для женщин – 17–19 лет. Этнографический материал свидетельствует, что ранние – 14–15 лет для девушек и 15–16 лет для юношей – браки были нежелательными по ряду причин. Это можно подтвердить словами рассказчика о ругуджинской свадьбе: «Жениху было около 16 лет, слабенький, еще не сформировавшийся юноша, невеста здоровая, сильная, хорошо упитанная, с красными как сафьян щеками, девка. Я уверен, что молодая могла бы достигнуть победы над своим мужиком, не жертвуя своими косами»³³.

Вместе с тем характерным было стремление родителей определить своих детей в собственных семьях «в свое время». О причине желательности ранних браков выше говорилось – сделать своих детей самостоятельными хозяевами, чтобы они нажили добро («кто рано начнет, тот больше сделает») и у них было много детей. Как считают информаторы, это был долг родителей и каждый из них мечтал поскорее нянчить внуков. Кроме того, родители считали, что засватанную дочь, согласно адату, никто не тронет, не обидит. Существует немало пословиц и поговорок, говорящие о необходимости вовремя определить дочь: «Гурай яс рокъой йигони, хварав чи вукъилалде яс росасе къе» – «выдай повзрослевшую дочь замуж, даже если в доме лежит покойник».

Особенно устойчивым было желание родителей выдать своих дочерей замуж в свое время, т. е. «избавиться» от них вовремя. Здесь можно привести множество поговорок и пословиц, которые говорят о нежелательности для родителей иметь дома взрослую незамужнюю дочь, о необходимости ее определить в самостоятельную семью. Такое желание объясняется еще и тем, что родители боятся за своих дочерей, может кто-то наговорить на нее, кто-нибудь похитить, поэтому старались отдавать ее поскорее, как только появлялся подходящий проситель. Бывало и так, что девушка засиживалась дома в ожидании подходящей кандидатуры (равной) «ратІалги щоларого, шигатги Го-ларого» (ратала – 2,5 кг. – не получая, шигатом – 1,2 кг. – не удовлетворяясь).

Говоря о брачном возрасте, следует отметить, что разница в годах особенно во внимание не бралась. Считалось идеальной разницей 4–5 лет, как правило, большинство браков заключалось именно так, но отклонения в ту или иную стороны бывали. Брак для мужчины и женщины считался возможным в любом возрасте, даже в 65–75 лет, и разница в годах может быть большая. Обычно одинокий пожилой мужчина женился на более молодой вдове, редко на девушке, по каким-либо причинам оставшейся дома и потерявшей надежду на равный брак. Таких случаев, известных нам по рассказам информаторов-женщин, более 20 (имеется в виду с разницей 30–40 лет), и у этих супругов нередко бывали дети. По настоянию родных и близких вступали в брак и пожилые люди, правда женщина это делала без особого энтузиазма, так как, во-первых, такой поступок в таком возрасте считался неприличным, во-вторых, ей замужество было «не нужно», оно не приносило ничего, кроме забот. Таково мнение женщин, а мужчины почти все считают возможным и желательным вступление в новый брак, даже если есть у них дети и их семьи. Некоторое представление о состоянии брачных отношений дает материал переписи населения 1897 года. В 20–29 лет замужних женщин в два раза больше женатых мужчин, в 40–49 лет – примерно, одинаковое соотношение, в 60 лет и более женатых мужчин почти вдвое больше замужних женщин. При этом в целом замужних женщин на 7 процентов больше женатых мужчин. Значит, было двоеженство. По Гунибскому округу соотношение вдовых таково: тысяча мужчин на четыре тысячи женщин (1008:4096), т.е. 1:4. В браке состояли всего 32067 человек из 55899.

Редко, но были случаи когда юноша вступал в брак с женщиной намного старше себя. Например, житель селения Чох Фитулав в середине XIX в. женился на богатой вдове Муминат, которая была старше его на двадцать лет. Она умерла, прожив с ним 23 года, оставив ему двух детей. Он вторично женился на девушке Аминат, которая была моложе его на двадцать лет (на 2 года моложе дочери). В селении Кикунни Муса женился (женили) в 17 лет на 35 летней Умукусум (вдова) с ребенком, и они прожили вместе до старости и вырастили еще троих детей. Вот обратный пример, в селении Сумета Осман (вдовец) в 41 год женился на Айшат, которой исполнилось

18 лет. Таких примеров можно привести много, но эти браки были исключением.

В целом материал свидетельствует, что при вступлении в брак придерживались принципа соответствия возраста брачующихся, но разница в годах не являлась препятствием. Кроме того, проявляется двойственность: с одной стороны – желание родителей в раннем возрасте (брачном) определить детей своих в самостоятельном хозяйстве, с другой стороны – фактическое позднее вступление в брак молодых, часто в зрелом возрасте. Причин такой двойственности несколько, главная – материальное положение семьи. Рано могли женить сыновей только богатые люди, обычно считали, что мужчина должен быть в состоянии содержать свою семью, иметь опыт жизненный, накопить необходимые средства. То же самое про девушек утверждают в тех селениях, где, по полевым материалам, был высокий брачный возраст: они, как и мужья, должны быть подготовленными к семейной жизни, ведению хозяйства.

Много сказано о патриархальном характере семейно-брачных отношений народов Дагестана, что в целом подтверждается и нашими материалами. Как правило, брак заключался по желанию родителей, решающее слово принадлежало отцу, но представление, что дети, особенно дочь, совершенно не имели права голоса, нуждается в корректировке. Дети должны были выполнять волю родителей в вопросах брака, этого требовала сама жизнь: жизнь родители знали лучше и людей тоже, знали кто есть кто. А девушки в тех культурно-хозяйственных, общественных условиях хорошо знали своих потенциальных женихов не могли, поэтому полагались на родителей.

Видимо, это было универсальное явление, и оно имеет место в жизни самых разных народов. Про индийцев вот что пишет исследователь: «Правилом являются браки по выбору родителей, и именно этого выбранного, не ею, мужа девушка готовится принять со всей полнотой первого – и последнего – чувства, со всей преданностью и покорностью»³⁴. И далее заключает: «Муж дан богом, муж – это судьба, мужа нашли родители в соответствии с древнейшими обычаями»³⁵.

В отношении дагестанских обычаев нередко писали так: «У девушки никогда не спрашивают согласия на вступление в брак и ре-

шают судьбу ее помимо нее. Но если девушка не желает, то даст знать матери, а та уговаривает уже отца, от которого зависит отдать или не отдать дочь за кого угодно»³⁶. Но в реальной жизни чаще бывало так, что девушку спрашивали. Существуют предания, повествующие, как умная дочь сумела отца убедить изменить свое первоначальное решение («Тупой нож жениха», «Оставь мясо в зубах до утра» и т. д.).

И юноши в основном полагались на выбор родителей. Если кому-нибудь понравится кто-то, то он мог через брата, друга, если у него спрашивали об этом и мать, изъявить свое желание. Но пойти против воли родителей, старших тухума, парень не мог, ибо это означало разрыв со всеми родными, лишение наследства, общественное осуждение и отчуждение и многое другое. Если не согласен с выбором старших, то надо было убедить их в нежелательности этого брака, а если уже дали слово – отказаться от него. И во многих случаях детям это удавалось, примеров тому немало.

Наверное, бывало и так, как пишет Гамзат Цадаса: «Если обручение состоялось, то ни жених, ни невеста по достижении зрелого возраста (речь идет о сговоре в раннем возрасте – А.И.) не имели права нарушить обручальный договор, даже если они друг друга и не любили. На этой почве немало девушек кончало жизнь самоубийством: чтобы не выходить замуж за нелюбимого человека, они бросались с высоких скал, бросались в бурные реки, отдавая свое тело на произвол бушующих волн диких горных рек; иногда обливали себя керосином и сжигали; вешались редко... юноша уходил из аула, и старательные родители навсегда лишались его, так как он не давал знать о себе»³⁷. Но нам не удалось записать ни одного предания, не говоря о конкретных воспоминаниях информаторов. Правда, есть скала и мост, с которых, по легендам, девушки бросались в реку. И здесь местные жители не могли сказать, кто они, когда и по какой причине случилась трагедия, высказывалась версия, вроде бы «мать поругала». Может быть, это тот самый случай, о котором говорит Г. Цадаса: «Если девушка осталась необрученной до совершеннолетия, то даже родная мать упрекала ее, что на нее нет спроса, нет покупателя. Такая девушка не ценилась, что доставляло ей тяжелые пережива-

ния. Нередко были случаи, когда после подобных упреков, особенно со стороны мачехи, девушка кончала жизнь самоубийством»³⁸.

Действительно, девушка, оставшаяся дома и не вышедшая замуж без причины на то (психическое расстройство, какое-нибудь увечье и т. д.), всегда чувствовала свою никчемность, общественную ущербность, психологический дискомфорт, люди к ней относились с двойным чувством – сочувственно-осуждающе.

Читая о положении женщины, в том числе и девушки, в обществе, семье в дореволюционном Дагестане, убеждаешься в сознательном искажении действительности, старании обрисовать жизнь горянки в мрачных тонах. Оно продолжалось в научных исследованиях, чтобы более красочно преподнести значимость, принесенных Октябрьской революцией и Советской властью изменений. Положение женщины в Дагестане формально было бесправным, действительно нелегким, нередко она «... рассматривается как частная собственность мужа» (Ф. Энгельс) и «... муж – полновластный господин жены своей, ... он всегда может убить ее»³⁹. «Что захочет отец, то и делает с дочерью, ни у кого не спрашивая согласия на брак ее»⁴⁰. Продолжая этот тезис, приведем слова Г. Цадасы о положении засватанной девушки: «Бывало, когда она не хотела выходить замуж за того, за кого ее сватают, не давала согласия: тогда отец или брат насильно заставляли ее дать согласие (кинжал лежит на шее девушки, и она, закусив пересохшие губы, говорит: «да, согласна»). Это согласие, вырванное путем угроз, считалось достаточным для венчания»⁴¹.

Приведу некоторые высказывания дореволюционных авторов об аварке, чтобы понять какое было у них представление о ее положении в семье и обществе. «Вот они, кавказские горянки (аварки – А.И.), – пишет Н.И. Воронов, – так размашисто идеализированные фальшивым строем лиры некоторых наших поэтов! Сгорбленные, в неуклюжих одеждах, они, отворачиваясь от нас, перетаскивали на спинах своих большие связки снопов, из под которых заметны были ноги, еле прикрытые дырявыми штанами. «Дамы, дамы!» радостно указывал на эти фигуры один из наших спутников, «смотрите, дагестанские дамы!» и это наивное замечание нашего спутника, весьма добродушного, казалось преисполненным злейшей иронии. В самом деле, какое сближение между тем, что европеец величает дамой, и между этими

несчастливыми жилищами кавказских гор, работающими как вьючный скот, и не только под старость, но и в 30 лет уже не могущими распрямить свой стан!»⁴².

И.С. Костемеровский пишет: «Здесь женщина играет самую жалкую роль. Ее, несчастную, никак нельзя причислить к породе людей, а это просто домашний скот, пользующийся тем только отличием от осла, что того загоняют в хлев... Не скоро, не скоро еще настанет лучшая пора для этих несчастных страдалец. Вот один из великих подвигов, которые предстоит совершить цивилизации. Утешим себя по крайней мере тем, что они сами не замечают своего положения, и ведя такую убийственную жизнь, они все-таки веселы, хохочут и поют посреди самых тяжелых работ»⁴³. С предыдущими авторами перекликается А.И. Золотухин – «Мужики, выпрямившись, идут гордо, задрав шапку на затылок, голову держат высоко, одной рукой придерживают кинжал, другой – ружье и распевают песенки; женщины же, согнувшись в три погибели, под тяжестью ноши, беспрестанно бросаются то в одну, то в другую сторону, понуждая ишаков идти по назначенному пути. Но как бы они эти мученицы не изнемогали под своим тяжелым вьюком, мужчины не обратят на это ни малейшего внимания»⁴⁴.

Имеются высказывания и другого характера. Например, М. Ливенцов пишет: «Они не дики, не прячутся при нашем приближении, охотно отвечают на вопросы, смеются нашим шуткам; но вместе с тем скромны, строги и целомудренны... До прибытия моего в Дагестан я никогда и не воображал, чтобы жены грубого и дикого народа могли быть так ослепительно хороши»⁴⁵.

Трудно согласится с утверждением о совершенно безысходном положении женщины Нагорного Дагестана. Г.А. Гаджиев, ссылаясь на С.А. Токарева, пишет: «В прошлом, в условиях патриархального быта, основанного на мусульманском шариате и адатах горцев, ставящих женщину в униженное положение, она очень редко могла выражать свои чувства и еще реже распоряжалась своей судьбой. Женщина в Дагестане была лишена всякой самостоятельности в вопросах заключения брака и создания семьи. Ей было запрещено искать себе жениха, дабы избежать всеобщих насмешек»⁴⁶. Поэтому прибегали к магии, «Полевой материал по любовной магии у народов Нагорного

Дагестана свидетельствует, что чаще всего к этим обычаям прибегала женская половина населения и сохранились они вплоть до XX в. именно среди женщин. ...Вероятно, приемы любовной магии возникли в пору сложения у народов моногамной семьи и пережиточно сохранились у высокогорных народов Дагестана»⁴⁷. Разумеется, любовная магия у аварцев существовала, но рациональные действия в семейно-брачных отношениях магическим действиям оставили очень незначительное место.

Примеров, подтверждающих бесправное положение женщин, описанных в литературе, можно найти множество, но не отрицая общего положения, не хочется соглашаться со всем сказанным. Показательным является разъяснение известного арабиста-ученого М. Нурмагомедова на вопрос «Является ли жена рабой мужа?», заданный через газету «Истина» (на авар. языке): «в исламской религии нет положения, ставящего женщину ниже мужчины, наоборот, пророк Магомед (с.т.г.л.в.) сказал «берегите мать»⁴⁸.

В последнее время дагестанскими этнографами предпринята попытка на основе полевого материала пересмотреть утвердившееся мнение о месте и роли женщины в обществе и семье⁴⁹. Ранее, говоря об общественном быте, я писал: «В научной и публицистической литературе, начиная еще с середины XIX века, хорошо освещено положение горянки, но, как мне представляется, еще недостаточно полно и ясно раскрыты ее роль и место в семье, особенно в обществе. Фактическая ее роль затушевывается формальным, видимым положением шариата и адата о ее неспособности к совершению действий юридического характера и нести ответственность за свои поступки... Вместе с тем было бы неправильно видеть в патриархально-шариатской регламентации отношений, официально принятых, униженное положение женщины как в семье, так и в обществе. Известно, что горец в быту, в кругу семьи бывал внимателен и приветлив с женой. Женщина в домашнем хозяйстве занимала достаточно самостоятельное положение, все в семье делалось сообща и в согласии.

Согласно норм поведения, мужчинам вменялось в обязанность заботиться о женщинах и защищать их от обид. Плохое обращение с женщиной и, тем более, нанесение ей оскорблений или побоев, считались позором. Доброта, воспитанность и гуманность по отношению

к женщине выступали как общепринятые нравственные нормы, и они были характерны для горцев Дагестана. За драку, удар женщины взыскивали штраф. Уважение к женщине в горах, видимо, в первую очередь следует объяснить ее хозяйственной ролью как в семье, так и в обществе, значением в воспитании детей – членов общины... Авторитет ее мнения в хозяйственно-бытовых вопросах был фактически непререкаем, она обладала значительной властью над детьми – мать имела право убить своего сына (дочь) – особенно над дочерьми. При решении вопроса о выдаче дочерей замуж и женитьбы сыновей решающее слово принадлежало матери, особенно весомо было слово «старшей» – матери отца. Официальное решение принимал отец, все объявлялось от имени его, но предварительно все вопросы обсуждали и согласовывали в семье»⁵⁰.

«Положение женщины в семье, – пишет С.А. Лугуев, – в определенной степени было зависимым по отношению к основному производителю – главе семьи, но это была зависимость младшего к старшему, менее мобильного к более мобильному, опекаемого к защитнику. К женщине–труженице, матери, сестре, жене мужчина относился бережно и с почтением, что, в частности, отразилось в устном народном творчестве народов Дагестана.

Полевой материал свидетельствует, что в XIX веке у горцев Дагестана существовал ряд позабытых со временем норм и обычаев, говорящих о подчеркнуто уважительном отношении мужчины к женщине»⁵¹.

После такой попытки представить реальную картину быта, места и роли женщины-дагестанки в обществе и семье, вернемся к вопросу о браке и положению девушки. Желая показать уважительное отношение к девушке, ее чувствам и мнению, мы не забыли о пословицах и поговорках типа: «Девушка – чужой товар», «Кто дочь потеряет и землю приобретает – тот потом не сожалеет», «Дочь – камень для чужой кладки», «У кого семь дочерей – у того дом валится: высится же дом у того, у кого семь сыновей» и т. д. Тем не менее, дочерей любили, дочерей желали в семье. Родители, желая своим детям добра, счастья, старались их не обижать, по возможности учесть их желания. Это отметил Б. Далгат, говоря о даргинцах: «Браки по принуждению родителей жениха не бывают, а по принуждению родителей невесты

бывают, хотя весьма редко и то лишь, когда есть основание надеяться, что девушке будет хорошо в замужестве, и она сживется с мужем потом»⁵². Заслуживают внимания слова «хотя весьма редко». Материал, собранный в аварских селениях, подтверждает, что у них браки по принуждению бывали действительно весьма редко.

Можно утверждать, что у аварцев, за редким исключением, браки заключались с согласия девушки и желания юноши. Судя по всем данным, семья строилась на патриархальных началах подчинения младших старшим, женщин мужчинам, но авторитарные порядки не установились или, скорее, не осуществлялись, и при вступлении детей в брак их желание учитывалось, но в рамках определенных возможностей и ограничений. Ограничения эти были связаны с сословным и имущественным положением человека, его здоровьем, характером (жениха, невесты). Семьи в селениях более или менее хорошо знали друг друга, знали в какой семье кто есть и в большинстве случаев заранее рассчитывали возможные варианты брачного союза, как со стороны юноши, так и со стороны девушки. Почти все информаторы – пожилые женщины – утверждали, что еще до выхода замуж знали своих будущих мужей, кто хорошо, кто не очень.

Знакомились молодые люди уже в результате проживания в одном ауле. Девушки с раннего возраста принимали активное участие во всех хозяйственных и общественных работах, они были на виду у юношей. Встречались они во время работ, выполняемых в порядке взаимопомощи, на свадьбах, праздниках, посиделках. Последние занимали особое место в жизни молодежи. Посиделки организовывались в форме взаимопомощи (гвай), где собравшиеся выполняли какую-либо работу хозяйки дома, в форме «ГъасдабакI» («место у камина»), «цIадухчIей» («сидеть у огня»), где сочеталось выполнение небольшой ручной работы и веселье, в форме вечеринки (чухIи, сухIмат) – специальные сборы, чтобы повеселиться, попеть, поиграть.

Нередко посиделки организовывались только с целью проведения свободного времени (обычно в осенне-зимнее время, после завершения полевых работ), чисто символически выполняя какую-нибудь незначительную работу. Во многих селениях посиделки были институцированной легальной формой свободного общения молодежи. Поэтому вряд ли можно считать верными слова З.А. Никольской:

«В селении Чох при выборе дома «кьороб рукъ» для праздничного веселья молодежь обычно исходила из того, «чтобы в доме в это время не было старших. Во избежание родительского гнева собрание сохранялось в тайне и обставлялось всевозможными предосторожностями. Во время встречи угощались, танцевали, пели и играли, веселились до самого утра»⁵³.

В действительности чохский «кьороб рукъ» – «общая комната» – собрание девушек, молодых женщин для совместного приготовления определенных блюд и угощения. Необходимые компоненты собирали вскладчину. Это широко известный в Дагестане обычай. Как утверждают информаторы, основной идеей сбора было общение, веселье, отдых, хотя формально поводом служило коллективное угощение. Обычай этот был не одобряемый в народе, но и не осуждаемый и проводили его вполне легально, однако в ограниченном составе, в узком кругу. Сюда мужчин не пускали, а мужчины и не ходили.

Сидение у огня обычно устраивалось в доме молодой женщины или девушки по просьбе молодежи. Здесь юноши и девушки могли узнать друг друга, каким-либо способом выразить свою симпатию, расположение, узнать намерение. Нам представляется, что вечерние виды сборов (обычно пожилые люди не посещали их, чтобы не смущать молодежь) являются одной из древних домонотеистических форм добрачного общения молодежи, сохранившиеся пережиточно и в более поздние времена. Сохранились они как необходимое условие для добрачного регламентированного знакомства юноши и девушки, ибо родители, родные при всех обстоятельствах, суровых обычаях и установках шариата желали своим детям семейного благополучия, совместности супругов. Для этого необходимо было хоть немного узнать своего будущего супруга. Это понимали и молодые люди, и их родители, и односельчане.

Существовали и другие формы встреч молодежи.

«В условиях дореволюционного Дагестана, – пишет С.Ш. Гаджиева, – где господствовали патриархально-феодальные порядки и патриархальное неполноправие женщины только посиделки и различные виды общественных праздников или работ создавали условия для общения молодежи. Только они, частично, удовлетворяли потребность молодежи в отдыхе, развлечениях, встречах. Однако такие

встречи были возможны не всегда и не везде. Известно, что в горных районах женщина была наделена относительно большей свободой, чем на равнине, так как в горах ее роль в хозяйственной жизни была более значимой.

... В целом же женщина повсюду больше или меньше была угнетена и адатами и шариатом. Остатки свободы общения скорее были данью прошлому, пережиткам родового быта, чем нормой жизни феодального общества Дагестана. Брачная инициатива, почти всегда, принадлежала юноше, а не девушке.

... Тем интереснее сохранявшиеся местами предания о былой брачной инициативе девушек и, реже, остатки самой этой инициативы. Устные предания народов Дагестана повествуют о том, что в прошлом девушек выдавали замуж лишь после того, когда они об этом сами гласно «заявляли»⁵⁴.

По этому обычаю, девушка, по каким-то причинам оставшаяся незасватанной должна была назвать имя своего избранника. Название имени происходило по разному (кьурмямяв (лакцы)⁵⁵, цӀцӀер джабир (андийцы)⁵⁶. С подобным явлением, хотя редко, мы встречаемся у аварцев. В селении Лъалух Карахского общества это происходило так: «старейшины аула собирали один раз в году всех девушек и женщин, которые по разным причинам не вышли замуж. Собирались также все холостяки-мужчины. Все приходили нарядно одетыми. По разрешению старейшины, ведущий произносил имя девушки и говорил: Человек не должен жить один, пора ей иметь спутника. Назови имя. Если девушка смелая, она могла сразу произнести имя своего избранника из тех, кто присутствует. Но если девушка стеснялась, то из толпы ее закидывали мелкими камушками до тех пор, пока не скажет имя избранника...

Возникает вопрос: всегда ли, мужчина отвечал взаимностью девушке, ведь выбирала она? Во-первых, мужчина долго был холостяком... Во-вторых, он не мог оскорбить женщину отказом. И, в-третьих, что очень важно, мужчина свято соблюдал традиции аула»⁵⁷.

Эта древняя форма заключения брака нашла отражение в низамах Шамиля (в многонациональном государстве Имамат) по брачным делам. Родителей обязывали своевременно выдавать дочерей замуж, иначе это мог сделать наиб. Низамы были направлены на создание и

укрепление семьи, облегчение положения женщины, сокращение размера калыма, где он был. Они укрепляли положение женщины в обществе, изменившееся с принятием ислама и введением норм шариата.

В целом, согласно устоявшимся традициям, при заключении брака, выдачи девушки замуж, нужно было услышать из уст самой девушки ее мнение. Однако, согласно тем же традициям, из уважения к отцу, братьям, старшим родственникам девушка, спрошенная о своем согласии на выход ее замуж за того или другого не ответит «да», если даже была влюблена в того мужчину, сказала бы «я сделаю так, как хотят мои родители», но если не хотела выйти за названного человека – решительно отказалась бы. Принуждение осуждалось в обществе.

Кроме того, как известно, все вопросы брака, семьи, опеки и наследства официально регулировались нормами шариата и по мусульманскому праву, шариату нельзя было выдать девушку замуж без ее согласия. Считалось непорядочным, не нравственным жениться на девушке, которая решительно отказывалась выйти замуж за него. Были такие случаи и это обстоятельство не вызывало особых осложнений между семьями. В таком отказе принято было видеть не оскорбление и не пренебрежение, а наличие своих соображений, т. е. со стороны сватов не все было взвешено, не все было рассчитано.

Так же воспринималось и отклонение предложения со стороны девушки. Но когда девушка твердо решила выйти замуж за кого-то (мотивы могли быть самые разные), то она могла прибегнуть к обычаю, широко известному в Дагестане – «уйти за ним», «бежать к парню», «убежать». Существовал он и у народов Северного Кавказа. Я.С. Смирнова считает, что «уход» – это форма умыкания и «его мотивы были чисто экономическими»⁵⁸. «Бежавшая за ним» могла пойти в дом к нему, что не одобрялось общественным мнением, к его старшему родственнику, к сельскому кадию-дибиру. Обычай «не допускал насильственного выдворения ее из дома и требовал, чтобы при любых обстоятельствах брак состоялся, хотя бы на время»⁵⁹. Такой поступок девушки считался оскорблением для ее семьи, и отец, братья могли не общаться с нею всю жизнь, но чаще со случившимся примирялись и соглашались на мир, перемирие. Оно проходило (официальная часть) в доме молодого человека (иногда и женатого), приглашенных угощали.

Вместе с тем, общественное мнение ее осуждало за нарушение общепринятых норм поведения и по андалалскому адату подвергалась наказанию: «С женщины, которая убежит за мужчиной, взыскивается 1 бык»⁶⁰. Общество одновременно предусматривало меры, исключаяющие нарушение нравственных норм: «Если за каким-нибудь мужчиной убежит женщина, то он должен поселить ее в дом дибира селения; если же оставит женщину у себя или в доме другого человека, то с него за каждую ночь ее проживания взыскивается по одному быку»⁶¹.

Большое, пожалуй решающее, значение при создании семьи имел выбор жениха и невесты. «Когда сын достигает совершеннолетия, – писал О. Каранаилов о чохцах в 1882 году, – и настанет время женитьбы, отец наводит справки о невестах и спрашивает своего сына не выбрал ли он себе невесту. Молодой человек свой отзыв передает родителям через товарища. Отец приглашает своих близких и советуется с ним: можно ли просить руки дочери такого-то человека, знатного или не знатного»⁶². Под словом «знатного» автор имел в виду тухум, социальное и имущественное положение. В ауле было три тухума небольших (у них есть названия, но приведем прозвища: «очищающие лестницы», «убирающие дохлых собак», «подсобляющие»), куда не отдавали своих дочерей остальные тухумы. Среди семи узденских тухумов были и богатые и бедные, слабые и сильные хозяйства.

Здесь могут быть применимы слова Г. Цадасы: «Серьезную роль играла и сословная принадлежность жениха: если его родители или один из его родителей даже в 7–10-м поколениях являлись рабами, то с ним не обручали свою дочь родители из свободных сословий»⁶³. Напомним, что здесь речь идет о Хунзахском ханстве, где сословное разделение было ярко выраженным.

В середине XIX в. и в селениях «вольных обществ» происходит различение тухумов по имущественному положению своих членов, одни становятся богатыми и сильными, другие – бедными и малочисленными. В это же время в горах появляются офицеры, царские служащие, крупные барановоды, которые сторонились от бедных крестьян, гордились своим положением. Так появляются семьи, с которыми многие хотели бы породниться, а сами из «нового сословия» стара-

лись заключить браки с такими же. Во многих селениях традиционные были тухумы, куда хотелось бы попасть многим девушкам из «непочитаемых» тухумов. В Кахибе – это Герегалал, Гента – Нахатилал, Ирибе – Цакъилал, Дусрахе – Амирилал, Гочобе – Барикилал, Хунзахе – Дайтилал, Буртунае – Чеглал, Цатанихе – Харитолал. В селении Кудали авторитетом пользовался тухум Дарбишилал и был тухум ХИамулал, с которым другие не роднились; в Ругуджа существовала поговорка: «тот, кто женится на девушке из тухума Исалал не обеднеет, не обеднеет и та девушка, которая выйдет замуж за юношу из тухума Чакаласулал». А в селениях Согратль, Унцукуль, Каранай, Верхней Дженгутай, Хвартикуни, Гоцатль на тухумы особого внимания не обращали, стараясь найти кандидатуру посостоятельнее.

«...При заключении браков, – пишет Г. Чурсин, – авары заботились прежде всего о том, чтобы жених и невеста были из равных по знатности, влиятельности и могуществу фамилий»⁶⁴.

При выборе будущего супруга, особенно жены, большое значение придавали личным качествам: здоровью, трудолюбию, характеру, внешним данным. Девушка должна была быть «физически крепкой, способной иметь здоровое потомство и выполнять многочисленные обязанности по хозяйству, дому и воспитанию детей»⁶⁵. У аварцев бытует много пословиц и поговорок, связанных с выбором невесты. Одну приведем: «Эбел йихъун яс яче, Глала бихъун тай босе» – «По матери выбирай дочь, по кобыле – жеребенка».

При выборе супруга (супруги), кроме названных, существенное значение имел принцип «свой – чужой». Предпочтительными были браки между родственниками, внутри тухума – названные эндогамными.

М. Ковалевский основываясь на имеющихся у него данных пишет: «Браки с родственницами признаются более почетными, и обязательство брать жен из собственного рода настолько строго соблюдается, что, при невозможности найти подходящую для него невесту в собственном роде, жених требует, чтобы избранная им чужеродка подверглась предварительно усыновлению со стороны его рода, и затем уже вступает с нею в брак»⁶⁶.

Было известно, что благополучие семьи, ее достаток, взаимоотношения членов, психологическая атмосфера и домашний уют во

многом, если не более, зависит именно от хозяйки, «женщины в доме», жены. Аварцы хорошо знали поговорку «Лъадуца рос бокъани борхальуде вахъинавула, бокъани тинда ккезавула» (Жена может мужа и возвысить и низвести). Поэтому юноша (родители) при выборе будущей жены в первую очередь думал о хорошей семейной жизни, о взаимопонимании с ней. Однако в литературе встречаются и другие представления. Например, Н. Львов пишет: «Мужчина смотрит на женщину, как на рабочий скот. Выбирая себе жену, он имеет в виду, чтобы девушка, или женщина была крепкая, дородная, а главное – неленивая, не с тем однако расчетом, чтобы иметь от нее здоровых детей – подобный расчет не входит в соображение горца, – а для того, чтобы будущая его жена могла исполнять все работы по хозяйству дома, в поле, в саду и прочее».

Поведение женщины, любовь к мужу, умственные способности и прочие качества ее также не принимаются в расчет мужчинами⁶⁷.

Существование у аварцев эндогамии было отмечено еще в начале XIX в. многими наблюдателями, и было много попыток (М.М. Ковалевский, Х.-М.О. Хашаев, З.А. Никольская, М.А. Агларов и др.) раскрыть ее сущность, происхождение, причин сохранности и т. д., поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе. У аварцев эндогамные браки были распространенным явлением. Кузенные (и ортокузенные и кросскузенные) браки считались предпочтительными. Если у девушки был неженатый двоюродный брат, то ее родители рассчитывали на него, узнавали о его намерениях перед тем, как дать согласие (ответ) на брак дочери с другими просителями. Точно так же поступала и семья юноши. Существовала поговорка: «Если хорошая жалко отдать, если плохая – стыдно».

Анализ материала по всем селениям свидетельствует о преобладающем представлении, что надо заключить брак со «своим» – о выгоде его информаторы приводят много доводов, но фактически в большинстве семей супруги не близкие родственники. Сложилось двойственное положение: существовало убеждение – надо остаться (оставить) внутри своего круга, закрепить родственные узы, а реальное положение – двоюродный брат (сестра) – это брат и его как мужа любить трудно, лучше выйти за чужого, увеличится число родственников. Из сказанного вытекает, что свобода выбора супруга внутри

общины существовала, и обычай этого не запрещал. Прав М.А. Агларов когда пишет: «... Письменные источники, обычное право, законы, описания старинного семейного быта и т. д. дагестанцев рисуют нам картину полной свободы межтухумного выбора»⁶⁸. «Таким образом, об эндогамии тухума, нарушение которой было бы каким-то образом ограничено законом или обычаем, нет и речи»⁶⁹.

Несколько другую картину рисует З.А. Никольская. После анализа брачных отношений, связей (дается схема браков в середине XIX века) аварцев Хахибского (ныне Шамильского) района она пришла к выводу, с которым трудно согласиться. Она пишет: «...Таким образом, появление эндогамии у аварцев должно быть отнесено к моменту утверждения патриархального рода и укрепления патрилинейной филиации. Этот момент в силу исторических, экономических и других причин для каждого рода или его подразделения наступил в разное время, причем одна группа раньше другой, связанной с ней дуальной экзогамией, перешла на патрилинейный счет родства. С этого времени классическая матриархальная форма рода, свойственная (как мы видели выше) аварцам, как и всем остальным народам мира, уступила место новым – патриархальным формам («цо рукъальул гIадамал», «кьибил»), характерной особенностью которых явилась эндогамия. Нарушение последней энергично каралось обществом, как ранее каралось нарушение экзогамии»⁷⁰. Как мы убедились, заключение брака за пределами родственной группы – «цо рукъальул гIадамал» или тухума не то, что каралось, но даже и не осуждалось. Мнение Агларова М.А., что дагестанский тухум не эндогамен, подтверждают данные по аварцам. Более того, как показывает этнографический материал, не всегда эндогамна сама община.

С.Ш. Гаджиева пишет: «Браки (и эндогамные, и экзогамные), как правило, заключались внутри аула. Выдача девушек замуж в другие общества и тем более в иноэтническую среду была редким явлением. Этот порядок отразился и в устном народном творчестве: «БацIадаб меседица гIор бахуларо, гIайиб гьечIей ясаль росу толаро» («чистое золотое реку не переплывет, хорошая девушка село не оставит»)»⁷¹. В свете сказанного любопытную картину дают адаты разных аварских обществ. Так, адаты Келебского общества запрещали женщинам браки с мужчинами других обществ и за нарушение адата строго наказывались»⁷².

Но для мужчин такого запрета не было, мог привести жену в свое селение. И если он умрет, оставив детей, она обязана была кормить своих детей до совершеннолетия, и могла остаться у детей. «Если же ее поведение будет вызывать осуждения и об этом узнают старейшины, то ей предложат покинуть селение, а если она не уйдет, то за каждый день пребывания в этом доме с нее взыскивается штраф в размере одной овцы»⁷³. Как видим, запрет был односторонним, и он касался только женщин. Кроме того, запрещалось выходить за пределы общества, т.е. союза сельских общин, но не в соседний аул, межаульные браки не запрещались, не регламентировались. Следовательно, говорить об аульном эндогамии причины нет, эндогамным было общество в целом. Существовало и другое положение: женщина могла выходить замуж в другое селение, но при этом должна была внести выкуп в пользу общины. В адатах сказано: «Если женщина выйдет замуж за кого-нибудь из другой деревни, то она платит десять рублей»⁷⁴. Таким образом, материала о существовании строгой тухумной или аульной эндогамии, запрета (адата) для совершения бракосочетания с жителем другого селения в исследуемое время мы не находим. Скорее всего, заключение брака внутри своих родственников было нравственно-этической нормой, чем строгим правилом, как об этом пишут многие.

Браки у аварцев заключались внутри селений, как указали выше, предпочтительно между родственниками. Вместе с тем, внеаульные браки в некоторых обществах не только не квалифицировались как нарушение какого-либо адата, обычая, запрета, но и были легитимны. В адатах Андалалского общества (напомним, они были составлены предположительно в XVII в.) говорится: «в наших селениях учащаются взаимные браки. Если одно из наших селений запретит оформить брак женщине с жителем другого нашего же селения, то с жителем запрещающего селения взыскивается штраф в 100 баранов. Если же окажется, что это селение взыскало этот штраф с того, кто женился на их женщине, то штраф отбирается»⁷⁵. И такие межаульные браки были нередки. Во многих аулах и сейчас живут потомки таких семей.

В целом следует сказать, что в Аварии адаты по вопросу бракосочетания заметно различались по обществам и соответственно эндогамный круг имел свое поле.

В андалалских селениях были и межнациональные браки, но редко. «Серьезной помехой для их заключения издавна являлись территориальная разобщенность, идеология этнической розни, языковые барьеры, различия в культурных традициях»⁷⁶. Сравнительно много межнациональных браков было в Чохе; обычно чохец со второй половины XIX в., находившийся на службе в наибствах, женился и привозил в аул жену и расширение родственных связей приводило к знакомству и выходу замуж за лакцев чохских девушек. Не было ни одного случая привода мужа на поселение в Чох. В Хунзахе, Гимри, Гергебиле, салатавских и других селениях были межнациональные браки, в Кудали в конце XIX в. были две даргинки, а одна из них после смерти мужа вернулась в родной аул, у них не было детей.

Формы левирата и сорората у аварцев существовали, но особого распространения не получили, особенно левират. Сорорат объясняется заботой сестры жены о своих племянниках, выйти замуж за зятя или нет решала она сама.

Аварцы, как правило, придерживались моногамии, хотя и они, по мусульманской религии, имели право одновременно иметь четыре жены. Но многоженство вообще не встречается, а двоеженство скорее было необходимостью, и оно имело место среди зажиточной части населения. К двоеженству относились настороженно, с ним связано много пословиц и поговорок: «Две жены у одного мужа – постоянная свадьба», «Хлеб выпекает печь, а жену – муж, а две жены – мужа», «На исправную мельницу воду не добавляют, на хорошую жену вторую не берут» и т. д. Обнаружить какую-либо связь с экономическими соображениями не удалось, вторую жену брали из-за бедности первой (часто она была инициатором и сватом), или ее болезни.

Сватовство. Рассмотрев вопросы, связанные с выбором брачной пары, вернемся к институту сватовства. Остановившись на ком-либо семья жениха не спешила посылать в дом девушки официальных сватов, сначала через близких, ее подруг узнавали как отнесутся к их приходу. В Чохе, как пишет О. Каранайлов: «По окончании семейного совета выбирают одну женщину, которая с каким-нибудь блюдом

и бутылкою какого-нибудь напитка отправляется в дом родителей невесты и дает знать, что она послана таким-то. Если тухум его (сватающегося – А.И.) не знает, или по каким другим причинам нельзя выдать невесту, то тотчас отказывают; если происхождение равное и нет никаких причин к отказу, то все-таки не дают слова, не посоветовавшись с близкими. На следующий день отец невесты приглашает своих близких и советуется с ними; после совета дают слово»⁷⁷. Здесь, видимо, речь идет о согласии в принципе дать слово, обычно заставляли несколько раз ходить. Но согласиться с тем, что «с распадом у аварцев дуально-экзогамной организации экзогамия, по видимому, сохранялась у них в форме заключения брака с любым другим родом... В содержание сговора входят прежде всего противопоставленность, соперничество и символическая борьба родственников жениха и родственников невесты. Эти начала выражаются, в частности, в том, что родители невесты в течение 2–4 месяцев обязаны противиться сговору своей дочери. Только после этого они уступали стороне жениха, но делали это так, чтобы никто из сородичей не заподозрил их в добровольном желании выдать свою дочь замуж»⁷⁸.

Аварцы большого секрета из сватовства не делали и ходить несколько месяцев не заставляли. Сроки решения зависели от нескольких факторов, но, если семьи были родственные и хорошо знали друг друга, вопрос могли решить в первый же официальный приход. Официальное сватовство начинается после предварительной договоренности о дне, их там ждут. Идут к родителям невесты «яс гьаризе» – «просить девушку» – три человека – близкие родственники, обычно сам отец может быть сватом и сельский дибир. Они с собой ничего не несут. Родители девушки, дядя ее по матери благодарили сватов за оказанную честь и угощали их. Здесь «дают слово» – «раги кьола». Во многих селениях после общего соглашения (договоренности) отец жениха устраивает прием и угощение для близких родственников невесты. В Чохе «их угощают до полуночи, иногда и позже, и назначают удобное время для венчания. На этом вечере не играет зурна, не поют песни»⁷⁹, но пьют бузу, чабу, водку. Вечер завершается рукобитием.

По другому шло сватовство у кегерцев, салтынцев, кудалинцев. Остановившись на ком-либо, семья юноши для разговора приглашала

к себе отца девушки (опекуна) и щедро угощала его, делала предложение. Отец, согласно этикету, откладывая ответ, заявив, что посоветуется с близкими, спросит у дочери. Вернувшись домой говорил с дочерью, советовался с членами семьи и близкими родственниками и принимал решение. Тот же этикет требовал, чтобы отец девушки через родственницу известил о своем решении. Если даже было отказано выдать дочь, то такое известие воспринималось спокойно, по принципу «есть и другие девушки», хотя определенная натянутость между семьями возникала.

Если предложение было принято, то семья жениха посылала в дом девушки пироги. Через день-два отца девушки посещал отец или дядя жениха и получал слово и совершал рукобитие.

Обычай посылать пироги играл важную роль в цикле сватовства. В адатах андалалцев, говорится: «Если кто попросит выдать за него замуж женщину и ее родственники ответили согласием, ели пищу в его доме (жениха – А.И.), то они не изменят слово в этом вопросе.

...Если же ее родственник по отцу или опекун данное слово изменит, откажет выдать ее замуж за него, то с опекуна взыскивается 1 бык»⁸⁰. Принятие пирогов (пищи) расценивалось как факт установления родственных отношений между двумя семьями. Общинные нравы строго соблюдались во избежание нарушения общественного покоя и порядка. Нарушение слова считалось позором для человека и наказывалось адатом. «Если кто выдаст женщину, на которую он имеет право как опекун, замуж, когда женщина засватана за другого, с него взыскивается штраф в размере 7 быков. Этот штраф взыскивается и с того, кто на ней женился»⁸¹.

Существовал и другой аспект нарушения слова – могли иметь и такие последствия, о которых писали Г. Цадаса и Б. Далгат. Гамзат пишет: «Если обрученная девушка выходила замуж за другого, это считалось большим позором для обрученного, и он должен был в качестве мести отрезать ей косы, или снять с нее головной платок или одежду, или убить того, кто на ней женился. В противном случае для него не было жизни среди общества, его считали трусом»⁸², у Далгата сказано: «Молодой человек делается смертельным врагом до самой смерти, если ему отказать впоследствии в назначенной в детстве невесте»⁸³. Видимо, все-таки, хоть очень редко, но бывали случаи на-

рушения слова. Об этом говорит и поговорка «Абурасул йикІунаро, ячарасул гурони» – «Не тому принадлежит, за кем засватана, а тому, кто женился». Платили положенный штраф, возвращали все подарки и затраты, и старались отойти друг от друга без взаимных оскорблений и враждебных действий. Ведь жили в одном ауле, коллективе, связанном многими нитями. В связи с боязнью нарушения слова складывалась противоречивая ситуация: с одной стороны – девушка и ее родные любили получать подарки и обижались, если их мало приносили, считая это как невнимание, пренебрежительное отношение, а с другой стороны – не хотели быть обязанными и еще, не дай бог, нарушение слова и могут возникнуть тяжбы и споры вокруг подарков.

Таким образом, сватовство в случае своего положительного исхода завершалось сговором, которому предшествует обязательное посещение дома девушки с подарками для нее и сладостями, продуктами, где получали подтверждение слова. С этого дня девушка становилась «абурай» – «помолвленная», «названная», «раги кьурай» – «сговоренная», и между семьями устанавливались близкие, родственные отношения. «Родители жениха часто посещают родителей невесты и носят туда разные подарки, а в Курбан-байрам посылают быка или барана» – пишет О. Каранаилов⁸⁴. На этом завершался первый этап подготовки к созданию новой семьи.

У аварцев, как удалось определить по полевым данным, люлечный и малолетний сговор редко практиковался, хотя об этом пишут многие. Например, Г. Цадаса пишет: «В горах среди аварцев считалось необычным, когда кто-либо женился по любви без обручения с малых лет»⁸⁵. А.В. Комаров отмечает этот обычай, как очень распространенный в Дагестане. «Весьма распространен обычай сговаривать детей, даже вскоре после рождения; при этом обыкновенно отец мальчика дает, в виде залога, какую-нибудь вещь отцу девочки и малолетние уже считаются с этого времени женихом и невестой»⁸⁶.

Аварцы такой сговор совершали неохотно и редко. На вопрос почему, всегда отвечали «это связано с неудобствами и неизвестно, что скажут дети, когда вырастут». Безусловно права С.Ш. Гаджиева, считающая такие сговоры эпизодическим явлением у народов Дагестана⁸⁷, и Г.Ф. Чурсин, который считает, что у аварцев сговор в очень раннем возрасте совершался только иногда⁸⁸. Большой частью он бы-

вал условным и ни к чему не обязующим. Происходило «раги би-цун» – «слово сказано», что существенно различается от «слово дано» – «раги кьун».

Повторим, что нормой заключения брака был сговор, который совершался по достижении молодыми людьми зрелого возраста (в половом отношении). Но аварцы изредка прибегали к такой форме заключения брака, как похищение (умыкание) девушки. Умыканию невест посвящена большая литература, в том числе и кавказоведческая, разработана классификация (Я.С. Смирнова, А.И. Першиц, С.Ш. Гаджиева), поэтому не останавливаясь на анализе его сущности, разных аспектов, отметим главное – оно «никогда не было санкционированным обществом и широко распространенным способом заключения брака»⁸⁹. В основном его совершали, если родители девушки отказывались выдать ее замуж за сватавшегося (месть за обиду), реже с согласия девушки – увод.

По адатам похититель рассматривался как нарушитель норм поведения и должен был быть наказан. «С того, кто похитит женщину, взыскивается 1 бык, а если кто-нибудь принимал участие в похищении женщины, то с него также взыскивается 1 бык»⁹⁰. ... «Кто женщину похитил, тот должен ее поселить в дом дибира, а если похититель оставит ее у себя дома или в доме другого, то с него за каждую прошедшую ночь взыскивался по одному быку»⁹¹. Наказывалась и женщина, которая убежит за мужчиной⁹².

Похищение было связано с опасностью погони и убийства виновного или могли отнять девушку и объявить его врагом. Но, как правило, благодаря вмешательству родственников, уважаемых членов общества, дело решалось миром, ибо девушка понимала свое положение и соглашалась стать его женою, а родители примирялись с заключением брака.

В жизни молодых людей сговор особых изменений не приносил, появлялась некоторая сдержанность в отношениях друг с другом, сговоренная должна была стать стеснительной, она при его появлении удалялась в другую комнату. Он помогал в работе, мог приходить в дом девушки по какому-нибудь делу, но тайное посещение с целью увидеть, поговорить запрещалось. В Чохе некий Имамуса убил сговоренного своей сестры, когда он пришел попрощаться перед ухо-

дом на пастбища со скотом. Девушка стояла у окна второго этажа, а жених разговаривал стоя внизу, и подошедший ее брат выстрелил из пистолета.

Невеста обычно в дом жениха не ходила (большинство селений), но избегать никого, в том числе отца жениха, старшего брата, она не была обязана, она и не избегала, и такого обычая у аварцев не было. Она вела привычный образ жизни, выполняла все работы, участвовала в «гваях», часто общалась с молодыми женщинами из его семьи, могла видеться с ним на посиделках, свадьбах, в других местах, поговорить в присутствии какой-либо взрослой своей родственницы.

Время от времени родственницы жениха (только близкие) посещали дом невесты и делали ей подарки. В келебских селениях обычно отправляли полный комплект одежды по тому времени: рубашку, штаны, пришитыми к низу цепочками, металлическими украшениями и монетами. Снизу с тыльной стороны рубашку и штаны обрамляли широкой полосой красной материей. В комплект входили также нарядный платок и обувь. В украшении одежды невесты принимали участие почти все женщины селения. Кто приносил цепочку, кто специально продырявленные металлические монеты, кто бусы и другие украшения.

Вместе с одеждой родители жениха в дом невесты посылали вяленые бараньи бока, курдюк, топленое масло, сушеный сыр, сырники, халву и др. Мать невесты и близкие родственницы, (отец невесты в этом не участвовал), заранее предупрежденные о времени прихода, готовились радушно встречать посланцев. Невесту старались отправить в соседнее село, к родственникам, чтобы она не знала об этом церемониале и прятали от нее все, что посылали ей родители будущего мужа.

Обязательно делали подарки по праздникам. В селении Голотл (Гьолокь) «подарки несли торжественно на глазах у всего аула и вручали матери невесты. Последняя радушно принимала и угощала дарителей, благодарила за подарки. Отец невесты должен был на это время уходить из дома»⁹³.

В селениях хунзахского нагорья, после получения согласия родителей девушки на брак, ближайшие родственницы жениха с девушками своего тухума должны были посетить обрученную невесту, взяв

с собой подарки для нее: медные кувшины, тазы разных размеров, одеяла, отрезки на платья, предметы из одежды, платки, украшения, сладости и другое. Подарок зависел от степени родства к семье жениха – чем ближе родство, тем ценнее бывал подарок. В свою очередь родители – мать девушки одаривала пришедших, в зависимости от ценности принесенных ими вещей.

Такие же были обычаи в селениях гидатлинского общества.

Во многих селениях демонстрация подарков была обычным явлением, здесь скрытая форма осуждалась. В селениях Кудали, Кегер, Дусрах, Хвартикуни подарки делать старались на людях, на свадьбах, во время гвая – часто устраиваемом специально для этого. Под звуки музыки, зурны, барабана на невесту накидывали парчовый платок, одевали кольца, браслет.

Обе семьи готовились к свадьбе.

На одной из встреч – обычно мать жениха специально посещает мать невесты – договариваются о дне свадьбы. Как правило, справляли свадьбы осенью, когда люди свободны от работы и собираются в ауле (еще на хутора не ушли, чабаны на зимние пастбища не перегнали овец) и время «богатое». Начинается интенсивная подготовка, невеста – приданное, жених – необходимое для свадьбы.

В период между сговором и свадьбой, сколько бы он ни длился – от 2–3 месяцев до 3–4 лет и дольше – особых церемоний не бывало. В некоторых селениях был обычай, по которому родители жениха приглашали невесту к себе домой и ей преподносили подарки, а жениха в доме невесты угощали. За несколько дней до свадьбы жених и невеста с близкими посещали родственников: жених – своих, невеста – своих. За месяц или 15 дней до свадьбы родные, друзья, гости из других сел Келебского общества приглашали жениха, устраивали вечеринки. Вместе с женихом везде его сопровождал дружок. На улицах их подстерегали парни и обливали водой. Чтобы этого не делали, дружок жениха обязан был их угощать конфетами, а в более раннее время – жареной пшеницей.

В селении Буцра жениха за несколько дней до свадьбы забирал к себе один из близких родственников, об этом – что хочет стать дружком – он заявлял заранее. Обычай этот назывался «бахIарав жанив тей» (оставление жениха внутри). В доме дружка организовывалось

угощение, развлечение. В них участвовали близкие родственники и друзья жениха, молодые люди. Устраивались танцы, игры, музыкальные соревнования. Из дома дружка жениха приглашали другие родственники и друзья, и здесь организовывалось угощение. Хозяева к приходу гостей готовили мясо, разные блюда, сладости, ячменную бузу. Так продолжалось до начала свадьбы. Во многих селениях и первый день свадьбы праздновался в доме «гьудула» (дружка).

Обычай приглашать невесту, жениха и его друзей на угощение был широко распространен у аварцев. Его подробно описал Н. Львов, который провел среди аварцев многие годы.

«Сосватанные молодые люди, – пишет он, – пользуются большим почетом от своих родственников. За месяц, или недели за три до дня вступления новобрачной в дом мужа, они ежедневно приглашаются своими родственниками, которые угощают их самыми вкусными яствами и питьями. Каждый из молодых, отдельно отправляясь в гости, ведет за собою почетную свиту мужчин и женщин, на долю коих, благодаря их патронам, достается немалая часть из вкусных яств. Во время нахождения жениха или невесты у пригласивших их родственников, дома последних наполнены гостями... Каждый старается быть веселым, развязным и многие острят самым забавным и приятным для самолюбия жениха образом. Там поются веселые песни, акомпанируемые стуком бубна (жирхен), происходит оживленная пляска... Рог, наполненный бузой или чабою, сопровождаемый криком обносчика «воре – швараб», непрерывно обходит гостей, составляющих собою тесный кружок, по середине которого красуется большое медное блюдо или деревянный лоток... наполненный чурками, сыром, колбасой, вяленой бараниной, таким-же курдючьим жиром, луком, медом, виноградом и другими фруктами»⁹⁴.

В той или иной форме приглашение жениха практиковалось почти везде и оно рассматривалось как проявление внимания и уважения к родственнику, члену тухума и, естественно, этот обычай способствовал сохранению единства и солидарности в тухуме, в целом и в общине.

За неделю до назначенного дня свадьбы еще раз уточняли день и обсуждали все вопросы, связанные с проведением свадьбы. Однако предварительного обговаривания об обмене подарками или оплаты

какой-либо суммы как выкуп за невесту не бывало. Выкупа за невесту–калыма у аварцев не было, а подарки делали какие считали нужными в зависимости от экономического состояния семьи жениха, характера взаимоотношений и степени родства семей. О приданом невесты тоже не принято было говорить, это решало ее семья исходя из своих возможностей.

Наблюдается довольно большое разнообразие по селениям в предсвадебных обычаях. В одних селениях накануне свадьбы отец жениха приглашает на угощение своих родственников – «тухум ахIи» (созыв тухума), в других – сторона жениха родственников (мужчин) невесты. Отец жениха посылает специального представителя к отцу невесты предупредить о готовящемся приглашении. Отец невесты в свою очередь предупреждает (сообщает) своих близких родственников – мужчин, чтобы они собрались у него на следующее утро. Когда все в сборе, отец жениха посылает двух старых и авторитетных людей в дом невесты. Посланные, когда приходят в дом отца невесты, покорно просят присутствующих посетить дом такого-то. После уговоров они выходят из дома и в строгом порядке: впереди один из приглашающих, за ним отец, а за ним по степени родства (а на деле: уважаемые члены тухума, пожилые – впереди, молодые – сзади) и замыкал шествие второй приглашающий. В доме, сняв оружие, садятся они в том же порядке. Молодые родственники жениха их обслуживают и кто-то более старший подносит каждому рог с бузой. Первый бокал пьет сам и когда очередь дойдет до угла, т. е. поворота, опять должен выпить сам. Длинных тостов не произносили, о свадьбе, невесте не говорили, пили со словами «здоровье» – «то же и тебе» или «пусть здравствует рука дающая» – «пусть здравствует рот пьющий». Каждая родственница жениха приносит какое-либо блюдо для угощения приглашенных. После угощения (в каждом ауле есть свои любимые блюда) переходят к веселью. О. Каранаилов описывает его в Чохе так: «После обеда, тухум невесты назначает из своей среды шаха и визирей, визири исполняют приказания шаха. Люди жениха стоят перед ними, и, исполняя их приказания, подносят напитки; если же кто-нибудь не исполнит, то шах приказывает визирям...бить палочками. Потом в комнату вводят девиц, во главе их бывает какая-нибудь женщина, они становятся в углу. Начинает играть зурна»... начина-

ются танцы. Так в «забавах проводят время до 12 часов вечера... Когда настает 12 часов, отец невесты встает и благодарит всех людей жениха, за ним встают все и расходятся. Впереди тухума жениха идут зурначи, накирачи и молодые люди с зажженными свечами (факелами – А.И.), а сзади тухума невесты идут девушки также с зажженными свечами и бутылками. Когда зурна играет, то молодые люди и девушки начинают петь. Нужно заметить, что гости со стороны, уходя из дома жениха, воруют, что попало, и все несут к невесте; если в доме ничего не найдется украсть, то они отправляются на хутора и воруют скотину. Таким образом провожают всех до дома невесты, потом возвращаются назад»⁹⁵.

Приглашение родственников невесты в дом жениха в андалалских селениях было обязательным элементом предсвадебного цикла, шествие к дому и обратно было церемониалом, устоявшимся ритуалом, и описанный порядок старались соблюдать. Обычай приглашения связан с тем, что близкие родственники (мужчины) невесты участие в свадьбе не принимали, а когда в доме невесты начиналась подготовка к выходу ее и в связи с этим собирались люди, они уходили из дома. Поэтому приглашенных старательно угощали, для них устраивали веселье, своего рода свадьбы. Отметим еще одно обстоятельство, обращающее на себя внимание – унести что-нибудь из дома жениха. Было такое поверье: с пустыми руками возвращаться – не к добру. Поэтому специально на колья на веранде, во дворе вешали хурджины, палас или еще что-нибудь нужное в хозяйстве, с хуторов пригоняли домой телку, бычка и «прятали» их.

Во время веселья в доме, отец жениха посылал муллу к невесте с близким взрослым родственником, предварительно получив согласие жениха на брак с такой-то, для совершения обряда бракосочетания – «магьар». Совершение религиозного обряда «магьар» было обязательным условием заключения брака. Его совершали, как правило, накануне свадьбы, но иногда в виду каких-то особых обстоятельств могли это сделать и заранее, но ни в коем случае после свадьбы. Фактически после этого юноша и девушка считались мужем и женой и, иногда, опять-таки в силу каких-то обстоятельств, не играя свадьбы, вступали в супружеские отношения.

Место, где совершали «магьар», особой роли не играло. Обычно оно происходило в доме девушки, и этому были свои причины. Перед заключением его обязательно нужно было получить согласие у девушки. При получении согласия должны были присутствовать мулла и два свидетеля. Для совершения акта доверенным лицом невеста делала своего взрослого родственника, последний обязан был, во-первых, получить «пурман» – согласие ее, во-вторых, обговорить и определить кебин-хIакъ, в третьих – иметь разрешение отца девушки.

«Магьари-хIакъ» – «цена бракосочетания» рассматривался как собственность жены, ее обеспечение на случай развода по инициативе мужа. Величина его зависела от материального состояния семьи жениха, сельских традиций. И состав зависел от названных обстоятельств: одни отдавали земельный участок, другие скот, часть дома и другое, но во всех случаях в середине XIX в. и деньги. Это была небольшая сумма: от 3 до 10 рублей. При совместной жизни супруги и не вспоминали о кебине, многие информаторы, вышедшие замуж в начале века не могли назвать состав его. Кроме того, у аварцев не было принято записывать кебинный дар – это должны были запомнить свидетели и доверенное лицо невесты.

Но если жена была мужем отправлена домой, дав ей развод, то она требовала свой кебин-хIакъ. Об этой ситуации в Чохе Г. Чурсин писал следующее: «... если между супругами возникла тяжба и делались попытки доказать незаконность брака, судьи, между прочим, старались выяснить, имело ли место разбивания кувшина, и факт разбивания кувшина считался доказательством того, что брак действительно был заключен»⁹⁶.

В Чохе существует довольно интересное предание о возникновении этого обычая. И до настоящего времени сохранился камень-ядро в стене дома (на месте бывшей мечети, там же квартальный годекан), над которым имеется плита с надписью на аджаме «это есть камень, об который бьют кувшином». Нам думается, разбивание кувшина это не магический прием, не обряд, и оно не связано с какими-то древними формами брака, а вполне целенаправленное практическое действие. По информации, таких камней в ауле было четыре, в четырех кварталах по дороге к родникам, каждый, кто выходил утром, видел, что ночью было заключено «магьари», и, таким образом, свидетелями

случившегося факта становились многие. И наконец, любопытная деталь: перед тем как разбить кувшин с густыми остатками бузы кричали «гъабго чедги, чанил бохги, чIагIдал рагIги, гIив-гIав» – «три хлеба, ляжку тура (дичи), кувшин бузы, гив-гав». Обращает на себя внимание слово тур (дичь и тур обозначают у чохцев одним словом «чан») и междометие «гIив-гIав», оно нигде больше не употребляется.

Обряд бракосочетания совершался тайно и обставлялся всевозможными предосторожностями, чтобы магическими действиями недоброжелатели не «завязали» жениха и не накликали беду новой семье. Однако замечание Чурсина Г.Ф., что во время бракосочетания один из близких родственников жениха стоял на крыше дома и, держа в руках огнестрельное оружие, следил, «чтобы кто-нибудь из недоброжелателей жениха не забрался на крышу и не стал проделывать колдовские махинации, при попытке залезть на крышу легко получить пулю»⁹⁷ является явным преувеличением. Сказанное вряд ли можно воспринимать серьезно. Обряд занимает мало времени и трудно узнать, когда именно его совершат, а мулла и поверенные в доме пребывали долго, беседовали, угощались. После этого мать посылала угощение на годекан.

В принципе обряд бракосочетания был недолгой и не сложной процедурой, таинственных действий при этом не происходили. Необходимыми условиями были присутствие пяти человек: духовного лица, совершающего обряд – обычно дибир, мулла (вали); двух уполномоченных, по одному с каждой стороны (невесты и жениха) с их разрешением на заключение брака; двух свидетелей. Брачный обряд мог совершить только духовное лицо. Как правило, даже ученый арабист этого не делал, приглашался человек из мечети. Это предписание нашло отражение и в адатах некоторых обществ. Например, в адатах Гидатлинского общества говорится: «Если кто-нибудь оформил обряд бракосочетания, не будучи дибиром, то с него взыскивается штраф в размере одного котла, а с двух свидетелей, присутствовавших при этом, – по одному»⁹⁸. Присутствовать могли только мужчины, а женщины, невеста в обряде никогда не участвовали, сам жених мог участвовать, но такое бывало редко.

После прочтения короткой молитвы и проповеди по случаю (хутба), поверенные пожимали друг другу руки (правые) вытянув вверх большие пальцы и трижды повторяли за духовным лицом, который зажимал своими руками их большие пальцы, примерно такие слова: «С помощью и с соизволения Аллаха, и по пути, указанному пророком, я такой-то, отдаю дочь (имя) такого-то (имя), которая меня уполномочила, в жены сыну (имя) такого-то (имя), которого тебя уполномочил совершить бракосочетание; я, такой-то (имя), поверенный жениха (имя), беру (имя девушки) дочь такого-то (имя) в жены такому-то (имя) сыну такого-то (имя). Обряд заканчивается чтением суры из корана, молитвы – просьбы (дугла), произносит «Фатиха».

Во время бракосочетания при свидетелях еще раз назывались сумма и имущество выделяемое женихом будущей жене. О приданном невесты речь не шла, это дело ее родителей.

Приведенное описание обряда разумеется является очень схематичным, по шариату же, как утверждают служители мечетей, он является сложным институтом, имеющим разные варианты процедуры, в зависимости от того, кто является опекуном девушки, кто и где совершает обряд бракосочетания. По шариату отцу девушки, если нет отца его отцу (дедушке), позволено выдать ее замуж, не ставив даже в известность об этом. Если она была замужем, то надо было получить ее разрешение на брак. Материнская сторона не имела права решать вопрос о бракосочетании девушки.

Свадьба. Самым ярким и торжественным моментом во всем брачно-семейном цикле, кульминацией всех проводимых мероприятий и обрядов была свадьба. Свадьба представляла собой длительный и сложный процесс, распадающийся на несколько этапов, праздник, торжество для всех участников, красочное зрелище, театрализованное представление.

Свадьба аварцев отличалась большим разнообразием. С.Ш. Гаджиева пишет: «В свадебном цикле каждой этнической общности наблюдались как общие черты, так и узколокальные различия отдельных обществ и аулов. Особенно большой вариантностью отличалась свадьба в Нагорном Дагестане и прежде всего в районах расселения аварцев и аварской группы народностей»⁹⁹. Действительно, необходимо отметить, что свадьба аварцев в каждом обществе, в каждом

селении имела свои особенности, хотя в основе своей имела общую канву, по главным своим действиям исходила из единой основы. На свадьбе в одних селениях участвовали все жители, в других – только приглашенные.

Среди множества действий и обрядов особым весельем и магическими обрядами, смеховыми и театральными сценами, состязанием в остроумии сторон, отличалась процессия перехода невесты в дом жениха. Как правило, шествие невесты сопровождалось музыкой (зурна и барабан) и хоровым пением. Существовали специальные мелодии «свадебные», «дорожные».

Чтобы иметь общее представление о свадебных обычаях и обрядах аварцев приведем некоторые описания по обществам и селениям, особенно не углубляясь в подробности.

У андалалцев (в каждом селении имелись свои особенности, различия в общем сценарии) в доме невесты свадьбу, можно сказать, не играли, а происходило торжество-вечеринка по случаю «выдачи» дочери замуж и слово «свадьба» по правилам не употребляли. И приглашать специально людей было не принято, но ставили родственников в известность о дне бракосочетания. Вечером родственницы нарядно одетые приходили с подарками к невесте, а мужчины (близкие родственники) уходили из дома пока не кончится «все это». Приходили сюда и дальние родственники и соседи (мужчины), в ожидании прихода делегации (посланцев) жениха вначале за вещами-приданым, потом за невестой, угощались, веселились, но без особого шума. В этот вечер невеста-сговоренная становилась «бахарай» – «молодая».

За вещами ходили обычно в сумерках, женщин сопровождали несколько мужчин, чтобы можно было помочь нести тяжелые вещи. С ними в дом жениха отправлялись две родственницы, чтобы подготовить комнату для новобрачных.

Примерный список приданого в Чохе приводит Е.М. Шиллинг. Он пишет: «Здесь необходимо будет охарактеризовать приданое невесты. Оно представляет собой более или менее точно очерченный обычаями набор имущества, качество и количество коего колеблется в зависимости от состояния родителей выдаваемой замуж девушки.

Основным элементом, определяющим количество входящих в состав приданого предметов, являются постельные принадлежности

(тюфяки). Отсюда и самое наименование приданого – бусен-рагI, что значит «тюфяк-посуда». Примерный список хорошего приданого выглядит следующим образом: 4 тюфяка (преимущественно темно-красных с бархатной или парчовой лицевой стороной), свернутых тюками и повязанных лентой с красивым бантом; 4 стеганых шелковых одеяла; 4 пуховые подушки с белыми шелковыми наволочками; 4–5 новых полосатых паласов; 2–3 ковра; 10–15 полосатых шерстяных хурджинов; 10 новых шерстяных мешков; парчовый подзор (настенная занавеска) с бахромой, украшенной у богатых серебряными монетами; до 12 комплектов рдежды, уложенной в красивый кованный сундук; сундучок с различными мелкими женскими вещами; 4 больших медных водоносных кувшина с парчовыми подкувшинниками; 3 медных кувшина меньших размеров; 4–5 медных кумганов, т.е. кувшинов (с носиками) для омовения; 2 больших медных таза; 2 медных таза меньшего размера; 2 больших деревянных блюда для теста; 1 сито; 1 висячий деревянный поставец для хранения ложек; корова с телкой и (у богатых) лошадь с седлом»¹⁰⁰.

В доме жениха приглашенные собирались после темноты, угощались, веселились. Здесь играла зурна, барабан, пели сольные и хоровые свадебные песни. Ко времени по обычаю, строго по правилам (обычаю), отобрав персонально условленное количество людей, посылали их за невестой. В разных селениях было разное число. Посланные соблюдали определенный церемониал. Заходили в помещение попарно – мужчина и женщина и после приветствия, небольшого угощения у них спрашивали, зачем они пришли, что ищут. Если они скажут «мы пришли за невестой», их наказывали – заставляли петь, танцевать, кукарекать, привязывали к столбу и т. д. ответы должны были быть абстрактные, иносказательные, типа «нужна умная голова...», «нужен бриллиант для перстня», что-то о цветке и т. д.. Потом их основательно угощали, для них устраивали танцы, пели песни.

Время вывода невесты из дома в разных селениях было разное. В Хиндахе – Хоточе она выходила за два часа до полуночи, в Бухты, Согратле – еще раньше, в Ругуджа – около полуночи, в Чохе, Обохе – на рассвете. С нею обязательно бывали две подруги – наставницы, множество родственниц. Мужчины – родственники невесты – участие не принимали. Шли с музыкой, песней, при свете факелов, с остано-

ками. Часто перегораживали дорогу, устраивали шутливую потасовку. В Ругуджа невеста при входе в дом – у порога – перешагивала через бронзовый котел, встречающие бросали на нее серебряные монеты, сахар, конфеты. Жених встречал невесту и снимал сапоги. После недолгого веселья во дворе, новобрачных оставляли наедине. На следующее утро родители жениха (женщины женщинам) показывали свидетельство невинности невесты. В танцах, в трапезе на площади (обычно гумно) участвовал весь аул. После обеда устраивали заключительный танец невесты и жениха – «молодых» – «бахIаразулаб» – в окружении близких, под шум, крики, стрельбу, чем и заканчивалась свадьба.

В селении Чох за несколько дней или накануне свадьбы, вечером родители жениха посылают в дом невесты хус, особый подарок, состоящий из следующего набора: тIас (медное блюдо) с натIухIом (сладость из ореха и меда), тIас с бахухом (халва из муки, масла, меда или сахарного сиропа), блюда с пловом (отварной рис с маслом и посыпанный сверху кишмишем), корзина с хлебом (чед), поверх которого положены две половины вяленого барана, корзина с фруктами, блюда с кьотIарал ботышал (пирожки с творогом и яйцами, жареные в масле), сверток с покупными конфетами (позднее коробка), большой кувшин с бузой – чIагIа. Все это несут женщины и мужчины – родственники жениха (у бедных не меньше 3–5, у богатых от 7–9 человек), каждый с какой-нибудь поклажей. В доме невесты их встречает жена ее дяди (со стороны матери) или жена ее двоюродного брата. Пришедшие передают хус, а родственницы невесты вводят их в комнату, рассаживают на подушки и угощают, все это сопровождается обменом любезностей, а пришедшие начинают речь в неопределенных выражениях – «мы пришли снизу вверх», или «оттуда сюда». Невеста в это время находится где-нибудь в дальней комнате или у соседей. Принесшим хус подносят подарки. Более близким родственникам жениха более дорогие и лучшие вещи. В состав таких подарков обычно входят головные платки, отрезки на платье, носовые платки, бухча (мешочек из парчи в форме конверта, предназначенный для хранения ниток, иголок и других мелочей женского обихода). Посуда, в которой был принесен хус, временно остается в доме невесты. Без лишнего промедления начинают готовиться к торжественной раздаче

хуса: созывают родных, соседей и устраивают прием. Званные входят со словами: «желаем, чтобы данное вами слово оказалось счастливым». На разложенной скатерти выставляют весь хус и начинают им угощать гостей. Если кого-либо из близких забывали пригласить на эту церемонию, или в крайнем случае не послали отсутствующим доли хуса на дом, это считалось незабываемой обидой и предметом постоянных упреков – «мы, мол, не получили хуса». По мере надобности посуда из – под хуса возвращается в дом жениха. Её относил родственница невесты или знакомая девушка, обычно соседка. Вместе с посудой посылали халву, ботышал. Возвращающая посуду получала из дома жениха подарок (шелковый или бумажный головной платок, шерстяные вязаные носки и т. п.).

В Чохе невеста подходила к дому жениха, когда начинался рассвет, ее там встречали шумно с факелами, перед домом танцевали, при входе в дом – правой ногой на нее сыпали то же самое, что в Ругуджа, мать жениха во дворе ей в рот клала ложку меда, могли называть скотину в качестве подарка. Потом ее вели в комнату для молодых. Здесь на полу комнаты, близко от порога, лежала шуба, под ней серп. Невеста правой ногой наступала на шубу и входила. Когда она войдет в комнату, одна из родственниц жениха держит перед ее лицом зеркало и Коран. Делается это для того, чтобы невеста всегда была такая радостная, как в этот день. Серп брала одна из ее подруг, шубу убирала родственница жениха. Невесту устраивали поудобнее, ведь ей там приходилось сидеть весь день до ночи, не поднимаясь. На колени ей сажали мальчика, выражали пожелания. Жених в это время не должен быть дома, он бывал у двоюродного брата – дружка. После непродолжительного перерыва, для устройства невесты и чтобы женщины выполнили утренние работы: подоили коров и вывели скот на место сбора стада, приготовили завтрак и т. д., с восходом солнца, веселье в доме жениха возобновлялось. В обед появлялся жених, он должен был танцевать с невестой. К вечеру приглашенные расходились, чтобы с утра вернуться. Жених рано утром уходил в бассейн – «кбулҕа» с дружкой и угощал находящихся там молодежь сладостями, халвой. Вернуться на свадьбу он мог только к обеду.

Вернувшись утром на свадьбу приглашенные, родственники должны были подойти к молодой жене и поздороваться, иначе про-

винившегося наказывали (петь, станцевать без музыки т.д.). На второй день участники расходились пораньше. На этом свадьба фактически заканчивалась.

В некоторых селениях Хунзахского общества (Буцра, Хариколо, Гоцатль) обычно за два-три дня до свадьбы невесту уводили из дома к дяде, двоюродной сестре или к замужней сестре. Ее там навещали подруги, родственницы. В день свадьбы, обычно ее справляли в четверг, в дом приходили и мужчины – соседи, родственники, но не близкие. Здесь играла музыка, пели, танцевали, угощались, но веселье бывало скромным, не шумным.

Исследовавшая семью и семейные обряды, формы заключения брака и свадебный цикл народов Дагестана С.Ш. Гаджиева пишет: «У каждого народа свадьба представляла собой сложную систему обрядов, состоявшую из многих звеньев, тесно связанных друг с другом и неукоснительно соблюдаемых на протяжении значительного отрезка истории.

По давней традиции, на свадьбу приглашались все родственники, соседи, а также кунаки из других аулов. Торжества организовывались как в доме жениха, так и в доме невесты. В последнем они проходили более скромно и были сравнительно кратковременными.

У аварцев свадьбу невесты вместо ее родителей иногда справляла женщина, которая забирала невесту к себе перед выходом замуж (сел. Сиух и др.). Более того, во многих аварских обществах в день свадьбы мужчины – родственники невесты – не принимали никакого в ней участия и перепоручали соблюдение всех обрядов женщинам и нескольким дальним родственникам.

Так, в аварских селениях Кудали, Согратль, Голотль, Гоцатль, Сиух... во время свадебной церемонии отец, братья и другие близкие родственники невесты покидали дом на целый день и возвращались только на следующий. Остальные родственники оставались в своих домах, но на свадьбе также не присутствовали.

...Явлением того же характера был порядок, по которому невесту никто из мужчин не сопровождал и за ней никогда не приходил мужчина из дома жениха.

У гоцатлинских аварцев, например, невесту обряжали и готовили к свадьбе мать и сестра. За ней приходила вечером только женщина

из дома жениха, и никто из родительского дома ее не сопровождал. Мужчины ее дома либо не знали, либо делали вид, что не знают о происходящем. Отец мог даже спросить: «Где дочь?»¹⁰¹

Сказанное могло иметь место в сел. Гоцатль, когда выходила замуж вдова или когда в селении был траур, а бракосочетание по какой-то причине надо было срочно справить, т.е. после заключения магъара перевести девушку в дом юноши. Такое могло происходить во всех селениях и обществах.

По адату, как свидетельствует этнографический материал, в Гоцатле и в соседних селениях свадьбы играли и мужчины в них участвовали.

В селении Буцра жениха за три-четыре недели до свадьбы забирал к себе один из его близких родственников, который о своем желании заявлял сразу после сватовства. Обычай этот назывался «оставить внутри». Жених и его близкие все это время хорошо угощались, развлекались. К нему с продуктами приходили кунаки из соседних аулов, его приглашали родственники и друзья. Здесь следует отметить, что во время этих пиршеств пили только ячменную бузу и строго в ограниченном количестве, опьянение считалось недопустимым поступком. Большое место в времяпровождении молодежи занимали танцы, песни, чтение стихов, рассказы.

Настоящая, шумная с большим количеством участвующих, свадьба шла у жениха, она начиналась за два-три часа до полудня, о начале ее оповещала музыка – звуки барабана и зурны. Руководил свадьбой тамада.

Ближе к полудню мать невесты выносила ее приданое, а родственники жениха его доставляли в дом и женщины готовили комнату новобрачных.

После обеда к невесте приходили посланцы из дома жениха, количество их не было установленным, обычно делегация составляла 10-15 человек. Среди них обязательно бывал человек опытный, умеющий хорошо и красноречиво говорить, создать веселую обстановку. Их встречали шумно, с песнями, музыкой, приглашали танцевать. Старались их хорошо угостить, развлечь, подшучивали над ними, но невесту отпускать не спешили. Разыгрывали сцену сопротивления, недовольства тем, что хотят забрать «лучшую», «превосход-

ную», «райского цветка», требовали соответствующей замены уходящей или богатства (блага) рая, «птичьего молока, рога змеи», но после всяких обещаний и долгих перечислений достоинств будущего главы семьи и его родных «уступали» и процессия выходила на улицу. Невесту, как подруги, сопровождали две замужние женщины. По пути в нескольких местах молодежь преграждали дорогу, инсценировали борьбу, требуя выкупа, и после шутливой перебранки молодые люди получали мясо, хлеб, кувшин бузы, вина, а дети – сладости.

У ворот дома жениха процессию встречали все участники свадьбы, устраивали обязательный танец родственника жениха и родственницы невесты. Приводили корову, чаще телку как подарок от родителей и ставили метку – «Глуж бала». Каждая сторона поет шуточные песни, восхваляющие достоинства своих. На невесту сыпали монеты, конфеты, орехи. Мать жениха, введя невесту в дом, клала ей в рот ложку меда, пожелав сладкой счастливой долгой жизни и много детей. Смысл обсыпания невесты заключался в пожелании ей богатства, изобилия.

Всех прибывших угощали, приглашали к веселью. Под вечер на танец выходили жених и невеста, их окружали, шумели, родственники жениха старались станцевать с невестой. С наступлением сумерек люди расходились, подруги и невеста уходили в комнату, подготовленную для новобрачных.

На следующий день родители невесты приглашали своих и новых родственников к себе и играли скромную свадьбу. Родители жениха участие не принимали. Дочь и зять получали хорошие подарки (что пригодилось бы в хозяйстве), подарки получали и родственники жениха – старшая подруга невесты от ее имени дарила им носовые платки, кисеты. После выхода невесты за водой, (5-7 дней после свадьбы) молодоженов в гости приглашали родственники, дарили скот, посуду, одеяла, ковры – все то, что могло помочь создать новое хозяйство.

Проводить свадьбу помогали родственники, приглашенные, приносили зерно, муку, масло, мясо, бузу (с. Буцра), вино (с. Гоцатль), деньги (редко), давали постельные принадлежности, рукодельные изделия.

В селении Маали (нынешний Гергебильский р-н) существовал оригинальный танец, исполняемый на свадьбе. Обряд этот описан¹⁰², даю его в переводе. Под музыку специальной танцевальной мелодии для жениха и невесты, жених, с букетом из десяти и более разных цветов, выходил на середину круга в сопровождении своих дружков. Они исполняли быстрый танец. Невеста в белом покрывале, ее нарядно одетые две подруги, неспеша вставали с места, опустив головы, медленными, скользящими короткими шагами двигались к центру круга, а жених и друзья танцевали вокруг них, исполняя быстрый вариант известной лезгинки. Через некоторое время в круг выходили по двое несколько пар девушек, возглавляемые опытными женщинами, одетые в платья из парчи, шелка и бархата, в таких же разноцветных платках, с богатыми налобными и нагрудными украшениями. В парной цепочке должно было быть десять человек и у каждой в руках разукрашенный бубен. Размахивая поднятыми над головами бубнами и руками, раскачиваясь из стороны в сторону они танцевальным шагом двигались по кругу и пели песню. В песенке основной акцент делали возвышая голос на припев – слова «гъайтая, гъайтая» (не переводится).

Слова песни были примерно такого содержания:

«Не смотри на нее, смотри на меня,
Береги ее от сглаза, меня брось в огонь.
Гъайтая, гъайтая, гъайтая, гъайтая!
Не смотри в ее сторону, смотри на меня,
Та сторона закрытая для вас, я – открытая.
Гъайтая, гъайтая, гъайтая, гъайтая!»

В центре находилась невеста с подругами, вокруг них двигались жених с друзьями, третье кольцо – «бриллиантовое ожерелье» – составляли поющие и танцующие пять пар женщин. Дойдя до экстаза, они все громче били в бубны и выкрикивали «гъайтая». Теперь к зурне и барабану присоединялись все музыкальные инструменты, на которых можно было играть танцевальную мелодию. Этот сводный оркестр и громкие выкрики создавали атмосферу особого накала, настроя всеобщего празднества и все присутствующие начинали танцевать. Неожиданно музыка замолкала, жених брал невесту за руку и

проводил на место и просил сесть. Выдержав паузу, снова звучала музыка и начинались танцы, танцевали парами и отклонить приглашение юноши девушка не должна была. Веселье продолжалось до темноты.

Селение Гергебиль, Гергебильская невеста вошла в поговорку аварцев как символ медлительности в действиях: «Что ты возишься как гергебильская невеста, шаг вперед, два шага назад».

До кавказской войны гергебильский джамаат состоял из двух селений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга: одно на верхней горе, другое на нижней горе (18 июля 1848 г. «Гергебиль был совершенно уничтожен: часть его разрушена артиллерийским огнем, а другая часть взорвана минами»). По существовавшему обычаю браки заключались между жителями этих аулов. Внутриаульные браки не рекомендовались. Обычно молодые люди не знали друг друга, решение об их женитьбе принимали родители. Выбирали девушку равного положения из подходящего тухума, семьи. Возможность и желательность такого предложения выясняли женщины, вели негласно переговоры, обе семьи свое намерение обсуждали с близкими родственниками. Получив их одобрение семья юноши посылала двух уважаемых в тухуме мужчин к родителям девушки и получали согласие от отца.

Через пару дней мать, сестры, близкие родственницы жениха с большим подносом халвы шли к девушке «увидеть лицо» и делали ей небольшие подарки. Пришедших угощали, при этом обязательным блюдом была мучная каша (хIичи), когда уходили давали с собой по одному хлебу.

Второе посещение невесты родственниками жениха было многочелочным, с собой несли вяленые туши баранов, зерно, халву из орехов и абрикосовых косточек, комплект свадебного наряда, серебрянный пояс, материал для одежды, ткань для матрацев, разные украшения и другое, что могло пригодиться семье, готовящейся к свадьбе.

За два-три дня до свадьбы молодые девушки-родственницы невесты собирали хIет – ковыль для набивания матрацев. Большие мешки с травой, перевязанные в двух местах полосками белой ткани, вместе с другими предметами приданого, ставили на краю крыши дома и люди узнавали о близкой свадьбе.

Большой интерес представляет описание гергебильской свадьбы, сделанное непосредственным наблюдателем под вседнимом «Маарулав» во второй половине XIX века. Учитывая несомненную ценность содержащихся в нем этнографических подробностей и сведений приводим его с небольшими сокращениями. «За трое суток до свадьбы юноша переходит в дом первого преданного друга своего, где в кругу приглашенных туда же остальных друзей и товарищей проводит время в танцах и кутеже. Домой его приводят в ночь привода молодой жены. Невеста тоже накануне выхода замуж, по совершенно «кебина» (магъари, – А.И.) переходит к одному из соседей, откуда и уводится в дом мужа. Ее обыкновенно выпускают из дома рано утром. Идет, делая шаг вперед два назад, и приходит в дом мужа вечером, хотя бы последний находился в 50-ти шагах. Нередко бывают случаи, когда женится молодой человек из богатой или знатной семьи, молодуха шествие свое в дом мужа для пушей важности растягивает на два дня, ночуя по дороге у одного из родственников... Пройдя шагов сто по сплошным земляным крышам, мы стали против дома, из которого выйдет невеста. Все крыши домов по обоим сторонам улицы, по которой должна пройти свадебная процессия, сплошь покрыты женщинами и детьми, пришедшими сюда поглазеть на зрелище свадебного шествия. На дворе дома, где молодуха, масса народу, ожидающая выхода молодухи из комнаты.

На балконе показались два молодых человека, один с зурной в руке, а другой с барабаном. Сойдя вниз, они сели на приготовленные для них низкие местные стулья на трех ножках и заиграли бешеную лезгинку. В момент перед ними очутилось место для танцев. Мужчины отделились в одну сторону, а женщины в другую. Дети расположились впереди их на корточках в кружок. Дружно в такт музыке хлопали в ладоши. Из среды мужчин пулей выскочил на арену молодой человек с надетой залихватски на бекрень снежно белой папай. Сделав плавно несколько туров, он остановился на середине арены и, вытянувшись в струнку, начал делать ногами головолонные артикулы лезгинки. Не зная на отчаянную работу ног, туловище танцора почти не шевелилось. Казалось, что если на его голову поставить наполненный до краев стакан воды, то ни одна капля не прольется. Покончив с этим туром, он стал делать плавные круги, вызывая на сцену

девицу. Среди женщин поднялось волнение: одни подталкивали вперед других, никто не решался выступать. – Чего вы там церемонитесь, выходи скорей, – крикнул один из стариков, сидевших около музыкантов. Толкаемая вперед разом несколькими подругами на сцену вылетела молоденькая девица, одетая в ярко-красное платье и зеленый платок. Оправив отошедший назад головной платок, она высоко подняла руки и грациозно понеслась за поджидавшим ее кавалером. В такт движения ее ног раздавался звон ее серебрянных серег. Пуше захлопали в ладоши. Раздалось несколько резких свистков, производимых молодежью в знак высшего удовольствия. Публика на крышах зашевелилась и стала продвигаться ближе к месту танцев.

– Выходит, выходит, – закричал громко кто-то во дворе. Все разом замолкли и взоры обратились к дверям одной из комнат нижнего этажа. Из этих дверей стали высыпаться, как рой пчел из улья, женщины, одетые в платья, сшитые из ярких цветов. Музыканты вышли на улицу. Танцевавшие мужчины и женщины очистили дорожку к открытым воротам и стали по обоим сторонам шпалерами. С верхнего этажа начали спускаться вниз по лестнице мужчины. У многих из них были в руках у кого бутылка с водкой и рюмкой, а у кого глиняный кувшин с «чабой» (виноградное вино из кипяченого сока – А.И.).

Быстро выстраивалась свадебная процессия. Во главе стали попарно мужчина с женщиной четыре человека. Это-те лица, которые накануне ночью были посланы сюда, согласно адата, для привода молодухи. За ними молодая в густой вуали, поддерживаемая под руки двумя ближайшими подругами. За ними другие подруги с приданным молодухи, у кого из них на головах подушки, у кого на плечах матрацы из цветной парчи. Кто несет в руках медную посуду, деревянные чашки, ложки и прочую домашнюю утварь. Шествие замыкают две коровы, ведомые двумя мужчинами на веревочках. Виночерпии стали впереди и по бокам. Заиграла зурна, загрохотал барабан, затянули веселую песню на свадебный мотив двое певцов, выписанных специально из сел. Аракани, и свадебная процессия двинулась вперед. Выровнявшись по узенькой улице и пройдя шагов десять от ворот, она остановилась. Музыка и песни замолкли. Передняя пара повернулась назад и пройдя к тройке, стали спрашивать о причине остановки молодухи. – «Не хочет идти, если не придет отец молодого просить», –

бойко ответила одна из подруг молодухи. Подошла вторая пара и стала упрашивать молодуху идти вперед не задерживаясь, и не беспокоить старика. «Нет, иначе шагу не сделает вперед», – ответила вторая подруга. Из среды этих четырех пар выделился молодой человек и побежал за отцом молодого. В ожидании его заиграла музыка и началась лезгинка. Виночерпии то одному, то другому из участников свадьбы подносили рюмку водки или кружку «чабы». Не обходили и случайно встреченных. В скорости вдали показался высокого роста широкоплечий с окладистой седой бородой старик в сопровождении посыльного. Приблизившись к тройке, он стал впереди молодухи, снял с себя большую белую папаху, взял ее под левую подмышку, и затем, приложив укательный палец к правому уху, запел импровизированную песню. В песне восхвалялись личные достоинства как самой молодухи, так и всего рода ее. Давались разные обещания преподнести ей подарки. Кончалась песня словами «иди невеста». С некоторой задержкой сделала молодуха шаг вперед, и будучи оттягиваемая назад с боков двумя подругами, стала как вкопанная. Довольный тем, что молодуха в некоторой степени исполнила его просьбу, старик отошел в сторону. Опять две передние пары подошли к молодухе, прося идти, но та категорически отказалась, требуя прихода старшего брата жениха. Тот же посыльный побежал звать требуемое лицо. В этот момент из-за поворота улицы выскочил галопом «свадебный конь» (ряженный – хлама (осел) – бацI (волк) – А.И.). Поднимаясь на дыбы и лягая направо и налево «конь» врзался в толпу. Поднялся общий хохот всех присутствующих и зрителей на крышах. На ряженном была маска из черного войлока с белыми войлочными рогами, к ней пришиты борода и усы из конского хвоста, между ногами держал палку, имитирующую коня: на одном конце ее была конская голова, а на другом – хвост. Она покрывается паласом, спускающимся от пояса наездника до пола. В общем получается впечатление наездника на лошади.

Заиграла зурна и «конь» пустился в пляс. То он рысью, то он пускается в галоп, делает разные движения джигитовки при общем неумолкаемом хохоте публики, в особенности детей.

Из-за угла вышел званный старший брат молодого. Музыка перестала играть. Брат молодого подошел к тройке и став перед молодухой

запел также, как и отец его. После последних слов песни «иди невеста», последняя сделала шаг вперед.

Далее продолжалось тоже самое, вызывая для упрашивания невесты дядю, двоюродных братьев, мать, других родственников жениха. В ожидании прихода вызываемых, лезгинка, пение мужчин и женщин и джигитовка свадебного коня чередовались»¹⁰³.

Около дома жениха процессию встречали все его близкие и приглашали невесту войти, восхваляя ее примерно так: «Да уродится жемчуг в том доме, где ты родилась. Да обнаружится рубин там, куда ты войдешь. Райская птица, из Каабы голубь, сделай два шага к счастью своему». На нее сыпали монеты, конфеты, орехи. Отец жениха на пороге резал барана, чтобы совершить обряд «перешагивание».

Обряд «перешагивание» совершают почти во всех обществах. Он вызывает несомненный интерес как магический прием, направленный на обеспечение счастливой семейной жизни женщине в новом доме, призванный оградить ее от злых сил. Предметы, через которые перешагивала или наступала невеста были самые разнообразные: бронзовый котел, серп, топор, кремневое ружье, шуба, тушу барана, огонь и др., что свидетельствует о древности происхождения обряда. Любопытно, что в XIX веке в отдельных обществах, переступая порог дома жениха, невеста держала в руках Коран и зеркало.

С предметами, по народным представлениям, наделенными магическими свойствами, употребляется священная книга мусульман.

Характерные для всех этапов свадебного цикла игры и шуточные состязания в момент фактического перехода невесты в семью жениха – «перешагивание» проявляются наиболее ярко. Некоторые исследователи видят в этом символическую борьбу за утверждение главенства в семье. В обществе Карах при входе невесты в дом жениха на пороге клали кремневое ружье, через которое невеста должна перешагнуть, предварительно наступив на него правой ногой. Как только она наступала на ружье, двое мужчин – родственник жениха и родственник невесты – хватались за него и тянули каждый к себе. Состязание, как правило, кончалось тем, что перетягивал родственник жениха. Разного рода состязания сторон жениха и невесты в обычае у многих народов.¹⁰⁴

Через некоторое время приводят жениха с музыкой из дома друга, выводят невесту на площадь и устраивали танец молодых, в котором участвовали и их близкие. Последними из комнаты молодоженов, около полуночи, уходили ее подруга и его друг. За тем, чтобы их не беспокоили следил друг.

На второй день, к вечеру родители невесты приглашали зятя и его близких на угощение, обычно делали подарок (ковер, сундук, посуда) дочери. А днем в доме жениха шла свадьба.

Уже говорилось, что выдача замуж женщины из келебского общества в другое было крайне редким явлением. Предпочтительными были внутритухумные, равные по положению браки. К родителям девушки сватами ходили уважаемые в ауле двое мужчин, иногда мог пойти и сам отец юноши. Одним посещением вопрос не решался. Если даже семья девушки была рада этому, приличия требовали, чтобы во время первого визита ответ был уклончивым. Получив предварительное согласие, родители юноши приглашали к себе своих родственников и близких людей девушки и в торжественной обстановке получали официальное согласие на брак. Было принято, чтобы семья жениха делала подарки семье невесты: посылала продукты, одежду, украшения.

Существовал обычай «приглашение жениха» и его всюду сопровождал дружка – «бахIарасул гьудул».

В келебском обществе невесту никто не приглашал к себе и от нее скрывали день свадьбы. Накануне, за неделю до свадьбы, во все селения посылали гонцов, которые должны были оповещать всех приглашенных. Кроме этого особо сообщали о дне свадьбы наиболее близкому гостю, чтобы и он готовился к ней. Отец жениха заранее приглашал в свой дом наиболее близких родственников и готовил по одному гонцу – «приглашающего – цIалдохъана» (цIализе – звать) в каждое из келебских сел и обслуживающих свадьбу людей – «парчахIа», «эхетана». На наиболее большие свадьбы приглашались гости из Караха и Гидатля. Приглашающие заранее заботились о ночлеге гостей и еде (пекли хлеб, готовили бузу, мясо и др.). За день до свадьбы к полудню они должны были быть в тех селениях, куда их посылали. С помощью своего гостя, заранее подготовленного к этому, собирали всех приглашенных на свадьбу и, подзакусив у него до-

ма, трогались в путь, чтобы к сумеркам дойти до селения, где проходит свадьба. Приглашенные завязывали вокруг шеи или руки посланника ситец или другую материю «губуркъай». С музыкой, песней, свистом, факелами, пальбой из ружей, приближались они к селению, где их шумно встречало все население. Особенно старались подростки, разжигая костры из заранее приготовленного хвороста и размахивая горящими факелами. Так встречали приглашенных из каждого села отдельно. После приветствий, в честь гостей устраивали танцы до позднего вечера.

В тот же вечер отец невесты приглашал в свой дом будуна, дибира, родных невесты и жениха для заключения «магъари». После еды жених, гьудул жениха, отцы невесты и жениха приглашались в отдельный дом для заключения «магъари». Обычно «магъари хIакъ» равнялась 5 меркам пшеницы, которую впоследствии муж обязан дать своей жене.

Невеста находилась в доме старшей замужней сестры, если таковой не было, то у самой близкой замужней женщины по материнской линии. В дом, где невеста, жениха приглашал муж сестры или же муж той замужней женщины. Здесь же стелили постель молодоженам, а дружок жениха всю ночь напролет охранял их покой. На следующий день утром все мужчины, женщины, дети, приглашенные гости обязательно шли к молодоженам, чтобы их поздравить и поприветствовать. Невеста в окружении своих родственниц обычно сидела в углу, закрыв лицо платком.

Всех пришедших угощали конфетами, фруктами, раздавали сахар, жареные зерна пшеницы, вареную кукурузу или пшеницу. Раздача вареного зерна – «мугъа» выступает как бы пожеланием благополучия и плодовитости новой семье. Кроме этого, мужчин приглашали к столу, угощали бузой и закусками. Однако, принимая приглашение, они долго не засиживались.

Отец жениха в это утро приглашал к себе на «гIам» – к столу всех односельчан и туда же, подзакусив в доме пригласившего, приходили с песнями, музыкой приглашенные гости. Во время застолья, «парчахI» – царь и вазир (по просьбе отца ими становились кто-то из родственников), посылали жениху и невесте приглашение к общему столу через двоих «эхетаби» – «стоящих» и опытного красноречивого

человека. Вместе с ними также посылали женщин с женского «ГІама» за невестой (мужчины и женщины угощались отдельно). Вся делегация, подходя к дому, где находились молодожены, распевали песни, перебрасывались шутками, давая знать о своем приближении. Их шутливо не пускали в дом, что они мол пришли с дурными намерениями, похитить жениха и невесту. Так в словесной перепалке проходило некоторое время, но затем их пускали в дом и усаживали за стол.

Спустя немного времени невеста, вместе с сопровождающими ее гостями и родственниками под музыку (зурна, барабан, бубен) направлялась к главному «ГІаму». За ними шли два «стоящие» посадив на свои плечи жениха. Всю дорогу их – «стоящих» кормили жареной пшеницей. Их же и называли «кони», которые временами имитировали ржание коней. Невесту окружали со всех сторон, она шла пешком. Всю дорогу играла музыка, пели песни, палили из ружей, разносились шутки, смех. К тому времени на их пути, на более узком месте строили заграждение. Здесь всю процессию встречали гости во главе с распорядителями свадьбы. Свита жениха и невесты пыталась штурмом перейти через преграду, но им это не удавалось. «ПарчахІ» и вазир спрашивали их: кто они, откуда и, что хотят. Свита молодоженов отвечала, что они очень богатые и сильные люди, что они вот похитили даже дочку и сына могущественного хана. Им отвечали, что и они люди могущественного богатого ханского рода и, что у них есть и буза, мясо и хлеб, и что если вы пришли с добром, то мы примем вас. Из свиты жениха и невесты отвечали, что вы мол узнали своих похищенных дочку и сына, но прежде покажите, какой выкуп даете (здесь подразумевалось все то, что хотели дать родители молодоженам). Им показывали женщину, накинувшую на себя шкуру коровы и мужчину со шкурой быка. Но свита молодых возражала и требовала, чтобы им дали крепость, много скота и земли. Снова начинался «штурм» и «бой». Наконец, приводили отца и мать жениха, которые конкретно называли все то, что они собирались дать новой семье. После этого разбирали заграждение, жениха провожали к мужскому «столу» и усаживали на почетное место рядом с парчахІом и вазиром. Невесту приводили к женскому «ГІаму» и усаживали около женского «парчахІа» и вазира. Перед ними ставили «бертадул тІутІ» – большой

и широкий поднос, на котором были целиком вареная голова быка, сушеный сыр, крашеные яйца, испеченные из теста куколки и др. Здесь же родственницы, гости, односельчанки (все желающие) делали подарки невесте. В тот же день шли к родителям невесты за приданным. Обычно приданое состояло из шубы овечьих шкур, войлока, матраца, подушки, одежды, необходимой посуды, хозяйственной утвари.

У мужчин во время застолья существовал обычай: наиболее близкий человек, который хотел помочь отцу жениха, публично клал себе в карман что-нибудь из еды. Это замечали «эхетаби» и виновного вели к парчахІу и вазир на суд. Узнав о его намерении (этого прямо не говорили, а «догадывались»), сажали верхом на одного эхетана и отправляли его к себе домой. Из дома он брал обычно вяленую баранину, курдюки и все то, чем он хотел помочь отцу жениха. Вернувшись все это показывалось всем сидящим. Этот обычай называли «ХІура бахи» (не переводится). После застолья мужчины с музыкой, песнями направлялись к месту танцев. В это время, пока основное население находилось на танцах, эхетаби, которые до сих пор обслуживали всех, усаживались за стол и принимались за еду. За порядком на танцах, в отсутствие эхетаби, следили их доверенные и назначенные ими люди.

Через некоторое время под музыку и с пением к танцам подходили «эхетаби» с невестой, для которых музыканты специально играли каждому по 2 танцевальных мелодий – «хехаб» и «чолаб». Затем танцует пара – гьудул жениха и гьудул невесты, которые приглашают на танец жениха с невестой. Во время их танца, в середину круга, мужчины бросали шапки, а женщины платки. Временами все хором кричали, хлопали в ладоши, свистели. Во время первого танца вместе с дружками жениха и невесты танцевали родственницы с обеих сторон, образуя круг наподобие – «оберега», который охранял якобы молодоженов от дурного глаза, сплетней, неприятностей и др.

После танца невесты и жениха, невесту могли пригласить на танец мужчины, одаривая ее деньгами. Вместе с невестой на танец приглашали ее родственниц, подружку. Если мужчина был из другого села, он приглашал на танец жену своего кунака, друга. Все деньги собирала подруга невесты и после танцев отдавала ей. Общие танцы

начинались только после танца молодоженов. Жених все время был окружен товарищами и охранялся. Это делалось для предупреждения «кражи» жениха кем-либо, каждый из которых в целях повышения своего авторитета стремился заполучить жениха в свой дом и начать там свадьбу. Жених, по обычаю, не должен был сопротивляться «похитителям».

Все односельчане и гости к вечеру приглашались на общее застолье – «ГIам», но индивидуально об этом никому не сообщалось. До начала застолья, музыканты, 3 «эхетана» поднимались на самую высокую крышу и объявляли: «гъаб цо» – «это одно»! Играет музыка – марш.

Музыканты опять играют, но уже новую мелодию и эхетаби объявляют об этом «это два!». Так повторяется трижды и напоследок объявляется, что если кто опоздает на застолье, того заставят выпить штраф – «сохолаб», густой остаток бузы. После застолья опять начались танцы, которые продолжались до глубокой ночи.

На келебской свадьбе обязательно исполнялся своеобразный коллективный танец «Сапа». (Он исполнялся и на других праздниках). «Сапа» состоял из множества акробатических и танцевальных элементов и представлял собой оригинальное театрализованное представление. Исполнители каждый раз могли импровизировать, усложнить существующий сценарий танца новыми движениями, фигурами, ввести в него изменения. Существовали мужской и женский варианты «Сапа» (объяснение названию не нашел). Они исполнялись под свои, особые, мелодии, мужской – в мужском обществе, женский – в женском. А.Г. Булатова считает «Сапа» обрядовым действием. «Сама структура его, – пишет она, – тесная привязанность к определенным событиям, обязательность его при определенных обрядовых действиях, строгая регламентация композиции и рисунка его дают нам основание полагать, что здесь мы имеем дело с трансформацией серии обрядов весенне-летнего календарного цикла, связанных с имитативными и продуцирующими магическими действиями»¹⁰⁵.

Чтобы получить общее представление о танце «сапа» приведу краткое описание нескольких номеров. Все мужчины во главе с ведущим становятся в одну цепочку по кругу и исполняли танец под мелодию «нухлулаб» – «дорожная» – размахивая папахами. Это была

своеобразная плавная разминка. Затем все танцующие делились на две команды и начинались поочередно сменяющиеся различные фигуры танца (их много – более 30) под разные мелодии.

1. Первая команда, пританцовывая под музыку «ГIодоб», стояла в один ряд на месте. Вторая команда, танцуя, приближается к ней. Продвигаясь по цепочке, они поочередно держали спереди стоящих за плечи и встряхивали. Затем менялись ролями.

2. Одна команда, пританцовывая, стояла в один ряд на месте. Другая команда, танцуя проходила шеренгу спереди, давая каждому пощечину. Потом меняются ролями.

3. Мужчины одной команды стоят на месте цепочкой раздвинув ноги на ширину плеч и держатся за плечи впереди стоящего. Вторая команда должна была на четвереньках пройти между ног мужчин первой команды. Затем меняются ролями.

4. Одна команда стоит на месте, а другая, танцуя, приближается к ней двигаясь шеренгой поочередно сзади, придерживая стоящих руками за плечи, пинала коленом в спину. Меняются местами.

5. Первая команда стоит на месте, а другая, танцуя, приближается к ней и, поочередно обходя каждого, щелкала в нос. Обмен ролями.

6. Одна команда встав в цепочку, держа друг друга за талию, двигалась в быстром танце, описывая замысловатые фигуры, а вторая повторяла все движения, фигуры, прыгая на одной ноге, а вторую ногу, согнутую в колене, держали рукой. Если прыгали на правой ноге, левую ногу держали правой рукой, а левой рукой держались за пояс впереди стоящего. Нельзя было отпускать захват – разрыв цепи, коснуться «неработающей» ногой земли, нарушить рисунок танца. После завершения номера менялись ролями.

7. Одна команда танцует на месте, а другая, обходя их шеренгой, нажимает пальцами на глаза и как бы вырывая их. Меняются ролями.

8. Обе команды объединялись в один ряд. Танцуя, ведущий брался руками за свои колени, сохраняя устойчивое положение. Следующий за ним должен, опираясь на его спину, перепрыгнуть и встать впереди него в той же позе. Так продолжалось до тех пор, пока первый не перепрыгивал через всех. Если при прыжке с нагнувшегося падала папаха, то прыгавшего после танца наказывали.

9. Снова команды расходились. Из первой команды, по договоренности, выделялись 4 человека, которые, облокотившись спиной друг к другу, начинали наклоняться в противоположные четыре стороны, сохраняя при этом устойчивость на ногах. Вторая команда: по очереди каждый должен был прыгать через них, сделать кувырок с приземлением на ноги. Потом менялись ролями. Если при прыжке у нагнувшихся падала папаха, прыгавшего после игры наказывали.

10. Снова команды сходились и, танцуя в один ряд, делали круг. Потом ведущему давали крапиву, палку. Ведущий одной рукой держал крапиву, а другую руку, просовывая между ног, давал держать следующему за ним, так – до последнего мужчины, стоящего в ряду. Так образовалась цепочка, в которой у всех, кроме последнего руки были заняты. Теперь ведущий пробегая то, в одну, то другую сторону, старался ударить последнего крапивой, палкой, а он уклонялся. Ведущий менял направление и движение и снова все повторялось. Главным в этом номере было то, что нельзя было выпускать руку. Выпустившего руку наказывали.

11. Игра продолжалась и ведущий «охотился» за следующим замыкающим цепочку. Осаленный выбывал из игры и обязан был внести штраф. Потом все собирались в общий круг. Создавали пары для танцев из противоположных команд. Под музыку пары выполняли по два танца «хехаб» – «быстрый» и «чолеб» – «верховой». На этом танец – «сапа» и заканчивался.

М.А. Дибиров в своей статье «Обрядовые игры и состязания дагестанской свадьбы», дает краткое описание танца келебцев, рассматривая его как своеобразную форму свадебных состязаний между представителями жениха и невесты. «Специальный танец «къала сарпа» был нафарширован игровыми элементами, состязаниями в силе и ловкости. Данный танец-игра устраивался в последний день свадьбы – перед проходами гостей, под особую музыку – «сарпилаб»... В прошлом в программу «къала сарпа» входило большое количество состязаний – до 40 наименований, и танец длился часами. Партия мужчин со стороны невесты в танце выполняла сложные движения, упражнения в силе и ловкости, отдельные виды спортивных состязаний, элементы народных игр и т. д., а партия мужчин со стороны жениха должна была их повторять, копировать. Затем менялись ролями.

Таким образом, между ними шло состязание в силе, ловкости, выносливости, выдержке. ...В къала сарпа в основном запрещалась обыкновенная ходьба. От начала и до самого ее конца участники должны были двигаться только танцевальным шагом»¹⁰⁶.

Обычно проигравшая команда в какой-то форме наказывалась.

На второй день свадьбы, ближе к сумеркам, начинались проводы приглашенных гостей, сопровождаемые музыкой, песней. Через определенное расстояние два «эхетана» пропускали гостей. Один давал чашу бузы (лъар-рог), а другой закуску. Последними, далеко от селения, гостей провожали жених и невеста. Жених подносил каждому «лъар» – чашу, а невеста – закуску. Сразу после проводов гостей, невеста шла в дом мужа и становилась равноправным членом семьи.

Третий день свадьбы, специально, проводился для «эхетаби», который и назывался «эхетабул къо» («день стоящих»). В этот день собирались родные и близкие жениха и невесты, которые теперь выполняли роль «стоящих». Этим и заканчивалась свадьба.

Как и у других народов Дагестана у аварцев бытовал обычай шутовой кражи жениха и невесты сельской молодежью и назывался он «похитить жениха», «похитить невесту». Похищение невесты было редким явлением, оно вызывало неодобрение взрослых и порицание подруг, допустивших этого. Жениха могли «красть» и до свадьбы и в день свадьбы. Его кормили, выполняли все его желания, но без выкупа не отпускали. Выкупить должен был дружка-«охранщик», который нередко сам устраивал кражу, чтобы его наказали, оштрафовали, а это делалось с целью принести на свадьбу живого барана, вяленого мяса, несколько кур, бузу, вина и т.д. Если это происходило в день свадьбы, то обычно виновного «привязывали» к столбу до исполнения указания ведущего свадьбы. Ему могли назначить наказание – спеть песню, которую он имел право заменить чем-нибудь материальным, полезным для будущего хозяйства.

Бывало и так, как пишет З.А. Никольская: «женщины аула выкрадывали жениха и требовали за него выкуп. Часто во время свадьбы вдруг с другого конца аула начинали раздаваться звуки зурны и барабана, товарищи жениха в испуге начинали искать его. Но тщетно, его уже выкрали. И свадьба переходила в тот дом, хозяин которого

удачно заполучил жениха. Вообще, все жители аула (речь идет о Тидибе Гидатлинского общества – А.И.) старались один перед другим увеличить свое значение на свадьбе, для этого дарили подарки, устраивали угощения»¹⁰⁷.

Очень много внимания уделяется в литературе первой встрече новобрачных. Действительно, момент этот в свадебном цикле важный, в разных селениях он проходил по-разному: у одних жениха приводили к невесте в первую же ночь с музыкой, пением, у других – тихо, без шума, у третьих – на второй день, когда празднование свадьбы (от гьудула) переносилось в дом родителей жениха, подруги переводили туда и невесту. «Среди обычаев, связанных с водворением невесты в дом жениха и их первой встречей у брачного ложа, пишет С.Ш. Гаджиева, особое место у некоторых горных народов занимает состязание жениха и невесты, их единоборство... Последняя бытовала ...у части аварцев (общества Кудали, Ругуджа, Кегер, Кутлаб, Гочоб, Кахиб и др.). Готовя невесту для состязания с женихом, на нее надевали трудно расстегиваемую поясную одежду, пришивали одно одеяние к другому, перетягивали ее крепким поясом «девственности» – шерстяным шнуром. Бывало, что ей брили голову, чтобы жених во время схватки не мог схватить ее за волосы. Для того чтобы молодой легче было бороться, ее натирали жиром. Обычай состязания новобрачных в сел. Ругуджа и Тлярош был подробно описан в свое время О. Каранаиловым. Чем дольше сопротивлялась невеста, тем больше она выигрывала в глазах окружающих. Бывало, что новобрачные боролись всю ночь, и никто не мог одержать победу. Тогда борьба переносилась на вторую ночь».¹⁰⁸

Чтобы до конца понять описываемый адат, приведем слова О. Каранаилова. Он пишет, со слов рассказчика, «был крайне удивлен, что в соседней комнате, где молодые должны были провести брачную ночь, происходит жестокая драка. Нельзя же было допустить возможность возникновения между молодыми такого недоразумения, которое привело бы к такой жестокой потасовке. Судя по непрерывно раздававшимся ударам, то в виде звонких пощечин, то глухих ударов, сопровождаемых беззастенчивою бранью, драка была жесточайшей. Вскоро я услышал падение на пол дерущихся, а затем и хрипение как-будто один душил другого. Я быстро встал и бро-

сился к двери. Она оказалась запертой с моей стороны на цепочку. Сняв быстро цепочку, я вошел в комнату. В комнате не было света. Один из дравшихся, по-видимому лежавший, хрипел, а другой наседавший на него, наносил удары, приговаривая «будешь еще, будешь еще продолжать». Я наощупь нашел дерущихся и руки мои коснулись бритой головы. Я схватился за эту голову и стал тащить вверх. Голова была не то мокрая от пота, не то смазанная маслом и руки мои стали скользить. Тогда я схватился за туловище и поднял наседавшего. Странное дело, я тут почувствовал прикосновение своих рук к женским грудям... Утром подтвердили существование у них такого адата. У молодой брита голова, чтобы уравнивать шансы дерущихся на победу... Бритье головы лежит на обязанности жениха».¹⁰⁹

В другом селении О. Каранаилов, опять со слов рассказчика, пишет: «Молодая, отправляясь в дом мужа, надевает на себя все свои платья, сколько бы их не было у нее, причем платья зашивают одно к другому самыми крепкими суровыми нитками. Сугубое внимание обращается на прочное укрепление шаровар. На обязанности молодого лежит снятие всех платьев при самом отчаянном сопротивлении со стороны молодой».¹¹⁰

Комментировать сказанное о первой брачной ночи, думаю, нет смысла, особенно слова «никто не мог одержать победу» или «дерущихся на победу». О какой и чьей победе может идти речь. Как показывает полевой этнографический материал, адат этот был игрой, инсценировкой борьбы, связанной с переходом вчерашних холостых молодых людей в категорию семейных, женатых, с получением статуса «муж-жена». И никто из них не должен был побеждать, да это и невозможно, чему свидетельством служат слова того же самого рассказчика из с. Тлярош¹¹¹.

Интересное сообщение об этом обычае у некоторых аварцев, как мне представляется, раскрывающее суть его, имеется у Г.Ф. Чурсина: «Невеста в большинстве случаев не отдается добровольно жениху, а оказывает ему сопротивление, и он берет ее силой. Не сопротивляться жениху считается неприличным для невесты».¹¹²

Обычай выставлять напоказ после брачной ночи доказательство целомудрия невесты существовал лишь в отдельных селениях. По этому поводу в 1868 году Н. Львов, наблюдавший быт аварцев, писал:

«У горцев нагорного Дагестана нет обыкновения, как у нас в просто-народии, на утро после свадебной ночи выносить на показ пирующим на свадьбе гостям ночное белье новобрачной, сохранившей до выхода замуж доказательство целомудрия, чем по справедливости гордятся те, кому принадлежит честь сбережения его».¹¹³

Молодая женщина в новой семье пользовалась вниманием и уважением, она через недели две полностью включалась в семейную жизнь и никого не обязана была избегать. Общалась она со всеми, в том числе и с отцом мужа, разумеется соблюдая нормы поведения и этикет. «До рождения первого ребенка, – пишет Г.Ф. Чурсин, – молодая невестка пользуется в доме мужа внимательным и заботливым уважением: ее называют «невестой» и ухаживают за ней. Свекор и свекровь называют ее дочерью, братья и сестры мужа – сестрою. После рождения первого ребенка молодая невестка входит в общую колею жизни женской половины аварской семьи».¹¹⁴

Обычая избегания не придерживались, молодая жена – «нус» (невестка) через несколько дней включалась в семейные хозяйственно-бытовые дела.

Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка. Одним из основных мотивов, смыслом заключения брака и создания семьи молодые люди видели в том, чтобы иметь детей и их растить. Рождение ребенка в семье было желанным и радостным событием, чем больше детей, тем лучше считали горцы. Многодетность рассматривалась как признак счастливой семьи, ее благополучия и большое благоденствие. Несмотря на это, молодая женщина, особенно в первый раз, старательно скрывала свою беременность от окружающих: мужа, его родственников, соседей, старалась не бывать у своих родителей, чтобы брат и отец не видели ее в таком положении. О своей беременности она сообщала матери. Немалое значение здесь играл горский этикет.

Во многих селениях мать и сестры мужа делали вид, что не видят беременной снохи, об этом не принято было говорить. Возможно, что в этом сказывалась боязнь сглаза, вредных чар недоброжелателей, колдовских приемов. «Женщина, готовящая стать матерью, – пишет Г.А. Гаджиев, – тщательно пыталась скрыть от окружающих свою беременность, с тем чтобы ей не был нанесен вред».¹¹⁵ В период

беременности женщине предписывалось быть осторожной, для нее существовали многочисленные правила и запреты, которых она должна была придерживаться, чтобы не нанести вреда плоду, роды прошли в срок и без осложнений, ребенок рос здоровым. В основном они основаны на приемах подражательной магии. Так считалось, что беременной не следует сидеть на камне, перешагивать через тесто, кошек и собак, высокий забор, смотреть на змею, падаль, покойника, зайца, уродливых детей, запрещалось ходить на оплакивание покойника, выходить ночью из дома, выполнять (поднять тяжесть) тяжелую работу. Все близкие оберегали ее от стрессовых ситуаций, возможных душевных переживаний. Считалось, что беременной женщине нельзя отказывать ни в чем, следует давать все, что она пожелает. Если она останется неудовлетворенной, не съест каких-нибудь фруктов, сладости, ягод, то у ребенка на теле появится родимое пятно, напоминающее форму предмета, которого она не получила.

Многое из предписаний имело рациональную основу, хотя «некоторые запреты, регламентировавшие поведение беременной, безусловно опирались на религиозно-магические представления народа, и по существу были иррациональными, а подчас и вредными».¹¹⁶

Интересные данные по вопросу о том, как следует вести себя беременной женщине приводит Л.Т. Соловьева в статье «Обряды детского цикла у аварцев», написанной на основе полевого материала в некоторых селениях Хунзахского и Шамильского районов. Она пишет: «Период беременности осознается в народе как во многом определяющий последующее развитие младенца. Существовали и существуют до сих пор многочисленные правила и запреты, которых должна придерживаться беременная женщина, чтобы роды прошли в срок и без осложнений, чтобы физическое развитие новорожденного впоследствии проходило благополучно. Так, считается, что беременной не следует есть масло, приготовленное из буйволиного молока, так как в этом случае она родит только через 11 или 12 месяцев. Если все-таки это произошло, то надо поесть этого масла еще раз – тогда роды будут своевременными. Такой же запрет существует в отношении буйволиного мяса, молока, сыворотки. По некоторым данным, этот запрет распространялся и на употребление рыбы...»

Беременную невестку предостерегают, чтобы она не наступила на шкуру только что зарезанного барана, у ребенка из-за этого впоследствии может якобы появиться на нижней части тела потница (чIарал цIекен). ...Чтобы ребенок не родился слюнявым, беременная не должна была жевать жвачку из дубовой смолы (сакъыс). Не разрешалось смотреть на уродливых детей (чтобы и ее ребенок не родился с уродствами).

...Особенно ответственным считается момент первого шевеления плода: если в это время женщина смотрит на красивого человека – ребенку суждено родиться красавцем, если на уroda – уродом». ¹¹⁷

В большинстве случаев женщина рожала в доме мужа, муж уходил к товарищу, родители его «не замечали» происходящее, а к роженице приглашали повитуху – «чIарахъан», помощь оказывали другие замужние женщины. Необходимо отметить, что повитухи, знакомые с приемами и секретами народной медицины, по словам старых многодетных женщин, со своей задачей справлялись довольно успешно.

В некоторых селениях (Урада, Тидиб) роженица, даже в том случае, когда роды были очень тяжелыми, не допускала помощи со стороны родственников мужа. К ней приглашали повитуху, приходили ее мать и сестры.

Были селения, где женщина своего первого ребенка рожала в доме своей матери, куда уходила перед родами. Это широко распространенный обычай, и согласно полевого материала, он у аварцев тоже в более давние времена был широко распространен. Считалось, что молодая женщина в доме своей матери, где выросла, будет более защищена от злых (черных) сил, которые могут ей навредить и будет себя чувствовать спокойно рядом с близкими по крови – от матери и сестер не надо стесняться. На вопрос «почему уходили из дома мужа» информаторы отвечали «у матери удобно». М.О. Косвен и некоторые исследователи видят в этом обычае пережиток переходного периода от матриархата к патриархату. М.О. Косвен пишет: «Переход от матриархата к патриархату и, в частности, это превращение материнской семьи в патриархальную представляет собой, однако, весьма сложный и длительный процесс, в котором стойко сохраняются пережитки матриархата и создаются особые переходные формы... Это выражается в частности в том, что замужняя женщина время от времени воз-

вращается на некоторый срок в свою семью; нередко роды должны обязательно происходить в родной семье женщины, и она именно в этой связи возвращается домой, причем и после родов остается на некоторое время дома. Да и во время пребывания в семье мужа замужняя женщина сохраняет здесь известную самостоятельность и изолированность, имеет отдельное помещение». ¹¹⁸

Зная, что дочь придет домой, мать заранее готовилась и готовила для первого ребенка дочери люльку со всеми относящимися сюда принадлежностями.

Близкие тщательно скрывали от посторонних приход беременной домой, существовал обычай охранять помещение, где происходили роды, чтобы уберечь роженицу от дурного глаза, влияния «злых сил». Верили, что присутствие «чужих» даже в доме нежелательно, недоброежелательницы могут своими магическими действиями нанести вред роженице и ребенку. Роды должны были происходить на чистом месте, заранее подготовленном, обычно так и бывало, хотя есть люди (их немного), родившиеся на поле во время жатвы, сенокоса, прополки. Так, в четырех километрах от аула, во время сбора сена родился мой двоюродный брат, и мать принесла его домой, завернутым в платок. Женщина умерла на 98 году жизни, у нее было семеро детей.

Сказанное, что «в некоторых обществах (аварских – А.И.), так же как у ряда других народов Кавказа, беременная порою устраивалась в пустом нежилом помещении, иногда даже в сарае (в Тлярата, Тидиб и др.) на соломе, покрытой войлоком, и сама отрезала пуповину ножом» ¹¹⁹, думаю, нужно отнести к исключительным случаям.

Если роды были тяжелыми, беременная долго не могла родить, прибегали к разным способам, как рациональным, так и иррациональным. Вот некоторые из магических приемов: около роженицы клали обнаженную шашку; давали пить воду, в которой полоскали амулет с изречением из Корана; давали пить воду из обуви мужа; из панциря черепахи; стреляли поблизости из ружья; муж дважды перешагивал через жену; ходил вокруг дымохода помещения, где проходили роды; обвязывают живот роженице платком, платьем женщины, родившей близнецов; приглашали человека, спасшего лягушку от змеи, чтобы он погладил живот роженицы; состригали с макушки

роженицы клочок волос, сжигали и, размешав пепел в воде, давали роженице пить.

Г.Ф. Чурсин отмечает, что в ауле Урада Гидатлинского общества была шашка «исписанная какими-то изречениями и стихами», которой приписывалась сила облегчать роды и с этой целью шашкою проводили по животу роженицы.¹²⁰ Вообще в качестве оберегов часто пользовались металлическими предметами. Прибегали и к физическим действиям, как массаж живота, придача плоду правильного положения, хирургическое вмешательство – извлечение ребенка.

Существовал целый ряд обрядов, совершаемый после рождения ребенка, связанный с поверьем о том, что в этот период мать и дитя подвергаются многим опасностям. За новорожденным и роженицей внимательно ухаживали. Были особые блюда, которыми полагалось кормить молодую мать: яичницей с молоком, солодовой и кураговой кашей, похлебкой на куринном бульоне, мучную кашу с медом и урбечом, поили молоком, чтобы мать быстрее поправлялась и ребенок получал полноценное питание.

Если дети умирали, мать ходила к кузнецу с 9 кусками железа, кузнец соединял (склепывал) эти куски и делал из них браслет, который мать носит потом на руке, чтобы остановить смертность детей в доме (Чох).¹²¹

Обычно рождению мальчика радовались больше, семья считалась полноценной, когда в ней были сыновья (рукъальул хІуби – опора, столб дома). Рождение девочки проходило почти незамеченным, это событие особенно не афишировалось, хотя все знали ее полезность в семье, девочке откровенно радовались, если до нее в семье уже были мальчики. В некоторых селениях рождение мальчика, особенно первого, оповещалось выстрелами из ружей и револьверов. Обычно тот человек, который первым сообщал радостную весть отцу, дяде получал небольшое вознаграждение. Рождение мальчика отмечали по-разному в разных селениях: в одних – приглашали стариков (женщин и мужчин), проводили моление (зикру, часто называемое мавлидом), в конце приглашенных угощают, обязательно должно быть сладкое блюдо, раздают свертки с подарками; в других – все мужчины принимали участие в праздновании семейного торжества; в третьих – приходили только родственники и соседи. На следующий

день, жены тех, кто был на «къеле» (Андалал, Келеб), бертин (Хунзах, Хиндалал) приносили подарки новорожденному.

У аварцев в честь рождения сына было принято готовить бузу, которой на торжестве угощали мужчин.

В некоторых обществах (Гидатль, Келеб, Карах) существовал обычай рождения сына отмечать в день Первой борозды, это делали состоятельные семьи. Родители всех мальчиков, родившихся в селеении за год (от праздника до праздника) сговаривались заранее, готовили угощение для всего селения, которое выносилось на общественную площадь. Они же готовили «гор» – пшеничный хлебец из заварного теста в виде большого кольца, чтобы раздавать детям до 15 лет и призы для победителей в беге, метании камня, других соревнованиях. Самих мальчиков, родившихся за год, выносили на площадь, естественно проводив все магические действия по защите от дурного глаза, злого языка, нечистых сил.

В других аулах сыновний пир – «васасул къел» – устраивали те семьи, которые в первый раз приводили на «оцбай» своих мальчиков, когда мальчикам исполнится два года. «По достижении двух лет, – пишет Г.Ф. Чурсин, – мальчиков в первый раз приводят для присутствия на празднике «запряжки быков». Это, так сказать, первый торжественный выход мальчика в свет, официальное появление его в качестве равноправного сочлена мужской группы населения аула».¹²²

В селениях Келебского общества пир в целом проходил по одному сценарию, существующему уже многие века. Родители заранее оповещали близких, сельчан, гостей из других аулов о предстоящем празднике и приглашали их. В назначенный день к дому, где проводился пир, собирались приглашенные, их встречали с музыкой, песнями, с начала XIX века и стрельбой из ружей и пистолетов. После приветствий и поздравлений приглашенных приглашали угощаться, к «столу» – «гІам», мужчин отдельно, женщин отдельно. «Стол» – это два бревна, между которыми на полу разостланы паласы и на них поставлены большие деревянные чаши (хІерчч) с едой и кувшин с бузой. Во время застолья придерживались определенных правил поведения. Для обслуживания приглашенных и за соблюдением общего порядка на празднике родители назначали двух своих молодых родственников – «эхетаби» – «стоящие». Они наполняли деревянные

кружки бузой и подавали каждому с пожеланием здоровья, выполняли всякое желание гостей. Обязательным элементом застолья была хоровая песня, ее исполняли стоя с кружкой бузы в руках. Для общего руководства праздником избирали правителей – «парчахIа» (царя) и «визира», которые, поблагодарив за доверие, дополняя друг друга произносили тост за здоровье, благополучие, счастье мальчика, его родителей, присутствующих. Согласно правилам, «стоящие» – не имели права садиться, спорить, отлучаться, они обязаны были выполнять все указания правителей. Людям, нарушившим правила поведения на празднике, правители назначали наказание: станцевать, спеть, изобразить какого-либо животного, принести чего-нибудь, комически подражать кому-то, а «эхетаби» должны были добиться его исполнения. Некоторые специально нарушали правила (много говорил, перебывал говорящего, спорил), чтобы их наказали, тем самым иметь повод для оказания помощи хозяину, принести продукты, бузу. Наиболее строгим наказанием считалось, когда провинившегося направляли к женщинам, посадив его на спину одного «эхетана». Его там одевали в женское платье, надевали на голову «бахIакIо» (старинный головной убор) и, посадив на него старуху, посылали обратно к мужчинам. На мужском «IаIме» наказуемый должен был в заключение, чтобы искупить свою вину, выпить махлут бузы (махлут – это деревянный сосуд, состоящий из трех сообщающихся кружек).

Наказания определенного рода предусматривались сценарием праздника, они были элементами смеховой культуры, игровыми действиями, рассчитанными на создание увеселительного зрелища. В наказании обиды не было. «Провинившийся» здесь чем-то напоминал ряженого – известного шуточного персонажа народных праздников. А.Г. Булатова рассматривая знаково-символическую систему в традиционном празднике народов горного Дагестана пишет: «В игровом компоненте дагестанского народного праздника содержатся многие элементы театрализации, театрального представления – действия, диалоги, хотя еще нет четкого разграничения между актером и зрителем; существует свободная импровизация, коллективное участие всех присутствующих в создании зрелища. Тем не менее, в зрелищах с участием ряженных, в исследуемое время имеет место уже вычленение «актера» из числа «зрителей»; хотя профессиональных актеров в тра-

диционном праздничном действе в XIX – начале XX в. не было, в каждом селении были признанные весельчаки, мастера смеха, комического диалога. Они избирались руководителями ритуалов, на них возлагались обязанности ряженных»,¹²³ знали заранее, что будут «провинившимися» и готовились к этому психологически.

Опьянение считалось нарушением норм поведения, непозволительным поступком, информаторы подчеркивали, что пьянство считалось большим позором. За приглашенными присматривали их гости, друзья, чтобы те не опьянели.

Через два-три часа застолья все вместе, впереди мужчины, за ними женщины с музыкой и песнями шли на аульную площадь – на танцы. За соблюдением порядка следили «стоящие». На танец выходили строго по очереди. Желающих станцевать мужские «хехаб» (быстрый) и «чолоб» (конский) бывало много, поэтому регулировать выход приходилось, здесь присутствовал дух соревновательности. Женщины танцевали свои «руччабазул» (женские), «атрачилаб», «чололаб» – медленные, плавные. Каждый танец отличался своим рисунком, движением ног, положением рук, музыкой, ритмом. При исполнении парных танцев женщины садились спиной к мужчинам. Распорядитель объявлял танец и называл имя мужчины, приглашая его в круг, музыканты (зурна и барабан) исполняли соответствующую мелодию, и женщина, услышав имя танцующего, выходила в круг. По обычаю было принято танцевать с близким человеком: мужем, братом, родственником и кунаком. Между танцами по просьбе присутствующих певцы исполняли песни. Устраивались перерывы для совершения намаза и затем вновь собирались у отца сына для продолжения застолья. Чередую угощение с танцами, веселье продолжалось до полуночи. На ночлег всех гостей располагали в доме устроителя праздника и его родных. Гости не должны были пойти к кунакам, друзьям, своим родственникам (нельзя было потому, чтобы не оскорбить пригласившего). Второй день проходил так же как и первый, но после предзакатного намаза приглашенных провожали домой. Проводы проходили шумно: зурна играла марш (нухлулаб), пели песни, первыми уходили гости из дальних аулов, за ними другие, как бы придерживаясь правила: жители близких селений уходят последними. Как считают информаторы, эти детские праздники сближали жителей

Келебского общества, все население знало у кого какие дети растут, сколько примерно мужского населения в каждом селении. В XVII–XIX вв. Келебское общество характеризовалось сплоченностью, близкими межджамаатскими отношениями, единством в целом аульских адатов.

Торжественно рождение мальчика отмечали не всегда и не везде. В подавляющем большинстве случаев рождение мальчика, как и девочки, оставались семейным событием, приятным, радостным, но не более.

Сразу после рождения ребенка за ним ухаживала мать, если роды не были тяжелыми. В последнем случае подключались повитуха, бабушки, особенно мать роженицы. Обычно молодая мать недолго оставалась в постели. Многие моменты в жизни ребенка сопровождались магическими обрядами. По поверьям, мать и ребенок могли пострадать от враждебно настроенных людей (колдовских действий), недобрых духов, черных сил. И, чтобы уберечь ребенка от этого, принимали необходимые меры: около младенца клали какой-нибудь железный предмет; отпавшую пуповину (ццИно) сушили, заворачивали в кусочек чистой материи и прятали в укромном месте – за бревном перекрытия, хранили в посуде, закапывали в углу хлева; впервые бритые волосы и стриженные ногти также прятали в места, где никто не мог наступить, осквернить, они считались частью тела. «Подобное отношение к последу, пуповине, первым волосам, отпавшей после обрезания части плоти было продиктовано представлениями о том, что их судьба и судьба их хозяина-ребенка идентичны и между ними существует неразрывная связь, что является примером парциальной магии».¹²⁴

Важным считался период сорокадненья ребенка. Необходимо было следить, чтобы к нему не подходили посторонние люди, которые могли сглазить, нанести вред недобрыми пожеланиями мысленно или касанием к телу, не брал на руки человек с нехорошей репутацией, долго не оставался один в помещении и плакал, особенно мальчик, рядом не кричали, не шумели, не было резких, громких звуков.

Через несколько дней после рождения ребенка совершали обряд – имянаречение (цАрчІвай, цАрлЪей). Собираются соседи, ближайшие родственники, приглашают муллу (дибира), который после про-

чтения молитвы берет ребенка на руки и громко в ухо говорит три раза «Твое имя есть такое-то», обмазывают ротик его фиником, медом, другой сладостью, желая ему добра, сладкой жизни. Когда едят мясо на обряде имя наречение не ломают костей.

Выбор имени новорожденному было преимущественным правом старших в семье, хотя родители нередко проявляли свою инициативу. Решение принималось на семейном совете. Принятым правилом было дать детям имена наиболее почитаемых предков, умерших родителей, братьев и сестер, обычно внук получал имя дедушки по отцу, дочь – имя бабушки.

Именник собственных имен аварцев в XVII–XIX вв. был довольно обширным, содержал, помимо исконно аварских, имена, проникшие к ним через разные культуры и заимствованные у соседних народов Дагестана. Имена по происхождению могут быть разбиты на группы. Большое распространение имели личные имена арабского происхождения (мусульманские) – Мухамад, Патимат, Гали, Гайшат, Абакар, Аминат, Габдула, Хадижат, Ахмад, Написат и другие. У аварцев довольно часто встречались собственные имена грузинско-армянского происхождения (посемейные списки 1886 г), проникшие в Аварию вместе с христианством: Шахназар, Нахибаш, Харитун, Герги, Галискандер, Марин, Тамара, Гичи, Чучун, Чунакъ, КъуштІанкІ и другие. Через ислам в именник вошли такие библейские имена как Ибрагъим, ЖабрагІил, ИсхІакъ, Муса, Юсуп и др. Заимствованные личные имена, в соответствии с фонетическими особенностями родного языка, нередко и диалектов, имеют свои местные варианты.

Большой блок составляют собственные имена, восходящие генетически к нарицательным именам: Цевехъан (предводитель), Багъадур (богатырь), ЧегІерчи (черный человек), ГъалбацІ (лев), ХІалакъав (худой), ЦихІилав (серый), Чакар (сахар), ТІавус (павлин), Мокъокъ (куропатка), Къебед (кузнец), Месед (золото). Они базировались на аварской языковой основе, их можно расшифровать и семантика понятна.

Другой блок аварских собственных имен относится также к доисламскому периоду. Эти имена трудно этимологизируются и не поддаются морфологическому разложению, например: Хаду, Къурач,

Глангурай, Гьинди, Мадилав, Цюхюлав, Кильилай, Хлурулгин, Пакъа, Малъкюр.

У аварцев существовали однотипные во всех обществах традиционные формы ухода за волосами, системы воспитания, представления как растить детей со дня их рождения до совершеннолетия. Вместе с тем необходимо отметить, что в разных селениях были свои особенности в проведении основных событий в жизни ребенка.

Через 7-10 дней ребенка укладывали в люльку-«кени». Обряд обычно проводили в день наречения имени. Первое укладывание младенца в люльку делали как правило в пятницу. Счастливая в семейной жизни многодетная пожилая родственница, читала молитву и высказывала добрые пожелания – рос здоровым и сильным, сон был спокойным и сладким. Некоторые перед тем как укладывать ребенка в новую люльку клали в нее кошку, но часто бывало так, что люлькой уже пользовались в семье, в свое время в нее укладывали мать младенца или старших братьев и сестер. Под изголовье ребенка клали разные вещи (аяты из Корана, металлические острые предметы), которые должны были служить оберегами – апотропейная магия. Люлька у аварцев была такая же по конструкции как и у других народов Дагестана. Она была своеобразным, оригинальным помощником матери в уходе за ребенком. И мнение о вреде люльки для здоровья ребенка (тугое пеленание, неподвижность тела, нагрузка на затылок и т.д.) не имеет поддержки у пожилых горянок. Усыпляли укачиванием и тихими колыбельными песнями, убаюкиванием со словами «лаилагъа иллалагъ». Продолжительность укладывания детей в люльку зависела от ряда обстоятельств, обычно она продолжалась до двух лет.

Основные моменты в жизни ребенка сопровождалась магическими обрядами, как это было с укладыванием его в люльку. Они были в целом одинаковыми у народов Дагестана и Северного Кавказа. Я.С. Смирнова пишет о народах Северного Кавказа: «Когда ребенку впервые стригли ногти и особенно волосы, их обычно сжигали или прятали «от сглаза»; чтобы помочь прорезыванию первых зубов, варили зерно и раздавали соседям»¹²⁵. Аварцы волосы ребенку сбривали после сорока дней, это делал обычно взрослый родственник, дядя, дедушка. Волосы аккуратно собирали и прятали в чистое место, клали между камнями в стене дома, туда, где на них не могли наступить.

Особое внимание уделяли волосам девочки, их заворачивали в кусок материи или клали в специально изготовленный мешочек. В последующем мешок служил хранилищем для волос этой девочки – девушки – женщины – бабушки и некоторые женщины готовили мешок, чтобы его положили с ними в могилу как часть тела.

Значительным событием в жизни ребенка (мальчика) был обряд обрезания – суннат, совершаемый в возрасте от трех до семи лет, где как было принято. Этим занимались два-три человека в селении, а в некоторых случаях приглашали «специалиста» из соседнего аула. В отличие от других моментов детского цикла (укладывание в люльку, первая стрижка волос и ногтей, первый шаг и др.), которые отмечались в узком семейном кругу, обрезание становилось важным событием для родных и близких. После обряда родственники, соседи приходили с поздравлениями, приносили ребенку подарки, сладости, фрукты, а родные мальчика устраивали угощение и раздавали садака. Для мальчика обрезание было испытанием и он этот день запоминал как событие в его жизни.

Важной задачей семьи было вырастить детей здоровыми, одновременно большое значение придавалось их воспитанию, в одинаковой мере мальчиков и девочек. Представление о нормальном горце или горянке (аварце или аварке) предполагало умственное, физическое, трудовое, нравственное, эстетическое воспитание. Условия жизни в горах определили первостепенность трудового и нравственного воспитания. Каждая семья старалась привить трудовые навыки и правила поведения своим детям с самого раннего возраста, постепенно привлекая их к участию в домашних работах и приучая в соответствующем обращении с родственниками, младшими и старшими по возрасту. Иногда приходилось быть и строгим, принуждать выполнить поручение или поступить так-то. По этому поводу существовала народная поговорка «Гадлуялда асклоб глажал буклунаро» – «Рядом с дисциплиной смертный час не бывает». С детьми чаще находились бабушки, матери всегда были заняты хозяйственными делами, или в поле или дома, а отцы до достижения сыновьями определенного возраста (10–12 лет) в их жизнь особенно не вмешивались. В раннем возрасте дети пользовались полной свободой действий, независимо от пола могли играть вместе, общаться друг с другом, находится в од-

ном помещении. Но у мальчиков и девочек были свои игры. Девочки любили играть, в основном, в куклы (их готовили – шили бабушки, матери, старшие сестры из подручного материала), камешки (это что-то типа соревнования в ловкости рук), а мальчиков тянула «улица», где можно было играть в подвижные игры (их много, с предметами и без них).

Но уже в 10–12 поведение, игры, обязанности детей заметно различались по половому признаку. У подростков появлялись постоянные обязанности и они не могли беззаботно отдаться играм, хотя игры, в том числе и в куклы, до совершеннолетия оставались их любимым занятием. Девочки должны были помогать матери по хозяйству: убрать в доме, принести воду, присмотреть за младшими сестрами и братьями, встречать стадо телят и коров и пригнать свой скот домой, зимой погнать их на водопой и т.д. Более того, девочка-подросток обязана была соблюдать все адаты и нормы шариата, принятые для девушек в этом обществе. Вспомним установки шариата, нашедшие отражение и в памятниках обычного права «несовершеннолетними признаются: девушка, не достигшая девятилетнего возраста». На самом деле девушка считалась взрослой (совершеннолетней) после 15 лет и она становилась полноправным членом семьи и общества, естественно со всеми обязанностями, она могла вступить в брак. Но, как мы видели выше, обычно браки заключались после 17 лет.

Для юноши совершеннолетие официально наступало тоже в 15 лет, он имел право присутствовать в общественных местах, в том числе и на сельском сходе, носить кинжал, посещать годекан, жениться. На него, как на мужчину возлагалась обязанность выполнять все мужские обязанности. Но по существу он во всех отношениях оставался «подростком» и все вокруг относились к нему соответственно, заботились о его формировании как личности. Начиная с подросткового возраста, мальчика готовили к будущей суровой жизни крестьянина-горца отец, дяди, братья (и двоюродные), в процессе обучения формировались его мировоззрение, нравственные нормы, черты характера. Как считают информаторы и свидетельствуют письменные документы совершеннолетие у юноши как правило, наступало к восемнадцати годам.

Счет родства велся по отцовской линии (патрилинейный), но такой же счет существовал и по материнской линии, его знали в семье, селении, но он не обозначался в официальной системе родства.

Воспитание мальчиков и девочек в семье различалось, но не настолько резко, разительно, как это принято считать или на самом деле было в феодальной среде на равнине. Естественной была разница, если учесть обстановку, условия, в которых они должны были в будущем жить. Он – защитник всего, что есть у его народа, общества, общины, семьи, активный участник всех событий в общественной жизни, покровитель всех членов родственной группы, ответственный за материальное обеспечение своей семьи. Она – мать, тепло и уют в семье, порядок в доме, уход за детьми и мужем, обеспечивает своевременное питание членов семьи, хранительница бытовых традиций и нравственных устоев, реальный воспитатель детей (особенно девочек), носитель устно-поэтического творчества народа (колыбельные песни, сказки), домработница, выполняет большинство полевых работ, оказывает решающее влияние на формирование духовных и культурных ценностей семьи и детей.

Похоронные обычаи и обряды. В народе говорят, что у человека в жизни бывают три дня: день рождения, день бракосочетания, день смерти. Последний завершает жизненный путь его. Хотя существует понимание о неумолимости законов природы, их неотвратимости, неизбежная потеря родных и близких всегда воспринимается как трагедия. Сострадание и соучастие в горе – обычные человеческие качества – с особым чувством проявлялись в небольших по размерам населенных пунктах, каковыми были и большинство аварских селений, где все происходящее всеми воспринималось очень близко, как свое. И одним из обязательных поступков считалось участие в похоронах и оплакивании покойника.

Услышав о смерти односельчанина, все взрослые шли к дому покойного. Человек, каким бы делом не занимался, оставлял его и спешил оказать последнее внимание покойному, выразить соболезнование его близким. Внешним видом, одеждой приходящие старались проявить свою скорбь и печаль: одевали верхнюю одежду, шубы, которую не снимали на все время траурного сидения. Родственников извещали сразу о случившемся. Мужчины и женщины собирались

отдельно: женщины в «комнату слез» («маг1ирукъ»), где находился покойник (ца) и располагались (садились) в определенном порядке. Заходить в одиночку было не принято, заранее собирались родственницы (не усопшего) или соседки и шли группами. Каждая вновь пришедшая женщина подходила к родственницам умершего и выражала, пожимая руку, соболезнование в принятых словах. В разных селениях оплакивание проходило по-своему: в одних старались вести себя спокойно, громко не плакать: «Аллах дал, Аллах забрал»; в других – плакали в голос с причитаниями, повышающимся с приходом родственниц; в третьих – громкие плачи сопровождалась криками (особенно если умер молодой человек), близкие умершего били себя кулаком по лбу, по бедрам, царапали лицо, рвали волосы. В некоторых селениях существовал обычай отрезания кос ближайшим родственницам. С.Ш. Гаджиева в своей книге «Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в.» пишет: «У аварцев-гидатлинцев жена, сестра, иногда и мать, в этом случае (смерти молодого мужчины – А.И.) целиком брили головы. Почти полностью состригали волосы жена, сестра и дочь и у аварцев сел. Кегер общества Андалал. Обряд снятия волос с головы здесь происходил на третий или четвертый день после похорон умершего, во время церемонии надевания черной траурной одежды и после раздачи односельчанам поминальной пищи. Как правило, стригли друг друга сами женщины, оставляя лишь волосы надо лбом. В сел. Чох, того же общества Андалал, отрезала одну-две косы только вдова. В другом аварском обществе Тлях обряд бритья головы не распространялся на жену, так как жену здесь рассматривали как «чужеродку». (С. 295).

Мне представляется, что отрезание волос к исламу отношение не имеет, он является компонентом древних традиций семейно-бытовых отношений. Г.Ф. Чурсин пишет: «По рассказам стариков, до утверждения ислама, у аваров (аварцев – А.И.) существовал обычай хоронить вместе с умершим мужчиной и его лошадь. Рассказы эти подтверждаются раскопками старинных могил...

В старину, когда умирал девственный юноша, у аваров был обычай хоронить вместе с ним красивую живую девушку. И девушки, по рассказам, охотно шли на такую смерть, так как такая девушка, по народным воззрениям, шла прямо в рай.

В Койсубулинском районе еще и в настоящее время, если умирает просватанная невеста, ее подруга отрезывает одну из своих кос и отдает жениху умершей. Последний хранит эту косу как память, всю свою жизнь»¹²⁶. Почему подруга свою косу отдает жениху умершей? А нам рассказывали, что отрезали косу невесты и отдавали жениху.

Высказанное предположение, «что генетически этот обычай – отрезание волос женой умершего – был связан с захоронениями жены вместе с умершим мужем»¹²⁷ мне представляется не убедительным, кроме предположений, нет доказывающих фактов умерщвления женщин и захоронения их с мужчинами. Этим действием жена демонстрировала свою верность мужу и отказ от вторичного вступления в брак. Хотя по данным некоторых источников, обычай хоронить вместе с умершим мужчиной его коня, женщину, все необходимое для его загробной жизни существовал. Арабский историк и географ Масуди (X в.), у которого «мы находим единственное в своем роде систематическое описание Кавказа и его племен» (В.Ф. Минорский), оставил сведения о некоторых племенах, живших в городе Аттил (Итиль) Хазарского государства: «Они сжигают своих мертвецов вместе с их конями (букв. животными), утварью и украшениями. Когда умирает мужчина, его жену заживо сжигают вместе с ним, но если умирает женщина, то мужа не сжигают. Если кто-нибудь умирает холостым, его женят посмертно, и женщины горячо желают быть сожженными, чтобы с душами мужей войти в рай»¹²⁸.

В связи с умерщвлением людей по каким-то обычаям определенный интерес представляют предания, рассказы, существующие у аварцев в разных вариантах, как и у других народов Кавказа, об избавлении от старых людей (после 60 лет) и причинах отказа от этого обычая. Есть конкретные места с названием «Херал рехулеб к1к1ал» (ущелье, куда бросали старых). Станным выглядит этот обычай, если он вообще был, на фоне существовавшего повсеместно в горах обычая почитания стариков, носителей накопленного опыта и знаний, народной мудрости, о которых заботилась вся община. Непочтительное и грубое отношение к старикам осуждалось обществом. Известный ученый-этнограф Г.Ф. Чурсин, побывавший у аварцев в 1928 г., считает высказывания некоторых авторов о будто бы наблюдающем-

ся среди аварцев непочтительном отношении не только к старикам вообще, но и к состарившимся родителям, являются ошибочными.

Вместе с тем, смерть старого человека, при всем уважении к нему, воспринималась, в том числе и его детьми, родными спокойно, как закономерное неизбежное явление. Соответственно относились и к его оплакиванию. Громкий плач осуждался, если и были слова типа «мой мудрый, добрый, заботливый отец», «моя ласковая, нежная, родная мать» их причитаниями трудно назвать. Этикет требовал соблюдение соответствующего поведения от всех в «комнате слез», а поведение зависело от возраста умершего, причины смерти (убийство, несчастный случай, болезнь), принятого в данном селении адата. А адаты, как уже было отмечено, в деталях различались, хотя в основе они были едины. Едины были и плачи-причитания в целом. О характере плача горцев у А.П. Услара в работе «Кое-что о словесных произведениях горцев» сказано: «Похоронные песни на целом Кавказе представляют общий характер. Смерть всегда упрекается в том, что она прервала самую великолепную и благополучную жизнь, хотя в действительности жизнь эта была преисполнена горя. В виде тихого пристанища смерть никогда не изображается»¹²⁹. «Причитания горцев Дагестана, взятые в общем плане, – пишет З.З. Гаджиева, – вписываются в пласт фольклора многих народов единством вызвавшей их тематики – смертью человека, последней инстанцией проявления трагичности бытия. Дагестанские, в частности, аварские причитания и плачи близки к плачам многих народов тем, что и они создаются в стихотворной форме, экспромтом»¹³⁰. Они рождаются под воздействием нахлынувших чувств, их основа – печаль и скорбь. Женщина в эмоциональном порыве слагает плач – «маг1о», маг1у» (слезы). В некоторых селениях были женщины известные умением сочинить стих по случаю, оплакивать покойников, умело импровизировать и найти похвальные слова об умершем, воспевать достоинства его. Наибольшую известность как плакальщица (маг1ихъан) получила Анхил Марин из Ругуджа Андалалского общества.

Оплакивание покойника с причитаниями было характерно, если умер молодой человек, хотя ислам не одобрял громкие плачи-причитания, ибо в них могли содержаться сетования на судьбу, обида на Аллаха за смерть близкого. Мусульманин же должен безропотно, с

благодарностью воспринять все то, что происходит с ним и вокруг него. Должна быть вера в предопределение судьбы, в то, что все хорошее и плохое происходит по воле Аллаха. В плачах нередко содержатся выражения, отражающие элементы древних обычаев и представлений, домусульманских верований, особенно язычества. «Похоронные плачи, – пишет С.М. Хайбуллаев, – один из древнейших жанров песенного фольклора... Обрядовые песни, рожденные в глубоком прошлом языческим культом предков и исполненные магического смысла, стали вбирать в себя мысли и образы, связанные с новым временем. В причитания стали проникать социальные мотивы, и многие из них стали выражением гражданской скорби».¹³¹ Мужчины не могли (не полагалось) плакать в голос, громко, а причитать тем более.

Мужчины – родственники умершего собирались в удобном месте недалеко от его дома, где для них создают условия для сидения (бревна, доски) или на вблизи находящемся годекане. Место сбора для принятия соболезнования называлось «кверкъовуде», «зигара балеб бак1», «бук1диб», «таг1зият». В некоторых селениях были специальные помещения «кверкъовуде» или места на годекане под навесом. Оплакивание, выражение соболезнования, молитвы, другие похоронные обряды аварцев регламентировались предписаниями ислама и, таким образом, были в целом едиными для всех мусульман-дагестанцев и мало отличались от обрядов других народов, исповедующих ислам. Вместе с тем многие обычаи и ритуалы, связанные с трауром, хотя выступали в исламизированной форме, формировались на местной почве, отличались своеобразием и самобытностью, проводились в соответствии с традиционными народными обычаями в разных селениях по разному. «Если в теории ислам сохранял в той или иной степени чистоту своего учения, то на практике, в частности в Дагестане, в быту, отклонение от него было обычным явлением, вполне объяснимым живучестью, прочностью домусульманских религиозных представлений, а также тем, что первоначальный ислам впитал в себя древнеарабские языческие элементы».¹³² Обычаи предусматривали определенные действия и их последовательность, при которых каждый человек вел себя согласно принятым нормам поведения.

Для всех жителей аула было характерным соблюдение траурного поведения на всех этапах похоронного цикла. Мужчины группами подходили к сидящим в центре старикам, родным умершего и читали про себя заупокойную молитву – дугла и после слова «Фатиха», произнесенного громко читали первую суру Корана «Ал-хамд» («Сурат ас Салат»). С нее начинается Коран и она читается в начале молитвенного обряда, который молящийся начинает стоя.¹³³ Соболезнование все присутствующие, кроме стариков, принимали стоя, подать руку подошедшему сидя считалось неприличным. Подходили с правой для себя стороны. Пожимали руки обычно близким родным и старикам, если людей было немного, то всем присутствующим. Выразив соболезнование по формуле, принятой в данном селении, человек занимал соответствующее возрасту и степени родства к семье покойного место. В основном на соболезновании (зигара балеб бакIалда) мужчины молчали, пожилые могли вести тихий разговор на отвлеченные темы; заниматься каким-либо делом, курить, сидеть закинув ногу на ногу было не принято.

О болезни человека весть в ауле распространялась быстро. Ему оказывали внимание, его навещали, приносили разные блюда, фрукты, сладости. Когда больному становилось плохо, спрашивали нет ли у него какого-либо желания, не хочет ли он сказать что-нибудь, старались тактично узнать последнюю волю, т.е. получить завещательное распоряжение, если оно не было ранее сделано. У постели тяжело больного всегда находился кто-то из родных, чтобы вовремя читать из Корана заупокойную суру «Ясин». Читали тихо, про себя, чтобы больной не слышал, так как чтение «Ясина» означало, что он умирает. Но громко произносили обращение «Лаилагъа илаллагъ», «Я Аллагъ» и считался добрым признаком, если умирающий их повторял. Больного клали на правый бок лицом на юг (Къибла), если этого сделать было невозможно, то лицо (и подошвы ног) должно было быть обращено на юг. Сразу после смерти покойнику закрывали глаза, рот, выпрямляли тело, клали его на спину так, чтобы лицо было обращено на юг. Полагалось обмыть покойника пока тело не остыло. Обмывали с соблюдением предусмотренного ритуала, в определенной последовательности, мужчину – мужчины (обычно мулла), женщину – женщины, знающие нужные молитвы. В особых случаях муж мог обмыть

жену, а жена – мужа. Вознаграждение за эту работу не брали, предлагали одежду умершего, но от нее часто отказывались. Это делалось как богоугодное дело, как кири.

Следующей процедурой, предписанной шариатом в похоронных ритуалах было облачение – надевание, закутывание усопшего в саван. Нужным материалом для савана считалась белая хлопчатобумажная ткань. Чаще употреблялась бязь. В религиозных книгах («Бустан Аваристан», «Уммул баян») написано, что шелковую ткань нежелательно употреблять для савана, хотя одежду из нее шили. На женщине должно быть пять слоев: штаны – от пупка до ниже колен, туникообразная рубашка до пяток, платок и два куска материи. Мужчину рекомендуется завернуть в три слоя, можно довести и до пяти: надеть рубашку и чалму. Рекомендовалось надевать одежду чистую стиранную, чем новую. Все части тела должны быть закрыты, особенно тщательно закрывали уши, ноздри, рот. Заворачивали послойно: сперва правой стороной ткани закрывали тело, на нее накладывали левую сторону, в таком же порядке и остальные. В трех местах завязывали лентами из той же ткани. И в этом ритуале были мелкие обязательные процедуры, на которые нет необходимости останавливаться. Хотя весь похоронно-поминальный цикл, который был намного сильнее ислаимизирован чем все другие культурно-бытовые сферы аварцев, находился под влиянием и контролем духовенства, отклонения от предписаний шариата бывали. Г.Ф. Чурсин пишет: «Если умирает молодая невеста, недавно вышедшая замуж, ее хоронят в нарядной свадебной одежде, со всеми украшениями, с какими она пришла в дом мужа. Так в бытность мою в Гунибе (1928 год – А.И.) была похоронена молодая аварка, прожившая с мужем всего 6–7 месяцев». Такие случаи были нередки в горах, дорогую парчовую одежду, украшения могли надеть на молодую женщину по ее завещанию или по настоянию родных.

Перед тем, как похоронить умершего, обязательным ритуалом было совершение над его телом джаназа – намаза (заупокойной молитвы, жаназаялгул как), которое исполнял всегда мужчина. Намаз состоит из семи частей (рукну), выполнение которых обязательно. Совершить его можно в одиночку и с джамаатом, дома, на кладбище, но лучше в мечети. Желательным считается, чтобы намаз совершили

близкие. Во время его совершения, покойника-мужчину, кладут головой на восток и ногами на запад, мулла стоит за ним ближе к голове, лицом к Кибле.

Женщину-покойницу кладут наоборот – головой на запад и ногами на восток, мулла стоит у таза.

Хоронить умершего полагалось в тот же день, а если смерть наступила после полудневной (обеденной) молитвы, то похороны могли перенести на следующий день. Хоронить можно было и ночью, но без огня – светильника. Копать могилу начинали сразу же после известия о кончине человека, молодые люди, кто после выражения соболезнования, кто сразу, шли на кладбище, которое находилось на окраине селения. Большие селения имели по два-три кладбища, обычно два – верхнее и нижнее. Большой частью они были огорожены каменной стеной, за ними ухаживали, очищали от кустарников-колючек, старой травы, следили, чтобы не заходил скот.

Традиции в разных селениях были разные: в одних – копали индивидуальную могилу рядом с родственниками (тухумные участки), в этом случае кто-то из родных покойника показывал где копать; в других – копали подряд на свободном месте; в третьих – очередную могилу копали впритык к предыдущей и рассчитывали на три каменных ящика (чанахоб), т.е. на три покойника. Сюда же можно отнести и обычай, когда в одну могилу клали трех покойников последовательно: спереди в нишу – подбой, сзади в нишу – подбой, посередине в каменном ящике. Нежелательным было, чтобы мужчина оказался между женщинами и наоборот. В какой-то мере третья форма захоронения могла возникнуть с целью экономии земли. Копали могилу в темпе, часто сменяя друг друга, считалось, что работающий в могиле быстро устаёт, обессиливает. Во время работы они вели себя сдержанно, своим видом выражали скорбь, не шутили, не спорили, не курили. Общая обстановка траура сохранялась независимо от пола и возраста умершего, хотя трагические случаи и смерть молодых становились тяжёлым горем для всех людей селения.

Узнав, что могила готова (глубиной около 150 см, «халатасул къвалакье, къокъасул гарбухье» – высокому до подмышки, короткому до шеи), молодые родственники выносили покойника (носилки) головой вперед из помещения. В этот момент раздаёт ритуальное блюдо

– совершают жертвоприношение. Часто раздавали тонкий лаваш из дрожжевого теста с теплой халвой. Мужчину накрывали черной буркой, женщину – зеленой шелковой тканью. На кладбище покойника(цу) провожали только мужчины. Носилки несли на плечах четыре человека, часто сменяя друг друга, стараясь при этом не допустить, чтобы пожилые несли носилки. Шли быстро и молча, сохраняя определенный порядок в похоронном шествии: считалось желательным, чтобы близкие родственники шли впереди носилок с покойником, остальные участники процессии шли сзади. На кладбище, во время захоронения, все работы, за исключением ритуального укладывания покойника в могилу, выполнялись молодыми мужчинами, пожилые сидели, считалось недопустимым, чтобы они брали лопату в руки. С момента прихода на кладбище – к могиле, все действия присутствующих были регламентированы нормами шариата и обычая: куда и как положить носилки, как, с какой стороны опустить покойника в могилу и уложить его в нишу (ящик), закрыть каменными плитами, когда какие читать молитвы и т.д. При общих мусульманских правилах, детали захоронения в разных обществах различались. По окончании похорон на кладбище раздавали милостыню (садака), в разных селениях разное – мясо, курдючное сало, хлеб, халву и др.

Выполнив все предписанное, близкие умершего возвращались на то место, где сидели до похорон, остальные расходились по домам. Со следующего дня в течение трех дней, утром и вечером, могилу посещали для чтения молитвы (къулгъу). Вечером третьего дня в доме покойника устраивалось поминальное угощение. В этот же вечер раздавали односельчанам поминальную пищу. Дальнейшие поминальные чтения и чтение коллективных молитв (зикру) зависели от желания и возможности семьи. На поминальном угощении, как правило, подавали вареное мясо, суп, хлеб, хинкал, халву. Считалось желательным читать молитву (зикру) вечером с четверга на пятницу. В день похорон близкий родственник семьи договаривался с кем-нибудь из грамотных мулл о прочтении Корана за упокой души усопшего за плату: читал или на могиле (для этого на кладбище были построены специальные переносимые будки или ставили шалаш из паласа – халмаж) или дома. Желательным считалось, чтобы Коран прочли полностью или читали 40 дней.

По умершим соблюдали траур в течение принятого в данном ауле срока в зависимости от их личности, возраста, степени родства. Сроки и формы по обычаям различались. В книге «Уммул баян» сказано, что соблезнование можно выразить в течение трех дней на тагIзияте. По адатам келебского общества женщина «подвергалась штрафу в размере стоимости трех овец, если она пойдет на соблезнование по истечении трех дней».

Если человек был в отъезде, не смог приехать или не знал о случившемся (кунак), то он мог выразить соблезнование и позднее, по возвращении в аул. Когда ждали возвращения близких родственников умершего, сидение на тагIзияте (букIдиб) продолжалось до 7 дней. Неодобралось (карагъат) выражение соблезнования при случайных встречах на улице или в другом месте. В связи со сроками сидения на «зигара балеб бакIалда» приведем любопытное сообщение Г.Ф. Чурсина. «У чохцев (общество Андалал – А.И.), – пишет он, – между прочим, был следующий небезинтересный в этнологическом отношении обычай. Когда умирала женщина, вышедшая замуж в чужую фамилию, мужчины как с мужниной, так и с ее стороны, собравшись, сидели в доме умершей два дня. Последнюю молитву давал обязательно родственник умершей по отцовской линии, следовательно, из ее родни. Если у нее был взрослый сын, молитву читал он; если сын был маленький, то последнюю молитву читал ближайший родственник покойной по отцовской линии, посадив сына умершей около себя».¹³⁴ Из сказанного видно, что сидели в доме (букIдиб) два дня.

Соблюдение траура было обязательным элементом похоронно-поминального обычая. Признаком траура был цвет одежды, чаще черный, наличие верхней одежды и в теплое время, ношение бороды. На время траура, носившие его, старались не бывать в общественных местах, избегали каких бы то ни было увеселений (свадьба, праздник, вечеринка), а если им по необходимости приходилось там бывать, то держались скромно, лицо их выражало печаль. Другим людям не полагалось и считалось безнравственным при них вести развязанно, смеяться, выражать бурно радость, допустить бестактную шутку или двусмысленное выражение. С ними обращались почтительно, если они и были моложе. Им старались помочь в делах, в хозяйстве.

Женщины траур соблюдали дольше и строже. Длительное время близкие родственницы покойного, особенно жена, не выходили из дома обычно 40 дней, старались не встречаться с людьми, общаться, особенно с посторонними мужчинами, хотя последние всегда держались подчеркнуто корректно и тактично, всем видом выражали свое сочувствие и свою скорбь. В доме умершего не принято было разжигать огонь, готовить пищу трое суток («Бустан Аваристан»: желательно – суннат – одни сутки) и соседи, родственники приглашали родных к себе, а женщинам пищу приносили в помещение плача и их следовало уговаривать поесть. По обычаю вдова, сестра, мать не должны были убирать в доме в первое время, принимать участия в хозяйстве, поэтому им помогали, а потом устраивали выход из дома и сопровождали их на полевые работы. При людях женщина в трауре всегда бывала грустна и вела себя сдержанно, редко вступала в разговор, что сказывалось на поведении окружающих ее людей. По нормам народного этикета окружающие ее люди, в том числе и старшие по возрасту мужчины, должны были быть предельно осторожны и предупредительны, создавать возможный психологический комфорт, щадить ее душевное состояние, уступать желаниям.

Траур по умершим соблюдало на какое-то время все селение. В зависимости от возраста умершего откладывались свадьбы, другие увеселительные мероприятия. Мужчины 40 дней не брили головы и бороды. Ездить верхом по селению в первые дни траура было нельзя. А по существовавшему адату ездить по аулу не полагалось вообще, на окраине слезали с коня и вели его за уздечку. Это отмечали многие. Г. Цадаса пишет: «Кто приезжал в аул мимо кладбища, где была свежая могила, – обязательно слезал с коня и шел пешком, а кто выезжал из аула – также до края аула шел пешком, ведя коня за собой».¹³⁵

Со временем на могиле умершего ставили надмогильную каменную стелу, заменив небольшую плиту или камень, поставленный у изголовья в день похорон. Размеры и обработка ее зависели от материального положения семьи. На кладбищах рядом с небольшим камнем с именем похороненного, могут стоять памятники высотой около 3 метров, шириной – 90 см, украшенные резным орнаментом и надписями. Надгробия имели разные формы: антропоморфные, прямо-

угольные, «г» образные (селение Гимри Хиндалалского общества, изредка они встречаются и в других местах), заключенные (обрамленные) по бокам в каменную стену. Надмогильные памятники, являющиеся высоко художественными произведениями монументально-декоративного искусства, на всех этапах развития их форм и орнаментики выполняли определенную социальную функцию. На стеле, наряду с именем погребенного, наносили изречения из Корана, слова восхваления его, обращение к Аллаху с просьбой простить его грехи, орнаменты (геометрический, ленточный, растительный), различные изображения: на мужских – конь, сабля, лук, на женских – гребешок, кувшин, рука, украшения, веретено. Надгробия женских погребений отличаются от мужских формой и более насыщенным декором. Каменное искусство – надгробия есть часть самобытной национальной культуры горцев, дающая представления об их истории, эстетических взглядах, образности мышления. Эстетические представления тесно переплетались с религиозными.¹³⁶

Рассмотрение похоронно-погребально-поминального обычая у аварцев показало его многообразность и многоэлементность, в нем сочетались древние формы, языческие религиозные представления, местные традиции, мусульманские ритуалы в рамках полностью исламизированной формы.

* * *

¹ Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. М., 1978. С. 4.

² Булатова А.Г. Семья и семейные обряды. // Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М., 1988. С. 119.

³ Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы. – СЭ, 1984, № 6. С. 18.

⁴ Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев. // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 89.

⁵ См.: Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области. // СССР, т. 1 Тифлис, 1869. С. 57–58.; Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. С. 46. (раздел IV).

⁶ См.: Исламмагомедов А.И. Жилище аварцев в XIX – XX вв. РФ ИИАЭ. Ф. 3, оп. 3. хр. 182 (3358); Он же. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX–

XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ. Т. XIV (серия историческая). Махачкала, 1965. – С. 264.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область. СПб., 1905.

⁸ Чурсин Г.Ф. Авары. Этнографический очерк. Махачкала, 1995. С. 22.

⁹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. М., 1890, С. 192.

¹⁰ Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 22.

¹¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 252–257; Она же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX–начале XX в. М., 1985. С. 24–78.

¹² Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин XIX–начало XX в. М., 1978. С. 121–135.

¹³ Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX–начало XX в. Махачкала, 1992. С. 124–128.

¹⁴ Курбанов К.Э. Быт неразделенной семьи цахуров во второй половине XIX–начале XX века // Быт сельского населения Дагестана (XIX–нач. XX в.). Махачкала, 1981. С. 121–133.

¹⁵ Исламмагомедов А.И. Некоторые особенности планировки высокогорных рутульских селений долины Ахты-чая // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. (Тезисы докладов). Тбилиси, 1971. С. 89–90.

¹⁶ См.: Гаджиева С.Ш. Семья и брак... С. 41; Булатова А.Г. Лакцы. Махачкала, 2000. С. 258–259.

¹⁷ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. I. Одесса, 1882. С. 43–44.

¹⁸ Перевод с арабского о существующих в Бездидском округе адатах. // Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968. С. 69.

¹⁹ Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) // Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 68.

²⁰ Там же. С. 69.

²¹ Адаты в Ухнадальском наибстве. // Из истории права... С. 66.

²² Там же.

²³ Адаты в Унцукульском наибстве. // Из истории права... С. 174.

²⁴ Свод решений, обязательных для жителей Андалалского округа. // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 64.

²⁵ Там же. С. 66.

²⁶ Собрание адатов селений Аварского округа. // Из истории права... С. 36.

²⁷ Установки шариата нашли отражение и в памятниках обычного права: «Не совершеннолетними признаются: девушка, не достигшая девятилетнего возраста, а мальчик – 12 лет».

²⁸ Никольская З.А. Свадебные и родильные обряды у аварцев Кахибского района. // СЭ, 1946. № 2. – С. 196.

²⁹ Гамзат Цадаса. Адаты о браке и семье аварцев в XIX–начале XX вв. // Памятники обычного права. С.55.

³⁰ Там же. С. 56.

³¹ Памятники обычного права. С. 158.

- ³² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г... Дагестанская область. СПб, 1905. С. 31.
- ³³ Каранашов О. Бытовые алаты и песни аварцев. РФ ИИЯЛ. Ф. 9. Оп. I. Д. 99. Л. 10.
- ³⁴ Гусева Н.Р. Многоликая Индия. М., 1987. С. 54.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права. С. 93.
- ³⁷ Гамзат Цадаса. Указ. раб. С. 55
- ³⁸ Там же. С. 56.
- ³⁹ Далгат Б. Указ. раб. С. 107.
- ⁴⁰ Там же. С. 93.
- ⁴¹ Г. Цадаса. Указ. раб. С. 56.
- ⁴² Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о Кавказских горах (ССКГ). Вып. I. Тифлис, 1868. С. 15.
- ⁴³ Костемеровский И.С. Три дня в горах Калалалского общества // «Кавказ». 1861. № 84.
- ⁴⁴ Золотухин А.И. Гуниб Дагестанской области // «Северный Кавказ». 1901. № 72.
- ⁴⁵ Ливенцов М. Из воспоминаний о походе в Дагестан в 1843 году // «Кавказ». 1850. № 75.
- ⁴⁶ Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991. С. 53.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Газета «Истина», № 185 от 18.12.1993 г.
- ⁴⁹ Исламмагомедов А.И. Общественный быт народов Дагестана в XIX – XX вв. РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 717; Лугуев С.А. Еще раз об общественном и семейном положении горянки в дореволюционном Дагестане. // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990–1991 гг. СПб, 1992; Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала, 2001.
- ⁵⁰ Исламмагомедов А.И. Общественный быт... С. 199–200.
- ⁵¹ Лугуев С.А. Еще раз об общественном и семейном положении горянки. С. 52.
- ⁵² Далгат Б. Указ. раб. С. 93.
- ⁵³ Никольская З.А. Общественный строй аварцев. 1947 г. // Научный архив Института этнологии и антропологии РАН, Цитируется по книге Гаджиевой С.Ш. «Семья и брак. С. 155.
- ⁵⁴ Гаджиева С.Ш. Семья и брак... С. 159.
- ⁵⁵ Булатова А.Г. Лакцы. Историко-этнографическое исследование. (XIX– начало XX вв. Махачкала, 2000. С. 263.
- ⁵⁶ Агларов М.А. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев в XIX веке // Советская этнография. (СЭ). 1964 № 6. С. 130.
- ⁵⁷ Умукусум Алиева. Эмансипация по-талухски. Газета «Дагестанская правда». 4 апреля 2003 г. № 68.

- ⁵⁸ Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 55.
- ⁵⁹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак. С. 160–161.
- ⁶⁰ Памятники обычного права. С. 66.
- ⁶¹ Там же. С. 65.
- ⁶² Каранашов О. Аул Чох. // СМОМПК, Вып. IV, Тифлис, 1884. С. II.
- ⁶³ Гамзат Цадаса. Указ. раб. С.55.
- ⁶⁴ Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 30.
- ⁶⁵ Гаджиева С.Ш. Семья и брак... С. 143.
- ⁶⁶ Ковалевский М.М. Указ. раб. С. 171.
- ⁶⁷ Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев Аварского племени // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 15.
- ⁶⁸ Агларов М.А. Сельская община как эндогамный круг в Дагестане. // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX– нач. XX в. Махачкала, 1986. С. 7.
- ⁶⁹ Там же. С. 9.
- ⁷⁰ Никольская З.А. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев в XIX в. // Краткие сообщения Института этнографии (КСИЭ). 1949. Вып. 8. С. 59.
- ⁷¹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак... С. 147.
- ⁷² Памятники обычного права. С. 71, 72.
- ⁷³ Там же. С. 79.
- ⁷⁴ Из истории права. С. 44.
- ⁷⁵ Памятники обычного права. С. 65.
- ⁷⁶ Гаджиева С.Ш. Семья и брак... С. 149.
- ⁷⁷ Каранашов О. Аул Чох. С. 11–12.
- ⁷⁸ Никольская З.А. Из истории. С. 55.
- ⁷⁹ Каранашов О. Аул Чох. С. 12.
- ⁸⁰ Памятники обычного права. С. 64.
- ⁸¹ Там же. С. 65.
- ⁸² Гамзат Цадаса. Алаты... С. 55.
- ⁸³ Далгат Б. Указ. раб. С. 92.
- ⁸⁴ Каранашов О. Аул Чох. С. 12.
- ⁸⁵ Гамзат Цадаса. Указ. раб. С. 55.
- ⁸⁶ Комаров А.В. Алаты и судопроизводство по ним (материалы для статистики Дагестанской области) // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1863. С. 55.
- ⁸⁷ Гаджиева С.Ш. Семья и брак... С. 163.
- ⁸⁸ Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 34.
- ⁸⁹ Смирнова Я.С. Указ. раб. С. 53.
- ⁹⁰ Памятники обычного права... С. 66.
- ⁹¹ Там же. С. 65.
- ⁹² Там же. С. 66.
- ⁹³ Никольская З.А. Свадебные и родильные обряды. С. 193.
- ⁹⁴ Львов Н. Указ. раб. С. 23.
- ⁹⁵ Каранашов О. Аул Чох. С. 13.
- ⁹⁶ Чурсин Г. Ф. Указ. раб. С. 40.

- ⁹⁷ Там же. С. 39.
- ⁹⁸ Гидатлинские адаты // Пер. с арабского М.-С. Саидова. Подготовили к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957. С. 31.
- ⁹⁹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак. С. 221.
- ¹⁰⁰ Шиллинг Е.М. Свадебный обряд в Чохе // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. М., 1996. С. 76.
- ¹⁰¹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак. С. 221–222.
- ¹⁰² См.: МахсутI ЗайнулАбидав. МагIладерил гьайтая // Журнал «Истина» (на авар.). 2000 г. № 2.
- ¹⁰³ Каранаилов О. Бытовые адаты и песни аварцев. РФ ИИАЭ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 99. Л. 2–6.
- ¹⁰⁴ Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 42.
- ¹⁰⁵ Булатова А.Г. Хореография в системе некоторых обрядов народов горного Дагестана (2 пол. XIX – нач. XX в.) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.) Махачкала, 1981. С. 48.
- ¹⁰⁶ Дибиров М.А. Обрядовые игры и состязания дагестанской свадьбы // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – нач. XX в. Махачкала, 1986. С. 69, 71.
- ¹⁰⁷ Никольская З.А. Свадебные и родинные обряды аварцев. С. 195.
- ¹⁰⁸ Гаджиева С.Ш. Семья и брак. С. 245.
- ¹⁰⁹ Каранаилов О. Бытовые адаты. С. 8–9.
- ¹¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹¹ Там же. С. 12.
- ¹¹² Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 44.
- ¹¹³ Львов Н. Указ. раб. С. 29.
- ¹¹⁴ Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 24.
- ¹¹⁵ Гаджиев Г.А. Указ. раб. С. 61.
- ¹¹⁶ Там же. С. 62.
- ¹¹⁷ Соловьева Л.Т. Обряды детского цикла у аварцев // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. М., 1996. С. 176–177.
- ¹¹⁸ Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 132–133.
- ¹¹⁹ Гаджиева С.Ш. Семья и брак. С. 274.
- ¹²⁰ Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 26.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Известия Кавказского историко-археологического института (Изв. КИАИ). Тифлис, 1927. Т. 5. С. 49.
- ¹²³ Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана. Л., 1988. С. 193.
- ¹²⁴ Гаджиев Г.А. Указ. раб. С. 67.
- ¹²⁵ Смирнова Я.С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник, VI. М., 1976. С. 53.
- ¹²⁶ Чурсин Г.Ф. Авары. С. 49.
- ¹²⁷ Гаджиева С.Ш. Семья и брак. С. 297.

- ¹²⁸ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 193.
- ¹²⁹ Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 36.
- ¹³⁰ Гаджиева З.З. Аварская элегическая лирика. Махачкала, 1997. С. 10.
- ¹³¹ Хайбуллаев С.М. Аварская народная лирика. Махачкала, 1973. С. 60–61.
- ¹³² Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969. С. 219.
- ¹³³ См.: Коран / Пер. с араб. и коммент. М.-Н.О. Османова. М., 1995. С. 403.
- ¹³⁴ Чурсин Г.Ф. Авары. С. 48.
- ¹³⁵ Гамзат Цадаса. Указ. раб. С. 61.
- ¹³⁶ Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. С. 79.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

Глава 5. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Управление. Хозяйственная, социальная, общественная жизнь в начале XIX в. была сосредоточена в основном в рамках сельской общины, которая входила в общество (бо) по соглашению как суверенная единица. В организации управления общества («вольного общества», ханства) определяющей, главной была цель – сохранение единства интересов всех субъектов, регулируемых устными адатно-правовыми нормами и письменными договорами. Как правило, письменные источники – историко-правовые памятники указывают добровольность объединения общин для сохранения стабильности в обществе и в общинах.

Например, в документе XVII в. «Свод решений, обязательных для жителей Андалалского округа» сказано: «Здесь приводятся обеты и соглашения, состоявшиеся между жителями всех селений Андалалского округа, договорившихся между собой с помощью Аллаха на единство и справедливость»¹.

В сборнике гидатлинских адатов, составленном на рубеже XVI–XVII веков отмечено «Старейшины гидатлинского общества согласились ради торжества справедливости принять следующее»².

В «адатах келебских селений» (XVII–XVIII вв.) говорится: «жители келебских селений согласились руководствоваться следующими установлениями»³. Со сказанным выше перекликаются слова из сборника Уцмиевских адатов «Все жители Уцми-Дарго (Кайтаг), собравшись в деревне Кища, единогласно установили следующие адаты...»⁴. Анализ адатов дагестанских народов показывает их единство, общность мировоззренческих основ, принципов организации общества.

Как уже упоминалось политическое состояние и общественные отношения у аварцев в XVIII – начале XIX в. были очень неоднознач-

ными и сложными и они в большой степени определяли их общественный быт, соционормативную культуру. Эти различия вызывали и особенности организации управления. Система управления у аварцев до середины XIX в. зависела от политического статуса селения – джамаата. По своему общественному положению селения различались на три категории: узденское свободное, «опекаемое» – находящееся в определенных формах зависимости от феодальных владетелей, раятское – полностью зависимое от феодала.

В феодальных владениях социальные отношения носили ярко выраженный характер, существовала феодальная иерархия. Официально правителями являлись ханы, но обычно вопросы в нераятских селениях решались считаясь с мнением избранных старейшин.

В установлении характера управления важную роль играли земельно-правовые отношения. Часть земельных угодий была собственностью феодалов, сдававших ее в аренду на разных условиях, часть собственностью узденей – мюльки, которые имели на них полное право.

Большинство аварцев – более 80% входило в союзы сельских общин – «вольные общества», имевшие общинное управление. Население было свободным, они не зависели от ханов, беков, не платили дани, не несли повинностей. В них не было и сословного деления, хотя довольно ощутимым было расслоение на бедных и богатых, от чего соответственно зависело занимаемое им место в обществе. Выше говорилось, что «вольное общество» – это союз нескольких сельских общин. Принцип образования обществ – территориальный, объединялись селения расположенные близко друг к другу. Внутреннее управление общества (бо) основывалось на адатах и соглашениях. Для регулирования внутренних (межсельских) и внешних (межсоюзных) отношений общества создавали специальный орган. Таким органом был межсельский сход – собрание представителей сельских общин, членов «вольного общества» – руккел, мажлис, бодул жамагIат, выступающий как форма общенародного правления. Некоторые историки считают, что во многих обществах положение было таким, как пишет Я. Костенецкий: «Авария (имеется в виду аварское ханство – А.И.) не только владела многими, теперь уже зависимыми обществами, но и была единственной повелительницей в этой части гор, и от

ханов ее трепетали все соседи»⁵. Очень сильно сказано для первой половины XIX века. Или обществами правили кадии. Например, Х.-М. О. Хашаев пишет: «Андалальское общество в начале XIX в. управлялось кадием, хотя в отдельных сельских общинах, кроме дибира, выбирались старшины из сильных и привилегированных фамилий. В начале XVIII в. андалальцы находились под влиянием казикумухских ханов, а с аварскими ханами были в союзных отношениях»⁶. Имеющиеся данные – как зафиксированные адаты, письменные документы, полевой этнографический и фольклорный материал свидетельствуют, что Андалал был одним из сильных, управляемых всенародно избранным органом обществ и он не находился в никакой зависимости от соседних феодальных владетелей – ханов и кадий не имел административной власти. Андалак был демократическим политическим образованием, как и многие «вольные общества».

Сельские общины, входящие в «вольное общество», имея союзные отношения должны были создать орган, регулирующий эти отношения. Таким органом был межсельский сход – собрание представителей сельских общин, членов «вольного общества» – мажлис, выступающий как форма общественного правления.

«Если дело важное и касается до целого общества, – пишет И.И. Норденстам в 1832 г. об обществе Анкьракь, по аварски «Семь земель», – то собираются джаматы всех деревень (собрание джаматов деревень также называется джаматом), разбирают дело и оно решают. Старшины потом обязаы объявить жителям своих деревень решение джамата, которое принимается за закон»⁷.

В связи с употребляемым в некоторых русскоязычных документах термином «старшина» необходимо объяснить его понятие. Это терминологическая ошибка – «старейшины» в них называются «старщинами». Это разные единицы в системе сельского управления до революционного Дагестана. Старейшины – это традиционный коллегиальный орган управления – правители сельской общины, избираемые населением (формы выборов различались по обществам) на определенный срок, а старшина – появился с вхождением Дагестана в состав России и представлял сельскую административную власть.

Ошибка эту, на мой взгляд, повторяют и некоторые современные историки, которые пишут «джаматы управлялись старщинами, из-

бранными от тухумов», «в некоторых селах выбирали ежегодно несколько старшин» и т.д. старшина, независимо от размера селения, был один – «росдал бетлер», «бегавул», т.е. «глава аула», а старейшин было обычно от двух до двенадцати. Их количество зависело от традиции, размера аула и количества тухумов, имевших право представительства в управлении (право закрепленное адатными нормами). Для сравнения приведу интересное сведение о лезгинском селении Ахты до подчинения его русской администрации. «Всех тухумов в Ахтах было сорок. Из каждого ахтынского тухума избирался самим же данным тухумом один аксакал, и эти выборные, в числе 40, управляли всеми общественными делами... Срок службы каждого аксакала ограничивался только желанием его тухума»⁸.

В «вольном обществе» (союзе сельских общин), как уже было сказано, его представляло собрание представителей селений, входящих в него (бодул джамаат, «руккел» – «сбор», «сход») руководствовались принципами: единство и равенство всех субъектов, сохранение своей независимости, создание благоприятных условий для хозяйственной деятельности, недопущение и решение конфликтных ситуаций, соблюдение общности интересов и норм поведения.

Сроки сбора схода зависели от разных причин, в основном собирались ежегодно и по необходимости. Общество Карах (къаралазул бо*) – представители 15 селений собирались около селения Тлярш (Кьорошиб) ежегодно для дележа денег (ранее XIX в. делили скот) между селениями союза, получаемых от сдачи в аренду пастбищной горы Гарах. Гору сдавали в аренду каждый год, а цена бывала разная, селения получали неодинаковые доли и существовала необходимость прийти к согласию. Карахцы собирались и для решения других дел и вопросов.

О причине и сроке сбора кадий общества, по согласованию со старейшиной, письменно извещал старейшин и кадиев всех селений. Присутствие на сходе представителей всех сельских общин, даже если обсуждаемый вопрос не имел к ним отношения, было обязатель-

* Термин «бо» в аварском языке означает «войско», «ополчение», но употребляется и для обозначения союза сельских общин – «вольного общества».

ным. «Если жители одного селения не придут на собрание в назначенный день, с них взыскивается 1 бык»⁹.

Межсельские сходы проводились в специальных местах: гидатлинцы собирались на равнине между селениями Урада и Тидиб, андалалцы – на берегу речки Хегар-чай, на поляне «Махх чIвалерб гьаргаI», «Руккладух» между селениями Чох, Гамсутль, Согратль, где были специально отведенные для каждой делегации места, карахцы – в местности Масаль (Руккел), находящейся недалеко от селений Сумета и Тляррош, у багулалов для межсельского схода существовало специально очерченное огромными валунами ровное место на южном склоне кванадинской горы, анцухцы – на местности Рохболь у слияния рек Аварское Койсу и Симбирисхеви, келебцы – около селения Ругельда, салатавцы – Миккиласул кьулгIадухь (родник Миккилава).

В качестве примера многообразия форм межсельских сходов приведем слова И.И. Норденстама: «Бывают дела касающиеся до целого Антк-Ратля (Анкьракь – *А.И.*), как например, вступление в подданство России. В таких важных делах джаматы всех девяти обществ собираются обыкновенно на урочище Череле, потому что на сей долине можно удобно расположиться и она почти в центре Антк-Ратля. На этих джаматах собирается до несколько сот человек и совещания продолжаются иногда по целым неделям. На этих джаматах собираются не одни старшины, всякий, кто только может отлучиться из дому, ... и всякий там имеет право подать свое мнение»¹⁰. М.М. Ковалевский обратил внимание на значение, придаваемое месту сбора схода: «вече собиралось обыкновенно в окрестностях главного поселения или же вблизи мечети, особенно прославленной своей древностью или богатством»¹¹.

Процедура работы схода была везде примерно одинаковая. Представительство селений, количество участвующих в разных обществах было разным, но как правило присутствовали как представители селений кадий, старейшины, несколько уважаемых стариков. Делегаты сидели полукругом, каждая делегация на своем месте. Принимать участие в сходе мог любой взрослый мужчина, но одно было условлено навсегда: сколько бы ни было представителей, участников собрания из одного селения их голос считался за один голос. Выступать могли все желающие, но этикет не допускал слишком вольного пове-

дения, частого выступления одного человека. Выступали строго по очереди, сохраняя достоинство и соблюдая почтительное отношение к обвиняемой стороне (в случаях спора и ссоры). Основываясь на адатах и преданиях, имеющихся письменных материалах трудно согласиться с таким высказыванием: «Джамааты целого общества бывают очень шумны, и редко кончается без смертоубийства»¹².

Как показывает материал, на сходе всегда находили компромиссное решение, «все дела и вопросы решаются с общего согласия» и принятое решение было обязательным для выполнения всеми членами союза (общества). «Если же кто-нибудь воспротивился бы решению джамаата (межсельского схода – *А.И.*) или не захотел бы исполнить приговора оно, то его или силою заставят повиноваться, или исключат из общества; в последнем случае он должен выбирать себе другое место для жительства»¹³.

По всему видно, что посещение схода представителями селений, участие в общественной жизни союза, совместные действия и наличие общего мнения союзников было необходимым условием, фактором нормального, спокойного существования самого союза. В этом плане действовали и адаты, выработанные на общем сходе. В памятниках обычного права хорошо отражаются нормы общественного поведения как общества – джамаата в целом, так и индивидуума. В них большое внимание уделяется соблюдению дружественных отношений между аулами, их солидарности, невмешательству во внутренние дела. В своде решений, обязательных для жителей всего союза, говорится: «Каждое селение будет руководствоваться своими адатами»¹⁴, подчеркивая при этом «Если крупное селение захватит себе наше маленькое селение, то с крупного селения взыскивается ежегодно по сто баранов.

Если крупное селение учинит насилие над маленьким селением, то все селения округа (общества – *А.И.*) помогут ему избавиться от этого насилия»¹⁵.

И в «Кодексе законов Умму-хана Аварского (Справедливого)» также сказано: «Если один аул нападет на другой, то с напавшего аула взыскивается 30 овец... Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, нарушив при этом обычай края и зако-

ны кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим. Если они этого не делают, то с каждого соседнего аула взыскивается по 10 голов овец»¹⁶.

Предусматривались меры, предотвращающие споры, тяжбы между жителями соседних аулов, входящих в общество.

Адаты оберегали целостность союза. «Если одно селение нашего округа, порвав с нами союз, отделится от нас, не имея с нами связи, то с этого селения будет взыскано триста баранов...»¹⁷.

«Кто пойдет к нашим врагам с клеветой на нас, то с того взыскать семь быков»; если он будет убит во время этой клеветы, то штрафа не взыскивается.

Если от нас убежит кто-нибудь к нашим врагам, с него взыскивается сто баранов, дом его разрушают и не разрешают ему распоряжаться своим мульком»¹⁸.

«Если кто из нашего селения, не обращаясь к этим адатам (адаты келебских селений – А.И.), обратится к адатам другого округа, то с него за каждый день отсутствия в связи с уходом в другой округ взыскивается штраф в размере трех овец; спор его о чем-либо не признается и не решается»¹⁹.

Как правило, «вольное» общество противопоставляло себя соседнему феодальному владельцу и находилось с ним в постоянном соперничестве. Об этом говорят устные народные предания, фольклорные произведения и адаты. Например, в «Своде решений, обязательных для жителей Андалальского округа» сказано: «Если кто-нибудь из наших возьмет лошадь или оружие с условием служить эмиру (подразумевается хан, вероятно, казикумухский, территория которого непосредственно граничила с территорией Андалальского «вольного» общества – примечание Х.-М. Хашаева), то, что он взял, становится нашим». «Если кто из нас к эмирам пойдет без дела и особой нужды и пробудет у них 3 дня, то с него взыскивается 100 баранов. Если кто из нас даст в пользу эмира выгодные ему свидетельские показания, то с него взыскать 100 баранов»²⁰. Эти предупредительные меры были направлены, как видим, на ограждение жителей общества от контактов с ханом. Поступление на службу к нему представителя андалалцев могло иметь нежелательные последствия для идеи единства.

Отражение этой идеи – идеи сохранения единства и целостности общества нашло и в гидатлинских адатах. «Если жители одного из селений, принадлежащих одной из договаривающихся сторон, окажут поддержку жителям селения, принадлежащего другой стороне, в их желании отделиться, то поступок их будет достоин осуждения и порицания»²¹. Х.-М. Хашаев комментирует этот пункт соглашения так: «Смысл его заключается в том, чтобы отдельные сельские общества, входившие в Хунзахское ханство или Гидатлинское общество, не откололись и не переходили на сторону какой-либо из договаривающихся сторон. Подобные переходы имели место со стороны селений, которые находились в пограничной зоне»²².

С целью сохранения мира и стабильности договаривались между собой и заключали соглашения не только общины, входящие в союз, но и соседние «вольные общества». Заключались такие соглашения и между противоборствующими обществами. Например, между Хунзахским ханством и Гидатлинским обществом. В документе говорится: «Ниже приводится соглашение, являющееся свидетельством на сегодня и памяткой на завтра о том, что джамааты Хунзахские с их правителем Магомед-нуцалом и джамааты Гидатлинские согласились при добром и худом быть заодно, как один джамаат. При этом они дали друг другу всестороннее и достойное обязательство, крепкий обет, и поклялись соблюдать нижеследующие условия и соглашения»²³.

Межсельский сход играл большую роль в решении многих вопросов общественно-политической жизни аварцев, он был одним из традиционных институтов народного правления, регулирования взаимоотношений между общинами и обществами.

Отмечая важную роль собрания представителей сельских общин в общественном быту «вольных» обществ, мы должны заметить, что в феодальном владении – ханстве – такие собрания, по имеющимся данным, в этнографически обозреваемое время уже не проводились. Они, видимо, вступали в противоречие с ханской единоличной властью. Он один, после совещания со старейшинами аулов и кадием, принимал решение и этим была ограничена общественная деятельность определенного количества людей, хотя специальных органов власти хан на местах не имел.

После падения имамата и введения, так называемого «военно-народного управления», по которому вся территория делилась на округа, а округа в свою очередь делились на участки (наибства), границы обществ нарушились, были естественно нарушены принципы образования союза сельских общин, что привело к отмиранию института межсельского правления – схода. Власть в наибстве сосредоточилась в руках одного человека – наiba, часто выходца из других мест.

Низовой административно-территориальной единицей во всех образованиях была сельская община, которая имела свое собственное местное управление. Сельская община была самостоятельной хозяйственной и общественной единицей, которая могла решать и решала все внутренние свои вопросы любого масштаба и уровня сама. Для этого существовали специальные общественные органы и институты. Только небольшой по размерам населенный пункт – хутор, отселок, не ставший самостоятельной общественно-хозяйственной единицей – джамаатом, не имел своих органов самоуправления, был связан с материнским селением, находился в некотором зависимом положении от него, свои общественные действия согласовывал с ним.

Все вопросы хозяйственной и экономической жизни сельское общество регулировало и регламентировало, исходя из интересов защиты прав и имущества своих членов, сохранения внутреннего спокойствия и обеспечения нормальных условий для жизнедеятельности населения, сохранения безопасности и целостности своей территории, функционирования и соблюдения адатных норм и традиций.

Высшим органом управления являлось народное собрание, созываемое в наиболее важных случаях – сход.

В качестве структурной единицы общественного быта джамаат (сход, сельское собрание) сочетал в себе несколько социальных функций: представлял собой традиционный институт общественного управления сельской общины, место общения, формирования общественного мнения, воспитания личности, чувства озабоченности и заинтересованности о благополучии общества, джамаата, сохранности его достояния.

До середины XIX века в сходе принимали участие, на равных правах, все взрослые мужчины, т. е. старше 15 лет, а позднее – один мужчина от дома, подразумевалось глава хозяйства. В более далекое время

участие в народном собрании для взрослого члена общины было обязательным. Об этом говорят записанные адаты: «если кто по вызову на сход в назначенный день не придет, то с него взыскивался штраф»²⁴. Хотя сам штраф был небольшим, но объявление порицания, само наложение штрафа было чувствительным моральным наказанием.

Права принимать участие в сходе были лишены апараги – пришельцы из других селений и люди с «нечистым» происхождением (дети рабов и раятов). Они обязаны были присутствовать на собрании, но в принятии решений не участвовали.

Не принимали участие в сходе и женщины. Шариат не велел ее допускать даже тогда, когда обсуждаемый вопрос касался ее семьи, ее хозяйства, если она и была главой их. Ее интересы защищал ближайший родственник, старший тухума. Адат несколько иначе рассматривал этот вопрос. Видимо, до усиления позиций ислама, распространения шариата женщина в Дагестане пользовалась большей общественной свободой, самостоятельностью. Об этом говорят и предания, и фольклорные произведения. Особенно это относится к горным обществам, где на собрания специально приглашали пожилых женщин, если вопрос касался хозяйственно-бытовой сферы. Приглашали их из-за их мудрости, умения найти самое лучшее решение в сложном и запутанном деле. Могла участвовать в сходе и мать семерых и более сыновей, если мужчины семьи не было в селении.

Круг вопросов, обсуждавшихся на сходе, был чрезвычайно широк и касался всех сторон жизни как сельской общины в целом, так и отдельных ее членов. Но на практике на обсуждение джамаата выносились наиболее важные вопросы, которые имели большое общественное значение, касающиеся общих устоев аула.

На сходе обсуждались вопросы, касающиеся и личности, если они затрагивали интересы общины. Как правило, сход решал вопросы: хозяйственные – пользование летними пастбищами и сдача их в аренду, взятие в аренду зимних пастбищ и раскладка по хозяйствам (семьям) арендной платы, обеспечение проведения сельскохозяйственных работ в строго регламентированное время и в строгой последовательности, распределение общественных сенокосов; постройки и ремонта общественных сооружений – мечетей, мостов, дорог, источников, проведения водопровода; спорные с соседними обществами и

назначения делегации для переговоров; охраны общинных земель и ее границ. Джамаат также избирал сельских правителей – члухIби, хараби, гIадилзаби, кадия, исполнителей. Он вырабатывал, определял для своих членов нормы поведения, выносил порицание в особо тяжких случаях нарушения адата.

До присоединения Дагестана к России в ведении джамаатов «вольных обществ» находились и политические вопросы, в том числе связанные с взаимоотношениями с другими обществами и участием в каких-либо военных делах, движениях. Джамаат принимал решение, и оно было законом, нормой поведения для всех его членов, нарушение которого наказывалось.

Одним из показателей общественного поведения горцев было умение вести себя на сходе, так как сход в народе рассматривался как глубоко почитаемый институт, уважаемое наследие прошлого, показатель благополучного бытования общины.

В этом плане представляют интерес наблюдения Н.В. Воронова, верно подмеченную сущность обычая. Записи были сделаны в 60-х годах XIX в. в обществах Среднего Дагестана (у андалалцев), но они с полным основанием могут быть отнесены ко всем обществам Дагестана и к более раннему времени. Он отмечает общий порядок в горах и пишет о джамаате, сходе следующее: «Все члены держат себя весьма дисциплинированно: у места молчат, у места говорят и некоторые говорят весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают; интерес каждого – предмет сходки, совещания... Это строго дисциплинированная толпа, импровизированным поведением ее на сходке может остаться доволен любой поклонник порядка... Дисциплина в Дагестане заявляет себя не чем-либо прививным, заказным: она, так сказать, вытекает из существа дагестанца... Эта дисциплина есть плод стародавности дагестанского склада жизни, который служит для поддержания себя, для самозащиты»²⁵. Последнее высказывание наблюдателя о том, что дисциплина есть результат, одно из проявлений традиционного образа жизни, необходимое условие для самосохранения и благополучного бытования сельской общины, является прямым отражением сути самоуправления.

Процедура принятия решений на сходе в разных селениях, в разных обществах была разная. Обычно до голосования дело доходило

редко, решение принималось одобрительными возгласами, но если не было единого мнения, требовалось, чтобы каждый участник выразил конкретно свое отношение к вопросу, то для этого в одних аулах становились по разным сторонам, по принципу направо, налево; в других – поднимали руки; в третьих – бросали камешки в разные кучи, в четвертых – это было настоящее тайное голосование – опускали камешки (горох, фасоль, зерно) в разные сосуды, одновременно (обязательно) опуская обе руки в них. А зерно каждый голосующий получал от члена комиссии, которая принародно считала и зерна.

При принятии решений сход руководствовался существующими адатами.

Решение схода обычно не записывалось, о нем узнавали все в ауле и принималось к исполнению, но если оно было очень важным или требовало срочного исполнения, то его объявлял (кричал) глашатай, если же оно имело особо большое значение и касалось других джамаатов, то кадий записывал его, и доводили до сведения джамаатов этих селений. Исполнение решения схода возлагалось на старейшин, старшего старейшину после середины XIX в. – на старшину. Если была необходимость – решение джамаата (общины) выносили на обсуждение схода представителей селений, входящих в союз.

Сход был важным элементом общественной жизни, призванным не только решать какие-то дела, выносить коллективные решения, но и объединить население в один коллектив, создать определенный патристический, идеологический, психологический общий настрой в нем.

Сход был средством сознательного участия масс в общественной деятельности, официальной формой коллективного обсуждения хозяйственных, общественных, бытовых вопросов, касающихся всех членов общества. Сход способствовал сохранению их чувства солидарности к делам общины, ответственности за общее дело, равенства всех жителей. Правовые полномочия схода распространялись на все сферы жизни общины, сила его влияния и действия были большими, являлся одной из форм проявления, выражения общественного мнения. В воспитании человека, социализации молодежи большое значение имел морально-психологический климат в обществе, коллективе, в котором он жил, работал. И, естественно, общество заинтересовано

в поддержании норм общепринятой морали, существующих установок на поведение человека, как в общественной жизни, так и в семье, быту. Воспитание личности, формирование ее характера и необходимых качеств, соответствующих данному обществу, происходит при помощи общественного воздействия, коллективного влияния через деятельность схода. При этом роль и ответственность семьи остаются достаточно большими.

Сход играл и познавательную-информационную роль – на нем молодое поколение получало информацию о взаимоотношениях с соседними сельскими общинами, о границах своей территории, характере использования земель, содержании какого-нибудь обычая и т. д. Сход был для молодых школой жизни, здесь они в какой-то степени получали духовное развитие, им передавался опыт и знания.

Со второй половины XIX в. сход, сохранив свою внешнюю форму традиционного народного органа управления, фактически превратился в средство проведения в жизнь интересов формирующейся богатой сельской верхушки. Действительная сущность схода, принципы, которыми руководствовались при обсуждении и принятии решений на нем, определялись всегда общественно-политическим и социально-экономическим состоянием общества. Часть населения сосредоточила в своих руках большое количество скота и земли, другая часть была лишена их, поэтому многие вопросы, рассматриваемые сельским сходом, практически не касались бедных. И мнение богатого стало иметь решающее значение.

При сохранении традиционных органов: схода, старейшин, которых стали часто называть сельскими судьями, кадия, появилось новое лицо – старшина, фактически назначаемое властями. Если их выбирали где-то на сходах, то они должны были быть утверждены начальством. Управление аулами было приспособлено к потребностям властей, и оно сохранилось до Октябрьской революции.

Заметное место в общественном быту занимал традиционный институт общественного управления сельской общины – совет старейшин. Старейшины – «чIухIби», иногда они назывались «гIадилзаби», «хараби» – играли большую роль в общественной жизни народа, выполняли определенные социальные, правовые, воспитательные функции. В далекие времена роль старейшин, думается, в обществе была

гораздо большая, но с имущественной дифференциацией, с появлением новых отношений она заметно падает, решение наиболее важных вопросов фактически переходит в руки властей, богатой верхушки, преследовавших свои личные, частнособственнические интересы. Видимо, в этот период появилась и тенденция выдвижения на должность старейшины не старшего, мудрого, а состоятельного человека. Народная поговорка гласит: «богатый – всегда умен».

Материал показывает, что старейшинами могли быть и бывали люди и непреклонного возраста, даже средних лет (селения Чох, Гергебиль, Дусрах, Голотль, Хучада). Критерием был не возраст человека сам по себе, а его личные качества. Он должен был быть безукоризненно честным, бескорыстным и порядочным, обладать умом и красноречием, знать прошлое аула и историю тухумов, порядки землепользования и границы как сельской территории в целом, так и частных участков, уметь толковать обычаи и традиции. В целом, к кандидатуре старейшины предъявлялись очень большие требования.

По всей видимости, институт старейшин возник как народная форма правления в период образования крупных населенных пунктов путем слияния тухумных поселений. Объясняется это тем обстоятельством, что территориально-тухумному селению, образовавшемуся из нескольких разных тухумных поселений, необходим был общий орган для координации и управления всеми делами общины. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что в более далекое время в общинный совет избирались представители всех тухумов, независимо от их размеров. И в исследуемое время во многих селениях разных народов старейшин избирали сами тухумы, а на сходе сообщали его имя.

Старейшины избирались на общем сходе селения, на разные сроки: в одних обществах на один год (Тлярата, Кудали, Маали), в других – на неопределенный срок (Тлярош, Телетль, Ругуджа). Численный состав определялся исходя из количества тухумов, размера аула: Чох – 6, Ругуджа – 12, Гергебиль – 3, Гочоб – 5, Тлярош – 9, Ансалта – 3, Кутлаб – 5, Чиркей – 6, Дылым – 4, Урада – 4, Тишиб – 4. В селении Телетль тухумы Хванахвачилал, Тутумилал, Чахуилал избирали своих старейшин, а тухум ПарилгIалилал, хотя он был не меньше и не

беднее других, не имел своего представителя в совете, имеющего право голоса.

В некоторых селениях избирали представителей одних и тех же тухумов, многочисленных и богатых. Хотя таких примеров немного, но их можно привести для того, чтобы показать, как должность эту передавали по наследству. Информатор Исмаилов Курамагомед, 90 лет, из селения Гергебиль сообщил, что у них был тухум Гумарчилал, и три человека из него управляли селением, за право наследовать эту должность их назвали Иргадулал (Ирга – очередь).

Круг общественных обязанностей старейшин был очень широк и разнообразен. Они решали конфликтные вопросы между тухумами, споры с соседними селениями, выполняли маслаатные функции при тягбе, регулировали выпас скота, определяя пастбища для каждого вида, устанавливали сроки начала и конца сельскохозяйственных работ, размеры штрафа за потраву пастбища, устраивали примирение кровных врагов, разбирали уголовные и гражданские дела по адату. Особенно часто старейшины выступали в качестве посредников при регулировании каких-либо спорных вопросов и решение их было окончательным, т.е. в роли маслаатских судей.

Старейшины на совещание собирались не часто, только для обсуждения и решения сложных и важных дел, когда возникала в этом необходимость. О значении, придаваемом в общине совету старейшин, говорит адат, который предусматривал наказание исполнителям, если они «не соберут старейшин, когда возникает в этом необходимость»²⁶.

Свою работу они строили на принципах гласности, все вопросы рассматривались не только в присутствии заинтересованных людей, но и с участием наиболее мудрых и почетных людей. Во многих случаях при обсуждении значительных для общества дел и вопросов специально приглашали на разговор опытных, пожилых людей, которые могли подсказать самое верное, правильное решение. Нередко такие представительные советы, совещания заменяли сельский сход, который созывался, как было сказано, не часто. Благодаря такой коллективной форме работы старейшин получалось, что общественной деятельностью занимались не только несколько избранных лиц, но и более широкий круг населения.

Занимая высокое общественное положение, старейшины пользовались большим авторитетом и влиянием среди членов общины. По адатам не допускалось какое-либо насилие или грубость (непослушание) по отношению к старейшинам. В андалалских селениях об ударе старейшины или о драке с ним, по единодушному мнению информаторов, не может быть и речи, по адатам келебского общества, если кто-либо, не считаясь с авторитетом старейшин, ради забавы бросит камушки в помещение, где они собрались, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы²⁷.

В своде решений и обычаев Цекубского сельского общества записано: «Если кто ударит сельского старейшину, то с него взыскивается 3 овцы»²⁸. В этом же документе дальше отмечено, что если сельские исполнители и старейшины, их помощники «нанесли кому-нибудь рану, не доходящую до кости, по причине отказа раненого уплатить штраф или из-за сопротивления его существующему порядку, то с них не взыскивается ни штраф, ни выкуп за рану, но с условием, чтобы рана была небольшая, без перелома кости и без пробития черепа»²⁹. Из последнего положения можно сделать заключение, что со стороны администрации допускались (дозволено было) случаи применения физической силы к провинившимся в виде наказания. Объяснить это можно только влиянием шариата, ибо как известно, по адату в Дагестане физическое наказание не применялось.

Одновременно с представлением определенных полномочий и привилегий старейшины несли и ответственность перед джамаатом. Последствия нарушения ими норм общественного поведения и статуса поверенного лица были тяжелыми, они за это подвергались не только общественному осуждению, но и наказанию. Для подтверждения сказанного приведем некоторые адаты из памятников обычного права.

«Цекубцы решили взыскать одну овцу с того, кто будет ходатайствовать, чтобы жителя другого селения принимали в наше селение, а если кто из старейшин (подчеркнуто нами – А. И.) даст на это согласие, то и с него взыскивается штраф в размере одной овцы.

Штрафную овцу надо взыскать до истечения 3 месяцев со дня решения старейшин, иначе она взыскивается с того, кто тормозил взыскание – со старейшины или с исполнителя. Если же это взыска-

ние не произведут, то тройка, избранная сходом села, должна отстранить всех шесть старейшин (подчеркнуто нами – А. И.) и исполнителей»³⁰.

«Цекубцы согласились взыскать штраф в размере одной овцы в пользу селения с того из старейшин, кто откололся и отказался принимать участие в установлении общественного порядка»³¹. Обычай этот наглядно показывает разные аспекты обязанностей старейшины.

Сельская община очень строго следила за сохранением своего земельного фонда. В Цекубе только за то, что старейшина соглашался продавать общественную землю, он подвергался наказанию, так как продавать общественную землю частному лицу запрещалось. А продать пахотный или сенокосный участок земли человеку из другого селения было вообще невозможно. С продавшего свой участок, за каждый день нахождения этой земли в собственности покупателя взыскивается по одному быку³². Подобный же запрет на продажу земли жителю другого общества существовал в Келебе и в других обществах. Наказание было очень суровое, заплатить такой штраф было непосильным для любого, даже состоятельного горца.

В Келебе обычай обязывал старейшин быть на страже общинной собственности, охране общественного порядка. «Старейшины и исполнители обязаны строго охранять сенокосы: если они скроют того, кто допустил потраву сенокосов, то с них взыскивается штраф в размере одного барана»³³. И если «старейшины будут медлить с взысканием штрафа более одной недели, то с них самих взыскивается штраф в размере одной овцы»³⁴. Таких примеров можно привести немало.

Как видим, должность старейшины была нелегким поручением, общество предъявляло к человеку, занимавшему ее, большие требования. Встречаются случаи, когда старейшины были объявлены несостоятельными и недостойными своего общественного положения, доверия людей. Отстранение от должности старейшины считалось горем для близких и родных, ибо и потомкам его напоминали о неблагоприятном поступке их предка (рого), оно служило причиной многих неприятных последствий.

Обычно должность старейшины в аварских селениях остается почетным, ничем не вознаграждаемым общественным поручением. Но определенными привилегиями они пользовались. Обычно их ос-

вобождали от выполнения работ, от очереди пасти скот, от очереди принятия гостей и от других повинностей, падающих на жителей общины (Сомода, Тляррош, Чох, Чадаколо, Анцух, Гента и др.).

Изменения, происшедшие в середине XIX в. в административно-государственном устройстве, социально-экономической жизни народов заметно сказались на характере самой организации, форме движения, главное в функциях такого традиционного общественного лица, как старейшина. Они сохранились, но уже как советчики, помощники старшины и им были вменены обязанности судей. Вопрос о том, было ли это одно и то же общественное лицо с разными названиями или же это были разные общественные лица, нуждается в дополнительном исследовании. Нередко в источниках и литературе они приводятся рядом, как самостоятельные субъекты быта, но чаще как одно лицо. Об этом говорит и наш материал.

Кроме суда по адату и шариату существовал и Третейский – маслаатский суд (процедура эта, содержание действий в ней назвать собственно судом, видимо, нельзя), когда споры решали уважаемые старики, посредники, указываемые спорящими. Маслаатные решения в общине имели большую общественную силу, пренебречь мнением маслаатчи обычно не решались, ибо суды сельский и окружной, как правило, прислушивались к этому мнению, хотя царская администрация могла отменить решение суда и обычного (сельского) и маслаатского.

В системе сельского управления видное место занимал кадий-дибир, избираемый на народном сходе на определенный срок, после 60-х гг. XIX в. утверждаемый окружным начальником. Кадий был в каждом ауле и, в отличие от других должностных лиц, которые должны были быть местного происхождения, мог быть приглашен из другого общества. Этому общественному лицу в общине, союзе придавалось большое значение.

В кодексе законов Умму-хана Аварского (Справедливого) сказано: «Если какой-либо аул в течение одного месяца находился без дибера, то с этого аула ежедневно до назначения дибера взыскивается по одной овце»³⁵.

Кадий, помимо судопроизводства по шариату, несения религиозной службы в мечетях, возглавлял общественную и идеологическую

стороны жизни джамаатов, ведал делами, касающимися наследства и завещаний, бракосочетаний, разводов и смертей, оформлял переписку и документацию общества. Его присутствие на сельском сходе было обязательным, иначе не могли быть приняты какие-либо решения, он серьезно влиял на принятие тех или иных решений на основании адатного права. Присяга и свидетельские показания, для разрешения тяжбы по существу, должны были быть признаны дибиром правильными.

Должность эта была оплачиваемая, оплата была конкретная, обговоренная, ее определял сход или совет старейшин и раскладывалась она на все хозяйства в селении.

Известную роль в сельском управлении и раньше, и после административной реформы играли исполнители – г'ел, (мн. г'алаби), которых джамаат назначал как правило по очереди сроком на один год, а количество зависело от размера аула – 3–7 человек. Были и другие порядки. Исполнителем мог быть только взрослый человек. Как правило, на исполнителей распространялся иммунитет неприкосновенности. Это отражено в адатах многих сельских обществ. Так, в своде решений, обязательных для жителей Андалалского общества сказано: «Если кто ударит исполнителя рукой или чем-нибудь другим, то с того, кто ударил, взыскать одного быка. Если же удар был нанесен с согласия всех жителей селения, то с них взыскать 300 баранов»³⁶. В келебском «вольном обществе» за драку с исполнителем взыскивался штраф в размере быка³⁷.

Одновременно на них возлагалась и большая ответственность. В адатах андалалских селений записано, что «Если кто из исполнителей, услышав вызов, не явится к властям округа (в «своде решений... «не сказано кто и что составляет власть «вольного общества» – А.И.), то с него взыскивается один бык»³⁸. В этих же адатах есть любопытный пункт: «Кто возьмет взятку, с него взыскивается один бык. Если возникает подозрение в получении взятки и взявший не признается, то с ним вместе должны дать очистительную присягу 6 человек»³⁹. Кому могли предложить взятку, кроме как старейшинам и исполнителям. По адатам келебских селений «Если по предложению старейшин сельские исполнители не пойдут на взыскание штрафа, то с них самих взыскивается штраф в том размере, в каком они должны были взыскать его»⁴⁰. Там же сказано: «Если сельские исполнители не соберут старейшин или

целое селение, когда возникнет в этом необходимость, то с них взыскивается штраф в размере одной овцы»⁴¹. В Гидатлинском союзе сельских общин если исполнители «без разрешения на то со стороны выше их стоящих старейшин согласились вернуть штраф для потребления в пищу тому, с кого он был взыскан, то с каждого исполнителя взыскивается штраф в размере одного котла... Вообще исполнители не имеют права распоряжаться штрафным имуществом»⁴². Как видим из приведенного материала, исполнители имели определенную власть, составляли какую-то структурную часть сельского управления, но были и ограничены в своих действиях, обязаны были выполнять все решения и указания старейшин. Они получали вознаграждение от взимаемых ими штрафов. Должность (или работа) «г'ела» была не престижным занятием в аварских обществах, так же как глашатай («маг'уш») и вряд ли самоуважающий уздень мог пойти на это.

В крупных общинах наряду с исполнителями, были и глашатаи (маг'уш). Он объявлял (кричал) с высокого места решения совета старейшин народу, сообщал о предстоящей общей работе, о важных событиях – тревоге, пожаре и т.д. За свою работу мангуш получал определенную оплату.

Заключая сказанное о формах и органах общественного самоуправления, можно сделать вывод, что несмотря на большие изменения, внесенные в эту сферу жизни с вхождением этих селений в состав России, традиционные общинные органы самоуправления сохранили свои функции, свое значение. Они в какой-то степени противостояли действиям администрации, местных богачей, направленных на ослабление демократической сущности в них, превращение их в органы, инструмент закабаления крестьян и их эксплуатации. Однако такой процесс шел и не без помощи членов самоуправления. Установилось противоречивое состояние.

Тухум. В общественном быту народов Дагестана в дореволюционное время заметное место занимал тухум и родственные отношения, которые являлись второй ступенью в структуре сельской общины, имеющие свои особенности и особым образом влияющие на организацию всей внутренней жизни ее.

О тухуме народов Дагестана, его социальной сущности написано немало, писали о нем и дагестанские ученые, освещая проблему в це-

лом и по народам. Они считают, что тухум – это патронимия или патронимия второго порядка, для обозначения его существует множество названий.

Дореволюционные историки, юристы, этнографы в своих трудах, посвященных общественному строю и обычному праву кавказских горцев, отождествляли дагестанский тухум с родом. Наиболее значительным был труд известного ученого М.М. Ковалевского, построенный на большом фактическом материале. Но он, как и другие до него, «ошибочно принимал пережитки родовой и семейной общины в Дагестане за живое их бытование»⁴³ и объявил общественный строй горцев Дагестана в целом, как для периода до присоединения к России, так и середина XIX в., родовым.

В плане нашего исследования интересны слова М.М. Ковалевского: «Жители Дагестана обозначают существующую в их среде родовую организацию словом «тохум» или «тухум». ... Это организация самим фактором своего существования вызывает к жизни целый ряд обычаев и обрядов, как-то: обычай кровной мести и родового возмездия, сопричастничество родственников на суде, серьезные ограничения права разделов и отчуждения, исключение женщин от наследования или меньшее против мужчин участие их в нем и т.п.»⁴⁴.

Ошибочность выводов о господстве родовых отношений доказали исследования, в которых на обширном материале, показано, что «здесь не существовало экономической основы рода – родовой собственности на средства производства»⁴⁵, крупные родственные группы, «фамилии» «никоим образом нельзя отождествлять или даже сблизить с архаическим первобытным родом»⁴⁶. Тухум – это «пережиточная форма ранее существовавших кровнородственных связей»⁴⁷.

Насколько можно судить, тухум у аварцев в XVIII–первой половине XIX в. не представлял собой ни хозяйственной, ни политической, ни территориально-компактно расположенной единицы. В расселении больше господствовал смешанный принцип, хозяйственно-политической единицей была сельская община. Но вместе с тем заметно ощущались следы былого тухумного расселения.

Сельская община состояла из тухумов, в одной их было больше, в другой меньше, в зависимости от ее размеров, хотя не всегда размер населенного пункта определял количество тухумов в нем. Следует

отметить, что размеры самих тухумов тоже очень различались, количество семей в одном тухуме могло быть 6–7, в другом – 60–70. Кроме того, само понятие «тухум» у населения различается: в одном случае это узкий круг лиц родственников между собой, в другом случае он объединяет широкий круг людей. На размеры тухумов в определенной степени сказывается их происхождение – являются ли они древними, коренными или образовались в результате разрастания недавно переселившейся семьи. Размеры тухумов на протяжении одного-двух поколений могли сильно измениться, они зависели от рождения мальчиков, вспышек эпидемий, исторических событий (война, вражда межтухумная), социально-бытовых условий и т. д.

Важно то, что джамаат всегда состоял из нескольких тухумов, и «тухумное деление джамаата являлось его структурным элементом и как таковое поддерживалось джамаатом при постоянном стремлении к возможному уравниванию сил, сосредоточенных в этих подразделениях»⁴⁸.

Большой интерес представляют, как источник познания истории народа, предания и легенды о происхождении тухумов. В каждом селении существует много таких легенд и преданий, их варианты, которые планируем приложить к работе в виде приложения.

Большинство народных преданий гласит, что многие тухумы являются выходцами из древних, небольших заброшенных поселений. Здесь мы встречаемся с широко распространенным явлением. На определенном этапе исторического развития происходит укрупнение поселений. Происходит перераспределение земельного фонда и изменения в характере расселения. Многие небольшие поселения забрасываются, а жители их переселяются на новые места или подселяются к какому-нибудь существовавшему поселению. Начинается процесс формирования соседской общины путем слияния жителей из тухумных поселений. Материал показывает большую дееспособность такой общины в условиях дагестанской действительности, сложившейся в X–XIII веках, она без особых структурных изменений функционировала и в XIX веке. В немалой степени сохранению первоначально сложившейся структуры способствовала тухумная организация.

Как пишет М.О. Косвен, особенность тухума-патронимии заключается в том, что она, «принципиально всегда локализована, занимая

либо отдельное селение, либо определенную часть селения, квартал... Патронимические кварталы, т.е. кварталы, населенные одной патронимией, весьма стойко сохранились у ряда народов Кавказа. То же было обычным явлением в Дагестане»⁴⁹.

Таким образом, на начальной стадии образования и функционирования сельской общины, в пределах селения каждый тухум образовывал квартал, населенный только ее членами.

В процессе дальнейшего разложения патриархальных отношений, развития производительных сил, усиления частнособственнических тенденций и ослабления кровно-родственных уз ослаб принцип тухумного расселения, и он постепенно утрачивал свое организующее значение, и переселение отдельных родственных групп или семей за пределы тухумной территории становилось уже вполне закономерным⁵⁰. Нарушение обособленного расселения тухума в исследуемое время отметил и М.М. Ковалевский: – «бок о бок живут члены разных тухумов»⁵¹.

В последствии в одном квартале стали селиться представители других тухумов. Принцип обособленности и замкнутости был нарушен и за редким исключением собственно тухумных кварталов в XIX в., – чтобы там не жил хотя бы один – два представителя из другого тухума, – не сохранилось. «С течением времени, – пишет М.О. Косвен – кварталы теряли свой исключительно патронимический характер и в данном квартале оказывалось две или даже несколько патронимий. В таких случаях патронимии проявляли замечательную устойчивость в сохранении своей обособленности и локализованности»⁵².

Названия тухумов, нередко указывая на характер их образования, могут служить хорошим источником для изучения вопросов этногенеза, этнических процессов, общественной жизни. Как показывает анализ материала, часть из них названа в честь отца – прародителя, другая – показывает социальное положение его членов, третьи – указывает место, откуда прибыл основатель тухума или группа семей. Но большая часть не поддается объяснению. К последним, в основном, относятся названия старых, больших тухумов. В свое время М.М. Ковалевский отметил, что «большинство тухумов впрочем обозначается именем того или иного лица, но с этим лицом не всегда связывается представление о родоначальнике. Им признается, обыкновенно, зна-

менитейший из предков, лицо, прославившее род или своею храбростью, или благочестием, или мудростью»⁵³.

Приведу названия некоторых тухумов. В селении Телетль были тухумы – ЧIункIбузул, Къамушилазул, Къадамасулазул (ЧахугIлилал и Гъадичулал), Алтамусалазул, ХIажилазул, ГуллагIлумарилазул, БагIарасулазул; Гочобе–Исалал, БарикIлилал, КIичIисел; Чохе–БухасмухIандил, Нахибашал, Шахназарал, Арбуханал, АхIмадилал, БатIалгIлилал, ГIусманилал, были и другие, которые не имели права быть представленными в управленческой структуре, они находились на положении неравноправных; Корода – не было разделение на тухумов; Гергебиле – считали, что было 18 тухумов; Ругудже – Закалал, Чакаласулал, Ганшалал, ТIатIулал, Маржанал, ГIисалал, Исубилал, КъартIалал, ГIазизасулал, Маккавухал, Ханзилал, Миндачилал, АмирIалилал; Согратле – ТIадиял, Къелдер, Падар; Ратлуге – Та-таилал, Дайтилал, Щункариял, ГъалугIгиял; Гента – Квангъурал, ДугIлилал, Нахатилал, Кирмалитулал, ХорогIлал, КарахIажилал; Цатанихе – ХIотокъ, ГIонкIочIлилал, ХаритIолал, БухIа, Гъишал, Хъузхъул; Зубутле – ГIабасилал, Батирилал, ГIандал, Къахъал. Перечень тухумов мало что дает, и поэтому на этом ограничусь. И еще необходимо отметить, что в количестве и названиях тухумов имеется большая вариантность.

Касаясь самого термина «тухум» (он имеет широкое распространение в Дагестане) М.О. Косвен пишет, что он обозначает, как и у тех народов, у которых он заимствован, «не только патронимию, но эпизодически и более широкую родственную группу. Поэтому, кстати сказать, попытки некоторых дагестанских авторов поднимать спор о значении термина «тохум» не имеют никакого смысла»⁵⁴. А нам представляется необходимым глубокого и всестороннего изучения сущности этого интереснейшего социального явления. Р. Магомедов пишет: «термин тухум употреблялся для обозначения и более древнего семейного коллектива и коллектива родственников, образовавшегося позднее в результате распада тухума... Нельзя смешивать вновь образовавшиеся тухумы с древним тухумом»⁵⁵.

Сам термин «тухум» в XIX в. в аварских районах не везде имеет одинаковое содержание. Одновременно существует и термин «кьибил» – «корень», в одних селениях одинаковый по содержанию с ту-

хумом; в других селениях обозначающий более близкую группу родственников, а в третьих более обширную. Приведу пример.

В селении Кахиб джамаат состоит из 5 кьбилов: «Герегалал», «Хюколал», «Умаржалал», «Царакилал» и «ГвешагIалал». Все эти пять кьбилов распадаются на более узкие родственные группы – тухумы. Так «Герегалал», подразделяется на четыре группы: «ГIачачилал», «Бакьвачилал», «Нартихьалал», «ГIабурчилал». Эти группы делятся на более узкие круги лиц, которые назывались «цо рукьальул-чIагIи», что означает «люди одного дома». Так «ГIачачилал» делились на «ХIатукIилал», «ГIалилдавудилал», «ГIагьирилал» и «Кьаралал», которые распадаются на отдельные семьи – хозяйства. Группа – «ХIатукIилал» состоит из 5 хозяйств – индивидуальных семей, а «ГIагьирилал» – из 6 хозяйств – индивидуальных семей, которые имели свою частную собственность на землю, скот, дом и т. д. и занимавшие различное экономическое и общественное положение в сельской общине.

У каждого тухума существовало внутреннее самоуправление, которое осуществлялось через решения старших в тухуме во главе со старейшиной – «тухумальул кIудияв» («старший в тухуме»). Старейшины пользовались большим почетом и авторитетом у своих соплеменников. Мнение, высказанное ими, было законченным решением для исполнения, ослушаться никто не мог, не рискуя быть осужденным даже самыми близкими родственниками. Старейшины были советниками для всех остальных членов и, прежде чем начинать какое-либо важное дело, старались узнать их мнение. Так поступали и при решении сугубо семейных дел, особенно когда вопрос касался женитьбы сына или выдачи дочери замуж. За ними существовало право вмешиваться во все дела любой семьи, начиная от воспитания детей, кончая взаимоотношениями супругов. Часто старейшина опекал какую-нибудь семью, особенно если в ней не было мужчины. Как рассказывают информаторы, когда кто-нибудь уезжал на заработки на длительный срок, он свою семью и ее дела поручал (просил заботиться) одному из старейших в тухуме, и он для них был непрерываемым авторитетом, с ним советовались, он представлял в джамаате ее (семью) интересы, он нес ответственность перед общественностью и главой семьи.

Глава тухума имел большой общественный вес. К нему обращались во всех важных случаях жизни: продаже или купле земельного участка, дома, ссоре и убийствах, примирениях кровников, сватовстве и бракосочетаниях, подозрениях в совершении преступления и т. д. Он выполнял функции, с одной стороны, советника и наставника, а с другой стороны, строго следил за соблюдением обычаев и традиций тухума, норм общественного поведения. Глава тухума как его представитель, обычно избирался старейшиной джамаата. Таким образом, он был обязан в первую очередь защищать интересы своего тухума и его членов. Он имел право выступить на сходе от имени любого члена своего тухума. Как свидетельствуют имеющиеся данные, главу избирал тухумный сход, исходя из его данных и возможностей. Но в последствии эти принципы изменились и часто вопрос стал решаться исходя из преимущественного права наследственности, что было отмечено и дореволюционными учеными, царской администрацией. В одном из документов, составленных русской администрацией во второй половине XIX в. сказано: звание это достигается путем свободного выбора, но часто бывает и наследственным, вообще же в главы тухума выбирается лицо, славящееся энергией, добропорядочностью, красноречием и хлебосольством. Если наследник умершего главы соответствует сказанным условиям, то он бесспорно становится его преемником; в особенности в том случае, если два, три поколения уже пользовались наследственно этим влиянием.

Тухум, как общественное явление, был динамичным организмом, в нем шло постоянное движение, процесс сегментации семей и возникновение новых кругов родственников, в результате чего образовывались своеобразные линии-круги по степени близости. Для обозначения этих линий-кругов родственников существовал специальный термин «цо рукьальул гIадамал» (люди одного дома). Этот термин не имеет четкого содержания и понятия, поэтому такая нечеткость отражает реальное состояние самой организации, многообразие и разнотипность ее бытования в XIX веке.

Имеющийся полевой материал показывает, что в исследуемое время у аварцев существовали тухумы, члены которых не связаны общим происхождением и, таким образом, не соответствует положению, что они представляют родственные группы, состоявшие из не-

скольких семей или коллектив, состоящий из нескольких родственных групп, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи.

Известны случаи, когда люди, вышедшие из разных мест, искусственно объединялись в тухум по соображениям общественного и хозяйственного порядка. Из сказанного вытекает, что в XIX в. тухум не был замкнутой общественной и одновременно родственной группой, он представлен многообразными формами.

Мы уже писали, что если тухумы в селениях были неодинаковых размеров, то джамаат старался уравнивать количество хозяйств внутри них путем слияния двух мелких в один или отчуждением небольшой группы семей из одного с последующим прикреплением их к другому тухуму⁵⁶.

Напоминаем, что такое слияние организовывали по хозяйственным мотивам, что не менее важно было поддержать равновесие сил тухумов как фактор общественного благополучия. Поэтому в уменьшившийся тухум вливались пришедшие со стороны и носили общее название с коренными, правда в первое время с добавкой «Тгаде ЧІварал» «добавленные», «присоединившиеся». Здесь следует упомянуть, что существовал порядок, когда так называемые лагъи, хъузхуул, не имевшие своих тухумов – юридически полноправных структурных элементов джамаата – входили в какой-нибудь тухум и последний брал на себя обязанности патроната, таким образом представлял их интересы в джамаате.

Каждый человек знал о своей принадлежности к определенной группе, и эта принадлежность дает ему определенные права, чувство защищенности и обязывает его к конкретным поступкам, к определенному поведению.

Тухумная солидарность проявлялась почти во всех случаях. Общественное единство тухума чаще всего выражалось в обычае присягать. К нему прибегали, когда было необходимо снять подозрение в совершении проступка кем-нибудь или доказать правоту истца. Соприсягателями обвиняемого (подозреваемого) или истца могли быть взрослые мужчины только своего тухума, при этом соблюдался определенный порядок: обязательно требовалось присяги в первую очередь от ближайших родственников и далее по нисходящей линии, по-

ка не наберется требуемое количество людей – оно бывало разное в зависимости от тяжести обвинения, от существующих традиций в селении, от личности подозреваемого. Обычно число присягателей колебалось от трех до сорока.

Общественная солидарность тухума выражалась и в случаях убийства, ранения своего члена. В XIX в., особенно во второй его половине, обязанность мести все более сосредоточивается только на близких родственниках, на членах семьи, а дальние родственники и члены тухума занимали пассивную позицию. Члены тухума убийцы знали, что их не воспринимают как кровников и к ним оружие применимо не будет, выполняли охранные функции. Узнав о случившемся, они тотчас, вооружившись, шли к дому убийцы, чтобы не дать разграбить его дом, остановить возможное кровомщение. Они укрывали убийцу от родственников и членов тухума убитого, а затем обеспечивали ему безопасный выход в канлы. В последующем, старейшина тухума предпринимал все возможное, чтобы добиться примирения.

Помимо общественной и моральной поддержки, провинившийся получал от тухума еще и материальную помощь при уплате штрафа в пользу казны и дията. Естественным, в первую очередь тяжесть уплаты падала на ближайших родственников, семью, но члены тухума всегда при этом старались проявить свою солидарность, поддержку. Такую же солидарность и поддержку члены тухума проявляли, если с какой-либо семьей случалось несчастье: сгорел дом и имущество, падеж скота, гибель урожая и т.д., формы оказания помощи в каждом конкретном случае были разные, размер вносимого пая каждая семья произвольно определяла сама для себя, исходя из своих возможностей и степени близости. Такая взаимопомощь особенно не демонстрировалась, оказывалась как-бы между прочим, незаметно, но на самом деле все хорошо знали, кто участвовал и каким образом. Строительство же дома для пострадавших проходило под непосредственным руководством старших тухума, организовано, но мер принуждения никаких не было. Оставшийся в стороне от участия в помощи рисковал оказаться осужденным общественным мнением.

Члены тухума, особенно близкая группа родственников, принимали активное участие и в делах семейных. Прежде всего оно проявлялось во время таких событий, как свадьба и похороны. На свадьбе и

похоронах роль родственной группы велика, члены семьи покойного на время от дела как бы отстраняются и все, что нужно делать, делают близкие люди. Особенно чувство солидарности и единства проявлялись во время горя в семье, когда нужна была поддержка.

Идеологическое единство тухума выражалось в том, что у всех его членов существовало представление о своей общности, едином происхождении, в наличии общего названия. Оно проявлялось и в том, что в некоторых аулах тухум имел свое отдельное место на общесельском кладбище, где хоронили только представителей тухума. Традиции эти были настолько сильны и прочны, что, несмотря на нарушения принципа кровно-родственного расселения и других признаков единства, во многих селениях до сих пор сохраняются тухумные участки на кладбищах.

Прекрашения принадлежности к тухуму в обычаях нет, отчуждение же было тяжелым наказанием. Такое случалось очень редко. Порядок отделения от тухума был такой: в присутствии родственников объявляют виновному, что он более не из их тухума, и за поступки его они не отвечают, и за кровь его в случае убийства его не будут искать виновного, крови, о чем составляют бумагу, которую прибивают к стене мечети. Обычно отделение от тухума заканчивается убийством виновного родственниками или его изгнанием из селения с разрушением дома.

Несмотря на потерю былой политической и хозяйственной общности, родственного принципа расселения, тухумная организация продолжала играть большую роль в общественной жизни аула. При решении важных хозяйственно-политических вопросов тухумы выступали как важный фактор. Сказанное не противоречит факту усиления позиций семьи, как самостоятельной общественной единицы, первичной хозяйственно-политической ячейки. Все данные говорят, что семья рассматривала себя как составная часть тухума, так же как и общины. Таким образом, общественная структура общины выглядит так: джамаат–тухум–семья.

Вместе с тем постепенно роль квартала выходит на первый план.

На основании фактического материала определение понятия «аварский тухум» в XVIII–XIX в. приблизительно можно сформулировать так: тухум является общественным коллективом, состоящим из

индивидуальных семей, связанных между собой, как правило, родственными узами и представлением об общем происхождении, идеологическим, общественным, в некоторых случаях и хозяйственным единством.

Нормы общественного поведения. Все вопросы хозяйственной и общественной жизни сельское общество регулировало и регламентировало исходя из интересов защиты прав и имущества своих членов, сохранения внутреннего спокойствия и обеспечения нормальных условий для жизнедеятельности населения, сохранения безопасности и целостности своей территории, функционирования и соблюдения адатных норм и традиций. А общество руководствовалось адатными нормами, выработанными на протяжении веков, которые запоминались, передавались из поколения в поколение, хранились в коллективной памяти народа, в преданиях, иногда и записывались.

Аварская община в XIX в. характеризуется строгим соблюдением обычаев. Существовало четкое понятие о правах и обязанностях членов общины. Общественные нормы поведения строго выполнялись, так как они выражали интересы всего коллектива в целом, и следовательно, интересы каждого члена в идеале. Строгое соблюдение вековых обычаев обеспечивалось силой привычки, установившихся традиций, взаимного уважения общинников, непререкаемости авторитета старейшин, культурой общения, а традиционный этикет основан на строгих моральных принципах, высокой нравственности, отступление от которых грозило осуждением, штрафом, изгнанием – потерей права быть членом джамаата. Существовали формы принуждения. Сохранность нравственных норм обеспечивалась общественным мнением. Общественное мнение в селении было неписанным кодексом морали, основным законом, которое регламентировало, определяло поведение индивидуума на микроуровне, где общественное осуждение считалось самым тяжким наказанием для провинившихся. Оно выступало фактической принудительной силой, обеспечивающей как соблюдение этикета, моральных норм, так и норм обычного права.

Одной из важнейших норм нравственности считалось проявление уважения к человеку, личности. В каждом селении существовали свои формы морального и материального поощрения и общественного порицания в зависимости от поведения. В адатах Андалалского союза

сказано: «Если кто пойдет к старейшинам с клеветническим доносом на кого-нибудь, то с него взыскивается 100 баранов»⁵⁷. «Если окажется, что кто-нибудь продал мусульманина или мусульманку..., то с него взыскивается 100 баранов»⁵⁸. От человека требовали честности. В адатах Келебского общества сказано: «Если кто дал ложное свидетельское показание и скрыл то, что знал, не дав свидетельского показания, то с него взыскивается штраф в размере 20 овец и медный котел весом 4 ратла»⁵⁹. Это большое наказание за лжесвидетельство, такие адаты были во многих обществах.

Сурово наказывали и за оскорбление человека, особенно старшего по возрасту. Согласно предписаниям горского этикета мужчина должен был сохранять спокойствие и такт во время спора и ссоры. Для пресечения драк обычное право предусматривало меры наказания, в результате которого оба получали общественное порицание. Большим нарушением норм общественного поведения считалось применение оружия во время драки. «За обнажение кинжалов взыскивается по одной овце с каждого»⁶⁰. За нанесение телесного повреждения виновный подвергался наказанию. Адатами были предусмотрены, в зависимости от характера раны, повреждения, определенные меры. Если раненый умрет, то ранивший (виновный) считается убийцей со всеми последствиями. Рискую быть объявленным трусом (это позор), молодой человек в необходимой ситуации смело вступал в драку, хотя знал, что он слабее противника и будет побит. Слабый из дерущихся, как правило, первым применял оружие. Убийство было преступлением перед обществом, одним из тяжких нарушений норм общественного поведения. Убийство вызывало кровную месть.

Кровная месть как обычай, традиционный институт регулирования общественных отношений был широко распространен у аварцев. Единство членов тухума, их обязанности поддерживать друг друга во всем нашло отражение в документах середины XIX века. В одном из них говорится: «Обязанности членов тухума относительно друг друга заключались в нравственной и материальной поддержке, и то в ограниченном числе случаев, как, например, в делах, по кровомщению, уплате штрафов, податей и т. п. Помощь обедневшим членам не считалась обязательной, хотя отказ в ней каждый раз осуждался народным мнением»⁶¹. Роль тухума, особенно патронимии первого порядка

(группа близкородственных семей), была большая в обычаях, связанных с кровной мезтью. М. Ковалевский отмечает: «Обращаясь к последнему (этнографическому материалу – А.И.) мы находим, что у народов, живущих родовыми сообществами (об ошибочности этого мнения сказано выше – А.И.) и практикующих культ предков, считается позором оставлять не отмщенными известные виды деяний: убийство родственника»⁶².

Правовыми памятниками, которыми руководствовались в начале XIX в., адатами, обычаем кровная месть была узаконена, предписана, отступление от которых вызывало общественное осуждение. Защита интереса отдельных лиц и семей, их жизни, чести, имущества, являлась причиной бытования кровной мести. Обычай кровной мести становится юридическим фактом, регулирующим внутри джамаата межтухумные, межличностные отношения, он являлся мерой защиты, самообороны.

Обычай кровной мести изучен достаточно хорошо: он вызывал большой интерес ученых, военных, путешественников, наблюдателей XIX в. (А.В. Комаров, Ф.И. Леонтович, М. Ковалевский, А.Ф. Васильев, Г. Амиров и др.), много страниц посвящено этому вопросу в кавказоведческой литературе (Х.-М. Хашаев, Р.М. Магомедов, М.О. Косвен, С.Ш. Гаджиева, В.К. Гарданов, Б.А. Калоев, Мусукаев, Плиев и др.), имеются специальные статьи В. П. Егоровой (О состоянии кровомщения в Дагестане во II половине XIX – нач. XX вв.) и С.А. Лугуева (О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX вв.). В последнее время о ней говорится в монографиях, посвященных малым народам Дагестана, в работах по общественному быту народов Дагестана.

Исследования показали, что обычай у всех народов Дагестана в общем одинаков, имеющиеся различия касаются частностей; степени строгости его соблюдения, размера и состава композиции, продолжительности срока канлы и других несущественных вопросов.

Фактический материал говорит, что сделать однозначный вывод о состоянии кровной мести во всех селениях невозможно, хотя и шел процесс унификации решения вопроса по убийствам. Каждое селение придерживалось своих традиций с учетом происходящих общественно-бытовых изменений.

По адату безнаказанно можно было убить за убийство (кровного врага – бидул тушман), изнасилование женщины (насилующего), прелюбодеяние (любовника и женщину), мужеложство (обоих), попытку изнасилования (акт совершает обижаемый), похитителя женщины при преследовании, растление малолетних (особо низкий поступок по мнению горцев).

Убийство по другим мотивам осуждалось и вызывало соответствующую реакцию у родственников убитого и общины в целом. Отметим, что ходячее мнение о совершении убийства за нечаянное прикосновение мужчины к лицу, руке, одежде женщины очень преувеличено. Анализ криминалистического и полевого материала такой вывод не подтверждает. Убийство было одним из тяжких нарушений норм общественного поведения, преступлением перед всеми и общиной. «Убийство человека без права на это повлечет за собой для убийцы...» значит нужна была санкция общества на это.

В литературе утвердилось мнение, которое поддерживается многими исследователями, что кровная месть, принципы «кровь за кровь», «смерть за смерть» приводили иногда к полному уничтожению одного из враждующих тухумов, «кровная месть уносила в могилу массу людей». Чтобы знать о представлении дореволюционных авторов, приведем высказывание А. В. Комарова. Он пишет: «В недавнее еще время (речь идет о начале XIX в. – А.И.) кровомщение в Дагестане принимало часто громадные размеры и сопровождалось необыкновенною жестокостью. Исполнители его старались поймать убийцу и убивали его на могиле убитого или на том месте, где он был убит; если же это не удавалось, то отрезали голову канлы (убийцы, вышедшему в канлы – изгнанному из аула за убийство – А.И.) или уши, которые показывали своим родственникам и потом клали их на могилу убитого. Кровная вражда некоторых семейств переходила из рода в род; иногда кровомщение завязывалось между селениями и даже обществами и длилось целые столетия. Жители некоторых селений, спасаясь от кровомщения, переходили на другие места и основывали новые селения в чужих местах, обществах»⁶³.

Такое представление создавалось молвой, а не фактами. Кроме того, здесь спутаны разные вещи: убийство и месть – кровомщение. Кровная месть – это последствие убийства. О неверном толковании

сущности обычая кровной мести иллюстрируют такие высказывания: «По адату кровомщение полагалось за ... прелюбодеяние, мужеложство, нечаянное прикосновение к женщине». Речь идет об убийствах, о мере наказания за нарушение норм поведения, а кровная месть – это нечто иное. Само возникновение кровной мести связано с необходимостью защиты человеческой жизни, как средство самообороны и тот, кто брался за оружие, поднимал руку на человека с целью убийства хорошо знал, что он с этого момента становился фактически приговоренным к смерти. кто-то завтра лишит его самого или ближайших родственников (отца, брата, сына) жизни.

Нам представляется, что обычай кровной мести, в условиях отсутствия сильной власти с твердыми законами, был инструментом, регламентирующим поведение человека, сдерживающим его эмоции и многие возможные случаи убийства (драка, оскорбление и т. д.) не совершались благодаря ему.

Для иллюстрации положения об убийствах на почве кровной мести в середине XIX в. приведу некоторые цифры из статьи А.В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним (материалы для статистики Дагестанской области)». За шесть лет, с января 1861 года по январь 1867 г. было совершено убийств в Гунибском округе в 1861 г. – 10, из них на почве кровной мести – 1; в 1862 г. – 16 и 2; 1863 г. – 7 и 2; 1864 г. – 9 и 1; 1865 г. – 1 и 1; 1866 г. – 5 и 1; 1867 г. – 2 и 2. всего убито 50 человек, на почве кровной мести – 10. В Аварском округе данные такие: 1861 г. – нет сведений; 1862 г. – 3 и нет; 1863 г. – 5 и нет; 1864 г. – нет убийств; 1865 г. – 8 и нет; 1866 г. – 5 и нет; 1867 г. – 4 и нет. Было всего убито за пять лет 25 человек, на почве кровной мести – ни одного.

Следует обратить внимание на одно обстоятельство. В «вольных обществах» адаты не только запрещали кровную месть, а наоборот, поощряли, предписывали, узаконивали. Но при этом для признания правомерности ее осуществления необходимо было соблюдение определенных условий. Эти условия должны были гарантировать, обеспечить задействие обычая только в гуманных целях, чтобы не допустить массового кровопролития, произвола и самоуправства отдельной личности или тухума.

Это положение из адатов объясняет живучесть обычая кровной мести.

Известно, что имам Шамиль, как и два предыдущих имама, всеми силами старался внедрить в быт народа шариатские нормы взамен адатов. Делал он это и по отношению обычая кровной мести. Действительно Шамиль пытался смягчить обычай, ввести систему примирения с композицией, но не решался вовсе запретить кровомщение из опасения возбудить сильное недовольствие в народе. Кроме того, сам Шамиль «не мог порядком справиться с этим делом и заставить их помириться с возможностью покончить мирным способом то, что началось кровью, а тем более, простить обиду «совсем», так как Шамиль хлопотал только о прекращении произвола кровомстителей; в необходимости же отомстить обиду, тем или иным способом, он убежден всеми силами души и всеми способностями своего ума»⁶⁴.

К кровной мести при убийствах прибегали не часто и не охотно, и только в целях предотвращения сознательного убийства как к мере пресечения преступления.

Кроме того, не всякое убийство вызывало кровомщение. Еще долго до объявления низамов имама Шамиля, введения русской административной власти и судопроизводства, принятия всевозможных мер к искоренению кровомщения – наказание по военному суду, высылка в Россию, арест и т. д., джамааты вели суровые меры для пресечения убийств, строгое наказание за это. Само кровомщение, месть, следует рассматривать как предупреждение, наказание. Такое стремление обществ нашло отражение в постановлениях джамаатов, в зафиксированных адатах.

В своде решений, обязательных для жителей Андалалского общества (он датируется XVII в.) написано: «Если из наших один другого убьет, то с убийцы взыскиваются четыре быка: 2 – в пользу исполнителя (общины – А.И.), а 2 – в пользу наследников убитого; из селения убийца не изгоняется, если убийство совершенно нечаянно или после того, как убитый обнажил оружие»⁶⁵.

Далее там же сказано: «Если вместо убийцы ошибочно будет убит другой, с виновного взыскивается 100 баранов, и он изгоняется из селения. За случайное убийство взыскивается два быка: один – в

пользу исполнителя, а другой – в пользу наследников убитого; в этом случае кровь пропадает даром»⁶⁶.

Несколько иное положение мы видим в аварском ханстве в XVII в. В кодексе Умму-хана сделана попытка в какой-то мере ограничить применение кровной мести. Мечь должна была быть заменена выкупом, родственники убийцы обязаны были вносить определенное вознаграждение – дият. «Убийца должен удалиться из аула не позднее 10 дней». В отсутствие убийцы принимались меры к примирению кровников. Устанавливали конкретный срок уплаты дията. «Если выплата дията будет просрочена, то за каждый просроченный день взыскивается по овце»⁶⁷. Размеры дията не указаны, но по «Адатам селений Аварского округа» приблизительную картину можно представить.

Дият – араб. диат – плата за кровь вносимая стороной убийцы за убитого. Размеры дията в разных обществах Аварии и в разное время были различными. Например, в Андалалском обществе взыскивалось с убийцы четыре быка, за случайное убийство – два быка; Келебе – 100 овец; Цекубе – 30 коров; Гидатле – 30 коров; уже в середине XIX в. определились другие размеры; Карахе – 200 рублей (за случайное убийство – тоже 200 р.); Тинди – 250 руб.; Технуцалы – 100 руб, бык и саван (ранее разоряли дом, грабили имущество убийцы); Ункратле – 250 руб., бык стоимостью в 12 рублей и саван; Гумбете – 100 руб., бык, саван, 10 саб кукурузы; Мехтулинском ханстве – 6 быков; Ингердахе (Аварский округ) – пеня (алым) 30 коров (в прежнее время разоряли все имение убийцы); Обода, Ахалчи, Тануси – начальнику тридцать руб., бык, саван; Батлухе – два быка; Голотле – пашня в восемь мер посева, два быка; Анцухе – 250 руб. серебром; Джурмуте – 230 баранов; Цатанихе – начальнику сто овец, семейству убитого быка, дом убийцы разорялся, а сам он выгонялся из селения до тех пор, пока родственники убитого не простят его, если же он будет убит, то убивший его оставался не отомщенным, т.е. на нем не бывало «крови»; Кособе – четыре мерки хлеба, 30 овец, 8 коров, восемь мерок толкна, один баран. Как видим из приведенных данных, сумма дията по обществам существенно различалась и во многих случаях ее можно было выплатить в разных формах, как, например, в селениях Ухнадальского общества – 8 коров, 30 овец, соли 4 ратала (ратал – мера

веса около 2,5 кг), если же у него нет коров, то взыскивались зерно, мука, овцы, сыр, бык, соль, дрова и т.д. или как в Гидатле – «за 15 коров из 30 допускается брать стоимость, исходя из нормы, какое угодно имущество, но для дията земля не берется. Чтобы иметь представление о стоимости дията, дадим средние цены, приводимые Х.-М. Хашаевым для 1903 г. Пуд пшеницы – 1 руб. 30 коп., лошадь – 40 руб., осел – 10 руб., мул – 50 руб., бык – 30 руб., корова – 15 руб., баран – 5 руб. В середине XIX в. бык стоил 12–15 руб., баран 1–1,5 руб.

Почти во всех адатах существовал порядок: убийца изгонялся из аула в канлы и он не мог вернуться обратно домой пока родственники убитого не простят его и не согласятся на примирение. Примирением занимались старейшины, дибир, старшие члены тухума убийцы, они «делали маслагат» («маслахат, «маслагат» – «примирение», «соглашение» – Саидов М.-С.). Это была единственная форма прекращения вражды, кровомщения. Применение обычая кровной мести – кьисас боси – после маслаата считалось позором, а получить согласие на примирение было не легко.

Приведу некоторые обычаи примирения, они различались по обществам. У одних, после разрешения пострадавшей стороны прийти с прошением о примирении, убийца одевался в белый саван с веревкой на шее, позади его вели быка. В этом виде в сопровождении своих родственников он являлся к родственникам убитого, которые ждали его в определенном месте. Подходил к старшему родственнику убитого и говорил «я перед вами, делайте, что хотите». Родственники убитого говорили «вставай, мы тебя простили». Потом устраивалось угощение в доме прощенного. У других процедура примирения проходила так: уважаемые люди аула – дибир, старейшины, хараби приходили (не один раз) к родственникам убитого и просили о помиловании убийцы. В случае согласия родственников простить убийцу, его приводили и ставили в отдалении, но так, чтобы можно было его видеть. Дибир становился между двумя группами, стоявшими напротив друг друга, читал молитву за мир между семьями. Кто-то из старших от имени прощенного убийцы приглашал родственников убитого к нему домой на угощение. Когда они подходили к дому убийцы, он выходил с обнаженной головой, без кинжала, становился на колени перед пострадавшими и стоял так пока ближайший родственник уби-

того не скажет «вставай, мы простили тебя». На время угощения прощенный оставался без шапки и пояса. В селениях Гумбетовского общества (бакльгулал) был такой порядок примирения: «родственники обеих сторон заранее условливаются и назначают день примирения. В назначенный день собирается весь тухум (фамилия) убийцы, как мужчины, так и женщины, не исключая и детей, к ним присоединяются еще почетные люди села, берут с собою канлыя и приходят к родственникам убитого. Женщины со стороны убийцы становятся на колени перед женщинами со стороны убитого, мужчины – перед мужчинами и мирят убийцу (канлыя) с родственниками убитого»⁶⁸.

После процедуры примирения – «рекьел гьабуна» – вражда прекращалась. Однако маслаат не приносил полного удовлетворения, установления, характерных для семей сельской общины, близких, скажем добрых отношений, боль утраты родного человека, горе не давали забыть по чьей вине оно случилось. Странно бывает читать, слышать, что после прощения убийца считался членом простившего его тухума, чуть ли сыном для матери, у которой убили сына, братом для сестры. Получается, чтобы стать близким человеком семье надо убить ее члена. У аварцев, материал, собранный во всех обществах – от Салатавии до Тломурал, говорит, что это чувство, сознание сохраняется и в потомках. Очень редки были случаи заключения брака между двумя семьями, как убежденно утверждали старые женщины, дом убийцы, и прощенного, – это «тушбабазул рукъ» (дом врагов). Не мог найти подтверждение мнению, что прикосновение губами (убийца) к груди матери убитого было обычаем или обрядом, характерным для дагестанцев. Речь идет об аварцах. Не было и адата усыновления убийцы. Многие семьи убитого не брали дията, прощали убийцу и отношения семей регулировались адатами.

Институт кровной мести на протяжении XVIII–XIX веков претерпел существенные изменения, приспособился к господствующим общественным отношениям, в нем открыто провозглашались правовые привилегии социально-привилегированного сословия, лиц административного управления, состоятельных людей. Еще в гидатлинских адатах сказано: «Если раб убьет свободного человека, то хозяин раба обязан платить дият (выкуп). Если же свободный убьет раба, то свободный должен уплатить хозяину стоимость убитого раба». Раб не

допускается к присяге, если он даже отпущен. В аварском ханстве положение было такое: «если уздень убьет раба, то с него взыскивается только дият узденя в пользу владельца раба. Если раб убьет узденя, то с владельца раба взыскивается дият и раб изгоняется на три года в канлы. Такое же наказание применяется, если раб убьет раба».

Все резче стали проявляться имущественная дифференциация населения, последствия введения административного управления, старания властей ослабить обычай, социально-культурное развитие общества и как следствие этого тенденцией становится замена кровомощения материальным возмещением. Цену крови стали определять в конкретных цифрах, количествах, предметно. Роль тухума ослабла: и со стороны убийцы, и со стороны убитого ответственность за соблюдение правил обычая несли только ближайшие родственники, вместе с тем прав С. А. Лугуев, который пишет: «Кровнородственные отношения ослабли, но не настолько, чтобы не оказать влияния на общественный быт»⁶⁹, и в том числе на обычай кровной мести. Отмечая, существенное ослабление, почти исчезновение обычая, надо сказать, что были случаи убийства на почве кровной мести и в начале XX в. (Ругуджа, Чох, Кудали, Дусрах, Цилитль, Унцукуль, Урма и т.д.).

Заключая сказанное, следует еще раз отметить, что обычай кровной мести в условиях отсутствия сильной власти с твердыми законами, был инструментом, регламентирующим поведение человека, силой, сдерживающей его от совершения убийства. Поведение личности определяла психологическая установка: сегодня поднимешь руку на другого – завтра придет возмездие. Обычай играл положительную роль, был мерой защиты человеческой жизни, регламентируемой общиной.

Гостеприимство. В общественном быту народов Дагестана важное место занимал обычай гостеприимства и куначества. О гостеприимстве народов Дагестана и в целом Кавказа известно широко и давно. Об этом в той или иной степени писали почти все, кто бывал на Кавказе, об обычаях гостеприимства сложены легенды и предания. Трудно найти работу, посвященную народам Дагестана, в которой не был бы описан случай радушного приема гостя, готовность хозяина пойти на самые большие испытания и неудобства, чтобы обеспечить гостю безопасность, выполнить его желания, создать ему необходи-

мые условия для хорошего отдыха. Гостеприимство распространялось не только на знакомых и друзей, жителей своего общества, но и на всякого путника, нуждающегося в ночлеге, приюте. Некоторые исследователи видят в этом обычае право любого пришельца, прохожего быть гостем в любом доме по его желанию с соблюдением хозяином всех традиционных правил гостеприимства. «Именно право совершенно незнакомого человека остановиться в качестве гостя в любом доме и безусловная обязанность хозяина оказать ему самый радужный прием и представить все необходимое – вот что прежде всего характеризовало обычай гостеприимства у адыгов и других кавказских горцев»⁷⁰, – читаем у В.К. Гарданова. Как считают, в представлениях людей он был долгом, «безусловной обязанностью», а не добродетелью.

Полностью согласиться с таким мнением трудно: речь идет о «праве» любого пришельца и о «безусловных обязанностях» хозяина дома. Конечно, отправляясь в путь, любой человек мог, согласно обычаю гостеприимства, рассчитывать найти пищу и ночлег в каждом селении. Но было ли это правом одного и обязанностью другого? Мне кажется, что такое представление не соответствует действительности.

Во-первых, необходимо сказать, что в разных обществах правила были разные, в зависимости от их общественно-политического положения: то, что было характерно для адыгов и других народов с развитыми феодальными отношениями, не может быть характерным для узденских свободных обществ, где чиновников, богатых, кунаков принимали иначе, чем простого пришельца, бедного человека. Здесь сказывается имущественная дифференциация, но не правила обычая.

Положение «гость был в праве, а хозяин обязан» имеет два аспекта: 1) юридический, когда хозяин, нарушивший правила, нормы гостеприимства подвергался бы со стороны общины (джамаата) определенному, предусмотренному обычаем наказанию; 2) нравственный – когда нарушение норм не влечет за собой каких-либо последствий кроме моральных – общественного порицания.

В первом случае гость имел право требовать от любого жителя аула приема, и он вынужден подчиниться, а во втором – гость фактически просил о приюте, и хозяин был вправе поступать как ему заблагорассудится: принять радушно или вежливо отказать. Полевой мате-

риал показывает, что требовать «гостеприимства» могли ханы, мурзы, князья, беки от своих зависимых, и это положение скорее относится к «категории повинности («кормление»), чем к традиционному обычаю гостеприимства. Для аварцев был характерен второй аспект, в котором отсутствовал элемент принуждения.

Гостя принимали в любое время дня и ночи, оказывая ему всевозможное внимание и заботу. Одним из самых строгих правил гостеприимства считалось радушие и внимание хозяина дома, членов семьи к гостю, оказание ему почестей, выполнение всех его желаний, сохранение его покоя, если даже это и причиняло им какие-то неудобства. «Гостю еду можешь не дать, а встречай радушно», – гласит старинная народная поговорка. В устном народном творчестве содержится много преданий, о том, как отдельные семьи, принимая гостей, особенно дальних, скрывали от них постигшего их несчастья, создавали для гостей самую благоприятную обстановку, устраивали богатое угощение.

Хочу привести высказывание из «Воспоминаний» Абдурахмана из Газикумуха, относящееся к середине XIX века, о госте. Речь идет об аварцах общества «Нахъа хиндалал». Путник «когда въезжает в селение, где никогда не был, прежде всего отправляется к очару (годекану – А.И.) или идет к воротам мечети и здороваются с сидящими. Последние отвечают на приветствие и расспрашивают его имя, отчество, род, селение, округ. Приезжий обо всем сообщает. После этого спрашивают о причине приезда и кунаке. Если ответит, что нет кунака и никогда здесь ранее не был, то один из сидящих приглашает к себе домой как гостя: «Отныне ты мой гость, и брат по вере, и если когда-нибудь еще придешь в наше селение, то прямо приходи ко мне.

Либо проводят его (сидящие у мечети) к мангушу (лицу, которое назначено кадием для исполнения сельских дел; он же имел право арестовать виновного по распоряжению кадия и наказать его и отпустить из заключения. Неустанно ходит он целый день с палкой длиной с локоть, которой стягает виновных, проверяя порядок в селении), последний ведет приезжего к дому из сельчан, у которого подошла очередь принять гостя и дать ему ночлег, и объявляет хозяину дома, что привел гостя. Хозяин выходит навстречу ему и говорит: «Добро пожаловать, милости просим!» иногда хозяин спорит с мангушем,

говоря, что не его очередь приютить гостя. Когда путник слышит такой разговор, он чувствует неловкость и отворачивается от хозяина, говоря: «Я не войду в этот дом, даже если дадут все золото». И уезжает в другое селение или идет в мечеть. Если кунак пеший, идет прямо в мечеть и ночует у учащихся; те его кормят хинкалом. Утром отправляется в путь»⁷¹.

Необходимый комментарий к сказанному:

1. Этнографический материал говорит, что при первых же минутах встречи или на годекане расспрашивать гостя: «кто ты, откуда и зачем пришел?», было не принято и по этому поводу существует поговорка: «три дня гостю вопросы не задают»;

2. В аварском узденском селении невозможно, чтобы мангуш – не престижная единица в управленческой системе сельской общины – «неустанно ходил целый день с палкой и стягивал» – ударил «виновных», так сказать, устанавливая порядок в селении; ни один не мог поднять руку на аварца-узденя не рискуя тут же быть строго наказанным за нарушения адата оскорбление личности.

Гость считался неприкосновенной личностью, о его безопасности заботился хозяин, родственники хозяина, у которого остановился гость. Заботились тухум, община. Информаторы не помнят случая, чтобы был обижен гость, нет таких сведений и в литературе. Даже тогда, когда гость (малознакомый) обворовывал хозяина, а такие случаи бывали, его отпускали с миром. За поступки гостя отвечал хозяин и за поступки по отношению к гостю тоже отвечал хозяин. В адатах Андалалского общества предусмотрена была статья (пункт), которая защищала интересы гостя. Она гласит: «Если берется ишкиль с гостя и тот, у кого он остановился, находится вместе с ним на своей территории, то с того, кто берет ишкиль, взыскивается 1 бык»⁷².

Община (джамаат) по-прежнему продолжает заботиться о пришельцах, т. е. о гостях, добивается выполнения всеми членами общества этого древнего обычая (устанавливает институт очередности), очень ревностно старается сохранить свою репутацию гостеприимного селения. О многих селениях существовало определенное мнение о гостеприимстве: одни славились своим радушием и щедростью, а другие имели нелестную репутацию.

По всей видимости, в XIX в. в вопросе гостеприимства общест-

венные интересы и установки стали не совпадать с личными интересами, иными словами интересы субъекта (индивида) и коллектива (общины) вступают в противоречие в силу сущности господствующих общественных отношений.

Община стремится сохранить былые формы гостеприимства, проявляет заботу о госте, а член этой общины не считает себя обязанным добровольно (проявить инициативу) стать хозяином, брать на себя ответственность.

Прежде чем говорить о статусе гостя и о формах гостеприимства, возникает необходимость определить категорию гостей. Они подразделяются на четыре категории:

1. Односельчанин, сосед, товарищ, родственник;
2. хорошо знакомый, друг, близкий человек семьи из другого селения;
3. человек малознакомый из других мест;
4. гость неожиданный, незнакомый пришелец или случайный путник.

Гости бывают приглашенные, которых ждешь, и не приглашенные, которые для хозяина, семьи будут неожиданными. Общение и отношение хозяина и членов семьи к каждой из этих категорий проявляется по-своему, хотя внешне этикет, предусмотренный обычаем, будет во всех случаях соблюден. Понятно, что к гостю – односельчанину, родственнику, приятелю, с которым заранее договорились, предусмотрели и время и форму приема, будет одно отношение, а к человеку, неожиданно пришедшему, когда семья озабочена чем-то, должна заняться неотложным делом или собиралась уйти из дома – другое отношение, хотя бы на первых порах. Здесь необходима психологическая перестройка и на это нужно время.

Приезжие гости делились на две группы: «гьобол» и «богьун гьобол». Первая группа может быть подразделена на две подгруппы в зависимости от степени близости, срока знакомства. Одни гости бывали очень близкими, становились как бы членами семьи, живущими в другом селении. Они категория, широко известная в кавказоведческой литературе под термином «кунак». Другие гости – это люди знакомые и малознакомые из других мест, он был принят хозяином раньше, но близким не стал. По приезду в селение такой гость идет к

дому, называя имя его хозяина, и здесь он будет иметь все, что полагается гостю.

Вторая группа – это незнакомый, человек впервые пришедший в селение, случайный путник, нуждающийся в ночлеге. По отношению к гостям этой категории в обычном праве дагестанцев существовало строгое положение (институт), предусматривающее гостеприимство. Суть его заключалась в том, чтобы пришелец, путник получил пищу, ночлег, возможность для совершения намаза и другое необходимое. Об этом обычае знали все. Пришедший в селение шел на годекан и после приветствия садился, а если был верхом, то лошадь отдавал поддержать какому-нибудь мальчику. То, что на общественную площадь он пришел (ехать верхом внутри аула считалось неприличным, у дагестанцев это не было принято) с конем было свидетельством отсутствия у него в селении гостя; другим признаком служило то, что на годекан его никто не сопровождает. При получении отрицательного ответа на вопрос: «кто твой гость?» (спросить: «у тебя есть в ауле гость?» считалось нетактичным) кто-нибудь из сидящих вставал и приглашал его к себе, прося стать его гостем. Это обычное правило. Но если на годекане было мало людей или никто по каким-либо причинам его не брал в гости, тогда вступал в силу обычай «богьун гьобол». В джамаате существовала очередь для принятия очередного гостя. Исполнитель знал чья очередь и каково положение в семье и его предложение воспринималось как решение. Здесь гость получал все необходимое – пищу и ночлег. «Если кто по предложению сельских исполнителей не примет по очереди приезжего нового гостя, то с него взыскивается штраф в размере одной овцы»⁷³.

Нередко бывало, что гость «очередной» становился хорошим кунаком. Во многих селениях были люди, которые брали всех гостей-путников, пришельцев – к себе.

Человек, прибывший в чужое селение, должен был остановиться у своего бывшего гостя. Если у него там было несколько кунаков, то один считался основным, и обычай требовал, чтобы он первым зашел к нему, оставил у него свои вещи, коня и кнут, а потом только можно нанести визит или перейти к другим. Это правило соблюдалось и после смерти основного гостя – главы семьи, так как дети кунаков становились кунаками по отношению друг к другу. Выражение «отцов-

ский гость» – «инсул гьобол» – имело определенное общественное значение. Зная близкие отношения между гостями, в некоторых селениях допускали привлечение истцом или ответчиком гостя к присяге, что было равносильно признанию его членом тухума.

Существовал определенный ритуал принятия гостя, и во всех случаях старались его не нарушать. Гостю оказывали различные знаки внимания и уважения, по его желанию в доме устраивалось веселье – приглашали певцов, музыкантов, хороших танцоров. Ухаживание должно было быть не навязчивым, не надоедливым; оно не должно было лишать гостя свободы. Гостя принимали в убранной комнате – «кьачIараб рукь». В этой комнате хранились наиболее ценные вещи, она была лучше обставлена, здесь проводились семейные торжества, собирались женщины на траурный сход, и она же предоставлялась в распоряжение гостя. Но специальной кунацкой у аварцев не было.

Обычай гостеприимства у аварцев в XVIII–XIX вв. был широко распространенным институтом, игравшим важную роль в их общественной жизни. Развитие общественно-экономических отношений в определенной степени изменило формы проявления обычая, он стал приспособленным к социальной и имущественной градации общества, но свою сущность, природу продолжал сохранять.

Взаимопомощь. В общественной жизни аварцев важное место занимал обычай взаимопомощи – «гвай», основанный на коллективной трудовой деятельности, уходящей своими корнями в далекое прошлое.

Практически сфера применения обычая взаимопомощи очень многообразна. На это обратили внимание и дореволюционные авторы. Например, Н. Львов в середине XIX в. писал об аварцах: «Некоторые работы, как например, унавоживание полей, лущение и молотьба кукурузы, стрижка овец, мытье и расчесывание шерсти, обмазывание глиной сакель, набрасывание на крыши их земли и т. п., исполняются родственниками, соседями или знакомыми, приглашенными на помощь (гой)»⁷⁴. Люди к взаимопомощи прибегали в затруднительных случаях, когда была необходимость в регламентированное время успеть освободить поле, быстро построить разрушенный дом и выполнить другие трудоемкие работы.

Коллективная форма работы, возникшая в далеком прошлом, как

непременное условие существования определенной общественно-хозяйственной группы людей – рода, тухума, общины – со временем становится обычаем взаимопомощи. Естественно, как и всякие другие обычаи и традиции, в ходе исторического и социально-экономического развития изменялся и этот обычай, приобретал новое социальное содержание.

Необходимость в помощи в прошлом обуславливалась слабым развитием производительных сил, большой зависимостью человека от природных условий, особенностями уклада жизни. Когда обстоятельства складывались так, что силами семьи осуществить необходимый объем работы не представлялось возможным, и это могло иметь неприятные последствия, коллектив приходил на помощь, по принципу взаимной выручки «сегодня я тебе, а завтра ты мне».

Наиболее распространенными были три формы помощи: 1) оказание необходимой действенной помощи соседу, односельчанину; 2) использование обычая для бесплатного труда – представители имущего сословия приглашали бедных родственников на работу без оплаты и, таким образом, с помощью обычая осуществлялась эксплуатация в завуалированной форме; 3) проводился с целью, чтобы выполнить небольшие по объему работы, совместно провести время и пообщаться.

Горец, безразличный к чужим заботам (в рамках аула, квартала, родственной группы, в зависимости от того, каковы были традиции аула и его размеры) приобретал нелестное общественное мнение, и, естественно, это сказывалось на поведении сельского жителя и участие его в чужой радости и беде, в торжествах и работе было его традиционной характерной чертой.

Чувство необходимости помочь соседу, односельчанину, вообще нуждающемуся было неотъемлемой чертой сельского жителя, его духовной потребностью, одной из основ бытия в обществе.

Существовали разные формы привлечения людей к участию в работах: 1) когда хозяин, наметивший выполнить ту или иную работу, специально никого не приглашал, но объявлял о предстоящей работе, и прийти могли все желающие; 2) когда приглашали девушек, но приходили все желающие; 3) приглашали родственников и соседей, и это служило поводом для прихода всех желающих, и, наконец, 4) когда

хозяин никого не приглашал на помощь и официально не объявлял о предстоящем мероприятии, однако в ауле бывало это известно, когда, где и какая предполагается работа, требующая помощи, и все, кто имел возможность и считал нужным, шли помогать. Как правило, выполнение таких работ, где предполагалось участие большого числа людей, приурочивалось к таким дням, когда люди были более свободны.

Идя на взаимопомощь, люди, особенно молодежь, старались одеться поприличнее, хотя предстояла физическая работа, нередко и грязная. Но у людей в этот день ощущалось приподнятое, праздничное настроение.

Большинство видов взаимопомощи было связано с сельскохозяйственными работами, сфера, где основные этапы, циклы были строго регламентированы. Ранней весной начиналась работа по унавоживанию пахотных полей. Хотя сроки работ не ограничивались ничем и никем, как правило, вывоз навоза на поле организовывали коллективно. «Рак бахъя» было тяжелой работой: спрессованный за зиму навоз надо было выгребать из хлева, вывести и перенести, что было под силу только группе людей, которые менялись местами.

Аварцам хорошо известна такая форма взаимопомощи как супряга. «Анализ этого института, – пишет М. З. Османов, – показывает, что он возник из чисто хозяйственных, экономических соображений, но в повседневной практике принимались в расчет и родственные или тухумные связи. Обычно объединялись бесскотный крестьянин и владелец быков. В этом случае первый должен был заготовить сено второму или выполнить за него другие работы. Нечего и говорить, что супряга стала со временем одной из удобнейших форм эксплуатации крестьянской бедноты»⁷⁵. Следует отметить, что супряга у аварцев была особым видом взаимопомощи, это было скорее кооперирование сторон на продолжительное время.

Сенокосение было видом сельскохозяйственной работы, строго регламентируемым жесткими сроками. Во всех селениях до определенного дня строго запрещалось косить сено, если даже это был собственный участок, а общественные в этот день по жребью разделяли между хозяйствами (было три формы). Учитывая, что эту работу – скосить, собрать, переносить – в одиночку выполнить трудно за ко-

роткий срок, организовывали «гвай». Жесткие сроки завершения работ определялись тем, что сенокосные участки (массив) с указанного определенного дня превращались в пастбища и, если кто не успел вывести сено, мог пострадать. Работа на сенокосе (обычно это женский труд), как правило, сопровождалась музыкой, пением. О регламентации сельскохозяйственных работ говорилось в разделе «Хозяйство».

Особое внимание уделяли уборке урожая, где совместно работали мужчины и женщины. По сложившейся традиции половое распределение труда было четким: женщины жали серпами или маленькой косой, складывали на заранее подготовленные жгуты из стеблей, а мужчины вязали снопы этими жгутами и укладывали в копны.

Была и другая форма: женщины, работающие в поле, видя что у кого-то еще много работы и к сроку она не успевает, договаривались и шли на ее поле «речІцелгъабизе» (наброситься), существенно помогали хозяйке.

Взаимопомощь оказывалась и при перевозке урожая, обмолоте, лущении кукурузы и фасоли.

Наиболее частой и представительной взаимопомощь бывала при строительстве дома. Общеизвестно, что строительство нового жилища во все времена, в горах или на плоскости, в каком бы районе и поселении оно ни шло, для семьи являлось событием чрезвычайно важным и трудоемким. Иногда необходимость постройки нового дома вызывается и постигшим семью несчастьем – пожаром, разрушением, землетрясением и т. д. А в последнем случае построить семье дом, а это бывает нужно сделать как можно быстрее, помогают жители селения как материально, так и своим трудом.

Строительство дома было настолько важным событием, что до его начала хозяин предпринимал ряд мер, в том числе и магические, и практические. К последним относится традиция советоваться со всеми родственниками, и эта традиция является очень древней и, вероятно, сохранила следы того времени, когда судьбой выделившейся семье интересовались все члены тухума. Впоследствии этот порядок приобретал форму народного обычая.

Особенно многолюдно и торжественно проходила работа по перекрытию дома. Прежде всего этот «гвай» отличается торжественностью и праздничностью обстановки: он собирает очень много народу

со всех концов аула, причем все, особенно юноши и девушки, приходят в лучших одеждах, и главное во время работы и после нее здесь играет музыка, а по окончании работы начинается веселье – танцы и исполнение песен. Хозяин угощает участников «гвая», а многие родственники и друзья приносят в этот день сюда разные угощения.

Значение добровольного, не вознаграждаемого коллективного труда в общественной жизни селения имело огромное значение. Он сближал людей, делал их душевно более щедрыми, добрыми. Люди, участвовавшие в работе, получали моральное удовлетворение, а хозяин проникался чувством благодарности, желанием в свою очередь сделать им приятное. На коллективную помощь родственников, соседей, односельчан как в беде, так и при выполнении наиболее трудоемких работ рассчитывал каждый, и этот обычай вошел в крестьянскую жизнь издавна. Так, коллектив, связанный общностью интересов общества, его хозяйственной жизнью, еще более сплачивался на основе традиционно сохраняющихся тактичных форм участия в личной жизни друг друга, при этом руководствуясь только моральными побуждениями.

Обычай взаимопомощи в своей основе имел производственную необходимость. Но, как уже упоминалось, он использовался и для совместного проведения времени, служил поводом для сбора в свободное, обычно вечернее, время, не имея надобности выполнить большой объем работы. Такая форма обычая в прошлом была широко распространена. Посиделки (вечеринки) имеют и свое название, отличное от взаимопомощи – «цIадух чIей» – «посидеть у огня», «гъастIабакI» – «место у камина».

Посиделки отличались как причинами сбора, так и контингентом собравшихся. Пожилые, взрослые женщины собирались зимними вечерами, чтобы скоротать время и поговорить, обменяться новостями, узнать по какому-нибудь вопросу мнение соседок, выполнить небольшую ручную работу. Обычно все собравшиеся выполняли какую-нибудь работу хозяйки дома, но иногда, когда предполагался небольшой ее объем, могли приносить и свою. Сидя на стеганных тюфячках, брошенных на ковер или палас, женщины вязали, готовили пряжу, трепали шерсть, чистили кукурузу, вылущивали фасоль, занимались

шитьем и т. д. Почти неизменным атрибутом посиделок являлось угощение, устраиваемое хозяйкой.

Молодые девушки собирались повеселиться, попеть, потанцевать, а заодно и выполнить небольшую работу.

Нередко посиделки организовывали только с целью проведения свободного времени, чисто символически выполняя какую-либо незначительную работу. Это являлось традицией, формой, имевшей свое содержание, свой смысл.

К обычаю взаимопомощи прибегали и во время свадьбы, в случае обнищания члена тухума, при несчастных случаях. Здесь могут быть применимы слова Н. Ф. Дубровина: «Дагестанские горцы живут одною жизнью, имеют одни нравы и обычаи»⁷⁶.

Досуг. В организации хозяйственного, семейного, общественного быта определенное место занимает свободное время. Величина и характер использования свободного времени является одним из основных показателей качества образа жизни людей. Существенным является вопрос о взаимосвязи и соотношении частей общего бюджета времени – рабочего и нерабочего – в рассматриваемое в работе время. Характер использования свободного времени населением во многом зависит от политического и общественного строя общества, характера производственных отношений, развития культуры и образования, духовных потребностей людей. Данные свидетельствуют, что использовать оптимально все свободное время для полного удовлетворения потребностей в образовании, освоении культурных ценностей, развитии творческой самостоятельности население не имело возможности. Но у народа было множество форм и способов рационального использования его для физического развития и развлекательных целей, организации досуга.

В социализации молодого поколения важную роль играли общественные формы досуга, в которых аккумулирован многовековой опыт народа и отражаются своеобразия хозяйственной деятельности, культурно-бытовые особенности, идеологические представления. По мере усложнения духовных потребностей и усиления нравственно-психологической автономии личности увеличивается роль коммуникативной функции досуга. Он служит, как правило, для отдыха и восстановления сил – рекреационным целям, но и как деятельность, обес-

печивающая общее развитие личности. Во время досуга аварцы осуществляли различные виды деятельности, различающиеся в зависимости от пола и возраста участвующих. Кратко остановимся на некоторых из них.

Одной из самых распространенных форм досуга являлось посещение мужчинами годекана. В условиях отсутствия других средств коммуникаций, передачи информации, совместное времяпровождение, личное общение граждан имело большое значение в общественной жизни общины. Годекан являлся общественным центром селения, на нем проводились сходы джамаата, судопроизводство и другие мероприятия, был местом воспитания людей (объявляется общественная благодарность или осуждение), социализации молодого поколения. Здесь мужчины обменивались мнением обо всех делах сельской общины, имевших общественное значение, стремились находить совместное решение обсуждаемых тем. Каждый нуждающийся получал советы, другие делились своими впечатлениями об увиденном, третьи рассказывали об обычаях и образе жизни соседей, других людей. Во время досуга на годекане юноши получали уроки нравственного, трудового, физического воспитания, старшие передавали им народные знания, рассказывали о фольклоре, традициях, об обычаях. Материал показывает, что сидение мужчин на годекане, о котором немало писали путешественники и наблюдатели как о пустом времяпрепровождении, имело определенное общественное и личное назначение.

В понятие досуг не включены праздники, у них, как показывает анализ, другая основа, они выполняли другие функции. Праздник – это торжественно отмечаемые дни, посвященные какому-либо важному и радостному событию в жизни общества, коллектива, семьи. В структуру праздника входит система действий, обрядов, ритуалов, вместе с тем компонентами его являются игры, развлечения, включающие досуговое время.

Среди разнообразного и своеобразного культурного наследия аварцев определенное место занимали народные игры и развлечения. Они были как бытовые, так и общественные, направленные как на духовное, так и на физическое развитие. К играм, значение которых сводилось к развитию интеллектуальных способностей относятся так называемые настольные игры с наиболее распространенным названи-

ем «Тлама», «Чимих». Для игры нужно начерченное поле – «доска» определенного рисунка и разноцветные фишки-камешки. Размеры поля значения не имели, рисунок выбивали на больших камнях, находящихся в местах отдыха людей (годекан, около мечети). Это игра типа шашек, имеются варианты ее с разным количеством клеток – 64, 30, 12, 10, 8 и камешек у каждого игрока – по 16, 12, 9, 6, 3. Выигрывал тот игрок, который снимал с «доски» все камешки противника, сохранив свои или занимал раньше исходную позицию противника. Играть в эти игры умели почти все мужчины, особенно любили их люди пожилого возраста. Эти игры простые на первый взгляд требовали умения мыслить логично, комбинационно, способствовали развитию внимательности, реакции, аналитического расчета.

Было много игр и развлечений, смысл которых составлял целенаправленное физическое воспитание играющих. Они имели выраженную половозрастную градацию. Говоря о половозрастных особенностях аварских игр и развлечений, следует отметить, что у них не было чисто женских спортивно-физических игр. После достижения определенного возраста девочки свое досуговое время посвящали бытовым занятиям. Определяющую роль в этом, наряду с другими причинами, сыграла патриархальная идеология, не позволяющая женщине участвовать в общественной и культурной жизни общины. Тем не менее, как показывает материал горянка не была полностью лишена права и возможности участия в определенных играх и развлечениях. В этом вопросе (положении женщин) наблюдаются большие различия и особенности по обществам и селениям. Уже упоминалось, что формой коллективного досуга женщин, в котором предусматривалось сочетание трудовой деятельности с большим удельным объемом отдыха и развлечений были посиделки, вечеринки («цадухчей», «гастабакI», «гьоркьо рукь»).

Распространенной формой досуга для молодежи были подвижные игры. Элементы несложных физических упражнений имелись и в детских играх. По мере взросления усложнялись и упражнения. Разнохарактерные и разнообразные подвижные игры являлись средством оптимального, рационального проведения досуга. Коротко назовем некоторые из них. Это проводимые вне помещения: «Хасандала» (не переводится) в нескольких вариантах, «гама», «пехур», «рекларал –

лъелал», «чижик», «щепочка», «сидение в кругу», прятки в нескольких разновидностях, «хъат къаби», поднятие тяжестей, метание камня, борьба, бег, прыжки с места в длину и в высоту на предмет, городки; проводимые в помещении: «бакIида кIус», «яс кьей», «фант», «ходить на мельницу», «смотреть в зеркало», «путаница», «выбор супруга».

Одной из форм досуга организовываемой общиной, целенаправленной системой (школой) социализации людей были сборы молодых мужчин – «гьоркьо рукъ» («общий дом»). Молодые мужчины объединялись в зимнее время на один – полтора месяца. Вступление в союз было формально добровольным, но уклонение от участия не допускалось. Продукты и напитки заготавливали вскладчину. Участники снимали для себя дом и переселялись туда на жительство. Женщинам посещение дома было запрещено. В строгом распорядке дня предусматривались различные занятия по физическому и духовному развитию. Устраивались состязания по спортивным играм, острословию, по знаниям обычая и традиций, устного народного творчества, по привитию трудовых навыков. Непременное соблюдение церемонии ритуалов, внутреннего распорядка, выполнение поставленной цели обеспечивалось благодаря неписанному уставу, хорошо сохраняемому памятью старшего поколения. Строжайшее соблюдение норм общественного поведения, этикета, обычаев, канонизированных адатом предписаний в общении с возрастными группами для участников было обязательным. В исследуемое время сборы, генетически восходящие к древним институтам, рассматривались как традиционная общественная форма проведения свободного времени, выполняющая несколько общественных функций: социальную, военно-спортивную, ритуальную, развлекательную, эстетическую, трудовую, общения.

* * *

Общественная жизнь протекала в рамках селения, и для решения всех вопросов существовали специальные общественные органы и институты. Многие стороны хозяйственной и общественной жизни сельская община регулировала и регламентировала, исходя из интересов защиты прав и имущества своих членов, сохранения внутреннего спокойствия и обеспечения нормальных условий для жизнедеятель-

ности населения, функционирования и соблюдения адатных норм и традиций.

Высшим органом власти в сельской общине было собрание мужчин, общий сход, созываемое для решения наиболее важных вопросов, касающихся как сельской общины в целом, так и отдельных ее членов. Заметное место в общественном быту занимал совет старейшин, хотя в XIX в., в связи с имущественной дифференциацией и появлением классовых отношений, роль его и падает. Решение наиболее важных вопросов фактически переходит в руки властей, богатой верхушки, преследовавших свои личные, частнособственнические интересы. Кадий, помимо судопроизводства по шариату, несения религиозной службы в мечетях, возглавлял идеологическую сторону жизни джамаата, решал дела, касающиеся наследства и завещаний, бракосочетаний и смертей.

В общественном быту определенное место занимал тухум и тухумные отношения, который являлся частью общины, имел только ему присущие свои особенности внутренней организации и свойства проявления. Как показывают данные, тухум является общественным коллективом, состоящим из малых индивидуальных семей, связанных между собой, как правило, родственными узами и представлением об общем происхождении, идеологическим единством, сохраняющих в ряде случаев общественную и хозяйственную общность.

Обычай гостеприимства был призван удовлетворить потребности различных слоев общества. Особой разницы в правилах, формах гостеприимства в разных селениях не существовало. В целом, свободный уздень имел право поступать как ему заблагорассудится, принять радушно или вежливо отказать пришельцу. Правилom гостеприимства считалось радушие и внимание хозяина дома и членов семьи к гостю, оказание ему почестей, выполнение всех его желаний.

Одним из структурных элементов общественного быта горцев был обычай взаимопомощи. Коллективная форма работы, возникшая как необходимое условие существования определенной группы людей – рода, тухума, общины – со временем становится обычаем. По мере развития и изменения социальной и хозяйственной структуры общества он в XIX – начале XX веков приобрел разные формы.

Изучение форм коллективного досуга показало, что обществен-

ного регулирования бюджета времени не было. Досуг не был полностью разграничен с трудовыми занятиями, основным содержанием его было общение, различные игры, развлечения, направленные на физическое и духовное развитие участвующих.

* * *

¹ Свод решений, обязательных для жителей Андалалского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания. *Х.-М. Хашаева*. М., 1965. С. 62.

² Гидатлинские адаты / Подготовили к печати *Х.-М. Хашаев* и *М.-С. Саидов*. Махачкала, 1957. С. 15.

³ Адаты келебских селений // Памятники обычного права... С. 71.

⁴ Уцмиевские адаты (в Кайтаге) // Из истории права народов Дагестана (Материалы и документы) / Сост. *А.С. Омаров*. Махачкала, 1968. С. 185.

⁵ *Костенецкий Я.* Записки об аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. СПб., 1851. С. 6.

⁶ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 146.

⁷ *Норденстам И.И.* Описание Антль-Ратля. 1832 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (ИГЭД). Архивные материалы / Под ред. *М.О. Косвена* и *Х.-М. Хашаева*. М., 1958. С. 326.

⁸ Описание Самурского округа // Памятники обычного права Дагестана. С. 26.

⁹ Свод решений. С. 65.

¹⁰ *Норденстам И.И.* Указ. раб. С. 327.

¹¹ *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 160.

¹² *Норденстам И.И.* Указ. раб. С. 327.

¹³ Там же. С. 326.

¹⁴ Свод решений. С. 65.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого) // Памятники обычного права. С. 268–269.

¹⁷ Свод решений. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Адаты келебских селений // Памятники обычного права. С. 80.

²⁰ Свод решений. С. 63.

²¹ Гидатлинские адаты. С. 39.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Свод решений. С. 65; См. также: Адаты келебских селений. С. 76.

²⁵ *Воронов Н.В.* Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. 3, Тифлис. 1870. С. 20.

²⁶ Адаты келебских селений // Памятники. С. 77.

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Свод решений и обычаев цекубского сельского общества // Памятники обычного права. С. 97

²⁹ Там же. С. 98.

³⁰ Там же. С. 100.

³¹ Там же. С. 98.

³² Там же. С. 96.

³³ Адаты келебских селений // Памятники. С. 78.

³⁴ Там же. С. 76.

³⁵ Кодекс законов Умму-Хана Аварского (Справедливого) // Памятники. С. 268.

³⁶ Свод решений, обязательных // Памятники. С. 63..

³⁷ Адаты келебских селений // Памятники. С. 75.

³⁸ Памятники. С. 64.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Там же. С. 77.

⁴² Гидатлинские адаты. С. 27.

⁴³ *Хашаев Х.-М.* Общественный строй. С. 220.

⁴⁴ *Ковалевский М.М.* Указ. раб. С. 140.

⁴⁵ *Хашаев Х.-М.* Указ. раб. С. 220.

⁴⁶ *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 23.

⁴⁷ *Хашаев Х.-М.* Указ. раб. С. 221.

⁴⁸ *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988. С. 115.

⁴⁹ *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. С. 35; Он же. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 115.

⁵⁰ *Харадзе Р.Л.* Характер сельской общины грузин-горцев по этнографическим материалам. М., 1964. С. 2.

⁵¹ *Ковалевский М.М.* Указ. раб. С. 159.

⁵² *Косвен М.О.* Этнография и история. С. 35.

⁵³ *Ковалевский М.М.* Указ. раб. С. 149.

⁵⁴ *Косвен М.О.* Этнография и история. С. 34.

⁵⁵ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX вв. Махачкала, 1957. С. 123.

⁵⁶ *Исламгагомедов А.И.* Поселения: Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 118.

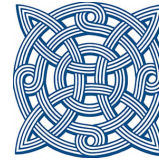
⁵⁷ Памятники. С. 62.

⁵⁸ Там же. С. 64.

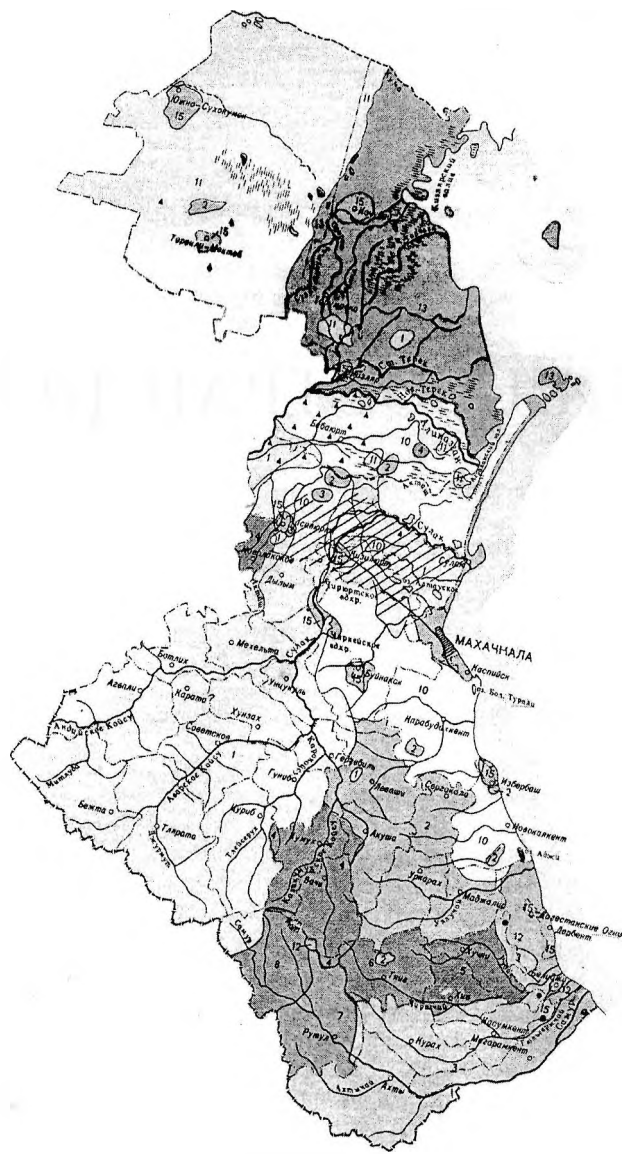
⁵⁹ Там же. С. 77.

⁶⁰ Памятники. С. 263.

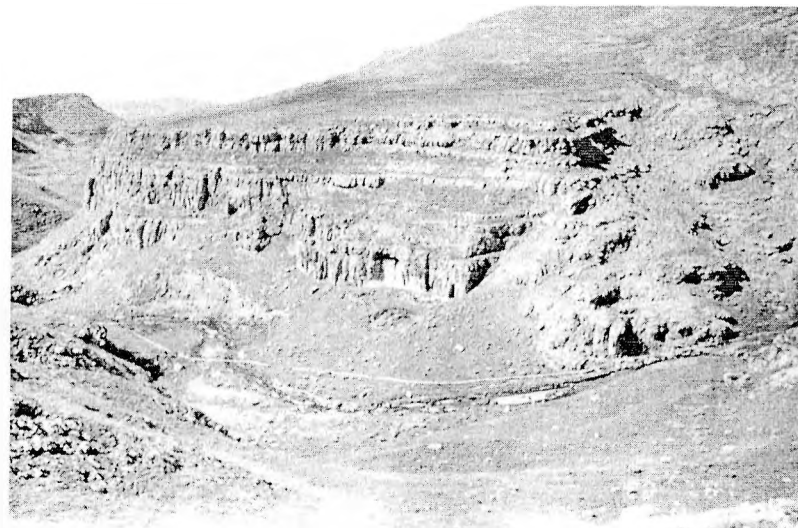
- ⁶¹ Там же. С. 40.
⁶² Ковалевский М.М. Указ. раб. С. 226.
⁶³ Комаров А.В. Алаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 44.
⁶⁴ АКАК. Т. 12. С. 1425–1426.
⁶⁵ Памятники. С. 63.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Памятники. С. 263.
⁶⁸ Алаты гумбетовского наибства // Памятники. С. 169.
⁶⁹ Лугуев С.А. О кровной мести у лакцев во второй половине XIX – нач. XX в. // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 88.
⁷⁰ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 293.
⁷¹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. с. 137.
⁷² Памятники. С. 63.
⁷³ Там же. С. 75.
⁷⁴ Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев Аварского племени // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 13.
⁷⁵ Османов М.О. Хозяйство: Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 26.
⁷⁶ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871. С. 59.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

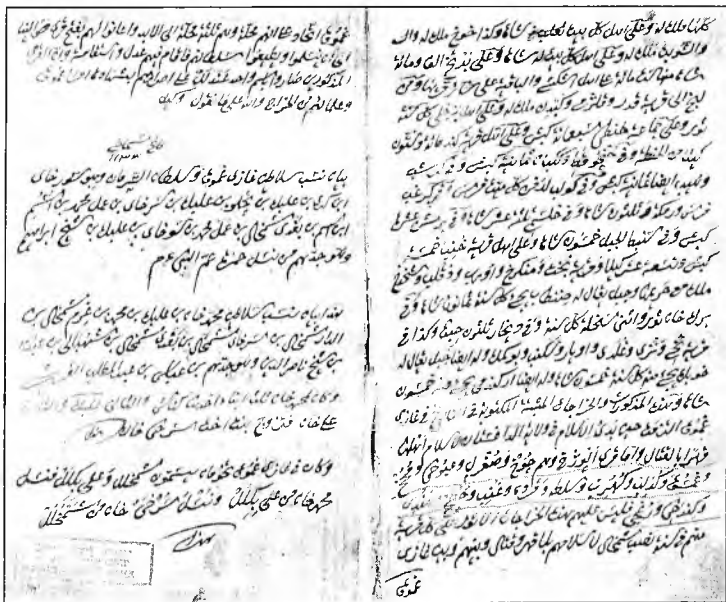
Карта Дагестана. 1 – Аварцы

Место расположения Чохского поселения (у подножия скалы)

Христианский храм X–XI вв. (Датунa, Шамильский район)

Страницы из сочинения «Тарих Дагестан»

Место сражения с войнами Надир-шаха

Место сражения с войнами Надир-шаха

Хозяйственная территория, селение Ходоб

Террасы с podporными стенками

Откосные террасы

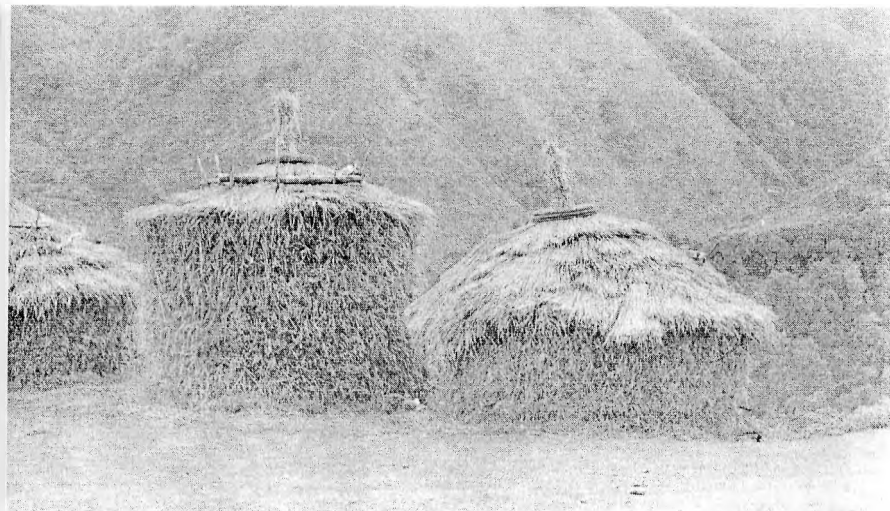
Пахотные поля с сенокосными откосами

Склоновые пахотные поля

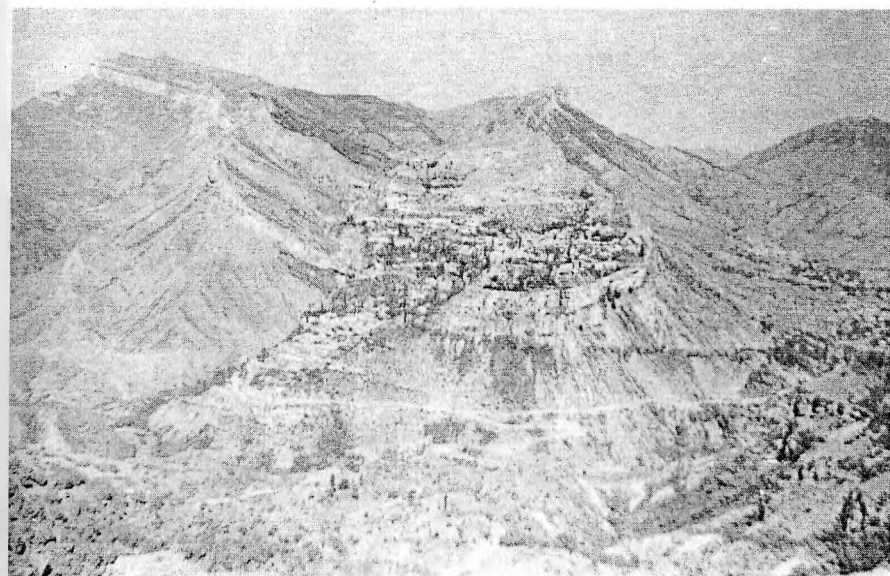
Хозяйственный квартал

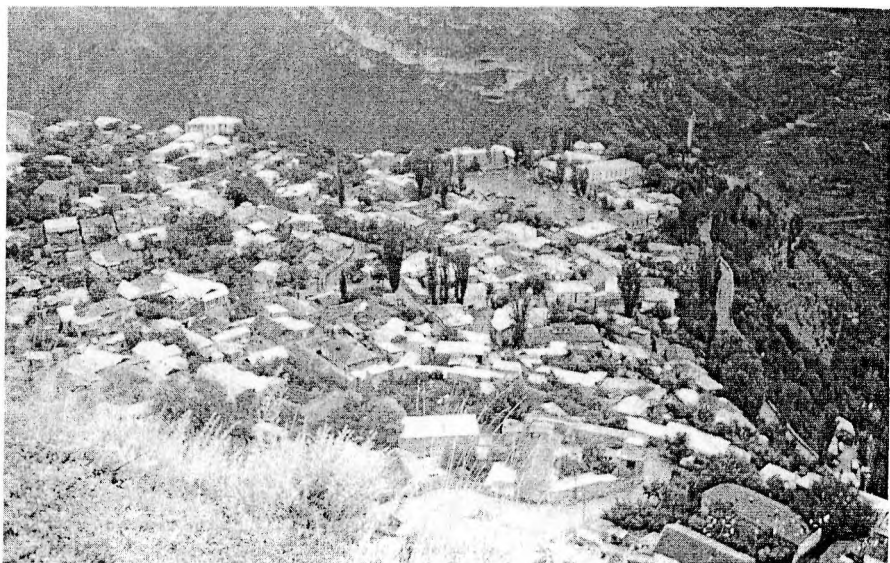
Стога зерновых на гумисе

Молотьба

Гунибское плато

Селение Гуниб

Селение Чох

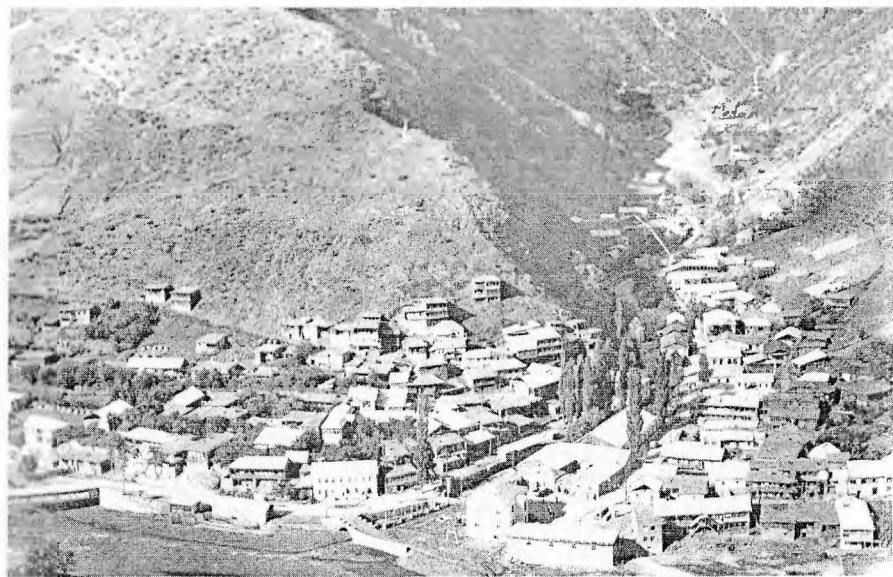
Часть селения Чох

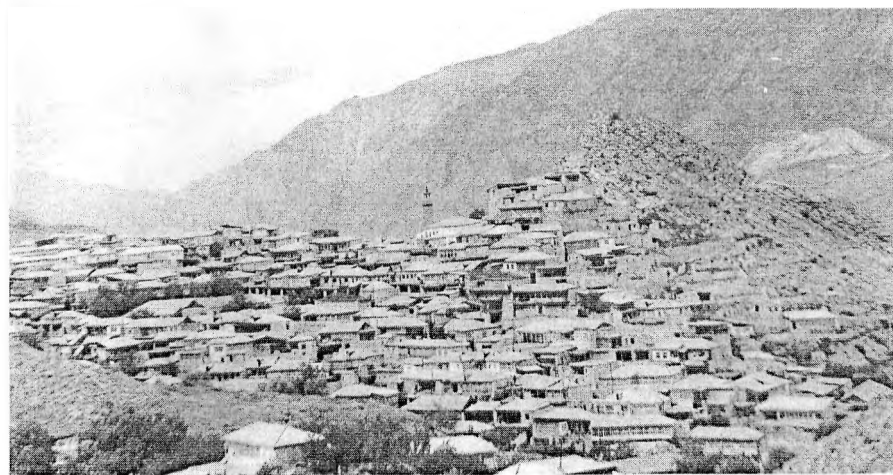
Селение Согратль

Селение Ругуджа

Селение Тлярата

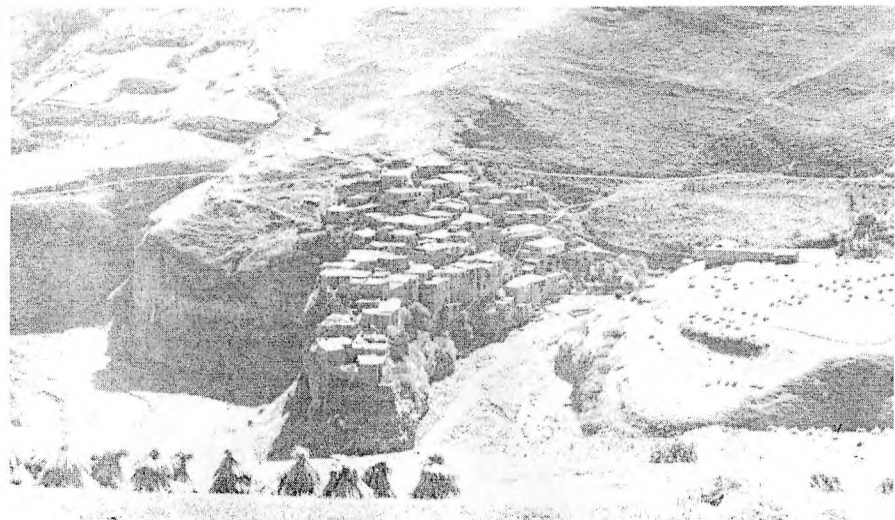
Селение Кикунн

Селение Мусрух

Селение Гочоб

Селение Уруксота

Часть селения Корода

Башни в селении Гоор

instituteofhistory.ru

Башня в селении Мусрух

Башня в селении Хунгада

Сторожевая башня около аула Кособ

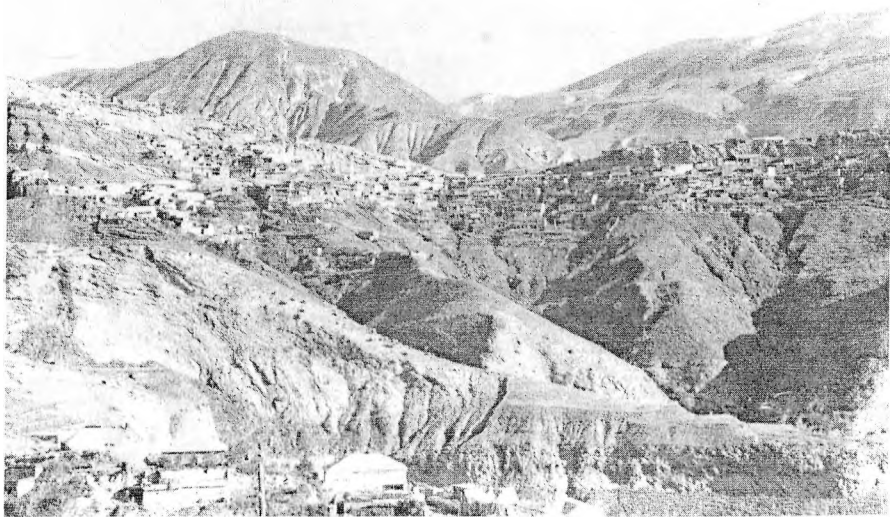
Селение Тилиб

Часть селения Могох

Старый Кахиб

Селение Мехельта

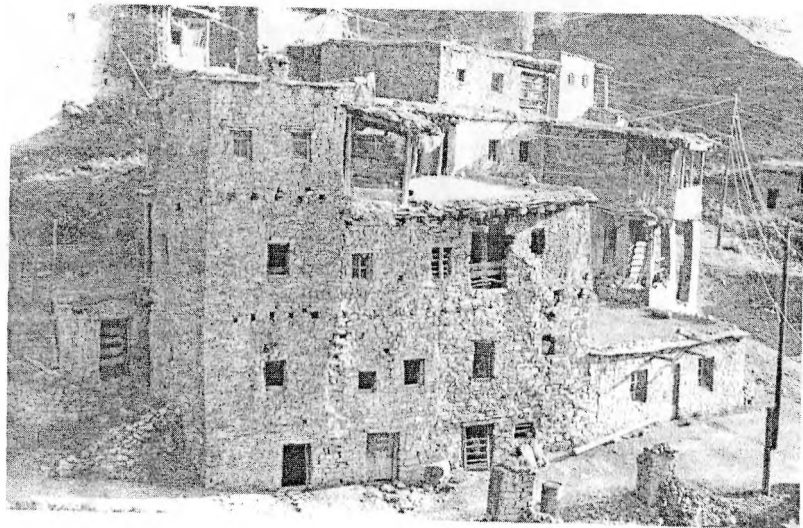
Одноэтажное однокамерное жилище в селении Рудаб

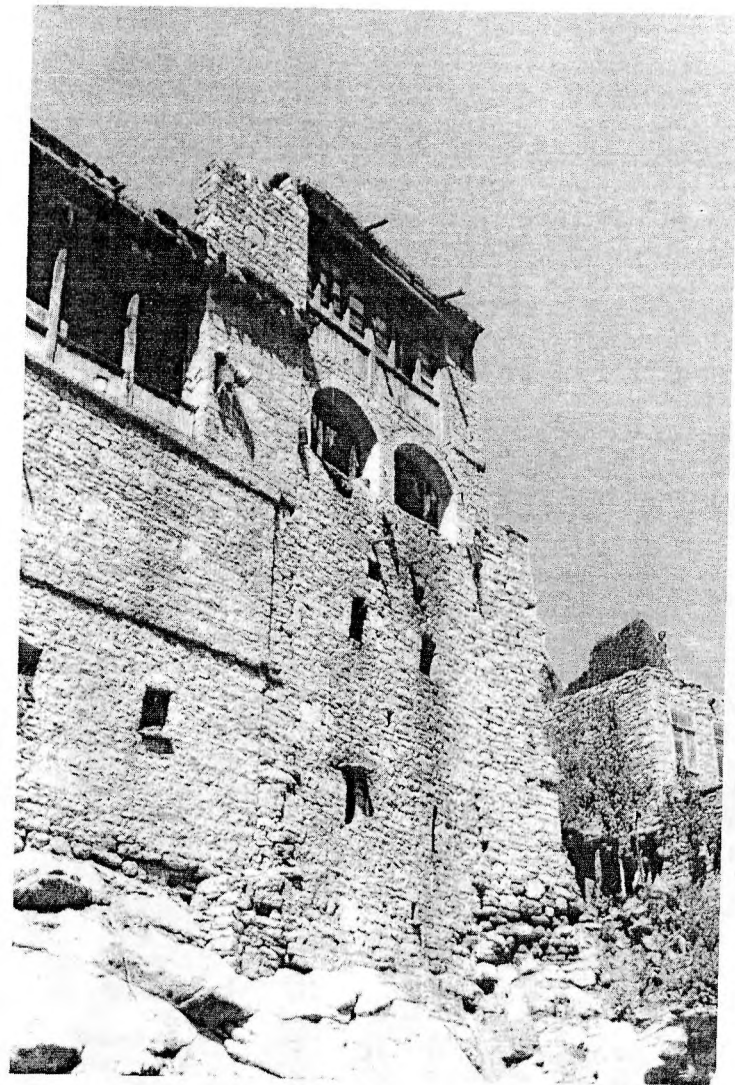
Двухэтажное однокамерное жилище в селении Хинух

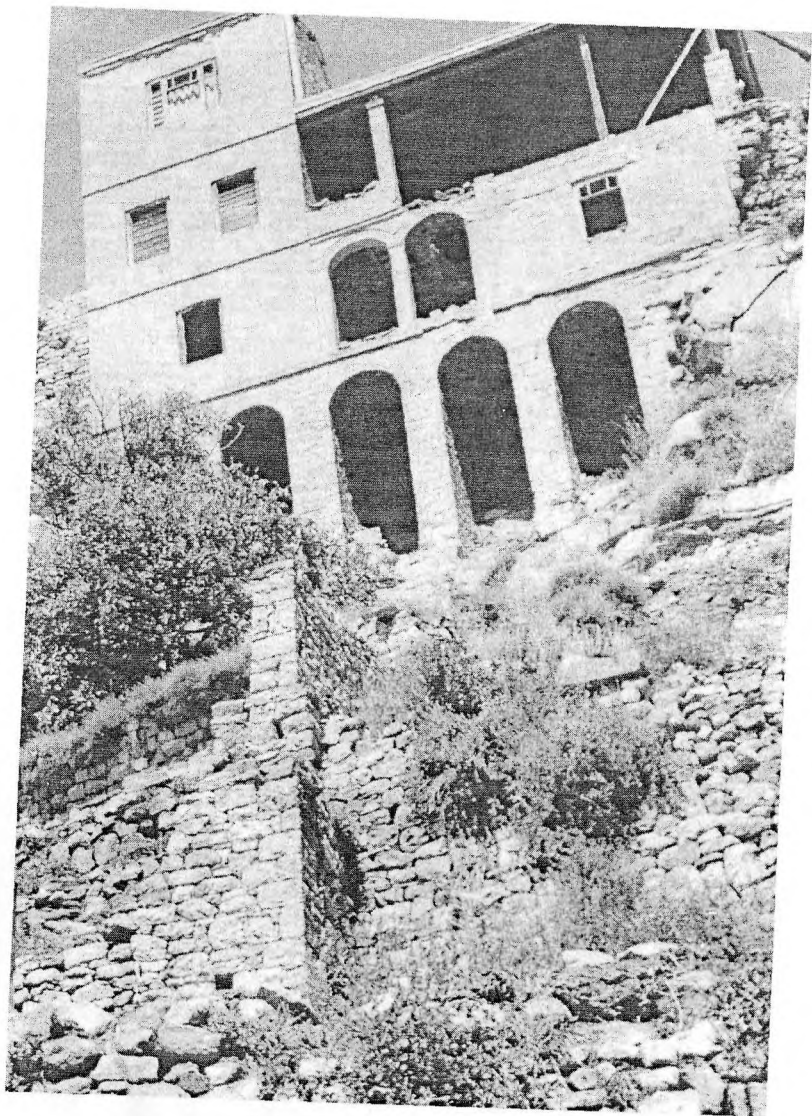
Трехэтажное
двухкамерное жилище
в селении Гилиб

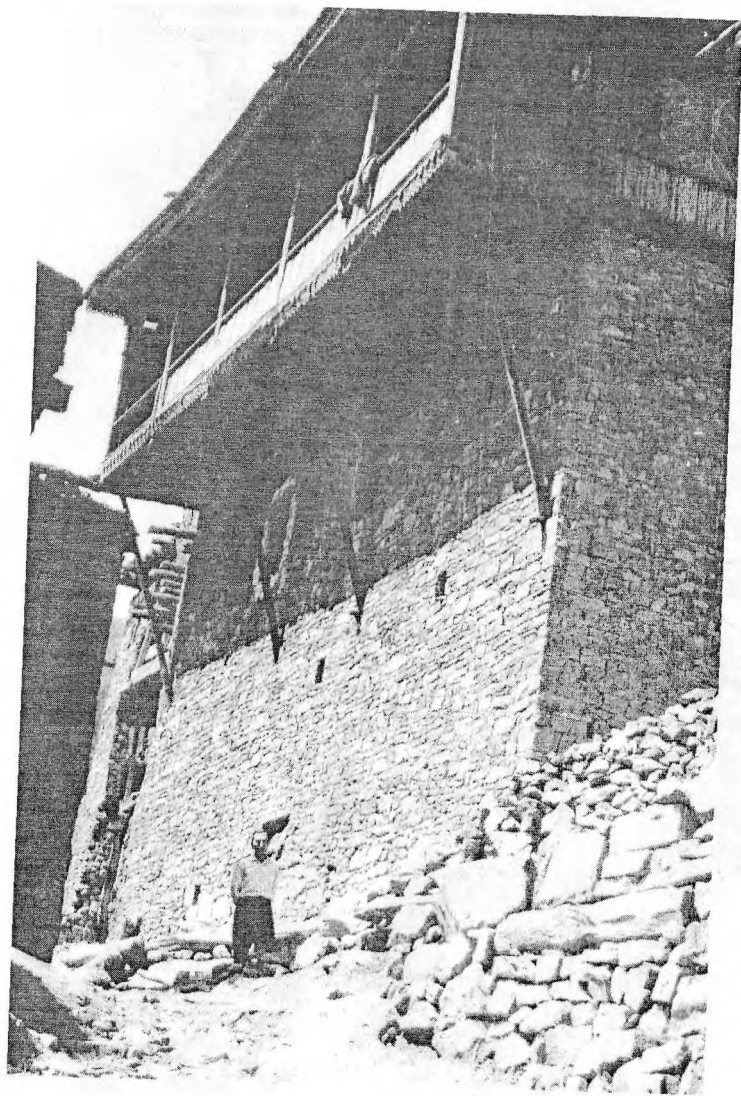
Четырехэтажное многокамерное жилище в селении Ругельда

Четырехэтажное жилище с верандой в селении Гента

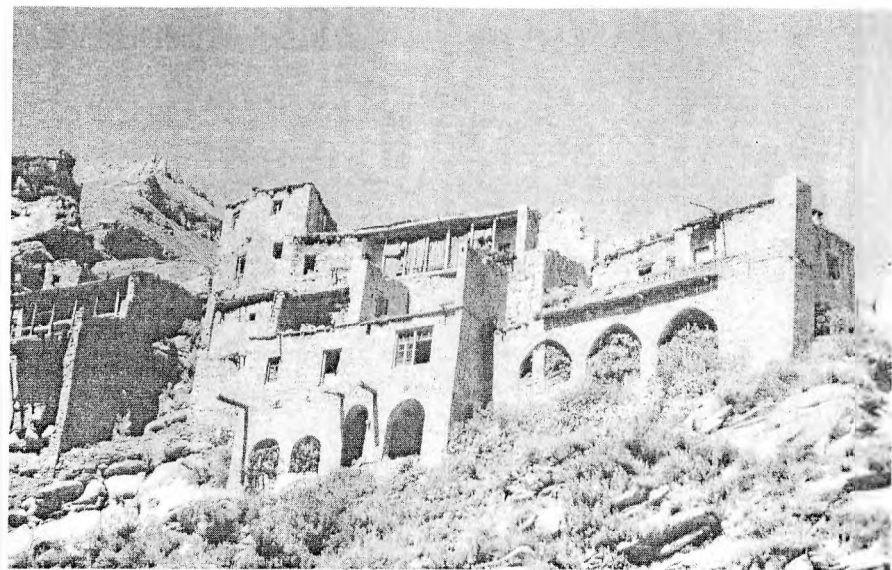
Дом на арках в селении Чох

Дом с балконом в селении Ратлуб

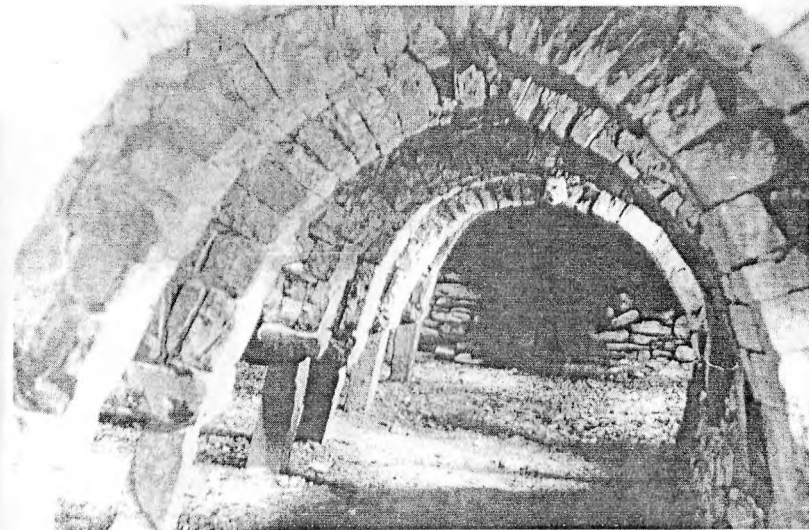
Дом с башней в селении Хогода

Жилищно-хозяйственный комплекс в селении Старый Кахиб

Жилищно-хозяйственный комплекс в селении Корода

Лочные конструкции

Тип современного дома

Виды шуб, общество Андалал

Нарядная одежда, общество Андалал

Повседневная одежда,
общество Андалал

Повседневная одежда,
общество Гидатль

Чухго,
общество Гидатль

Гидатлики в повседневной одежде

Повседневная одежда,
общество Карах

Войлочные сапоги

Вид шубы,
общество Карах

Войлочные сапоги

Повседневная одежда, общество Келеб

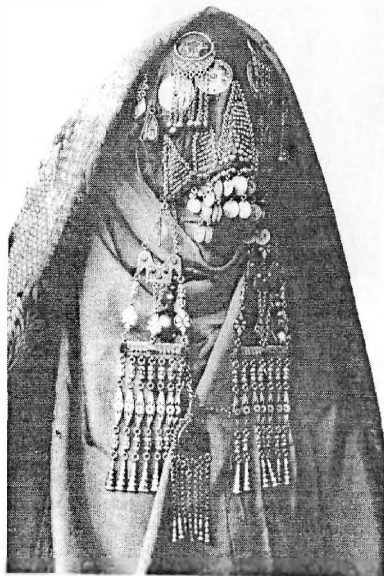
Повседневная одежда, общество Келеб

Нарядная одежда, общество Келеб

Украшения свадебного костюма,
селение Ругуджа

Наряд ругуджинской невесты,
общество Андалал

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

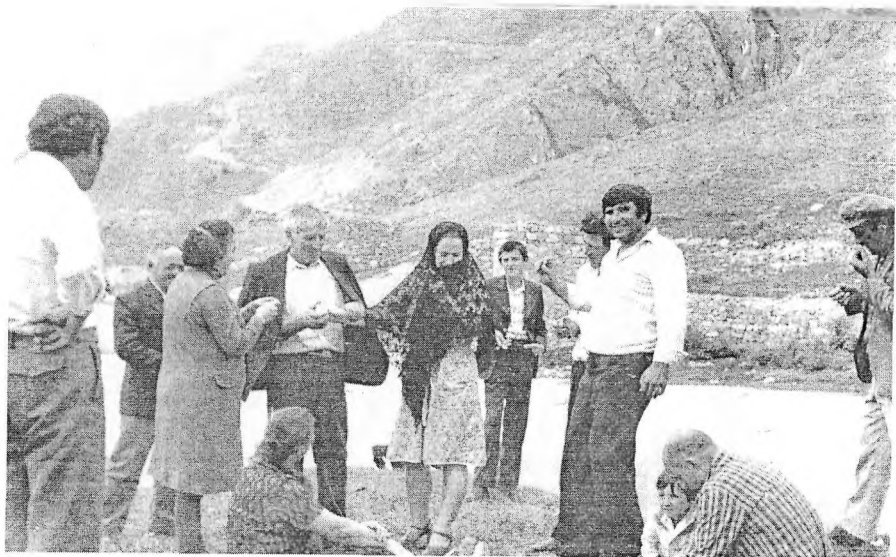
instituteofhistory.ru

Нарядная одежда (головной убор),
селение Ругуджа

Традиционная одежда в современном быту, селение Моксоб

Современная одежда

Одежда 1930–1950 годов

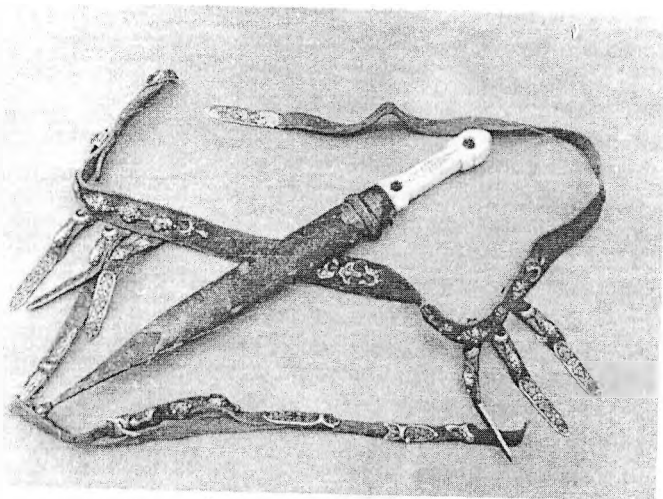
Шуба с ложными рукавами

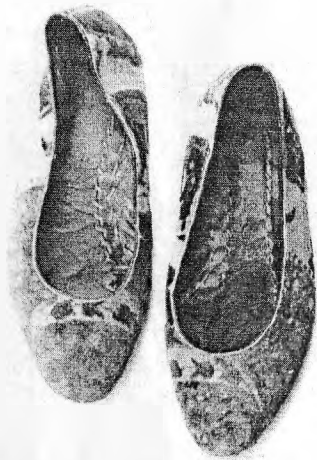
Шуба с пелериной

Нарядный костюм,
селение Игали

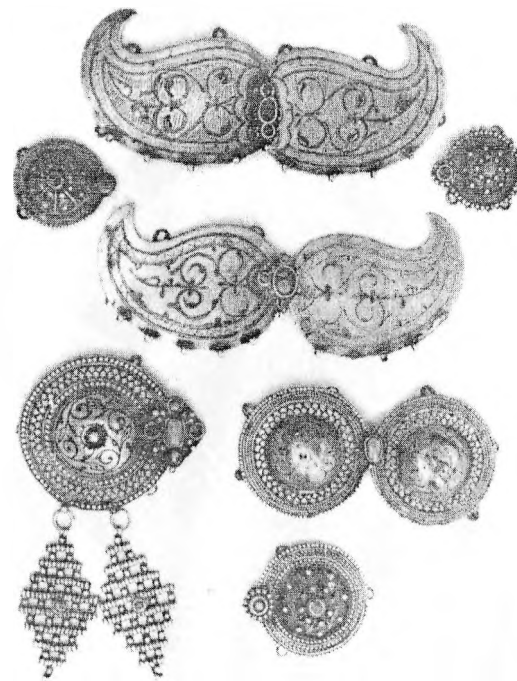
Поясной ремень

Женская обувь «махчал»

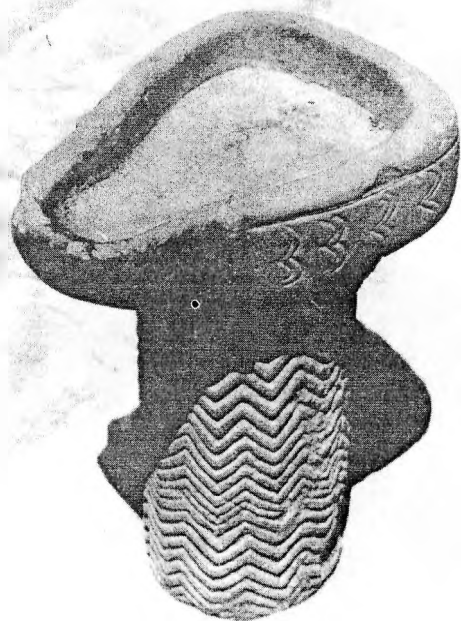
Виды украшений

Виды украшений

Деревянная кухонная утварь

Свещильник из камня

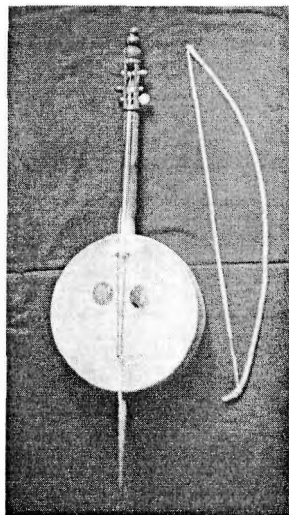
Свадьба, общество Анцросо

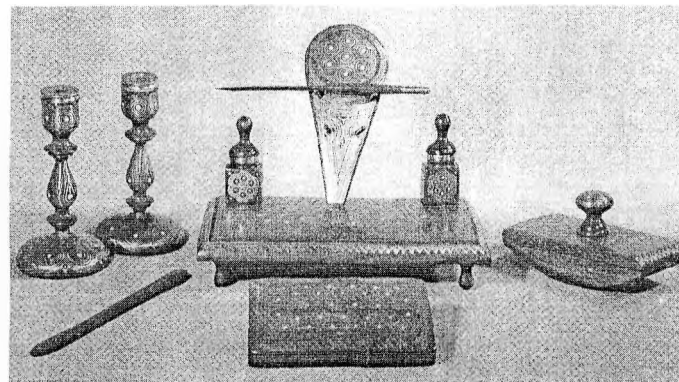
Свадьба, общество Богнада

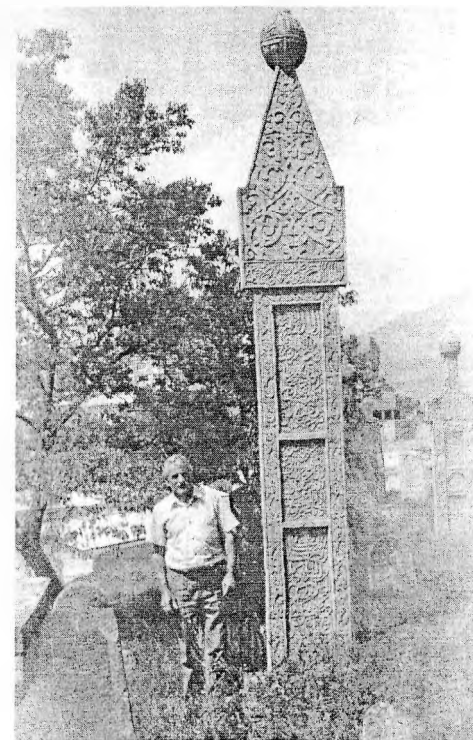
Камель, об который бьют кувшин с остатками бузы
в ночь заключения бракосочетания

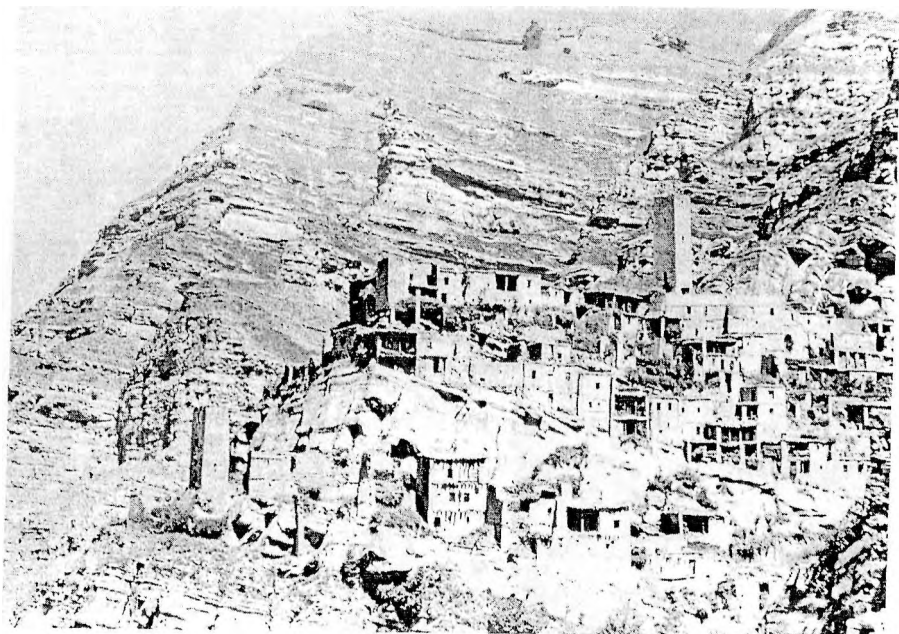
Старинный музыкальный инструмент – чагана

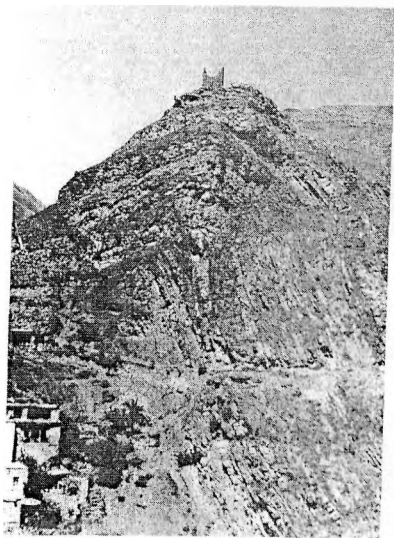
Работа ушцукульских мастеров

Надмогильная стела, селение Ругуджа

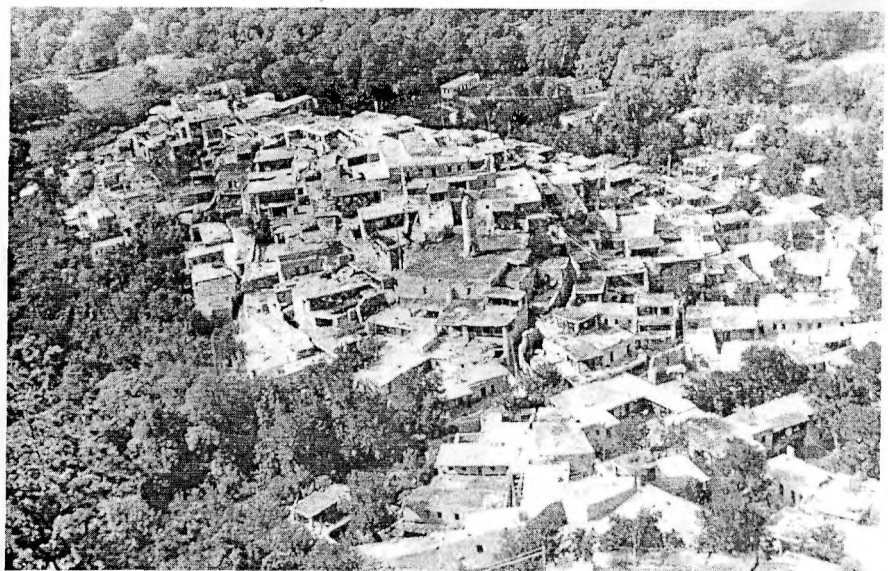
Кахиб (Бакьда)

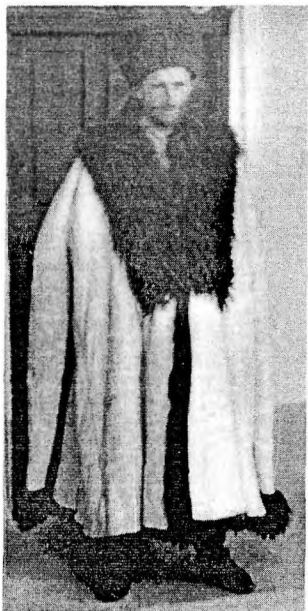
Остатки сторожевой
башни

Селение Кегер

Селение Игали

Вид мужской шубы,
селение Цилигль

Рисунок на камне

Виды бурок

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение, наряду с краткими выводами из изложенного, приведены некоторые сведения о современном состоянии быта и культуры аварцев. За небольшой исторический срок – середина XIX – конец XX в. образ жизни народа изменился коренным образом, особенно интенсивно за последние пятьдесят лет.

История, хозяйство, материальная и духовная культура, общественная жизнь, семья и семейный быт аварцев в XX в. представляли собой результат многотысячелетнего развития на освоённой ими в древности территории, широких этнических и культурных взаимодействий с другими народами Дагестана и Кавказа. По данным археологической науки жизнедеятельность человека здесь началась более 10 тыс. лет назад, которая протекала непрерывно на протяжении последующих исторических эпох. Основная масса аварцев жила во внутренней горной и альпийских зонах, частично в предгорье, в бассейне трех рек – Аварского, Андийского и Кара-Койсу.

С VI–V тыс. до н.э. начинается сложения этнокультурной общности дагестанских племен, которые служили основой для формирования местных языковых ареалов, отдельных народностей и этнических групп, позднее известных по письменным источникам (Страбон, Плиний, Птолемей). С V века н.э. территория, заселённая аварцами, известна как царство Серир (по персидско-арабским источникам), которое было крупнейшим политическим образованием в раннесредневековом Дагестане; с XIV века в дагестанских хрониках оно называется Аварией. Этноним «аварцы» производят от имени царя Серира Авар (VI в.), население себя называет магIарулал.

Средневековой период не был спокойным для аварцев. Шла борьба между Ираном и Турцией за захват Кавказа, она влияла на политику местных правителей, которые вовлекали народы Дагестана в

военные действия. Хотя территория их не была под властью иноземных правителей, нашествия завоевателей приносили бедствия и разрушения, задерживали экономическое и культурное развитие аварцев. Тем не менее в целом в XV–XVII вв. шел подъем производительных сил, процесс становления новых общественных отношений, изменилась внешнеполитическая обстановка в Дагестане и на Кавказе, происходит сложение зональной хозяйственной специализации, усилившие контакты народов, как следствие – и их сближение. Единство аварцев и других народов Дагестана проявлялось не раз в борьбе за свою независимость с внешними врагами – гуннами, татаро-монголами, арабами, турками, персами. Особенно ярко оно проявилось в Андалалском сражении, ставшим значительным событием в истории дагестанцев. Осенью 1741 г. было разбито на территории нынешнего Гунибского района пятидесятитысячное войско «грозы вселенной» – иранского шаха Надира.

Социальные отношения на территории Аварии в XVIII – начале XIX в. не были одинаковыми: часть населения входила в Аварское (Хунзахское) и Мехтулинское ханства, большинство в «вольные общества» (около 40) – союзы сельских общин. В ханствах не было единой системы управления, оно зависело от социального статуса селений, в целом хан считался единоличным правителем. Официально по праву владетеля все вопросы внешнего и внутреннего управления решал он, судил и наказывал согласно соответствующим адатам, следил за сохранением территориальной целостности, возглавлял ополчение. На самом же деле в зависимом положении находились селения раятов, а уздени свои вопросы решали сами, там было общинное управление и хан требовал только выполнения повинностей.

«Вольные общества» были самоуправляемыми стабильными микрополитическими образованиями, основанными на соблюдении кодифицированного адатного права, где важные вопросы решались на собрании представителей сельских общин. Основной административно-территориальной единицей, главной социальной организацией, составляющей общество, была суверенная сельская община – селение, в которой, наряду с частной собственностью ее членов, существовало обязательное совладение ими общественной собственностью – пастбищами, сенокосами, лесами, выгонами, строго соблюдались

обычаи, регулировавшие взаимоотношения людей и регламентировавшие их хозяйственно-бытовую деятельность. Управление осуществляли выборные лица – старейшины и сельский сход – мужское собрание – джамаат высший орган власти.

Во второй половине XVI века народы Северного Кавказа добровольно входят в состав России, а с середины XVII века начался процесс сближения ряда дагестанских владений с ней, в том числе и Аварского ханства. В начале XIX в. многие «вольные общества», и отдельные селения заявляли о своем желании находиться в составе России. Дагестан вошел в ее состав. Однако, колониальная политика царизма, жестокость его администрации, тяжелые поборы и подати, принудительный труд, ограничение территориальных связей, экономическая блокада и другие притеснения вызывали недовольство народа. Эти причины привели к выступлению против царской власти – войне (1829–1859 гг.). Война разрушала хозяйства, приносила большие человеческие и материальные потери, многие селения были разрушены и жители их вынуждены были жить на чужбине. Люди устали от войны и многие отошли от нее. Поражение имамата в войне с царской Россией стало неизбежным. Она закончилась пленением имама Шамиля и введением единого административного управления в крае: Дагестанская область (начальник области генерал-губернатор) – округ (начальник округа) – наибство (наиб) – селение (старшина). На местах власть реально перешла к наибам и старшинам. Такая система управления сохранилась до свержения царской власти в России в 1917г.

В годы революции и гражданской войны аварцы разделились на три лагеря; значительная часть восприняла социалистические идеи и приняла участие в революционной борьбе; большинство населения сохранило нейтралитет; однако немалая часть аварцев выступала и под знаменем ислама и независимости от России.

После установления советской власти и образования Дагестанской автономной республики (1920 г.) в составе Российской Федерации, народы Дагестана впервые были объединены в одно государственное образование. Началась работа по восстановлению разрушенного народного хозяйства. Создавалась новая база для союза рабочих и крестьян, восстанавливались существовавшие промышленные

предприятия, строились новые фабрики и заводы на базе местного сырья. Из среды местных народов были подготовлены промышленные кадры, много квалифицированных инженеров, техников, руководителей заводов, фабрик, артелей. К началу 1940 г. численность аварского населения, живущего в городах и занятого в промышленном производстве, достигла 20 процентов.

Дальнейшее развитие сельского хозяйства было связано с переходом крестьян от частного хозяйства к коллективному хозяйству. Развернулось колхозное строительство. Для его успешного развития важное значение имела работа машинотракторных станций. Вместе с тем, необходимо отметить, что коллективизация сельского хозяйства и создание МТС проходили не легко, в сложной обстановке. На начало 1940 г. на долю колхозов и совхозов приходилось более 90 процентов посевной площади и 60 процентов скота. Развитие плодоводства, виноградарства и овощеводства обеспечивало сырьевую базу для промышленности. Расширилось строительство шоссежных дорог, увеличился автопарк.

Индустриализация республики, всестороннее развитие промышленности и сельского хозяйства привели к процессу роста культурного уровня и материального благосостояния населения.

Мирная созидательная жизнь была прервана войной. Более 40 тыс. аварцев вместе с другими народами храбро сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Почти половина из них осталась на полях боев – они погибли, защищая Родину. Тысячи фронтовиков награждены орденами и медалями, звание Героя Советского Союза присвоено Сааду Алиеву из Куяда, Магомед-Загиду Абдулманопову из Карата, Кади Абакарову из Эчеда, Саадуле Мусаеву из Ругуджа, Магомеду Гаджиеву и Магомеду Гамзатову из Мегеба, Ахмеду Абдулмеджидову из Цуриба.

В тылу развернулось патриотическое движение за увеличение производства и помощь фронту. По инициативе некоторых селений проводились сборы средств для строительства бронепоездов, танковой колонны имени Шамиля, авиаэскадрилий, в фонд обороны страны было внесено около 400 млн. рублей. На фронт отправлялись теплые вещи, продовольственные и вещевые посылки. Население аварских районов собрало для фронта десятки тысяч кг шерсти и тысяч

овчин и шуб, сотни кг серебра. Производительность труда в колхозах и совхозах выросла почти вдвое.

Вернувшись к мирной жизни, аварцы все свои силы направили на восстановление и дальнейшее развитие хозяйства. Рост сельскохозяйственного производства способствовал повышению материального благосостояния колхозников и работников совхозов. С середины 1980-х годов стали происходить разнообразные изменения (так называемая «перестройка») в экономике, во всех сферах общественной жизни – как положительные, так и неоднозначные по своим последствиям и явно отрицательные.

За годы социалистического хозяйствования усилилась зональная специализация. Нижнее предгорье как и равнина с поливными землями и механизированным трудом, стало зоной производства зерна, виноградарства и овощеводства, стойлового содержания мясомолочного скота. В горах уменьшился удельный вес земледельческого труда, террасы не обрабатываются, преобладает мясошерстное животноводческое направление с отгоном овец на зимние и летние пастбища с одновременным развитием кутанного хозяйства на равнине. Повсеместно начали выращивать, помимо традиционных культур, картофель, капусту, помидоры, лук. Важную роль в переустройстве хозяйственной жизни горцев играло использование новых видов орудий труда, появление машин, тракторов, комбайнов, молотилок, автотранспорта, расширение торговой сети, улучшение качества и увеличение сети дорог. Трудовая деятельность стала многопрофильной, выросла производительность труда, с каждым годом росло благосостояние колхозников и их культурный уровень. Многие колхозы селений (Чох, Согратль, Хунзах) стали известны на всю страну своими достижениями и победителями на Всесоюзных сельскохозяйственных выставках.

Годы Великой Отечественной войны стали тяжелым испытанием для аварцев, как и для всех народов Советского Союза. Положение части аварцев высокогорных и малоземельных районов осложнилось тем, что они были переселены в 1944 г. на освободившиеся после выселения чеченцев и ингушей земли (аулы). Всего из аварских районов было намечено переселить около 4300 хозяйств. Хотя принимались меры для налаживания хозяйственной жизни и обустройства пересе-

ленцев, многие горцы тяжело переносили новые условия далеко от родных мест, а возвращение на старые места жительства не допускалось. В 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, а горцам было разрешено вернуться в свои прежние аулы. Но немалая часть их осела на равнине. Наметилась тенденция и добровольного переселения горцев из отдаленных, труднодоступных небольших аулов на равнинные кутаны своих хозяйств. Оно было обусловлено рядом причин: ограниченностью ресурсов жизнеобеспечения, отсутствием дорог, электричества, телефонной связи, малоземельем. Сильный толчок процессу переселения дало землетрясение 1970 года. Десятки тысяч аварцев переселились на равнину на постоянное жительство и основали десятки новых населенных пунктов, подселились к уже существовавшим здесь кумыкским селениям. Каждая переселяющаяся семья получала безвозмездно единовременное пособие, долгосрочный кредит, строительные материалы. Сейчас аварцы проживают во многих равнинных многонациональных и аварских селениях. Здесь ныне существует около 60 аварских селений. Хозяйствование переселенцев проходит на более широкой, чем в горах, основе использования в производственных процессах достижений современной науки и техники, что делает труд крестьянина высокомеханизированным и специализированным.

После войны народное хозяйство в горах было не только восстановлено, но и получает дальнейшее развитие, углубляется специализация хозяйств, значительно расширяется материально-техническая база колхозов и совхозов, увеличивается число квалифицированных специалистов сельского хозяйства. Во многих горных селениях стали заниматься садоводством, а на равнине на кутанах зерноводством, селекционной работой. Многого делалось по улучшению породности скота. Вывели новую породу крупного рогатого скота «дагестанская бурая», новую породу овец – «дагестанская горная», за что несколько человек были удостоены звания лауреатов Государственной премии.

В послевоенные годы (50–70) в горах хозяйственная деятельность становится многоотраслевой, в ряде населенных пунктов открылись филиалы промышленных предприятий оборонного назначения, которые в какой-то степени решали проблему безработицы, работали фруктово-консервные заводы, шло строительство сулакского

каскада электростанций (Чирюртовская ГЭС, Чиркейская ГЭС, Ирганайская ГЭС). На базе народных промыслов были открыты художественные комбинаты (Гоцатль, Унцукуль, Хунзах), мастерские (Гонода, Бацада, Кутлаб, Согратль), которые обеспечивали сотням людей рабочие места у себя в ауле, позволяли иметь заработок.

В последнее десятилетие хозяйство аварцев переживает характерные для всей России и Дагестана процессы упадка и развала. Труд крестьянина обесценен, его материальное положение существенно ухудшилось. Большинство колхозов и совхозов распались, которые сохранились, переименованы в агрофирмы с охватом небольшого числа бывших колхозников с основным акцентом работы на равнине на кутанных хозяйствах. В горах часть земли перешла в собственность хозяев, другая часть – заброшена, не обрабатывается. Многие молодые люди не желают работать на земле, выезжают в города, в результате чего численность населения во многих аварских районах заметно сократилась. «Перестройка» сильно изменила социально-экономическое положение горных районов: перестали существовать филиалы промышленных предприятий, художественные комбинаты, кустарно-промысловые артели. Те, которые существуют (Гоцатлинский: художественная обработка серебра; Унцукульский: художественная обработка дерева, насечка металлом по дереву) находятся на грани закрытия. «Рыночное хозяйство» у горцев – аварцев пока плохо внедряется.

Развитие поселений, изменение их с конца XIX века идет в нескольких направлениях. Во многих селениях старая часть сохраняется, на их окраинах возникают новые кварталы, с более широкими улицами, ровным рядом свободно расположенных домов. Селения, ограниченные в своем развитии природными условиями, где нет возможности перестроиться, расшириться, создать условия для удовлетворения бытовых, хозяйственных, культурных потребностей забрасываются и жители их переселяются на новые места. За годы советской власти выросли новые населенные пункты (Гуниб, Хебда, Цуриб, Чох-Коммуна, Арани, Курми, Майданское, Дубки, Шамил-кала) на относительно ровных местах. Улицы в них широкие, позволяющие движению автотранспорта. В последние годы идет асфальтирование или мощение улиц, озеленение дворов и палисадников, строительство

водопровода. Почти все аулы электрофицированы и радиофицированы, во многих из них можно смотреть телевизионные передачи.

Но не все селения в горах имеют возможность развиваться, структурно измениться. Коренные перемены в них на старом месте невозможны, так как они, будучи расположены на крутых склонах, уступах, гребне хребта или ограничены с трех сторон обрывами, не могут ни расширяться, ни благоустраиваться. Проведение автомобильной дороги, подведение водопровода, хотя бы относительное улучшение условий жизни, строительство культурно-бытовых зданий связаны с огромными затратами и трудностями. Расстояние до райцентра большое – от 40 до 75 км. Жители таких селений нуждаются во внимании государства и правительства республики.

Развитие жилища на протяжении XX в., особенно во второй половине его, коренным образом отличается от развития его в предшествующие эпохи, оно объясняется кардинальными изменениями в жизни народа, их общественном устройстве, экономике, быте, духовной культуре. Эволюция жилища шла на основе традиционных форм. Характерной особенностью этого периода стало сближение зональных типов, изменение планировки и этажности, интерьера и убранства. Исчезли башнеобразные и трех-четырёхэтажные дома, однокомнатность. Современное жилище это одно или двухэтажный, многокомнатный, покрытый железом или шифером, с застекленной верандой, дом. Наиболее распространенным является дом двухэтажной конструкции, разделенный от хозяйственных построек с приусадебным участком. Такова общая тенденция, хотя внутри старого селения это труднорешаемая проблема. Своеобразие интерьера аварского жилища XVIII–XIX вв. определяло многие причины, в том числе экономическая бедность, особенности бытового уклада, традиционный аскетизм горцев. За последние полвека во внутреннем убранстве жилища произошли коренные изменения, исчезли очаг, центральный столб, ларь, жердь и многое другое, что было связано со старым бытом; взамен появились отопительные печи разных конструкций, современная мебель, фабричная посуда, газовая плита, у многих холодильники, телевизоры. Полы, как правило деревянные, окна застекленные. Интерьеры комнат и характер их использования приближаются к городским квартирам, происходит унификация. Вместе с тем в

жилище продолжают существовать традиционные формы и элементы.

Современное аварское жилище, его планировка, конструкция, интерьер развивается на основе типов и форм старого жилища, сохраняя определенные национальные черты, строительные традиции, приспособляясь к постоянно растущим бытовым, культурным эстетическим требованиям народа.

Современная одежда аварцев мало чем отличается от костюма городских жителей. Процесс замены традиционного костюма начался в конце XIX – начале XX в. Главным образом он затронул мужчин – представителей интеллигенции, рабочих, работников партийно-советского аппарата. Они стали носить белье, фабричную одежду, гимнастерки и брюки-галифе, пальто, фабричную обувь, фуражки. Сейчас и в сельской местности подавляющее большинство аварцев приобретает готовую одежду современных фасонов в магазинах, на рынке. Элементы традиционной одежды – шубы, папахи, галифе, гимнастерки, хромовые и вязаные сапоги носят немногие, в основном пожилые люди. Замена традиционной женской одежды современной фабричной также происходила постоянно. Сохранившиеся элементы ее – чухта, платье-рубашка, платье на кокетке, длинные шаровары, вязаные носки и сапоги, чуваки, шуба, покрывало встречаются лишь в одежде старшего поколения. Вместе с тем в некоторых обществах (Гидатль, Келеб, Карах) характерная форма с некоторыми изменениями сохраняется. Несмотря на общую тенденцию к урбанизации сельской одежды платок носят повсеместно. С уходом традиционной одежды исчезают и украшения. В последнее время спрос на отдельные виды их возрос, но для возрождения этого художественного ремесла мало что делается. Великолепие этих украшений сегодня можно увидеть на концертных костюмах участниц фольклорных ансамблей и в музеях. Общий процесс урбанизации, интернационализации и унификации культуры и быта аварцев, всего населения Дагестана, особенно ярко проявляется в одежде.

Система питания тесно связана с природными и хозяйственными условиями. Пища жителей горных и высокогорных районов несколько отличается от пищи горнодолинных и предгорных аварцев. Вместе с тем на нее влияет уровень социально-экономического развития на-

рода, этническая специфика, бытовая культура. В пище устойчиво сохраняются древние традиции. Это объясняется во многом психологическими установками и предубеждениями, которые вследствие долгой привычки к определенным блюдам, воспитания вкуса с детства, восприятия организмом набора продуктов, сохранялись в народе из поколения в поколение. Поэтому неудивительно, что каждый народ, каждое общество, каждое селение считает свою кухню самой лучшей. Особенности аварского питания объясняются еще и характером горца, его аскетизмом, спокойным, как бы равнодушным отношением к пище. Сдержанность в еде воспитывалась с детства, как достоинство.

Современная кухня аварцев представлена традиционными и заимствованными блюдами. Некоторые виды пищи исчезли, (в основном являвшиеся в прошлом показателем бедности), а основными блюдами, как и прежде остаются хинкал, хлеб, супы, каши из покупных круп, начиненный хинкал, пироги (чуду). По удельному весу (частота употребления) на первое место в системе питания выходит хлеб из пекарни с разными «дандежо». У многих людей повседневной едой стали чай калмыцкий, яичница, борщ, картофель, соус, плов. Широко вошли в быт чай, печенье. Ассортимент блюд стал намного разнообразнее. Появились долма, голубцы, закуски, салаты, десерты, что было незнакомо традиционной кухне, пекут пироги со сладкими начинками. Изменилась кухонная утварь: взамен исчезнувшей деревянной, широкое распространение имеет фабричная фарфоровая, стеклянная, алюминиевая и эмалированная посуда. Тесные контакты народов, влияние городской кухни, широкий ассортимент продуктов приводит к обогащению пищевых рационов. Современное питание разнообразнее и калорийнее, а сохраняющаяся традиционность объясняется этнопсихологическими представлениями о вкусе.

Урбанизация, унификация быта, равноправие женщин, рост их производственной, политической, общественной роли обусловили изменение характера формирования семьи, ее структуры, семейных отношений. Современная семья строится на основе равенства, добровольности, взаимного уважения вступающих в брак. При вступлении в брак сейчас главным является личное чувство. Разумеется, влияние родителей на выбор супруга или супруги все еще достаточно боль-

шое, но последнее слово сохраняется за детьми. Молодежь (сельская и городская), не имеет никаких препятствий для знакомства, дружбы в рамках традиционного понятия о нравственности и поведения. Обычным сейчас стало заключение брака по собственному желанию с учетом мнения родных или по их совету. Мало стало кузенных браков. Увеличился средний брачный возраст; мужчины – 24–25 лет, женщины – 22–23 года. Браки в подавляющем большинстве заключаются внутри селения, района: сельчанин-сельчанка, аварец-аварка, хотя тенденция роста межнациональных браков ощутима. Достаточно много аварок выходят замуж и за не дагестанцев, в том числе и за немусульман. Особенно это характерно для жителей городов. При выборе спутника жизни важную роль играет мотивация брака. Этому способствует этническая пестрота, изменившиеся психология и мировоззрение людей,

Изменение представления о браке и семье привело к ослаблению чувства обязательности, супружеского долга и увеличению количества разводов. Распад семьи согласно анкетного материала, особых переживаний не причиняет. Напомним, что развод в прошлом был тяжелым психологическим ударом и общественно осуждаемым поступком. Вопрос о главенстве в семье не возникает, отношения между супругами демократичные, основаны на их равноправии, экономической независимости. Взрослые дети мало зависимы от родителей, их решения и действия не всегда совпадают с мнением последних, но какие-либо последствия от такого самоволия обычно не бывают. Вместе с тем, в семье по-прежнему осуществляется приобщение детей к труду, половозрастное воспитание. Общественное – джамаатское влияние на воспитание детей ощутимо снизилось, основным фактором формирования характера и культурно-моральных ориентации их, наряду с семьей, стала школа. Воспитательная функция семьи претерпела значительные изменения.

Заключение брака по обоюдному желанию не привело к исчезновению всех традиционных семейных обычаев. Например, сохраняются сватовство, помолвка, обручение, свадебный церемониал. Богатыми стали приданое невесты и подарки семьи жениха, вручаемые ей в день обручения. Параллельно проводится гражданская регистрация и религиозное оформление брака. Свадебные мероприятия значительно

сократились и церемониал во многом унифицирован. Исчезли многие красочные архаические обряды, магические действия, таинственность момента, театрализованные игры. Короче и проще стал сам свадебный цикл, он продолжается всего несколько часов. Характерной особенностью современной свадьбы является обильное угощение, употребление алкоголя, совместная трапеза, сидение за столом, множественность тостов, форма материального участия приглашенных, однообразность и бедность увеселений. Идет процесс отмирания колоритной, многокрасочной национальной свадьбы. Основное место из увеселений отводится танцам под электронную музыку..., исчезают хоровое – мужчин и женщин, парное попеременное с совместным припевом, сольное пение самих участников свадьбы, шуточные танцы, поэтическое состязание, красочная национальная одежда, высокохудожественные украшения.

Духовная жизнь аварцев в XVIII–XIX вв. характеризовалась развитостью и разнообразием форм. Горцы Дагестана, в том числе и аварцы, задолго до появления письменности владели определенным комплексом знаний, который был связан с подготовкой подрастающего поколения к жизни. В результате длительного развития в конкретных экологических и исторических условиях, народ накапливал определенный набор, сумму эмпирических знаний, связанных с особенностями практической деятельности. Ребенка учили понятию счета, простым арифметическим действиям, разным измерениям, восприятию окружающего мира. Подросток должен был обладать культурой поведения в обществе, знаниями в области астрономии и метрологии, навыками и наукой по ведению хозяйства (земледелию и скотоводству), включенной в народный сельскохозяйственный календарь.

Все данные говорят о наличии у аварцев, апробированные временем, системы обучения и воспитания детей, передачи опыта и знаний предшествующих поколений подрастающему. Появление письменности было большим событием в жизни горцев. Распространение грузинского письма и наличие двуязычных текстов – на грузинском и аварском языках – позволяют говорить о существовании в X–XII вв. школ для обучения аварцев грамоте. Более широкое распространение грамотности среди горцев связано с принятием ислама. Утверждение

его сопровождалось строительством мечетей, при которых действовали начальные школы.

Дагестан стал областью, где была глубоко воспринята арабомусульманская культура, получившая развитие на местной основе. Известно, что в XI–XIII вв. здесь существовало медресе университетского типа, в XIII–XIV вв. были распространены книги научного, богословского и философского содержания. Сохранились эпиграфические надписи, относящиеся к XI–XIII векам. В XV–XVI вв. в Аварии было много грамотных людей, так как начальное обучение было доступно каждому сельскому мальчику. Образование получали в примечетских школах – мектебе и медресе. Дальше учились у ученых богословов в различных селениях, многие совершенствовали свои знания в Египте, Сирии, Ираке, Йемене, Турции. Широкой известностью пользовались труды ученых-аварцев: Мухаммеда из Кудутля, Махада из Чоха, Абдурахмана из Согратля, Абубакара из Аймаки, Гасана из Кудали, Дибиркади из Хунзаха, Шахбана из Обода, Саида из Аракани, Мухаммед-Тахира из Караха, Гаджалили из Чоха. Свои работы они посвящали теологии, философии, медицине, логике, юриспруденции, истории, астрономии, арабскому языку. Их традиции в XIX в. продолжили Исмаил-дибир из Шулани, Шуайб-апанди из Багину, Мухаммед Хусайни из Гидатля, Абдулатип из Гоцо, Гасан из Кахиба.

Со второй половины XIX в., после подавления народно-освободительного движения горцев (в основном движением была охвачена территория, населенная аварцами) в горах произошли заметные социально-экономические и культурные сдвиги. Наряду с мусульманскими школами – мектебами и медресе стали открываться светские школы. У аварцев появилась возможность обучаться основам знаний, проходить подготовительную ступень дома, дальше учиться в русской (светской) средней и высшей школе. В начале 1860-х г. в Темир-Хан-Шуре (Буйнакске) открылась трехклассная городская школа, которая позднее была преобразована в реальное училище. В конце XIX в. начали работать начальные школы при воинских частях в Хунзахе, Ботлихе, Гунибе. В это время в сельской местности Дагестана, где проживало 95% населения области, работали 12 школ, в которых обучалось около 500 учеников. Уже в 1915 г. в сельской местности Дагестана было 60 светских школ с 2212 учащи-

мися. Дети горцев стали поступать в гимназии, военные училища, высшие учебные заведения Москвы, Петербурга. В Дагестане открылись курсы подготовки учителей начальной школы. В начале XX в. в Темир-Хан-Шуре и Хасавюрте выходцы из аварского аула Чох М.-М. Мавраев и И. Нахибашев организовали типолитографии, где печатались книги, наряду с религиозными арабоязычными, на дагестанских языках, в том числе на аварском (на аджаме). Прогрессивная роль этих мероприятий для горцев-аварцев была велика – они усваивали грамоту, русский язык, приобщались к русской и мировой культуре, знакомились с представителями других народов, с их культурой, формировалась национальная интеллигенция.

Продолжалось обучение детей в примечетских школах. В начале XX в. в области действовало более 2 тыс. мечетей, 900 мектебов и медресе. Каждый второй ребенок в селениях проходил начальное обучение и чтение Корана. Чтение Корана проходили и некоторые девочки. Дальше учебу продолжали около десяти процентов мальчиков, некоторые поступали в высшие учебные заведения стран ближнего Востока. Широко распространилась арабоязычная литература.

1920–1930-е годы были периодом настоящей культурной революции в горах. Вместе с развитием школьной сети уделялось внимание улучшению качества обучения учащихся и ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В середине 20-х годов создается общество «Долой неграмотность», которое организовало работу в «ликвидационных пунктах», вовлекло горянок в учебу. К 1930 г. ликвидировали свою неграмотность около 15 тыс. аварцев, в том числе 5 тыс. женщин, а в 1931–1938 гг. на ликвидационных пунктах и школах малограмотных обучалось около 100 тыс. человек. В 1930/31 учебном году в аварских районах количество школ достигло более трехсот, педагогические кадры для них готовили педагогический техникум и рабфак в Буйнакске, училище в Хунзахе, педагогический институт в Махачкале. В середине 1930-х годов в Дагестане работали 22 образовательных и научно-исследовательских учреждения, в том числе 5 институтов, около 250 научных сотрудников, среди которых были и аварцы, издавалась учебная литература, выходила литература по истории, языкам, фольклору на русском и родных языках, в том числе и аварском, развивались культура и искусство.

Число общеобразовательных школ всех видов на начало 1940/41 учебного года в сельской местности достигло 1246 с численностью учащихся 179 тыс. человек; на начало 1960/61 учебного года было соответственно – 1548 и 136,6; в 1980/1981 учебном году – 1408 и 452 (сокращение числа общеобразовательных школ объясняется их укрупнением). В 2001 г. число общеобразовательных учреждений в Дагестане было 1720 с численностью учащихся 500 тыс. человек. На 1000 человек приходилось 105 с высшим образованием и 490 человек – со средним образованием. В 2003 г. в Гунибском районе функционировали 30 школ (из них 23 средних) с 3580 учащимися, в Хунзахском – 42 школы и 4600 учащихся, в Чародинском соответственно 46 и 1389, в Тляратинском – 65 и 2300, в Унцукульском – 18 и 4250, Практически сейчас все дети школьного возраста охвачены обучением.

Культурная и духовная жизнь народа тесно связана с состоянием здравоохранения его. Неудовлетворительные санитарно-бытовые условия жизни горцев в XVII–XVIII вв. и отсутствие профилактической работы среди населения обуславливали частые вспышки эпидемии оспы, брюшного и сыпного тифа, кори, чумы, холеры, скарлатины, туберкулеза. Народные лекарства оказывались бессильны перед тяжелыми инфекционными заболеваниями, необходимы были научный метод лечения болезней и профилактические прививки. Вместе с тем, несмотря на невысокий общий уровень медицинских знаний, многие болезни лечились народными лекарями. Для лечения широко использовались настои на лекарственных травах, яды растений и насекомых, продукты животного происхождения, различные жиры, кобылье масло, древесная смола, соки растений, мед и воск. Особенно высоко было искусство лечения ран и переломов. Лекари проводили сложные операции, ампутацию конечностей, частичную трепанацию черепа. Наиболее известными лекарями считались Кебедгаджиев Магомед из Корода, Буттай из Согратля, Фитулав из Чоха. Многим известны были медицинские трактаты на арабском языке, были и их переводы, были и лечебники, написанные самими аварцами.

Рациональные методы лечения, основанные на опыте и знаниях, сосуществовали со знахарством. Для того чтобы избавиться от болезней, недугов, люди обращались к знахарям, муллам. Особенно часто

прибегали к их помощи при нервных болезнях, связанных, как считалось в народе, с вредоносным колдовством, сглазом, черной магией. Лечение часто сопровождалось различными магическими действиями и заговорами. Посещали так называемые святые места, совершали жертвоприношения, носили амулеты. Естественно, польза от такого лечения была небольшая. Нужна была организованная, регулярная медико-профилактическая работа.

После присоединения к России в Дагестане организуются фельдшерские пункты, больницы. В начале XX в. одна больничная койка приходилась на 5,8 тыс. человек, один врач - на 18,4 тыс., один фельдшер - на 7 тыс. Проводились оспопрививание, санитарная обработка населенных пунктов, медико-просветительская работа, беседы. Большую роль в развитии здравоохранения в Аварии сыграли русские врачи Н.П. Пирогов и И. С. Костемеровский. Среди аварцев появились квалифицированные медицинские работники. Врачи М. Нахибашев и М. Дибиров много сделали для сохранения здоровья и жизни горцев.

С установлением советской власти постановка здравоохранения в Дагестане резко изменилась. На содержание больниц и амбулаторий правительство выделяло значительные средства. Медикаменты и необходимое оборудование давала Москва. Центр присылал врачей и фельдшеров. Появились специализированные поликлиники, малярные станции (в республике свирепствовала малярия), женские консультации. Увеличилось число лечебных учреждений в горах, и горцы все чаще стали обращаться в амбулатории. Вспышки таких тяжелых инфекционных заболеваний как оспа, чума, холера, корь, малярия стали редкими, некоторые из этих болезней остались в прошлом. Из года в год росло количество лечебных и профилактических учреждений, численность врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала. Особенно быстро стало развиваться здравоохранение в Дагестане после пятидесятих годов.

Перед социалистической революцией во всем Дагестане было 30 больничных учреждений с 400 койками, 60 врачей, 98 работников со средним медицинским образованием. В Аварском округе (он тогда включал полностью территорию современного Хунзахского, Унцукульского и частично Гергебильского и Гумбетовского районов) с

населением более 34900 человек было 2 участковых врача, 1 фельдшер, 2 больничных учреждения на 6 коек каждое, В 1921 г. в Дагестане один врач приходился почти на 20 тыс. человек населения, а в 2001 г. один врач и 2 фельдшера приходилось на 240 человек.

В настоящее время в Гунибском районе с населением около 19 тыс. человек действует 9 больничных учреждений (врачебные, амбулаторно-поликлинические учреждения объединены с больницами) на 180 коек, 21 фельдшерско-акушерских пунктов, работают 49 врачей, 163 средних медицинских работников, 65 санитарок, 65 человек технического персонала. Один врач приходится на 388 человек, фельдшер на - 116 человек. На 55,5 человек, живущих в районе, приходится один работник медицинского учреждения.

Примерно такое же положение в целом и в других аварских районах. Вместе с тем отметим, что в статистическом сборнике «Народное хозяйство Республики Дагестан в 2001 г.» сказано: «Наиболее некомплектованными врачебными кадрами являются Тляратинский, Ботлихский, Цунтинский, Цумадинский, Кизлярский районы». Однако, несомненным является факт, что в горах из года в год улучшается санитарно-гигиенические условия, растет число лечебных и профилактических учреждений и медицинских работников.

Сегодня культурный уровень и степень духовности аварцев достаточно высоки. Многие живут в городах, имея соответствующую профессиональную подготовку, заняты в разнообразных сферах жизнедеятельности и охвачены всеми видами культурного обслуживания. Среди них есть ученые-сотрудники институтов Дагестанского научного центра РАН, преподаватели высших учебных заведений, техникумов, учителя, врачи, инженеры, руководители крупных объединений. Большой вклад в науку внесли историк и юрист Х.-М. Хашаев, философ Х.М. Фаталиев, медик Х.О. Булач, языковеды Ш.И. Микаилов и М.-С. Саидов, литературоведы академик РАН Г.Г. Гамзатов и С.И. Хайбуллаев, физики член-корреспондент РАН И.К. Камилов и А.А. Абдуллаев, историк Г.Д. Даниялов, философ Р.Г. Абдулатипов, главный конструктор подводных комплексов Военно-Морского флота РФ Ш.Г. Алиев, археолог М.Г. Гаджиев, фольклорист А. А. Ахлаков.

В духовной культуре аварцев важное место занимал фольклор. Устно-поэтическое творчество богато историческими преданиями,

сказаниями, легендами, пословицами, поговорками, плачами, сказаниями, песнями-колыбельными, лирическими, героическими. Выдающиеся памятники устного народного творчества – песни «О разгроме Надир-шаха», «О Хочбаре», «О взятии Чоха», «Камалил Башир», «О хромом Ражбадине», «Али, оставленный в ущелье» раскрывают особенности исторического, общественного, социально-политического, нравственного, культурного пути аварцев. Во второй половине XVII в. на базе фольклорной культуры зарождается национальная письменная литература, основоположниками которой были Шабанкади из Обода. Мусалав из Кудутля. В XVIII начале XIX в. появился ряд поэтов, внесших значительный вклад в развитие аварской литературы: Абубакар из Аймаки, Гасан из Кудали, Саид из Аракани. В XIX в. получили известность поэты-певцы Али-Гаджи из Инхо, Тажудин Чанка, Махмуд из Кахаб-росо: их творчество развивалось на фундаменте традиций устно-поэтической культуры. Песни этих поэтов-певцов, особенно Махмуда до сих пор любимы в народе, пользуются широкой популярностью. Продолжателем традиций национальной культуры стал Гамзат Цадаса, известный в народе как талантливый мастер сатиры и юмора, баснописец и драматург, автор эпических поэм и лирических стихов. На формирование духовного облика и эстетических вкусов современных аварцев огромное воздействие оказывают произведения Расула Гамзатова, Загида Гаджиева, Раджаба Динмагомаева, Фазу Алиевой, Машидат Гаирбековой, Гаджи Залова, Абдулмажида Хачалова, Омаргаджи Шахтаманова. Сегодня поэтический жанр представлен многими молодыми поэтами и поэтессами.

В последнее время успешно развивается любительское и профессиональное искусство. В Махачкале работает Аварский музыкально-драматический театр. На его сцене играли талантливые актеры: народная артистка РСФСР Зайнаб Набиева, заслуженные артисты РСФСР Басир Инуслав и Айшат Курбанова, народный артист Дагестана Абдурахман Магаев. Большим уважением и популярностью пользуются народный артист РФ Махмуд Абдулхаликов, заслуженные артисты России Патимат Хизроева, Айшат Мамаева, Сидрат Меджидова, Арипула Махаев, Магомедрасул Багдулов. Под влиянием профессиональных театров во многих районах возникли народные

театры, в селениях – самодеятельные музыкально-драматические коллективы, регулярно выступающие перед населением.

В духовной культуре аварцев наиболее важное место всегда занимали и занимают музыка и пение, достигшие за последние годы большого размаха. Еще в дореволюционное время Авария славилась своими певцами, музыкантами, богатой и разнообразной музыкой. Песню, ее создателей и исполнителей уважают и любят. В прошлом большинство популярных песен не имели авторов, пели в основном лирические песни, хотя многие знали и эпические. Баллады исполняли обычно мужчины под легкий бой бубна. У аварцев распространены такие музыкальные инструменты, как чагъана, чагур, тIамур-пандур, лалу, зурна, бубен, барабан. Известными исполнителями являются заслуженная артистка России Муи Гасанова, народные артисты Дагестана Манарша Дибирова и Тагир Курачев, заслуженные артисты Дагестана Хаджат Джамалудинова и Зайнаб Махаева, Айшат Мазалова, Асият Якубова, Санижат Султанова, заслуженный артист Дагестана Абакар Джамалудинов. Помнят аварцы голоса и прекрасное пение Айшат Араканской, Патимат Нуцаловой, Газимагомеда из Чалда, Омара Арашил, Уммы Нурмагомедовой, Дакку Асадулаева, исполнительское мастерство на музыкальных инструментах Рамазана Магомедова. Большой популярностью пользуются песни самодеятельных композиторов Ахмеда Цурмилова, Ибрагима Ибрагимова, Ахмеда Амирханова, Майиндура Далгатова. В сельской местности, как и в городах, открываются музыкальные школы.

Больших успехов аварцы достигли в области изобразительного искусства. В советский период особенно популярным был художник Муэтдин-Араби Джемал. На его картинах и зарисовках, экспонировавшихся на выставках и в музеях, нашли отражение не только традиции старого горского быта, но и новая жизнь, развитие хозяйства и культуры народов Дагестана. Высоко ценятся в Дагестане и работы художника Халилбека Мусаясул, известного как в Европе, Америке, так и в странах востока. Выставки его картин проходили в лучших музеях мира, он признан мастером мирового масштаба, который первым в Европе представил в художественно-живописных произведениях мудрость и духовную силу аварцев и других народов Дагестана. Профессиональное изобразительное искусство в Дагестане появилось

в начале XX в., говорить о сугубо аварских корнях его трудно, оно синкретично, в нем отражаются древнейшие пласты материальной и духовной культуры дагестанских народов, в том числе и традиционная культура аварцев (рисунок резьбы на надгробных камнях, на коврах и вышивках, наскальные изображения, петроглифы на камнях старинных построек, археологический материал). Современное изобразительное искусство разнообразно. Наиболее известны работы заслуженных художников России Юсупа Магомедова, Магомеда Шабанова, Ибрагим-Халила Сутьянова, Магомедали Малагитинова, скульпторов Абдулажида Газалиева, Алигаджи Сайгидова, Гаджи Ганиева.

Огромную роль в удовлетворении культурных запросов населения играют печать, радио, телевидение, дома культуры, клубы, библиотеки. В одном Гергебильском районе работают 14 домов культуры, 12 библиотек; их обслуживает 162 человека. В конце 2000 года в сельской местности республики существовали более тысячи клубных учреждений и 5600 массовых библиотек. Во всех районах издаются газеты на родном языке, выходят республиканские журналы на национальных языках. Что касается книг на аварском языке, то их стало мало, к сожалению, их читают немногие (анкетный опрос). А вот стационарные и передвижные киноустановки, которые обслуживали самые дальние аулы, решительно уходят из быта. Взамен широкое распространение получает телевидение, которое несомненно выживает из жизни населения традиционные институты досуга, особенно культура общения – сейчас редко кто заходит к соседу, к родственнику просто так, посидеть, поговорить.

Гордятся аварцы земляками, прославившими свой народ в области спорта, политики и военного дела. Это пятикратный чемпион мира по вольной борьбе Али Алиев, олимпийские чемпионы по вольной борьбе Загалав Абдулбеков, Хаджимурад Магомедов, Мурад Умаханов, Сайгид Муртазалиев, чемпионы мира и Европы по боксу Тимур Гайдалов и Гайдарбек Гайдарбеков, генералы Магомед Танкаев, Магомед Тинамагомедов, Омар Муртазалиев, государственные советники юстиции 3 класса Ахмед Пакалов, Магомед Ибрагимов, летчик-испытатель Герой России Магомед Толбоев, маршал Турции Мухаммед Фазил и начальник генерального штаба иракской армии Гази Да-

гестанлы из Чоха. Имена партийного и государственного деятеля Абдурахмана Даниялова, революционеров Махача Дахадаева, Муслима Атаева, Магомед-Мирзы Хизроева, лауреатов Государственной премии СССР Ислама Исламова и Омара Пакалова, руководителя народного хозяйства республики Шахрудина Шамхалова заслуженно хранятся в памяти народа.

Отмечая несомненно огромные успехи в культурно-бытовом развитии аварцев за исследуемое время, нельзя не сказать о существующих сегодня серьезных проблемах. «Перестройка» принесла народам разрушение и не стабильность во всех сферах их жизнедеятельности. Обострились межнациональные отношения, которые в прошлом вообще не существовали, возникли общественные движения («Тенглик», «Цубарз», «Цадеш», «Садвал», «Бирлик», «Кази-Кумух», «Джамаат»), которые старались, так сказать, «решать» межнациональные (представитель какого народа должен быть у власти), административно-территориальные, социально-экономические, духовно-нравственные проблемы своего народа. Ситуация и сегодня особенно не изменилась и эти проблемы ждут своего решения. В условиях отсутствия механизма защиты интересов народа и конкретного человека, они со своими проблемами оказались предоставленными самим себе. Выдвинутые «Аварским народным движением» программные положения – проблема духовного и культурного возрождение народа, экономического развития и социальной защиты человека труда, консолидации народов Дагестана плохо осуществляются.

Правительственная программа «Горы», предусматривающая возрождение экономической жизни, прогрессивных трудовых и общественных традиций в горных районах, создание современных культурно-бытовых условий, населению малознакома и слабо реализуется.

Жизненные условия в сельской местности, особенно в высокогорных, небольших по размерам селениях, довольно трудные. Слабая техническая база, заброшенные земли, низкая урожайность, нерентабельность труда крестьянина, ухудшение качественных показателей скотоводства, развал колхозов, безработица обусловили низкие доходы семей, материальные затруднения, моральную неудовлетворенность. К этим факторам следует добавить плохие дороги, отсутствие во многих селениях телевидения, культурно-бытовых объектов, сла-

бую материальную базу культуры, хронически плохое снабжение необходимыми товарами (особые затруднения со стройматериалами и их дороговизна). Все это в конечном итоге вызывает отток молодежи с гор на равнину, увеличивая армию безработных аварцев в городах.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис.

ВИД – Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала.

ВИЭД – Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.

ЗКОРГО – Записки кавказского отдела русского географического общества. Тифлис.

ИГЭД – История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. Москва: ИВЛ, 1958.

ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР.

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

ИКИАИ – Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис.

ИКОРГО – Известия кавказского отдела русского географического общества, Тифлис.

ИРГО – Императорское Русское географическое общество.

КК – Кавказский календарь. Тифлис.

КС – Кавказский сборник. Тифлис.

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. М.

КЭС – Кавказский этнографический сборник. Москва, Тбилиси.

МАД – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.

МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук.

РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала.

РФ ИИЯЛ – Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.

СМАЭ – Сборник музея антропологии и этнографии. М.-Л.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

ССК – Сборник сведений о Кавказе. Тифлис.

ССКГ – Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис.

СССК – Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис.

СЭ – Советская этнография. Москва.

УЗ ИИЯЛ Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.

ЦГА РД Центральный Государственный архив Республики Дагестан, Махачкала.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

Фамилия, Имя	Год рож	Селение	Район
Абакаров Магомед	1930	Телетль	Шамильский
Абдулаев Магомед	1913	Наказух	Гунибский
Абдулвагабов Магомед	1930	Кудали	Гунибский
Абдурахманов Наби	1923	Гилиць	Чародинский
Абдурахманов Магомед	1907	Кидеро	Цунтинский
Абдусамедов Магомед	1925	Хвартукуни	Гергебильский
Абдусаматов Магомед	1895	Гоцатль	Хунзахский
Абдурахманов Осман	1885	Ратлуб	Шамильский
Агабеков Хизри	1925	Цилитль	Гумбетовский
Алиев Давуд	1908	Муцалаул	Хасавюртовский
Алдаков Абдула	1895	Каранай	Буйнакский
Алиев Асадула	1907	Тлярош	Чародинский
Алиев Бектемир	1909	Мазада	Тлярятинский
Алигишиев Гойтемир	1884	Цилитль	Гумбетовский
Алиева Башарат	1935	Наказух	Гунибский
Алимчуев Иманшапи	1936	Хунзах	Хунзахский
Алиханов Залбег	1912	Кокрек	Хасавюртовский
Алиев Гасан	1896	Тануси	Хунзахский
Алиев Зурканай	1871	Гергебиль	Гергебильский
Алиханов Заирбег	1897	Хунзах	Хунзахский
Алхасов Магомед	1938	Гента	Шамильский
Амирасулаева Патимат	1936	Ругуджа	Гунибский
Айшалова Патимат	1885	Обох	Гунибский
Айшалова Батина	1916	Обох	Гунибский
Арашилов Омар	1895	Игали	Гумбетовский
Арабиласул Гимбат	1899	Куяда	Гунибский
Асабалиев Исмаил	1927	Хоточ	Гунибский
Асадулаев Амай	1941	Гиндиб	Тлярятинский
Асхабова Хапизат	1912	Алмак	Казбековский
Асхабов Назир	1910	Алмак	Казбековский
Ахвердиева Патимат	1911	Хунзах	Хунзахский
Ахдуханов Ахмед	1910	Согратль	Гунибский

Ахмедова Умукусум	1885	Корода	Гунибский
Ахмедов Гаджимагомед	1919	Гента	Шамильский
Бахтанов Шамил	1950	Наказух	Гунибский
Билалов Магомед	1900	Телетль	Шамильский
Булачев Билал	1928	Гилиб	Чародинский
Валиев Билал	1892	Гагатль	Ботлихский
Гаджиев Магомеднур	1894	Тинди	Шамильский
Гаджиев Магомед	1920	Бацада	Гунибский
Гаджиев Сайгид	1890	Лологонитль	Ахвахский
Гаджиев Пайзула	1916	Цилитль	Гумбетовский
Гаджиев Курбан	1913	Тлярата	Тляратинский
Гаджиев Гаджи	1905	Охли	Левашинский
Гаджиев Хасбулат	1932	Урма	Левашинский
Гайдарбеков Мансур	1901	Гиничутль	Хунзахский
Гамзамагомедов Али	1905	Гергебиль	Гергебильский
Гамзатов Абдулкадир	1928	Чиркей	Буйнакский
Гамзатов Ибрагим	1932	Бацада	Гунибский
Гаджиев Магомед	1920	Бацада	Гунибский
Гамзатов Кагир	1930	Гергебиль	Гергебильский
Гамзатов Магомед	1902	Ириб	Чародинский
Гасанов Абдулгамид	1914	Закатала	Закатальский
Гасанов Магомед	1910	Ругельда	Шамильский
Гасанов Имамгазали	1884	Кахиб	Шамильский
Гасанов Иса	1910	Арчиб	Чародинский
Гапаров Магомед	1929	Телетль	Шамильский
Гапуров Курамагомед	1890	Сиух	Хунзахский
Гарунов Муса	1900	Арчиб	Чародинский
Гелоев Магомед	1893	Буртунай	Казбековский
Гитинов Хадо	1886	Тидиб	Шамильский
Горочиев Нурудин	1881	Гочоб	Чародинский
Гунашев Ахмед	1890	Ругуджа	Гунибский
Гусейнов Абдурахман	1929	Накитль	Шамильский
Гусейнов Али	1880	Цада	Хунзахский
Гусейнова Алпигат	1914	Хунзах	Хунзахский
Гусейнов Мутаилав	1892	Игали	Гумбетовский
Давудов Ахмед	1910	Гента	Шамильский

Давудов Давуд	1927	Хучада	Шамильский
Давудов Магомед	1876	Тлярата	Тляратинский
Дадаев Дада	1912	Гуни	Казбековский
Джаватханов Курамагомед	1928	Ратлуб	Шамильский
Джафаров Мугутдин	1929	В.Казанище	Буйнакский
Джамалудинов			
Гитиномагомед	1928	Цатаних	Унцукульский
Денгаев Абасхан	1930	Дагбаш	Шамильский
Денгаев Абдула	1884	Хуштада	Цумадинский
Дибирова Завжат	1911	Кокрек	Хасавюртовский
Дибирова Зубаржат	1903	Хунзах	Хунзахский
Жантимиров Исмаил	1901	Алмак	Казбековский
Закарьяев Абдула	1925	Хуштада	Цумадинский
Закарьяев Асхаб	1897	Хуштада	Цумадинский
Зубайриев Наирбек	1931	Гуни	Казбековский
Ибрагимов Асхабали	1930	Нечаевка	Кизилюртовский
Ибрагимов Магомед	1890	Генеколо	Тляратинский
Ибрагимов Муртазаали	1894	Кулла	Гунибский
Идармачев Гасанкади	1911	Гуниб	Гунибский
Идрисов Патах	1925	Могох	Гергебильский
Идрисов Газимагомед	1888	Арчиб	Чародинский
Исаева Аминат	1913	Гачада	Чародинский
Исаев Гадисгаджи	1887	Кахиб	Шамильский
Исаев Османгаджи	1898	Тляррош	Чародинский
Исалов Газияв	1900	Муцалаул	Хасавюртовский
Исаков Гасан	1908	Куссур	Рутульский
Исмаилова Фарида	1926	Кикуни	Гергебильский
Исмаилов Курамагомед	1890	Гергебиль	Гергебильский
Ичалов Магомедтагир	1927	Гочоб	Чародинский
Кадыров Магомед	1925	Салта	Гунибский
Кадыров Камалудин	1925	Гачада	Чародинский
Каримов Магомед	1881	Арчиб	Чародинский
Касумов Абакар	1896	Корода	Гунибский
Качагов Омар	1901	Бежта	Цунтинский
Качалов Байсунгур	1876	Хунзах	Хунзахский
Кебедов Муртазали	1901	Шаитль	Цунтинский

Кимагомедов Сулейман	1933	Кулецма	Левашинский
Кичев Абдула	1936	Бухты	Гунибский
Кичиев Абдула	1932	Леваша	Левашинский
Кочараев Казани	1881	Тануси	Хунзахский
Курамагомедов Махмуд	1896	Гергебиль	Гергебильский
Курбанов Магомед	1926	Гиблиб	Чародинский
Курбанов Магомед	1860	Тлярата	Тляратинский
Курбанов Расул	1887	Гоор	Шамильский
Курбанов Султан	1872	Цибари	Цунтинский
Курбанов Тидурилав	1916	Ругуджа	Гунибский
Курбанов Юсуп	1885	Гоор	Шамильский
Магдиев Магди	1925	Арчиб	Чародинский
Магомедов Абдулгасан	1898	Каранай	Буйнакский
Магомедов Абдуразак	1916	В.Дженгутай	Буйнакский
Магомаев Али	1903	Хунзах	Хунзахский
Магомедов Абдуразак	1926	Хуштада	Цумадинский
Магомедов Али	1903	Хунзах	Хунзахский
Магомедов Аду	1886	Кванкеро	Ахвахский
Магомедов Ахмед	1911	Ратлуб	Шамильский
Магомедов Газилав	1920	Дагбаш	Шамильский
Магомедов Газияв	1908	Ансалта	Ботлихский
Магомедов Джамал	1930	Дагбаш	Шамильский
Магомедов Ибрагим	1905	Кутлаб	Тляратинский
Магомедов Гаджимурад	1905	Могох	Гергебильский
Магомедов Зайналабид	1923	Ругельда	Шамильский
Магомедов Ибрагим	1903	Ругельда	Шамильский
Магомедов Израил	1920	Мокок	Цунтинский
Магомедов Курбан	1910	Ансалта	Ботлихский
Магомедов Касум	1917	Хварши	Цумадинский
Магомедов Имаммагомед	1902	Гаквари	Цумадинский
Магомедов Магомед	1887	Гонох	Хунзахский
Магомедов Магомед	1868	Арчо	Ахвахский
Магомедов Муса	1897	Гергебиль	Гергебильский
Магомедова Муслимат	1917	Муцалаул	Хасавюртовский
Магомедов			
Шайихмагомед	1900	Тинди	Цумадинский

Магомедов Увайс	1922	Мокок	Цунтинский
Магомедов Шуайб	1920	Телетль	Шамильский
Магаров Микаил	1938	Куссур	Рутульский
Махатиллов Магомед	1905	Согратль	Гунибский
Махарова Рисалат	1921	Цветковка	Кизлярский
Меселова Марьям	1882	Надар	Тляратинский
Мирзоев Магомед	1902	Андых	Шамильский
Мирзоева Патимат	1906	Хартикуни	Гергебильский
Муртазалиева Аймесе	1912	Дусрах	Чародинский
Муртазалиев Мехо	1868	Гоор	Шамильский
Мусаева Айшат	1900	Хиндах	Гунибский
Мусаев Магомедмирза	1887	Ругуджа	Гунибский
Мусаев Халил	1881	Согратль	Гунибский
Мусакаев Махмуд	1929	Изани	Ахвахский
Мусалалиев Омар	1897	Чох	Гунибский
Набигулаев Магомед	1925	В.Дженгутай	Буйнакский
Нурмагомедов Гамзат	1920	Мочох	Хунзахский
Нурмагомедов Магомед	1910	Аракани	Унцукульский
Нурмагомедов Магомед	1930	Ахалчи	Хунзахский
Нурмагомедов			
Нурмагомед	1900	Ахалчи	Хунзахский
Нурмагомедов Убайдула	1926	Ругельда	Шамильский
Нурудинов Тажудин	1904	Куяда	Гунибский
Нуцалов Камилбек	1915	Гуни	Казбековский
Омаров Магомед	1920	Гведыш	Тляратинский
Омарова Патимат	1950	Кегер	Гунибский
Омарчиева Хадижат	1923	Гергебиль	Гергебильский
Османов Гаджи	1923	Дарада	Гергебильский
Османов Магомед	1910	Мусрух	Шамильский
Османов Магомед	1919	Муцалаул	Хасавюртовский
Пайзулаев Амирхан	1912	Силта	Гунибский
Пашаев Магомед	1891	Чох	Гунибский
Пирбудагов Муртазали	1916	Телетль	Шамильский
Пирмагомедов			
Абдурахман	1903	Хуштада	Цумадинский
Раджабов Абдулкадир	1871	Согратль	Гунибский

Рамазанова Айшат	1931	Кикунь	Гергебильский
Рамаев Магомедтагир	1900	Гинух	Цунтинский
Рашидов Абдулазиз	1925	Тинди	Цумадинский
Рашидханов Магомед	1922	Каранай	Буйнакский
Ризванова Джавгарат	1935	Дуранги	Буйнакский
Ризванов Магомед	1946	Бухты	Гунибский
Ризванов Рабадан	1930	Дуранги	Буйнакский
Саидов Идач	1932	Тлярата	Тляратинский
Саидова Патимат	1912	Кокрек	Хасавюртовский
Саидова Патимат	1886	Кегер	Гунибский
Сайпулаева Патимат	1888	Кудали	Гунибский
Сайпулаев Магомед	1898	Ругельда	Шамильский
Салихов Зубаир	1893	Гамсутль	Гунибский
Сиражутдинов Ибрагим	1918	Кикунь	Гергебильский
Сулейманов Гаджи	1887	Ботлих	Ботлихский
Сурхаев Абулгасан	1920	Цилитль	Гумбетовский
Тагиров Магомед	1928	Теречное	Хасавюртовский
Таймасханов Махсуд	1907	В.Дженгутай	Буйнакский
Тиномагомедов Исрапил	1904	Гачада	Чародинский
Уладиев Башир	1910	Буртунай	Казбековский
Улубиева Умуган	1903	В.Казанище	Буйнакский
Хабчуев Магомед	1930	Кардиб	Тляратинский
Хайбулаев Шаихмагомед	1887	Цанатль	Гумбетовский
Хакимов Магомед	1881	Хуштада	Цумадинский
Халилова Мадина	1964	Шангода	Гунибский
Халималов Магомед	1933	Кудали	Гунибский
Хализов Магомедмирза	1910	Ириб	Чародинский
Хираев Идрисмагомед	1906	Тляррош	Чародинский
Хирамагомедов Гаджи	1922	Хучада	Шамильский
Хасбулатов Абдула	1893	Игали	Гумбетовский
Хасбулатова Меседо	1922	Дусрах	Чародинский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Краткий исторический очерк	7
Глава 2. Хозяйство	65
Земледелие	64
Садоводство и виноградарство	92
Скотоводство	97
Домашнее ремесло	114
Отходничество	124
Дороги, транспорт, торговля	125
Глава 3. Материальная культура	135
Поселения	135
Жилище	177
Одежда	211
Пища	233
Глава 4. Брак и семейный быт	255
Брак	255
Сватовство	278
Свадьба	290
Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка	314
Похоронные обычаи и обряды	327
Глава 5. Общественный быт	344
Управление	344
Тухум	363
Нормы общественного поведения	373
Гостеприимство	382
Взаимопомощь	388
Досуг	393
Заключение	401
Список сокращений	423
Список информаторов	425

Ахмед Исламмагомедович Исламмагомедов

АВАРЦЫ

Историко-этнографическое исследование
XVIII – нач. XX в.

Редактор *Н.И. Скорикова*

Технический редактор *Н.В. Эседуллаева*

Художник *А.А. Магомедалиева*

Сдано в набор 14.11.03. Подписано в печать 15.07.04.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бум. офсетная № 1. Гарнитура «Times».
Усл. п.л. 25,2+2,8 иллюстр. Печать офсетная.
Тираж 1000. Заказ № 24.

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
367030, Махачкала, ул. Ярагского, 75

ГУП «Типография Дагестанского научного центра РАН»
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10